

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

SCIENTIFIC JOURNAL

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2024. Том 49, № 4

НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право 2024. Том 49, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Нифонтова О.И., кандидат философских наук, старший преподаватель (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философских наук, профессор (Белградский университет, Сербия)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор Московского государственного института культуры (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции, профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Штопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Высшая школа экономики)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Гарнитурa Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 21,2. Дата выхода 30.12.2024. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 629 **Овсянников А.В., Ольхов П.А.** Развилки личной истории Сергея Булгакова: к марксизму
642 **Погорельская Е.Ю.** Ускользящее время: от Античности до Средневековья

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 652 **Вангородская С.А., Реутов Е.В.** Репродуктивное поведение жителей сельских территорий регионов Центрального Черноземья
669 **Гайдукова Г.Н., Конев И.В., Данакин Н.С.** Формирование механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Черноземья

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 686 **Берент К.А.** Священномученик Иоанн Восторгов о государстве и нравственности

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 695 **Анисимов А.П., Исакова Ю.И.** Правовое положение природных объектов в законодательстве России и зарубежных стран: субъективные права или правовой режим?
706 **Бабурин С.Н.** Солидарность и взаимопомощь как многовековая нравственная основа российского суверенитета
716 **Новикова А.Е., Грищенко Д.С.** Конституционная формализация языка в странах Восточной Европы

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 726 **Желнин А.И.** Коллективный интеллект: философская генеалогия концепта
736 **Мельникова Л.В., Селиванова Т.И.** Формирование национального самосознания в образовательной среде
745 **Синютин А.А., Волохова Е.В., Маслова Ю.В.** Роль патриотических ценностей в российском социокультурном пространстве
756 **Черняев А.В.** Этика искусственного интеллекта в России: суверенный vs глобалистский подход

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 769 **Нифонтова О.И., Почепцов С.С., Болгов Н.Н.** Размышления о Священном тексте архимандрита Евтихиана (Лестева)
779 **Римский А.В., Резник С.В., Рудавина Т.А.** Православие и глобализм: современные трансформации института семьи

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 792 **Назарова Ю.В.** Аксиология цифрового бессмертия

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 800 **Ткаченко С.А., Липич В.В.** Информационная деятельность Русской Православной Церкви в светских СМИ (по материалам церковных документов)
807 **Цибулина А.О.** Культурно-исторический контекст феномена отчуждения: от философских интерпретаций к эмпирическим исследованиям

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 816 **Кривуля Р.Е., Игнатов М.А.** Новые координаты в поле взаимодействия культуры и цивилизации. Рецензия на книгу: Исаев В.Д. Структура социума: взаимосвязи и взаимодействия его элементов по отношению к человеку (дайджест монографии). Луганск : Ноулидж, 2022. 40 с.
822 **Серкина Я.И., Тарабаева В.Б., Кисель А.А.** Социология образования: обретение нового качества? Рецензия на книгу: Социология образования : учебник для вузов / А.М. Осипов [и др.] ; под ред. А.М. Осипова. 3-е изд. перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. 393 с.

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law 2024. Volume 49, No. 4

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod National Research University "BelSU". Address of publisher: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of Law, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of Philosophy (Belgorod State National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod State National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of Sociology (Belgorod State National Research University)

Nifontova, O.I., Candidate of Philosophical Sciences,
Senior lecturer (NRU "BelSU")

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of Law, Professor (Belgorod State National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

Barkov, S.A., Doctor of Sociology, Professor (Moscow State University)

Vlasenko, N.A., Doctor of Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Gabov, A.V., Doctor of Law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of Philosophy, Professor
(Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of Sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of Philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva, E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko, A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of Philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Prokazina, N.V., Doctor of Sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Savchuk, V.V., Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg State University)

Sivkov, C.G., Doctor of Law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of Law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of Law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpoper, Doctor of Law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of Law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of Law, Professor (Higher School of Economics)

Yarychev, N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia (Kadyrov Chechen State University)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № Ф077-77840 от 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 21,2. Date of publishing 30.12.2024. Dummy layout has been prepared by Belgorod National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 629 **Ovsyannikov A.V., Olkhov P.A.** Turning Points in the Personal History of Sergei Bulgakov: To Marxism
642 **Pogorelskaia E.Yu.** Escaping Time: From Antiquity to the Middle Ages

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 652 **Vangorodskaya S.A., Reutov E.V.** Reproductive Behavior of Residents of Rural Areas of the Central Cherozhem Region
669 **Gaidukova G.N., Konev I.V., Danakin N.S.** Forming a Mechanism of Selective Influence on Socio-Demographic Determinants of Rural Development in the Cherozhem Region

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 686 **Berent K.A.** Hieromartyr Ioann Vostorgov on the State and Morality

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 695 **Anisimov A.P., Isakova Yu.I.** The Legal Status of Natural Objects in the Legislation of Russia and Foreign Countries: Subjective Rights or a Legal Regime?
706 **Baburin S.N.** Solidarity and Mutual Assistance as a Centuries-Old Moral Basis of Russian Sovereignty
716 **Novikova A.E., Grishchenko D.S.** Constitutional Formalization of Language in Eastern European Countries

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 726 **Zhelnin A.I.** Collective Intelligence: Philosophical Genealogy of the Concept
736 **Melnikova L.V., Selivanova T.I.** Formation of National Identity in the Educational Environment
745 **Sinyutin A.A., Volokhova E.V., Maslova Yu.V.** The Role of Patriotic Values in the Russian Socio-Cultural Space
756 **Chernyaev A.V.** Ethics of Artificial Intelligence in Russia: Sovereign vs Globalist Approach

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 769 **Nifontova O.I., Pocheptsov S.S., Bolgov N.N.** Reflections on the Sacred Text by Archimandrite Evtichian (Lestev)
779 **Rimsky A.V., Reznik S.V., Rudavina T.A.** Orthodoxy and Globalism: Modern Transformations of the Family Institution

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 792 **Nazarova Y.V.** Axiology of Digital Immortality

THESIS

- 800 **Tkachenko S.A., Lipich V.V.** Information Activities of the Russian Orthodox Church in Secular Media (Based on Church Documents)
807 **Tsibulina A.O.** The Cultural and Historical Context of the Alienation Phenomenon: from Philosophical Interpretations to Empirical Studies

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 816 **Krivulya R.E., Ignatov M.A.** New Coordinates in the Field of Interaction Between Culture and Civilization. Book review: Isaev V.D. *The Structure of Society: Interrelations and Interactions of Its Elements in Relation to a Person* (Digest of the Monograph). Lugansk : Knowledge, 2022. 40 p.
822 **Serkina Y.I., Tarabayeva V.B., Kisel A.A.** *Sociology of Education: Finding a New Quality?* Book Review: Sociology of Education: textbook for universities / A.M. Osipov [et al.]; edited by A.M. Osipov. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Yurayt, 2024. 393 p.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 1 (091); 101.1:316; 130.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-629-641

Развилки личной истории Сергея Булгакова: к марксизму

¹ Овсянников А.В., ² Ольхов П.А.

¹ Орловский государственный институт культуры,

Россия, г. Орёл, 302020, ул. Лескова, д. 15

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85

andreyorel@mail.ru

Аннотация. Фигура С.Н. Булгакова уже давно привлекает внимание историков русской мысли, однако ранний (марксистский) период его творчества находится на периферии исследовательского интереса. Авторы задаются вопросами о причинах такого положения, о месте, которое марксизм занимал в интеллектуальной биографии Булгакова, о специфике его восприятия русским мыслителем. В исследовании рассмотрены обстоятельства его обращения в марксизм, а также проанализированы его ранние экономические работы. Сделан вывод о том, что в этих работах в зачаточном виде присутствуют интеллектуальные тренды, которые получают развитие в более поздних текстах Булгакова, а их смысловое поле расположено в области общей социальной теории, на границе между экономической наукой, социологией, социальной философией и философской антропологией.

Ключевые слова: освободительное движение, ревизия марксизма, легальный марксизм, секулярная религия, социальная философия, философская антропология

Для цитирования: Овсянников А.В., Ольхов П.А. 2024. Развилки личной истории Сергея Булгакова: к марксизму. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 629–641. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-629-641

Turning Points in the Personal History of Sergei Bulgakov: To Marxism

¹ Andrey V. Ovsyannikov, ² Pavel A. Olkhov

¹ Oryol State Institute of Culture,

15 Leskov St, Oryol 302020, Russian Federation

² Belgorod State National Research University

85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

andreyorel@mail.ru

Abstract. The personality of S.N. Bulgakov and his works have long attracted the attention of researchers of Russian intellectual history, though the Marxist period of his biography does not arouse much interest. The authors attempt to find reasons for this situation and discuss the significance of Marxist ideas for Bulgakov and his perception of this theory. The study examines the circumstances of his conversion to Marxism and analyzes his early economic works. The research allows a conclusion that these works contain the beginnings of ideas that will be developed in

subsequent texts by Bulgakov, their topics are interdisciplinary, relate to social theory and cross the boundaries between economic science, sociology, social philosophy, and philosophical anthropology.

Keywords: liberation movement, revision of Marxism, legal Marxism, secular religion, social philosophy, philosophical anthropology

For citation: Ovsyannikov A.V., Olkhov P.A. 2024. Turning Points in the Personal History of Sergei Bulgakov: To Marxism. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 629–641 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-629-641

Введение

Фраза «от марксизма к идеализму» давно уже стала общим местом в работах по истории отечественной философии, превратилась в формулу, описывающую теоретическую, мировоззренческую и жизненную траекторию ряда российских интеллектуалов. Автор этой формулы, Сергей Булгаков, использовал ее для описания собственной жизненной коллизии.

Фигура С.Н. Булгакова (1871–1944) уже давно находится в фокусе внимания исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Однако внимание это распределяется крайне неравномерно. Так, тема «Булгаков и марксизм» оказалась на периферии исследовательского интереса. Марксистский период его биографии констатируется, но не подвергается сколько-нибудь глубокой исследовательской разработке [Зандер, 1948; Лосский, 1991; Зеньковский, 1999; Евлампиев, 2000]. И дело здесь не в недостаточном количестве источников, а, скорее, в исходной установке: тексты, созданные «поздним» Булгаковым, априори признаются более зрелыми, более совершенными в сравнении с теми, которые создавались на начальном этапе его творческой активности, а значит и более важными в деле интерпретации его идейного наследия, а сами поздние этапы жизненного пути оказываются мерилем, смотровой площадкой, с которой исследователь обзревает этот жизненный путь. Исследователь наблюдает за своим героем *из будущего*, уже зная все повороты и итог его биографии. Он *уже знает*, что экономист «левых» взглядов Сергей Николаевич Булгаков превратится в богослова и православного священника отца Сергия, основателя Свято-Сергиевского института в Париже, белоэмигранта и врага Советской власти. В данной системе координат ранние этапы жизни и творчества мыслителя маркируются как *всего лишь* подготовительные ступени – «проба пера», «плод ветреной юности», нечто временное и почти случайное, то, что было перечеркнуто дальнейшей жизнью и тем самым обесценилось. Показательна формула «временные марксисты» [Кареев, 1996, с. 226].

Нам представляется, что гораздо более продуктивной является оптика, в которой ранние и последующие этапы равноправны в глазах исследователя, в которой биографическая траектория не выводится из перспективы и не трактуется как нечто ею предопределенное. Такая оптика (с известными оговорками) допускает сослагательное наклонение применительно к интеллектуальной истории. В нашем случае это означает, что исход Булгакова из марксизма и разрыв с социал-демократией не был неизбежным и предрешенным, как не была предрешена его теологическая и клерикальная будущность. Мы предлагаем отказаться от трактовки марксистского этапа интеллектуальной биографии Булгакова как чего-то незрелого и предварительного. Вполне правомерна интерпретативная рамка, в которой его ранние работы прочитываются как комментарий к поздним этапам его творчества, тем более что вряд ли можно всерьез говорить о полной аннигиляции марксистского (шире – социалистического, «левого») сегмента «жизненного мира» Булгакова, несмотря на произошедшие в нём кардинальные сдвиги. Это тот самый случай, когда «бывших» не бывает.

Нам предстоит ответить на вопрос о месте, которое Маркс и марксизм занимали в интеллектуальной биографии Сергея Николаевича Булгакова. Какого рода марксизм он исповедовал? Чем он был для него? В качестве источниковой базы выступают тексты Булгакова, написанные и изданные в период с 1896 по 1900 год, а также посмертное издание его «Автобиографических заметок». Кроме того, особую значимость имеют социальные и культурно-исторические контексты, определившие специфику и общую направленность булгаковского дискурса указанного периода.

Посвящение в марксизм

У марксистского этапа биографии Сергея Булгакова, начало которого связано с его учебой в Московском университете в 1890–1894 годах, есть весьма примечательная предыстория. В его случае поступление в университет знаменовало не только выбор будущей профессии, но и разрыв с семейной традицией, с верой отцов и отцовским укладом жизни. Уроженец города Ливны, что в Орловской губернии, он был сыном местного священника («во мне течет левитская кровь шести поколений» [Булгаков, 1991, с. 34], напишет он впоследствии) и семинаристом-недоучкой. По окончании в 1884 году Ливенского духовного училища¹ Булгаков поступает в Орловскую духовную семинарию, которую, однако, оставляет в 1888 году по причине утраты религиозной веры. По его собственному признанию, в момент кризиса ему было 14 лет (то есть духовный перелом пришелся примерно на 1885 год) [Булгаков, 1991, с. 25, 34]. По прошествии многих лет, оценивая свой юношеский бунт против родителей крайне критично, как отступничество, Булгаков, тем не менее, напишет о том, что даже на Страшном Суде готов исповедовать «относительную и ограниченную, малую правду своего безбожия» [Булгаков, 1991, с. 25]. Что это значит? В чём состоит эта «малая правда»? По его мнению, искушения, «ереси» являются необходимыми условиями трагического (единственно достойного) пути спасения, «а от искушений не освобожден был праведный Иов и их не отрицался и сам Сын Божий, как Сын Человеческий» [Булгаков, 1991, с. 25].

В качестве основной причины своего атеизма Булгаков называет конфликт между высокими духовными запросами личности и религиозным официозом, «обывательством и порабощением духовным, которые изнутри проникали поры церковности», между «поэзией детства» и «прозой бурсачества и семинарии», между пробудившейся критической мыслью и «принудительным благочестием» [Булгаков, 1991, с. 26–27]. Юному максималисту разрыв с православием тогда казался единственным выходом из духовного тупика. Однако «малую правду» своего тогдашнего безбожия будущий религиозный философ и богослов усматривает не только в неконформизме, в готовности отстаивать свои принципы. В поздних интерпретациях перелома, случившегося в душе семинариста Сергея Булгакова, он придерживается расширительной трактовки религии и религиозности. Здесь атеизм оказывается своего рода *верой*, пусть и «слепотствующей», превращенной формой религиозного чувства. Именно так он оценивает свой духовный опыт [Булгаков, 1991, с. 25–26, 32]. В этой системе координат выбор марксизма лишь отчасти связан с его теоретическими достоинствами. В первую очередь – это выбор веры, которая могла бы стать альтернативой бездуховности, мещанству. В письме С.А. Венгеру (1913) мы находим следующее признание: «Увлечение социализмом, воспринятым как религия общности, сделало меня политикоэкономом, ибо политическая экономия (в марксизме) фактически для меня сделалась как бы богословием, как и для многих в наше время...» (цит. по: [Колеров, 2023, с. 22]).

При описании своего «падения» Булгаков особое внимание уделяет фактору социальной среды, а именно – интеллигенции. Ее роль в судьбе страны и самого автора двойится: с одной стороны, она – ложный кумир, «проклятие нашей родины», «искушение

¹ Ныне в здании училища располагается Лицей им. С.Н. Булгакова.

от нигилизма», «интеллигентщина». В то же время у интеллигенции есть и позитивное измерение (в этом случае Булгаков использует выражение «прогрессивная общественность»): причастность к ней позволяет сохранить «непримиримость к раболепству и порабощенности», «непримиримость ко всякому тоталитаризму», «верность началам свободы и хранения человеческого достоинства» [Булгаков, 1991, с. 27]. Если обращение в марксизм было обретением новой веры, то интеллигенция (не столько реальная, сколько воображаемая) была аналогом Церкви, общины верных, коллективного вместилища истины. В автобиографических экскурсах Булгакова мы имеем дело с одной из ранних версий концепции «секулярной религии».

Перед подающим надежды семинаристом стояла перспектива поступления в духовную академию, однако он выбирает светское образование. Булгаков продолжает обучение в Елецкой гимназии¹, успешное окончание которой позволило ему в 1890 году поступить в Московский университет. Выбор пал на юридический факультет, где он специализируется в области политической экономии, становится учеником А.И. Чупрова, авторитетного экономиста и статистика. Позже Булгаков будет объяснять свой выбор не естественной склонностью, а следованием чувству долга: «"Приносить пользу", служить человечеству, прогрессу, научной мысли, к которой всегда лежала моя душа. <...> В этом выборе я явился... жертвой интеллигентской стадности, пойдя вопреки собственному влечению. Меня влекла область филологии, философии, литературы, я же попал на чуждый мне юридический факультет в известном смысле для того, чтобы тем спасти отечество от царской тирании, конечно, идейно. А для этого надо было посвятить себя социальным наукам, как каторжник к тачке, привязав себя к политической экономии. <...> Я вступил в Университет с заранее определенным намерением – посвятить себя мне чуждой науке, и этот план я и исполнил...» [Булгаков, 1991, с. 35–36]. В изображении Булгакова поступление в университет, выбор факультета и научной специализации предстают как доходящее до экзальтации претворение в жизнь идеи социального служения, как своего рода жертвоприношение на алтарь народного блага.

Вероятнее всего, до поступления в университет Булгаков имел весьма смутное представление об учении К. Маркса. Судя по мемуарам, его юношеские взгляды представляли собой своеобразное стихийное народничество, не столько интеллектуальное, сколько эмоциональное неприятие царящей в обществе несправедливости [Булгаков, 1991, с. 14–15]. Этому стихийному правдоискательству еще только предстояло оформиться в систему убеждений, а в этом деле трудно переоценить роль социальной среды. Булгаков становится членом Елецкого землячества, которое выступило по отношению к неопиту в роли проводника в новую реальность – в мир радикального студенческого движения и марксистских кружков [Колеров, 2023, с. 22]. Другое судьбоносное знакомство – с семьей Водовозовых, известных в Москве интеллектуалов и просветителей «левого» толка – случилось в 1895 году, уже по окончании Булгаковым университета [Колеров, 2023, с. 24]. Николай Васильевич Водовозов – рано ушедший из жизни публицист, популяризатор экономической науки и социалистических идей, которому Булгаков посвятил проникновенный некролог [Булгаков, 2006д]. Его жена, Мария Ивановна Водовозова – книгоиздательница, которая первой в России начнет легально публиковать марксистскую литературу². Писательница Елена Ивановна Токмакова – родная сестра М.И. Водовозовой, впоследствии станет супругой Булгакова. Инкорпорации Булгакова в марксистскую среду способствовало также его участие в деятельности демократических общественных организаций (Московского юридического общества, Московского психологического общества, Комитета Грамотности и т.п.), существовавших легально, но фактически являвшихся центрами притяжения оппозиционной интеллигенции [Колеров, 2023, с. 25–26].

¹ В данный период Елец входил в состав Орловской губернии.

² Именно в издательстве М.И. Водовозовой выйдут первые книги С.Н. Булгакова («О рынках») и В.И. Ленина («Развитие капитализма в России»).

«Левый» поворот в биографии Булгакова протекал в специфических социально-исторических обстоятельствах. В 1890-е годы марксизм вступает в свой золотой век, который продлится вплоть до Первой мировой войны (эпоха II Интернационала) [Шацкий, 2018, с. 12–18; Kołakowski, 1989, s. 357–380]. Именно в это время из маргинального феномена он превращается едва ли не в мейнстрим, становится знаменем набирающей силу социал-демократии, проникает в академическую среду. Тогда многим на Западе и в России казалось, что марксизм «обладает бесконечным потенциалом для осуществления социального анализа и социальных перемен» [Евтухова, 2021, с. 55]. На те же годы пришлось и оживление российского освободительного движения, последовавшее после десятилетия «подморозки», осуществленной Александром III. В условиях возвращения моды на левые идеологии марксизм оказался одной из наиболее привлекательных альтернатив [Карпи, 2016]. Важным фактором популярности марксизма на российской почве явился также своеобразный германизм, бывший родовой чертой интеллектуальной жизни петербургского периода. Без учета этого обстоятельства мы не поймем того абсолютного доверия, того энтузиазма, с которыми российский читатель принимал немецкую интеллектуальную продукцию. Маркс (подобно Гегелю, Шеллингу, Шопенгауэру, Э. Гартману, Ницше, Канту, Маху) будет воспринят как наставник не только в деле мышления, но и в переустройстве самой жизни.

Еще одно важное обстоятельство – наметившееся в марксистской среде неформальное разделение на ортодоксов и ревизионистов. Призывы к творческому переосмыслению идейного наследия Маркса стали раздаваться вскоре после его кончины [Ойзерман, 2005]. Неоднозначную роль в этом процессе сыграл сооснователь учения и движения Ф. Энгельс, который, с одной стороны, позиционировал себя в качестве хранителя канона, но с другой – ратовал за пересмотр некоторых принципиальных положений исторического материализма. В первую очередь это относится к его заявлениям о том, что изменившиеся условия требуют отказаться от вооруженной борьбы в пользу легальной деятельности: «Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами... в значительной степени устарела. <...> Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. <...> Ирония всемирной истории ставит всё верх ногами. Мы, "революционеры", "ниспровергатели", мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [Энгельс, 1979а, с. 204, 208, 210]. Кроме того, Энгельс допускает чрезвычайно важные оговорки, касающиеся соотношения между базисом и надстройкой, «производством и воспроизводством самой жизни» и «духовным производством». Так, он оспаривает прямолинейные трактовки исторического материализма в духе экономического детерминизма, допуская относительную автономию духовной жизни по отношению к хозяйственному укладу и даже возможность обратного воздействия надстройки на базис [Энгельс, 1979б; Энгельс, 1979в; Энгельс, 1979г]. Таким образом, наиболее авторитетный марксист фактически санкционирует ревизию идейного наследия Маркса. Переосмысление осуществлялось по двум направлениям. В первую очередь предпринимались попытки приспособить общетеоретические и идеологические построения марксизма к конкретно-историческим реалиям. Другое направление представлено попытками дополнить учение Маркса идеями, заимствованными из иных, немарксистских источников.

Поначалу взгляды Булгакова-марксиста были вполне ортодоксальными, о чём свидетельствует его позиция в прениях о докладе Н.В. Водовозова «Учение Мальтуса о народонаселении» [Водовозов, 1907, с. 176–246], который прозвучал на заседании Московского юридического общества 20 ноября 1895 года. Он обвинил докладчика (к слову, своего будущего свояка) в ревизии учения Маркса, в частности в биологизаторстве. На возражение Водовозова («оппонент повторяет абстрактные

положения Маркса о ненаучности перенесения биологических законов в социологию, к сожалению, не прибавляя к этому положению ни одного нового слова и не подкрепляя его никакими доказательствами») Булгаков ответил следующим образом: «Указание на то, что оппонент не прибавил ничего нового к положению Маркса, вряд ли может быть обращено в упрек. Иногда отсутствие нового слова лучше, чем присутствие его» [Колеров, 2023, с. 25]. Весьма красноречивое свидетельство. Однако в скором времени Булгаков сам окажется в лагере ревизионистов.

Для корректной интерпретации идейных позиций Сергея Булгакова в указанный период потребуется обращение к феномену «легального марксизма», причастность к которому сказала и на проблемном поле его теоретических разработок, и на стиле его теоретизирования [Mendel, 1961; Kindersley, 1962; Kołakowski, 1989, s. 655–663; Ойзерман, 2005, с. 325–398; Валицкий, 2013, с. 463–468; Walicki, 2015, p. 678–691]. Использование этого выражения в исследовательской практике должна предварять оговорка принципиального характера: следует помнить о том, что, хотя со временем оно стало использоваться преимущественно нейтрально, первоначально, с подачи В.И. Ленина, оно имело явные негативные коннотации, обозначая неподлинную, искаженную версию марксизма [Ангарский, 1925; Ленин, 1973]. К числу «легальных марксистов», наряду с Булгаковым, относят Н.И. Зиберу (который стоит несколько особняком, так как вступил на этот путь намного раньше остальных, еще в 1880-е годы), П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, А.С. Изгоева. Все они занимались распространением марксистских идей на законных основаниях в условиях цензурных ограничений. В этом отношении они отличались от находившихся на нелегальном положении «революционных» марксистов. Обратной стороной легальности был отказ от радикальных заявлений и активное использование эзопова языка при обращении к актуальной российской повестке. «Легальные марксисты», хотя и находились в постоянном общении и даже время от времени инициировали совместные проекты, не были сколько-нибудь сплоченной группой; скорее наоборот, «их общение в основном сводилось к яростной полемике, в которой каждый из них отстаивал свои личные убеждения» [Евтухова, 2021, с. 54]. Таким образом, за выражением «легальный марксизм» стоит не столько консолидированное общественное движение, сколько идейная платформа.

Исследователь капиталистической экономики

В 1895–1896 годах Булгаков публикует несколько небольших работ, в основном рецензий, однако они вряд ли могут претендовать на сколько-нибудь весомый вклад в социальную теорию. Как самостоятельная фигура он заявляет о себе статьей «О закономерности социальных явлений», которая была опубликована в «Вопросах философии и психологии» (1896) и впоследствии вошла в сборник «От марксизма к идеализму» (1903) [Булгаков, 2006б]. Выше мы отмечали, что ревизия идейного наследия Маркса шла по двум направлениям; в булгаковских работах мы обнаруживаем присутствие обеих тенденций. В то время сам Булгаков был склонен объяснять необходимость ревизии преждевременной кончиной основателя исторического материализма и связанной с этой незавершенностью проекта: «Перо выпало из рук Маркса прежде, чем он успел закончить свое исследование законов эволюции капиталистического общества» [Булгаков, 2006а, с. 256]. Вместе с тем в незаконченности он видит знак принципиальной открытости марксизма и его «способности к дальнейшему развитию» [Булгаков, 2006а, с. 255].

В центре нашего внимания окажутся работы Булгакова, представляющие собой исследования специфики капиталистического уклада. (Теме ревизии мировоззренческих и общетеоретических оснований марксизма в булгаковских текстах мы планируем посвятить одну из наших будущих статей.) На рубеже XIX–XX веков вопросы о природе

капитализма и его издержках, о способах решения «социального вопроса» оказались в фокусе общественных дискуссий и научных исследований. Свой вариант ответа предложили российские народники. «Марксово описание жестокостей, сопровождавших первоначальное накопление капитала и индустриальную революцию, ужаснуло народников и утвердило их в убеждении, что цена, которую придется заплатить за капиталистический прогресс, слишком высока и все усилия должны быть направлены на то, чтобы Россия сумела избежать капитализма» [Валицкий, 2013, с. 433]. Формирование российского марксизма как системы идей и российской социал-демократии как движения происходило в полемике с интеллектуалами из народнического лагеря. Булгаков стал участником спора о рынках, одной из фокусных дискуссий «левой» интеллектуальной среды, являвшейся частью большой дискуссии о путях развития России. Обсуждался вопрос о необходимости внешних рынков для нормального функционирования капиталистической экономики. Именно этой теме посвящена первая книга Булгакова, вышедшая в 1897 году [Булгаков, 1897]. В ней он оппонирует В.П. Воронцову и Н.Ф. Даниэльсону, считавшим, что отсутствие у России внешних рынков является одной из важнейших причин, по которой здесь невозможно построение полноценного капитализма. В ходе проведенного исследования Булгаков пришел к противоположному выводу: «Капитализм может существовать, при известных условиях, исключительно внутренним рынком, нет внутренней необходимости, свойственной капиталистической форме производства, необходимости, в силу которой только внешний рынок может поглотить избытки капиталистического производства» [Булгаков, 1897, с. 3]. По его мнению, Россия относится к числу тех стран, которые, «благодаря богатству и разнообразию естественных производительных сил, могут обходиться без ввоза. В таких странах капитализм может развиваться на основе внутреннего, им самим создаваемого рынка» [Булгаков, 1897, с. 260].

Вероятнее всего, сам Булгаков в тот момент не осознавал всю опасность своего предположения для марксистской ортодоксии в ее российском изводе. «Как ни странно, уже в этой ранней работе, написанной... в таком несомненно марксистском ключе, Булгаков начал подкапываться под положения, на которых она основывалась. Если Булгаков был прав и в России богатые природные ресурсы и высокоразвитая внутренняя торговля могли стать основой для быстрого экономического роста, то под сомнение ставился целый ряд общепринятых истин, причем исповедуемых не только марксистами, но и русской интеллигенцией в целом. Прежде всего, была ли Россия действительно такой отсталой, как утверждали марксисты и народники? Неужели ее природные богатства, ее бескрайние и богатые имперские просторы, оживленные рынки и связывающие Восток и Запад торговые пути не могли стать очевидным преимуществом, компенсирующим явное отставание во внешней торговле и промышленном развитии?» [Евтухова, 2021, с. 59]. Критикуя народнических экономистов по частному поводу, *номинально* признавая неизбежность прохождения Россией капиталистической стадии развития, Булгаков *фактически* проводит мысль если не об «особом пути», то, по крайней мере, о существенных проблемах, возникающих при соединении претендующих на универсальность марксистских схем с российским эмпирическим материалом, и о вытекающей отсюда необходимости коррекции этих схем.

Эта тенденция получит развитие в статье «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия», опубликованной в 1899 году в журнале «Начало». Актуальность обращения к теме диктовалась не только теоретическим интересом, но и системными проблемами, обусловленными «догоняющим» характером развития капиталистической экономики в России. Особенно всколыхнули общественное мнение аграрный кризис и связанный с ним массовый голод 1891–1892 годов [Robbins, 1975; Simms, 1982a; Simms, 1982b]. Булгаков констатирует отсутствие теоретического объяснения капитализма в сельском хозяйстве с позиций исторического материализма: «...Здесь существует зияющая пустота, которую

жизнь и наука одинаково велят заполнить» [Булгаков, 2006а, с. 258]. В то же время механический перенос на аграрные феномены теоретических схем, использующихся при объяснении промышленного развития, недопустим. Отсутствие у Маркса внятной теории аграрного капитализма, а также присутствие в его работах «ошибочных представлений, навеянных впечатлением преходящего исторического момента и уже достаточно опровергнутых историей» [Булгаков, 2006а, с. 256], Булгаков объясняет следующим образом. Во-первых, Маркс застал «детство» и «молодость» аграрного капитализма, а не его «зрелый возраст», разница между которыми весьма существенна. Во-вторых, Маркс строит универсальные объяснительные модели почти исключительно на британском материале, в то время как «Англия, оказавшаяся в высшей степени пригодной для изучения менее сложной и более однообразной эволюции промышленности, была как раз наименее типичной страной для изучения аграрной эволюции...» [Булгаков, 2006а, с. 257]. По Булгакову, «для земледелия нет тех простых и однообразных типов, какие наблюдаются относительно обрабатывающей промышленности... Эволюция капиталистического земледелия в высокой степени индивидуальна». Поэтому «в лучшем случае Англия настолько же нетипична для капиталистического развития земледелия, как и всякая другая страна» [Булгаков, 2006а, с. 257]. В качестве третьей причины неудовлетворительного состояния Марксовой теории аграрного капитализма Булгаков называет скудость источниковой базы по данному вопросу, в частности официальной статистики [Булгаков, 2006а, с. 257].

Статья «О некоторых основных понятиях политэкономии» (1898) знаменовала участие Булгакова в полемике, развернувшейся после выхода третьего тома «Капитала». С одной стороны, автор стоит на страже трудовой теории ценности¹ в ее противостоянии меновой (коммерческой) теории: «...Трудовая теория ценности и связанная с ней теория прибавочной ценности... составляют *единственно возможное и совершенно необходимое* средство научного понимания экономических явлений. Поэтому *не-трудовые* теории ценности... не имеют никакого значения для экономической науки и как экономические теории совершенно несостоятельны» [Булгаков, 2006в, с. 203]. С другой стороны, Булгаков признает частичную правоту критиков Маркса, обнаруживших противоречие между некоторыми положениями первого и третьего томов «Капитала». Он соглашается с тем, что противоречие есть, но оговаривается, что это не *логическое* (что свидетельствовало бы о научной несостоятельности трудовой теории), а «лишь *фактическое* противоречие двух тенденций, одновременное и полное проявление которых несовместимо между собой» [Булгаков, 2006в, с. 253]. Маркса нельзя упрекать за то, что принятие его точки зрения позволяет обнаружить противоречивые тенденции *в самом обществе*. Согласно Булгакову, отмечаемое критиками Маркса противоречие является «счастливой особенностью» его учения. «Ибо "противоречие" есть гигантский указательный палец, показывающий, куда надо устремить главное внимание, в чём надо видеть главный смысл и особенности Марксова учения и как *не надо* его понимать. Если бы знаменитого "противоречия" не было в Марксовой системе, она выиграла бы не в логической стройности, а лишь в простоте и понятности» [Булгаков, 2006в, с. 253].

Двухтомник «Капитализм и земледелие» (1900) воспроизводит основные положения магистерской диссертации Булгакова, защита которой состоится в Московском университете годом позже. Для сбора материала (а работа написана исключительно на зарубежном материале) автор отправляется в поездку по Германии, Франции и Великобритании, которая продолжалась с января 1898 по апрель 1900 года. Выход книги и защита диссертации позволили восходящей звезде российской политэкономии получить должности экстраординарного профессора в Киевском политехническом институте

¹ В советское время немецкое слово Wert было принято переводить как «стоимость», в то время как в дореволюционный период оно чаще переводилось как «ценность». Отсюда «трудовая теория ценности», «прибавочная ценность» и т. п.

и приват-доцента в Университете Святого Владимира. Автор «Капитализма и земледелия» продолжает разработку всё той же темы – о возможности применения предложенных Марксом аналитических моделей в конкретных случаях. На примере этой книги мы наблюдаем, как баланс между апологией экономической доктрины марксизма и критикой, типичный для текстов «раннего» Булгакова, нарушается в пользу критики. Исследовательским кейсом, как явствует из названия, становится функционирование аграрной экономики в условиях капиталистической формации. В своих выводах Булгаков достаточно категоричен: диагноз Маркса обладает «относительной правотой» лишь применительно к промышленности, но не к земледелию. И даже применительно к промышленности он грешит упрощением и схематизацией [Булгаков, 1900, т. 2, с. 455]. Одной из причин указанных несовершенств является англоцентризм Марксовой оптики: его диагностика и прогностика основаны «на наблюдениях над развитием английского капитализма... эпохи английской супрематии, момента высшего развития товарного экспорта. Капиталистическое развитие всех прочих стран и связанные с ним изменения в мировом рынке – всё это пришло позже». По той же причине он «незаконно игнорировал зависимость Англии от других стран» [Булгаков, 1900, т. 2, с. 456–457]. Абсолютизация Марксом британского кейса не могла не привести к искажению общей картины развития капитализма.

В «Капитализме и земледелии» намечена еще одна линия, которая получит развитие в более поздних текстах Булгакова – критика историцизма. По его мнению, претензии исторического материализма на выдвижение долгосрочных прогнозов находятся в ряду «осмеянных историей близорукостей, какими были старинные попытки заглянуть в будущее». Ошибку Маркса Булгаков склонен объяснять в том числе «его переоценкой действительных способностей и значения социальной науки, границ социального познания. Он считал возможным мерить и предопределять будущее по прошлому и настоящему, между тем каждая эпоха приносит новые факты и новые силы исторического развития, – творчество истории не оскудевает. Поэтому всякий прогноз относительно будущего, основанный на данных настоящего, неизбежно является ошибочным. Строгий ученый берет здесь на себя роль пророка или прорицателя, оставляя твердую почву фактов» [Булгаков, 1900, т. 2, с. 457–458]. Ученый-обществовед должен сделать выбор между честным признанием собственной ограниченности и «социальным знахарством». Он должен сказать себе: «Завеса будущего непроницаема. Наше нынешнее солнце освещает лишь настоящее, бросая косвенный отблеск на прошлое. Этого достаточно для нас, для нашей жизни, для злорадия нашего дня и его интересов» [Булгаков, 1900, т. 2, с. 458].

Характеризуя «Капитализм и земледелие», исследователи отмечают «неудобочитаемость» и «перенасыщенность информацией», «неуверенную интонацию», «поразительно наивные высказывания» и ошибочность некоторых выводов [Евтухова, 2021, с. 60–61]. Далеко не все предположения Булгакова прошли проверку временем. Так, например, не подтвердились его гипотезы о возрастании значения внутренних рынков в сравнении с внешним по мере развития капитализма и о переориентации промышленно развитых стран на аграрное производство. Вместе с тем книга «Капитализм и земледелие» содержит ряд интересных положений, которые в дальнейшем станут фундаментом социальной философии Булгакова. В первую очередь это идея сущностного различия между индустриальным и аграрным производством. «Особенности почвы, основные характеристики которой определялись независимо от человеческого труда и способов ее обработки, и имеющая отдельную значимость метафизическая зависимость человека от природы – в отличие от промышленности, где он мог в полной мере чувствовать себя хозяином, – в конечном счете препятствовали полномасштабному действию законов усиления концентрации капитала» [Евтухова, 2021, с. 62]. По Булгакову, эта зависимость человека от природы наиболее последовательно проявлена в «законе убывающего плодородия почвы», действие которого он сравнивает с «иглом» [Булгаков, 1900, т. 2, с. 454].

Заслуживают внимания рассуждения Булгакова о крестьянине как о хозяйствующем субъекте. Он уличает Маркса в предвзятом отношении к крестьянству: Марксов аграрный дискурс представляет собой не холодный беспристрастный анализ, а обвинение в адрес огромной социальной общности. Обвинение в том, что самим фактом своего существования крестьянство ломает предложенные им схемы. «...Вместо того, чтобы подвергнуть специальному исследованию, как определяются цены продуктов мелких производителей при меновых сношениях с капиталистическими производителями и из этого анализа вывести учение и критику этой формы хозяйства, Маркс предпочитает проецировать на крестьянское хозяйство понятия капиталистического; в результате критика сводится к порицанию крестьянского хозяйства за то, что оно не таково как капиталистическое, причем не обращается внимания, что земледелие вовсе не составляет нормального случая капиталистического производства» [Булгаков, 1900, т. 1, с. 157]. Маркс явно недооценил живучесть крестьянина в условиях капиталистической экономики. «Маркс просто не брал в расчет независимого крестьянина-собственника, который работал на себя и не был ни эксплуататором, ни пролетарием. Он... рассматривал мелкие крестьянские хозяйства как пережиток прошлого и предвидел их окончательное отмирание. В модели Маркса независимым крестьянским товаропроизводителем не было места рядом с капиталистами, хотя и через 33 года после публикации "Капитала" Булгаков повсеместно наблюдал их существование» [Евтухова, 2021, с. 64]. По мнению М.А. Колерова, тезис о жизнеспособности мелкого крестьянского хозяйства «послужил формированию нового интеллектуального поколения русских народников (социалистов-революционеров), отказавшихся от апологии общины в пользу утверждения перспектив "трудовой крестьянской собственности" (что в 1917 году стало основой для большевистского Декрета о земле, который обеспечил большевикам поддержку крестьянства)». Кроме того, идеи Булгакова об устойчивости мелкой собственности в аграрном секторе экономики со временем стали мейнстримом среди марксистов Германии и Австрии [Колеров, 2023, с. 29].

Хотя приведенные выше работы Булгакова по формальным признакам могут быть отнесены к сфере ведения экономической науки, по своей сути поставленные в них вопросы и сделанные выводы выходят за дисциплинарные границы в междисциплинарное поле. К этому располагают и некоторые особенности исторического материализма как исследовательской парадигмы, к которому, со всеми оговорками, тяготеют ранние работы Булгакова. Автора интересует не экономика *сама по себе*, как нечто относительно автономное и изолированное, а система связей и отношений, соединяющих ее с неэкономическими подсистемами общества. Начиная с рассмотрения экономических *явлений*, он приходит к анализу *сущности* хозяйства и хозяйствования. Смысловое поле ранних булгаковских работ расположено в пограничье между политической экономией, социологией и социальной философией – в области общей социальной теории. И то, что Булгаков (подобно Марксу) присваивает экономическим отношениям роль социальной доминанты, не отменяет того факта, что в его изображении сама экономика предстает многоаспектной и поистине универсальной общественной практикой, точкой схождения различных социальных импульсов. В зачаточном виде здесь обнаруживаются интеллектуальные тренды, которые получают развитие в работах позднего Булгакова, прежде всего, в «Философии хозяйства». В частности, мы находим здесь подступы к экономической *антропологии*, обнаруживаем постановку вопроса о человеке как *хозяйствующем существе*.

Список литературы

- Ангарский Н. 1925. Легальный марксизм. Вып. 1 (1876–1897 гг.). М., Недра, 143 с.
Булгаков С.Н. 1991. Автобиографические заметки. Париж, YMCA-Press, 166 с.
Булгаков С.Н. 1900. Капитализм и земледелие. В 2 т. СПб., Тип. и лит. В.А. Тиханова, 338 с., 458 с.
Булгаков С.Н. 2006а. К вопросу о капиталистической эволюции земледелия. В кн.: С.Н. Булгаков От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 256–291.

- Булгаков С.Н. 2006б. О закономерности социальных явлений. В кн.: С.Н. Булгаков От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 383–415.
- Булгаков С.Н. 2006в. О некоторых основных понятиях политической экономии. В кн.: С.Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 200–255.
- Булгаков С.Н. 2006г. От автора. В кн.: Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 367–382.
- Булгаков С.Н. 2006д. Памяти Николая Васильевича Водовозова. В кн.: С.Н. Булгаков От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 94–95.
- Булгаков С.Н. 1897. О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд. М.: Тип. А.Г. Кольчугина, 260 с.
- Валицкий А. 2013. История русской мысли от просвещения до марксизма. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 480 с.
- Водовозов Н. 1907. Экономические этюды. СПб., Тип. товарищества «Общественная польза», 507 с.
- Евлампиев И.И. 2000. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. Часть II. СПб., Алетейя, 413 с.
- Евтухова Е. 2021. Серп и крест: Сергей Булгаков и судьбы русской религиозной философии (1890–1920). СПб., Academic Studies Press / Библиороссика, 400 с.
- Зандер Л.А. 1948. Бог и мир (Миросозерцание отца Сергия Булгакова). В 2 т. Т. 1. Париж, YMCA-Press, 479 с.
- Зеньковский В.В. 1999. История русской философии. В 2 т. Т. 2. Ростов-на-Дону, Феникс, 544 с.
- Кареев Н.И. 1996. Основы русской социологии. СПб., Изд-во Ивана Лимбаха, 368 с.
- Карпи Г. 2016. История русского марксизма. М., Common Place, 344 с.
- Колеров М.А. 2023. Революция и христианский социализм в России. С.Н. Булгаков в 1904–1907 гг. Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 256 с.
- Ленин В.И. 1973. Предисловие к сборнику «За 12 лет». В кн.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 16. М., Политиздат: 95–113.
- Лосский Н.О. 1991. История русской философии. М., Советский писатель, 480 с.
- Ойзерман Т.И. 2005. Оправдание ревизионизма. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 688 с.
- Шацкий Е. 2018. История социологической мысли. В 2 т. Т. 1. М., Новое литературное обозрение, 720 с.
- Энгельс Ф. 1979а. Введение к изданию 1895 года [работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М., Политиздат: 193–212.
- Энгельс Ф. 1979б. Энгельс – Йозефу Блоху, 21 [-22] сентября 1890 г. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., Политиздат: 537–540.
- Энгельс Ф. 1979в. Энгельс – Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., Политиздат: 534–536.
- Энгельс Ф. 1979г. Энгельс – Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., Политиздат: 540–546.
- Kindersley R. 1962. The First Russian Revisionists: A Study of "legal Marxism" in Russia. London and New York, Oxford University Press, 260 p.
- Kořakowski L. 1989. Głównie nurty marksizmu. Część I. Warszawa, Wydawnictwo "Krağ", Wydawnictwo "Pokolenie", 434 s.
- Mendel A.P. 1961. Dilemmas of Progress in Tsarist Russia: Legal Marxism and Legal Populism. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 310 p.
- Robbins R.G. 1975. Famine in Russia, 1891–1892. New York and London Columbia University Press, 259 p.
- Simms J.Y. 1982a. The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness, and Russia's "Agrarian Crisis". *Slavic Review*, 41(2): 236–250. DOI: <https://doi.org/10.2307/2496341>
- Simms J.Y. 1982b. The Economic Impact of the Russian Famine of 1891–92. *The Slavonic and East European Review*, 60(1): 63–74.
- Walicki A. 2015. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt am Main, Peter Lang, 876 p.

References

- Angarskij N. 1925. Legal Marxism. Issue 1 (1876–1897 gg.). Moscow, Publ. Nedra, 143 p. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 1991. Autobiographical notes. Paris, Publ. YMCA-Press, 166 p. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 1900. Capitalism and agriculture. Saint-Petersburg, Publ. Typography and lithography by V.A. Tikhonov, 338 p., 458 p. (In Russian).

- Bulgakov S.N. 2006a. On the question of the capitalist evolution of agriculture. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 256-291. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 2006b. On the regularity of social phenomena. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 383-415. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 2006c. On some basic concepts of political economy. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 200-255. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 1897. About markets in capitalist production. A theoretical study. Moscow, Printing house of A.G. Kolchugin, 260 p. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 2006d. From the author. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 367-382. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 2006e. In memory of Nikolai Vasilyevich Vodovozov. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 94-95. (In Russian).
- Valickij A. 2013. The History of Russian Thought from Enlightenment to Marxism. Moscow, Publ. Canon+, 480 p. (In Russian).
- Vodovozov N. 1907. Economic studies. Saint Petersburg, Printing house of the association "Public benefit", 507 p. (In Russian).
- Evlampiev I.I. 2000. Istorija ruskoj metafiziki v XIX-XX vekah. Russkaja filosofija v poiskah Absoljuta [History of Russian metaphysics in the 19th-20th centuries. Russian philosophy in search of the Absolute]. Chast' II. Saint Petersburg, Aletheia, 413 p.
- Evtuhova E. 2021. Serp i krest: Sergej Bulgakov i sud'by ruskoj religioznoj filosofii (1890-1920) [Sickle and Cross: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy (1890-1920)]. Saint Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika, 400 p.
- Zander L.A. 1948. Bog i mir (Mirosozercanie otca Sergija Bulgakova) [God and the World (The Worldview of Father Sergiy Bulgakov)]. In 2 volumes. Vol. 1. Paris, YMCA-Press, 479 p.
- Zen'kovskij V.V. 1999. Istorija ruskoj filosofii [The History of Russian Philosophy]. In 2 volumes. Vol. 2. Rostov-on-Don, Publ. Phoenix, 544 p.
- Kareev N.I. 1996. Osnovy ruskoj sociologii [The Basics of Russian Sociology]. Saint Petersburg, Ivan Limbach Publ., 368 p.
- Karpi G. 2016. Istorija ruskogo marksizma [The History of Russian Marxism]. Moscow, Common Place, 344 p.
- Kolerov M.A. 2023. Revoljucija i hristianskij socializm v Rossii. S.N. Bulgakov v 1904-1907 gg. [Revolution and Christian Socialism in Russia. S.N. Bulgakov in 1904-1907] Kaliningrad, IKBFU Publ., 256 p.
- Lenin V.I. 1973. Preface to the collection "For 12 years". In: The Complete Works. Vol. 16. Moscow, Publ. of Political Literature: 95-113. (In Russian).
- Losskij N.O. 1991. Istorija ruskoj filosofii [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Publ. "Soviet writer", 480 p.
- Ojzerman T.I. 2005. Opravdanie revizionizma [Justification of revisionism]. Moscow, Publ. "Canon+", 688 p. (In Russian).
- Shackij E. 2018. Istorija sociologicheskoy mysli [The history of sociological Thought]. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Publ. "The New Literary Review", 720 p. (In Russian).
- Jengel's F. 1979a. Introduction to the 1895 edition. In: Marks K., Jengel's F. Selected works. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow, Publ. of Political Literature: 193-212. (In Russian).
- Jengel's F. 1979b. Jengel's – Jozefu Blohu, 21 [-22] sentjabrja 1890 g. [Engels to Joseph Bloch, September 21 [-22], 1890] In: Marks K., Jengel's F. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. In 3 volumes. Vol. 3. Moscow, Publ. of Political Literature: 537-540.
- Jengel's F. 1979c. Jengel's – Konradu Shmidtu, 5 avgusta 1890 g. [Engels to Konrad Schmidt, August 5, 1890] In: Marks K., Jengel's F. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. In 3 volumes. Vol. 3. Moscow, Publ. of Political Literature: 534-536.
- Jengel's F. 1979d. Jengel's – Konradu Shmidtu, 27 oktjabrja 1890 g. [Engels to Konrad Schmidt, October 27, 1890]. In: Marks K., Jengel's F. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. In 3 volumes. Vol. 3. Moscow, Publ. of Political Literature: 540-546.
- Kindersley R. 1962. The First Russian Revisionists: A Study of "legal Marxism" in Russia. London and New York, Oxford University Press, 260 p.
- Kołakowski L. 1989. The main currents of Marxism. Part I. Warszawa, Wydawnictwo "Krag", Wydawnictwo "Generenie", 434 p. (In Polish).

- Mendel A.P. 1961. *Dilemmas of Progress in Tsarist Russia: Legal Marxism and Legal Populism*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 310 p.
- Robbins R.G. 1975. *Famine in Russia, 1891-1892*. New York and London Columbia University Press, 259 p.
- Simms J.Y. 1982a. The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness, and Russia's "Agrarian Crisis". In: *Slavic Review*, 41(2): 236-250. DOI:<https://doi.org/10.2307/2496341>
- Simms J.Y. 1982b. The Economic Impact of the Russian Famine of 1891-92. In: *The Slavonic and East European Review*, 60(1): 63-74.
- Walicki A. 2015. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 876 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.05.2024

Received May 20, 2024

Поступила после рецензирования 26.08.2024

Revised August 26, 2024

Принята к публикации 30.11.2024

Accepted November 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Овсянников Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Орловский государственный институт культуры, г. Орёл, Россия.

Andrey V. Ovsyannikov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Oryol State Institute of Culture, Oryol, Russia.

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 115

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-642-651

Ускользящее время: от Античности до Средневековья

Погорельская Е.Ю.

Гуманитарный университет

Россия, 620041, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3

schreibigus@mail.ru

Аннотация. Современная техническая цивилизация пронизана темпоральными отношениями и во многом стремится ими управлять. Понимание времени как особого ресурса, ставящего свои условия на пути реализации человеческих целей, побуждает обратиться к вопросу о связи времени и технического бытия как способа преодоления разнообразных барьеров и ограничений. Данная работа посвящена истокам философского отношения ко времени и появлению обоснования необходимости его исчисления. В работе используется структуралистский метод, позволяющий за конкретными философскими концепциями и техническими предметами увидеть их символическую связь и взаимную обусловленность. Исчисление времени становится первым этапом в решении вопроса освоения времени.

Ключевые слова: исчисление времени, амбивалентность времени, память, часы, техника, вечность, бессмертие

Для цитирования: Погорельская Е.Ю. 2024. Ускользящее время: от Античности до Средневековья. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(4): 642–651. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-642-651

Escaping Time: From Antiquity to the Middle Ages

Elena Yu. Pogorelskaia

Humanitarian University

3 Zheleznodorozhnikov St, Ekaterinburg 620041, Russian Federation

schreibigus@mail.ru

Abstract. Modern technical civilization is permeated with temporal relations and in many ways seeks to manage them. Understanding time as a special resource that sets its own conditions for the implementation of human goals prompts us to address the issue of the relationship between time and technical existence as a way to overcome various barriers and limitations. This work is devoted to the origins of the philosophical attitude to time and the emergence of a justification for the need to measure it. The work uses a structuralist method that reveals their symbolic connection and mutual conditionality behind specific philosophical concepts and technical subjects. Time measurement becomes the first stage in solving the problem of mastering time.

Keywords: time measurement, ambivalence of time, memory, clock, technology, eternity, immortality

For citation: Pogorelskaia E.Yu. 2024. Escaping Time: From Antiquity to the Middle Ages. *НОМОТНЕТІКА: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 642–651 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-642-651

Введение

Техника как деятельность существует со времен каменного века, но «философский концепт техники нельзя считать универсальным» [Хуэй, 2023, с. 27], – пишет Юк Хуэй, –

он возникает вместе с эллинистической мыслью и впоследствии будет наследоваться европейской философией. Это означает, что философский концепт техники обусловлен определенными онтологическими и эпистемологическими допущениями. Мы полагаем, что философский концепт техники связан с особым пониманием темпоральности и в целом с особым отношением к теме времени, начатой в античной и средневековой традиции.

Современная наука рассматривает природу как «рассчитываемую систему сил и взаимодействий и позволяет делать правильные утверждения, но как раз из-за этих успехов упрочится опасность того, что посреди правильного ускользает истинное» [Хайдеггер, 1993, с. 233], – предупреждает нас М. Хайдеггер. Цивилизация свернула с пути *techné*, обнаруженного античными философами и проявленного в нерушимой связи с трансцендентным [Погорельская, 2023], встав, согласно Хайдеггеру, на путь забвения бытия или «путь слепого», не способного осознать ни направления, ни цены самой дороги. Поэтому Хайдеггер считает, что миссия технической цивилизации покоится на риске, хотя внешне выглядит как рафинированный скрупулезный подсчет сил и ресурсов. За любым технически-организованным ресурсом так или иначе стоит вопрос о том, как в нем конвертируется время. Техническая онтология – ресурс-ориентированная онтология. Что делает в существе времени техника? Есть ли у времени особая миссия, что так интересует технику?

В исследовании используется структуралистский метод, предполагающий «реконструкцию объекта с одновременным выделением правил его функционирования» [Барт, 1989, с. 254]. Вслед за Ж. Делезом можно сказать, что мы ставим себе целью обнаружить «символический порядок» [Делез, 1999] связи времени и техники. Эта связь существует виртуально, или, как пишет Н.В. Бряник, «виртуально существующие структуры погружены во множественность конкретного» [Бряник, 2020, с. 83], тем самым предполагается не просто наличие концептуальных моделей времени, но конкретные технические предметы (часы, календари), которые «схватывают» время если не реально, то как его идеальный образ.

Амбивалентность времени в концепциях Античности

В античности сформировались две основные традиции во взгляде на время – это традиция, идущая от Платона и выделяющая во временных отношениях память, связывающую неподлинный мир с миром надлунным/подлинным; и традиция, идущая от Аристотеля, погружающая время в материальность, а точнее объединяющая время с принципиальной тенденцией к рассеянности, растрате, лишенности бытия. Обе традиции переплелись между собой, породив впоследствии феномены различного уровня, в том числе технические феномены. Время «оседает» и проявляет себя по-разному – здесь дело в амбивалентности временной вуали, пронизывающей бытие и отвечающей своими обрывками за его повороты.

1. Память: ориентация на вечное. В эллинистическом восприятии мира сложилось убеждение, что небеса, однажды сотворенные, в дальнейшем будут неизменными. Диалог Платона «Тимей» повествует о возникновении космоса, который был создан демиургом по «тождественному и неизменному образцу, постижимому с помощью рассудка и разума» [Платон, 1994, с. 433]. Но зримый телесный космос лишь воспроизводит первообраз, подобен ему; космос – «живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения» [Платон, 1994, с. 434]. Бог находится в вечности и, устраивая мир, создает подобие вечности – время. Платон по этому поводу говорит следующее: «он (Бог) замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устроив небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный ее образ, движущийся от числа к числу, который *мы назвали временем*» [Платон, 1994, с. 439]. Время, согласно Платону, можно рассматривать

как движущийся образ вечности, а известные модусы времени – прошлое, настоящее и будущее – подражание вечности. То есть вечность содержится в любом временном модусе в качестве его основания. Платон говорит, что «для того, чтобы время родилось из разума и мысли бога, возникли Солнце, Луна и пять других светил, именуемых планетами, дабы определять и блюсти числа времени» [Платон, 1994, с. 440], следовательно, звезды (и летающие, и неподвижные) назначены для организации временного порядка. «Мысля время соотнесенным с вечностью, Платон рассматривает его как категорию космическую: оно возникает вместе с космосом, явлено в движении небесных тел и подчиняется закону числа» [Гайденко, 2006, с. 25], – пишет П.П. Гайденко. Время может быть разрушено вместе с космосом, но этот вопрос находится в компетенции демиурга, однако, поскольку Бог благ, можно считать, что космос будет существовать всегда, следовательно, бесконечным является и рожденное когда-то время.

Астрономия в античности была обязательна для изучения, ведь «небесным узором надо пользоваться как пособием для изучения подлинного бытия» [Платон, 1994, с. 313], – наставляет платоновский Сократ. Греки пользовались картами звездного неба как для созерцания совершенного космоса, так и для осуществления навигации. Множество греческих полисов были связаны между собой морскими путями, также морем осуществлялась торговля с колониями и другими государствами. «Среда, которая подталкивала греков к интеллектуальному исследованию: торговля, мореплавание, пиратство, отличные от монотонной сельской жизни» [Драч, 2024, с. 13]. Греки были хорошими мореплавателями, они строили и военные корабли, и торговые суда. Но идеалом научной жизни было все-таки теоретическое познание мира. Понять, как устроен божественный космос – цель любого античного философа. Одной из античных космических загадок было время. Время истекало, но не прекращалось, длилось, и этот чудесный факт требовал внимательного отношения и объяснения. «Что же касается круговоротов прочих светил, то люди, за исключением немногих, не замечают их, не дают им имен и не измеряют их взаимных числовых отношений, так что, можно сказать, они и не догадываются, что эти необозримо многочисленные и несказанно многообразные блуждания также суть время» [Платон, 1994, с. 441], – пишет Платон в «Тимее». Небесное время движется по кругу, звезды – «орудия времени» [Платон, 1994, с. 444], на которых, как на колесницах, несутся по небосводу души, ангелы-хранители, как впоследствии скажут в Средневековье. Астрономию следует изучать так же, как и геометрию и музыку: все эти науки связаны с красотой и благом. Здесь Платон продолжает пифагорейскую традицию, соединяющую геометрию, космологию и музыку силами числовых отношений, а следовательно, силами, поддающимися измерению и пересчету.

Память, припоминание, рассматривается как свидетельство связи мира земного и мира вечного/надлунного. Показательно, что именно техническая процедура – построение треугольника и доказательство мальчиком-рабом теоремы Пифагора, позволяет Платону в диалоге «Менон» сделать вывод о врожденном знании геометрии у мальчика-раба. Припомнил – значит связал настоящее и вечное через активизацию памяти. Средство активизации – *techne* (мастерство) наводящих вопросов Сократа и построение треугольника (техническая процедура, осуществляемая по определенным требованиям) на песке. Юк Хуэй по этому поводу делает радикальный вывод: «Отношение между временем и геометрией/пространством является фундаментальным для западного концепта техники и ее дальнейшего развития в эффективные мнемотехнические системы» [Хуэй, 2023, с. 187], где память с ее потенциальной беспредельностью можно рассматривать как архивированную вечность. Память выносятся на объективный носитель – в случае с мальчиком-рабом, описываемым Платоном – на песок. Память как процесс объективируется, становится наглядной, с ней можно работать и по итогу

работы/размышления восстанавливать истину, воспроизводить ее. Обращаем внимание, что Сократ ничего не оставил в записях, но он оставил след в памяти своих учеников, которая, объективируясь, проявилась в их философских текстах.

Рассуждения о времени, идущие от Платона, подхватываются Августином Блаженным. Именно Августин настаивает на конструктивной формообразующей силе памяти, которая все расставляет на свои места, всему определяет цену, ведь память – по сути душа, ум. Память – это место связи человека с Богом, это тот путь, пуповина, которая соединяет человеческое существо с трансцендентным миром. Августин рассуждает следующим образом: «Внимание же мое сосредоточено на настоящем, через которое переплавляется будущее, чтобы стать прошлым. Чем дальше и дальше движется действие, тем короче становится ожидание и длительнее воспоминание, пока наконец ожидание не исчезнет вовсе: действие закончено; оно теперь все в памяти» [Августин, 2007, с. 356]. Время дается для восстановления образа Божьего, утерянного человечеством в результате грехопадения. Августин настаивает, что временные аспекты бытия связаны/коррелируют с вечностью.

Августин говорит: «В тебе, душа моя, я измеряю время» [Августин, 2007, с. 354]; время пронизывает внутренние состояния человека и внешние факты, проявленные в общем устройстве мира, а также деятельность человека в нем. Время нельзя упускать, оно не должно быть пустым или проведенным в суете и досужих разговорах. Хайдеггер в работе «Основные понятия метафизики» показывает, что ощущение пустого времени яснее всего в состоянии скуки: «Скучное – под этим подразумеваем: томительно тянущееся, бессодержательное; оно не возбуждает и не побуждает, ничего не дает, ему нечего сказать нам, оно никак не затрагивает нас» [Хайдеггер, 2013, с. 142]. Скучно то, что оставляет человека в пустоте. В состоянии скуки нам жалко потерянного времени, потраченного впустую.

Христианская жизнь требует наполненного времени – приоритет составляет духовная жизнь, которая в средневековых монастырях занимала от 7 до 12 часов, а следовательно, остальной труд, направленный на повседневное обеспечение жизни, необходимо рационализировать. Тяжелый труд не оставляет человеку сил для духовного подвига, поэтому развитие и применение технологий находит свое оправдание.

Память – дорога к Богу, надежда на «возвращение блудного сына» и надежда на спасение: «помяни меня, Господи, во Царствии твоём», – просит разбойник Христа, и Спаситель обещает: «истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (23:42, 43) [Библия, 2016, с. 230]. Время в таком понимании – портал в вечность.

Однако амбивалентность времени проявлена в понимании, что «дух бодр, плоть же немощна» (14:38) [Библия, 2016, с. 139], и такая ипостась времени рассмотрена в традиции, идущей от Аристотеля.

2. Время – манифестация лишенности, постоянная изменчивость. Аристотель в «Физике», рассматривая время, ставит вопрос радикально – а существует ли время вообще? «Одна часть его была, и ее уже нет, другая – будет, и ее еще нет; из этих частей складывается бесконечное время, и каждый раз выделяемый промежуток времени» [Аристотель, 1981, с. 145], – рассуждает Аристотель, но так как из несуществующего существующее появиться не может, то можно утверждать, что время существует, но не как некое самостоятельное бытие, а как *свойство* материальных движущихся вещей. Через процессы можно увидеть время. Время видимо в движении небесных сфер, в возникновении и уничтожении вещей, в перемещении. Видимость времени, связь времени с движением, позволяет ставить *вопрос об исчислении времени* – отсюда такое внимание к водяным, песочным и солнечным часам, картам звездного неба и, конечно, календарям. «Календарь как система счета времени по периодическим явлениям природы логически и психологически базируется на *технических и математико-астрономических процедурах* и лишь затем соотносится с другими проявлениями духовной культуры»

[Фролов, 1993, с. 35], – пишет Б.А. Фролов в работе «Происхождение календаря». Фролов имеет в виду, что календари есть у всех народов, но мы хотим обратить внимание на технический характер календарей, который позволяет время приводить в порядок. Любые календари привязаны к объективным фактам, а их целью является организация времени.

Технический предмет делает время заметным, исчисляемым. Например, водяные часы Ктесибия (клепсидра, III век до н. э.) использовались для отсчета времени для выступления ораторов в судах, время в таких часах «вытекало» капля за каплей из резервуара, что отражено в выражении «время истекло». Водяные часы Ктесибия «представляют особый интерес, поскольку в них использовался автоматический регулятор в виде поплавка, который поддерживал постоянный расход воды» [Пиковер, 2023, с. 19], – рассказывает Клиффорд Пиковер. Удивительно то, что клипсидры Ктесибия учитывали неравномерность течения времени в зависимости от времени года и соотношенным с этим временем суток.

Время связано с упрямой изменчивостью мира, связь эта для античных мыслителей, как и впоследствии для средневековых ученых, была загадкой, однако тот факт, что время связано с космическим порядком, с божественным порядком, был неоспорим. Время истекает, но не обрывается, и нет ему предела. Солнечные, песочные, водяные часы, разнообразные календари, карты звездного неба являются абстрактными моделями видимых процессов природы, унифицированными копиями конкретного повседневного опыта, а само время имеет отношение ко всему естественному, и «если предмет во времени, то он измеряется временем» [Аристотель, 1981, с. 153]», – считает Аристотель.

Если взять классическую аристотелевскую концепцию четырех начал, то время будет свойством начала материального; материя по своему бытию есть лишенность и в чистом виде не существует. Но эта особенность материального начала – лишенность бытия – воплощается в «ускользании» времени и в различных изменениях, происходящих с вещами, начиная с возникновения, через разнообразные природные и насильственные преобразования предметов и заканчивая разрушением вещи до первоэлементов.

Материи присуща способность к бесконечным трансформациям, время – это проявление лишенности, изменчивость, определяемая в числовых отношениях. И в каком-то отношении вещи подвергаются воздействию со стороны времени – как мы имеем обыкновение говорить: «точит время», «все стареет от времени», «все со временем забывается», но не говорим «научился от времени» или «сделался от времени молодым и красивым», ибо время само по себе скорее причина уничтожения: оно есть число движения, движение же лишает существующее того, что ему присуще. «Отсюда ясно, что вечные существа, поскольку они существуют вечно, не находятся во времени, так как они не объемлются временем и бытие их не измеряется временем; доказательством этому служит то, что они, не находясь во времени, не подвергаются воздействию со стороны времени» [Аристотель, 1981, с. 153]», – считает Аристотель, тем самым объясняя различный онтологический статус существующего. Например, Бог, который является космическим Умом и вечным двигателем всего во Вселенной, не находится во времени, и, хотя всякое движение и изменение сущего от Бога, сам двигатель неподвижен и является целью всего существующего. Вечный двигатель как благо возбуждает в сущем желание/стремление двигаться к лучшему месту, чем по сути является он сам. Небесные светила/звезды относятся к неизменным сущностям, находящимся в круговом движении. Звезды состоят не из огня, они созданы из эфира, а этого элемента в подлунном мире нет. Эфир – совершенная материя, обеспечивающая идеальное движение – круговое, и, следовательно, время для них бесконечно. Здесь Аристотель согласен с традицией, дошедшей, как он говорит, от пращуров, которые полагали, «что первое тело отлично от земли, огня, воздуха и воды, они назвали самое верхнее место "эфиром", произведя наименование, которое они ему установили от того, что оно всегда бежит в продолжение

бесконечного времени» [Аристотель, 1981, с. 272]. Время движения небесных сфер – образец космического порядка, который поддается счету, поэтому любое время на Земле должно соотноситься с Небесным временем.

Время есть мера существования вещей, поэтому к нему такое внимательное отношение: «В определенное время все возникает и гибнет, поэтому одни называли его мудрейшим, а пифагореец Парон, наоборот невежественнейшим, поскольку ясно, что со временем все забывается; и это правильнее. Ясно, что время само по себе скорее будет причиной уничтожения, чем возникновения, как и сказано раньше (ведь изменение само по себе есть выхождение из себя, а причиной возникновения и бытия – только по совпадению» [Аристотель, 1981, с. 155], – в этом рассуждении Аристотеля можно увидеть гипотезу о том, что время встроено в ткань природных процессов и имеет направленность. Впоследствии, в физике XIX века у Рудольфа Клаузиуса (1865 г.) появится понятие энтропии как меры беспорядка системы, и здесь можно провести аналогию, сказав, что время носит разрушающий, рассеивающий характер, если не поддерживается эманацией божественного участия в организации мирового порядка, преодолевающего материальную «тягу» к деградации.

Понимание времени часто выражается геометрическими моделями, например, время видится линией, имеющей направленность, или время представляют в образе двух взаимосвязанных конусов, точкой соединения которых является момент «теперь», а расширение конусов по разные стороны от единой точки рассматривается как горизонт возможных событий, на которые влияет ситуация, происходящая в точке «теперь». Поэтому принципиально то, что происходит в «теперь», от этого зависит любая конфигурация времен: современная квантовая физика и астрофизика имеют дело со временными переходами, расслоением, трансформациями и коллапсами времени.

Сущностная неопределенность времени в Средние века

В эпоху средневековья к исчислению времени относились очень внимательно. Средневековые ученые хотели понять замысел Бога о мире, но им в распоряжение досталась только книга природы, в которой господствуют временные отношения и порядки. Но как правильно рассчитывать время? В природе времени нет, непонятно начало дня – от какого часа его начинать? Связано ли начало дня с рассветом, с полднем, с первой звездой? Светлая часть суток летом гораздо больше темной, в летнее время больше работы, это касается прежде всего сельского хозяйства. Светлая и темная часть суток делились на 12 часов, и если это было время летнее, то часы светлые были длиннее часов ночных, темных, а зимой дело обстояло наоборот. Еще во времена Иисуса Христа суточные часы были неравными, равными часы стали после изобретения механических часов, после XIII века. Современные монастыри Афона до сих пор ориентируются на неравные часы суток как на более естественные.

В обеспеченных процветающих монастырях монахи просыпались по водяному будильнику, похожему на тот, что изобрели еще в античности. Вода вытекала из емкостей, и, когда поплавок достигал определенного уровня, система ударяла по колокольчику (*clossa* – лат. колокольчик), отсюда английское название *clock*, немецкое *die Glocke*, французское *cloche*. Исчисление времени было достаточно трудоемким, в монастырях небольшие промежутки времени измерялись «длительностью чтения молитв, псалмов и даже целых богослужений» [Фальк, 2023, с. 62]. Однако главным инструментом для исчисления времени в любое время года была астролябия. Это было мобильное устройство, которое носили в кожаных или матерчатых мешочках, прикрепленных к поясу сутаны. Астролябия предназначалась для определения суточного времени и даты. Конечно, для того, чтобы пользоваться астролябией требовалось хорошее знание астрономии, то есть необходимо было пройти квадривиум, включающий арифметику, астрономию, геометрию и музыку. Умение пользоваться астролябией было

свидетельством хорошего образования монаха. «Астролябия служила ключом к познанию Бога и самого себя. «Если природа – это книга, которая, подобно Священному Писанию, содержит ключ к пониманию Божественного замысла, если мировая сфера, как писал Сакробоско, это механизм, тогда в прихотливом движении небесной машины можно отыскать ключи к механизму творения – заглянуть в Божественный замысел» [Фальк, 2023, с. 180], – замечает С. Фальк, обращая внимание на символическое значение данного инструмента. Но интуитивная мысль, находящаяся в основе такого представления, следующая: мир – чудо, тайна. Время – ценность, время истекает необратимо. Но время не связывается с материальностью как таковой, душа нематериальна.

Ведущим в средневековых представлениях о времени была неопределенность *сущностная* при явном восприятии существования времени, то есть время ощутимо, но понятие времени сформировать сложно, оно ускользает, не укладывается в привычные дефиниции и категории вещей. Обращаем внимание, что для Фомы Аквинского сущность вещей ближе человеческому разуму для понимания, чем их существование. Фома пишет: «ведь я могу помыслить, что есть человек или феникс и, однако, не знать, имеют ли они бытие в природе вещей. Стало быть, ясно, что бытие есть нечто отличное от сущности, или чтойности, исключая, пожалуй, только один случай: можно представить, что существует вещь, чья чтойность есть само ее бытие, и такая вещь может быть только одной и притом только первой» [Фома Аквинский, 1988, с. 243], и здесь понятно, что вещь, соединяющая сущность и существование – это Бог. Бог, согласно Фоме, находится в вечности, но, он поддерживает своими энергиями *временное* существование вещей. В каждом моменте времени бытие вечности присутствует, поскольку активная жизненная сила вечности никогда не иссякает. «Всякая вещь действует в соответствии с тем, чем она является актуально; с другой стороны, действовать – значит обнаруживать свое бытие, поскольку оно актуально» [Жильсон, 1995, с.121], – комментирует Этьен Жильсон Фому Аквинского. Каждая вещь в своем *временном* бытии получает содействие Бога, поскольку иначе она просто не смогла бы существовать. Цепляться за вещи, связывать свою уверенность с наличием необходимых материальных вещей в христианском понимании в высшей степени наивно, поскольку вещи не имеют самодостаточного бытия и не могут быть опорой: «Не надейся, душа моя, на тленное богатство и на неправедное собрание, вся бо сия не веси, кому оставиши, но возопий: помилуй, мя, Христе Боже, недостойного» [Молитвослов, 2008, с. 88], – читаем мы в «Покаянном каноне ко Господу нашему Иисусу Христу». Время, растянутое в материи вещей, проходит «сквозь пальцы» как песок или вода, это демонстрировали первые часы особенностью своего субстрата.

Время как лишенность, как иное бытия, тем не менее проявляет себя достаточно красноречиво. Нечто заканчивает свое существование, когда истекает время. Время одного существования наслаивается на время бытия другого. Времена предметов сосуществуют, заинтересованный взгляд совмещает в едином моменте свет от дальней звезды и летящую птицу.

Кроме вечности и времени существует промежуточное состояние, называемое «веки веков», которое имеют бессмертные души человеческие и ангельские, которые, однако, сотворены, то есть имеют начало/границу во времени. «Веки веков отличаются и от времени и от вечности, занимая промежуточное положение. Иные толковали различие между ними следующим образом: вечность... не имеет ни начала, ни конца; веки веков имеют начало и не имеют конца; время же имеет и начало, и конец» [Фома Аквинский, 2002, с. 102], – пишет Фома Аквинский в «Сумме теологи». Интересно, что концепция «веки веков» может быть соотнесена с современным представлением о Вселенной: мир имеет начало во времени – 13,79 миллиардов лет, но при этом бесконечен и расширяется. И еще один психологический факт, замеченный Владимиром Набоковым, – человека интересует то, что будет «за гробом», но он абсолютно индифферентен к тому времени,

которое было до его рождения [Набоков, 1991]: возможно, что человек чувствует начало персонального времени, потенциально не имеющего конца. Такое ощущение времени вполне соотносимо с концепцией «во веки веков» Аквината.

Фомой Аквинским радикально поставлена проблема отсутствия видимого перехода из сущности в существование. «В сущности вещи нет признаков ее существования», – считает Фома, и только в Боге сущность и существование совпадают. Но промежуточное состояние человека, грань вечности и времени, обозначенная Фомой как «веки веков», указывает на то, что бессмертие человеческой души даровано по праву особого творения, по праву выделенной природы человека из общего тварного мира. Время – одна из основных загадок, стоящая перед человеком, который, как божественный ребенок, вправе притязать на бессмертие. Возникая во времени, или, как говорит Фома, «во веки веков», каждый человек создается с душой, задающей вопросы о связи вечности и личной жизни.

В эпоху Ренессанса происходит инверсия, поворот, внимание к длящемуся настоящему. Желание «остаться во времени» ведет к поставу [Хайдеггер, 1993]. Постав нацелен на капитализацию времени. Тем самым антропологическая задача защиты времени от рассеивания – удержание прошлого как настоящего, концентрированное время надежды на личное спасение – выносятся на материальные технические носители.

Рождается автоматическое время.

Любое записывающее устройство – рукопись, чертеж, схема, пластинка, фотография, фильм – это *память за пределами сознания*, время, запечатленное на материальном агенте.

Заключение

В античности сформировалось два представления о времени. От Платона идет традиция относиться ко времени как к подобию вечности, но важному подобию, поскольку во времени постепенно разворачивается замысел Бога о мире. Но если для самого Платона, память, воспоминание – это конструктивный путь перенесения/воспарения души в определенном моменте при определенных обстоятельствах в идеальный мир, то для средневековых адептов христианского мировоззрения временная человеческая жизнь есть усилие, вызванное надеждой на бессмертие личной души. Возникает запрос на концентрированное время, время наполненное, осмысленное. Традиция, идущая от Платона через Августина к Хайдеггеру, ориентирована на воспоминание, которое выносит человека к незабытому, к непотаенному, к открытости, к бытию. «Иными словами, в представлении о счастье непременно присутствует представление об избавлении... Прошлое несет в себе потайной указатель, отсылающий к избавлению» [Беньямин, 2022, с. 358], – именно так, по мнению Вальтера Беньямина, реализуется принцип людской надежды.

Согласно традиции, идущей от Аристотеля, время можно рассматривать как манифестацию материальной причины: через постоянные трансформации вещей, растянутые во времени, можно увидеть характер материи как лишенности бытия. Аристотель показывает природную склонность материальных вещей к распаду, к несамодостаточности существования. Время слепо к душе человека, оно охватывает только его телесность. Но душа не слепа ко времени, если может им управлять. «Предметной сферой ума, направленного на деятельность, может быть только будущее. Однако не всякое будущее, по Аристотелю, является предметом практических размышлений и решений, а только то, которое в отличие от неизбежных солнцеворотов и восходов может быть, но может и не быть, поскольку зависит от нас и не всегда бывает одинаково» [Болдыгин, 2020, с. 94], – пишет Г.В. Болдыгин о практическом отношении ко времени у Аристотеля. Практический ум понимает, что вечные законы природы позволяют добиваться своих целей в изменяющейся во времени материальной реальности. Практический ум будет заботиться о выборе средств (techne), позволяющих совладать с текущими состояниями бытия. Время всему отмеряет свой

срок. Именно время управляет поворотами, которые М. Фуко называет случайными мутациями. Нет ничего радикальнее поворота.

Обе этих тенденции сходятся в вопросе о необходимости исчисления времени, что напрямую предполагает создание разнообразных технических средств, которые бы делали время более-менее наглядным. И хотя календари и часы изобретаются разными культурами, но для культуры европейской вопрос об исчислении времени стал первым шагом, ведущим на путь освоения времени, завоевания времени.

Список источников

- Августин Блаженный. 2007. Исповедь. М., Изд-во Сретенского монастыря, 448с.
Аристотель. 1981. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М., Мысль, 613 с.
Библия. Новый Завет. 2016. М., Берлин, Директ-Медиа. 671 с.
Молитвослов. 2008. Харьков, Фолио, 2008. 222 с.
Набоков В.В. 1991. Рассказы. Воспоминания. М., Современник, 653 с.
Платон. 1994. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М., Мысль, 654 с.
Фома Аквинский. 1988. О сущем и сущности. В кн.: Историко-философский ежегодник'88. М., Наука: 230–252.
Фома Аквинский. 2002. Сумма теологии. Часть 1. Киев, Ника-Центр; М., Элькор-МК, 560 с.

Список литературы

- Барт Р. 1989. Структурализм как деятельность. В кн.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., Прогресс: 253–261.
Беньямин В. 2022. О понятии истории. В кн.: Сафронов В. Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма». М., V-A-C Press: 355–380.
Болдыгин Г.В. 2020. О культе теоретического знания и его оправдания (К истории вопроса). *Вестник Гуманитарного университета*, 1(28): 78–96
Брянник Н.В. 2020. Концепция структурного закона и методология структурализма в неклассической науке. *Вопросы философии*, 1: 74–84.
Гайденко П.П. 2006. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., Прогресс-Традиция, 464 с.
Делез Ж. 1999. По каким критериям узнают структурализм? В кн.: Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб, Алетейя: 133–175.
Драч Г.В. 2024. Об античном полисе и проблемах происхождения науки и философии: перечитывая Петрова. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 49(1): 5–16. DOI: [10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16)
Жильсон Э. 1995. Философ и теология. М., Гнозис, 195 с.
Пиковер К. 2023. Искусственный интеллект. М., Синдбад, 224 с.
Погорельская Е.Ю. 2023. Учение о techne в рассуждениях Платона. *Вестник Гуманитарного университета*, 3(42): 134–141. DOI: [10.35853/vestnik.gu.2023.3\(42\).12](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).12)
Фальк С. 2023. Светлые века: Путешествие в мир средневековой науки. М., Альпина нон-фикшн, 440 с.
Фролов Б.А. 1993. Происхождение календаря В кн.: Календарь в культуре народов мира. Сборник статей. М., Наука, Восточная литература, 272 с.
Хайдеггер М. 1993. Время и бытие: Статьи и выступления. М., Республика, 447 с.
Хайдеггер М. 2013. Основные понятия метафизики. СПб, Владимир Даль, 592 с.
Хуэй Ю. 2023. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике. М., Ад Маргинем Пресс, 320 с.

References

- Bart R. 1989. Strukturalizm kak deyatel'nost' [Structuralism as an activity]. In.: Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Publ. Progress: 253–261.
Ben'yamin V. 2022. O ponyatii istorii [On the concept of history]. In: Safronov V. Polozhenie mertvykh. Revizionistskaya istoriya «russkogo kosmizma» [The State of the Dead: A Revisionist History of "Russian Cosmism"]. Moscow, Publ. V-A-C Press: 355–380.

- Boldygin G.V. 2020. O kul'te teoreticheskogo znaniya i ego opravdaniya (K istorii voprosa) [On the cult of theoretical knowledge and its justification (Towards the history of the issue)]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 1(28): 78–96
- Bryanik N.V. 2020. Kontsepsiya strukturnogo zakona i metodologiya strukturalizma v neklassicheskoi nauke [The concept of structural law and the methodology of structuralism in non-classical science]. *Voprosy filosofii*, 1: 74–84.
- Gaidenko P.P. 2006. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke [Time. Duration. Eternity. The Problem of Time in European Philosophy and Science]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya, 464p.
- Delez Zh. 1999. Po kakim kriteriyam uznayut strukturalizm? [By what criteria is structuralism recognized?]. In: Delez Zh. Marsel' Prust i znaki [Marcel Proust and Signs]. Saint Petersburg, Publ. Aleteiya: 133–175.
- Drach G.V. 2024. Ob antichnom polise i problemakh proiskhozhdeniya nauki i filosofii: perechityvaya Petrova [On the ancient polis and the problems of the origin of science and philosophy: rereading Petrov]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 49(1): 5–16. DOI: [10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16)
- Zhil'son E. 1995. Filosof i teologiya [Philosopher and theology]. Moscow, Publ. Gnozis, 195 p.
- Pikover K. 2023. Iskusstvennyi intellect [Artificial intelligence]. Moscow, Publ. Sindbad, 224 p.
- Pogorel'skaya E.Yu. 2023. The doctrine of techne in Plato's reasoning. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 3(42): 134–141 (in Russian). DOI: [10.35853/vestnik.gu.2023.3\(42\).12](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).12)
- Fal'k S. 2023. Svetlye veka: Puteshestvie v mir srednevekovoi nauki [Light Ages: A Journey into the World of Medieval Science]. Moscow, Publ. Al'pina non-fikshn, 440 p.
- Frolov B.A. 1993. Proiskhozhdenie kalendar'ya [Origin of the calendar]. In: Kalendar' v kul'ture narodov mira. Sbornik statei [Calendar in the culture of the peoples of the world. Collection of articles.]. Moscow, Publ. Nauka; Publ. Vostochnaya literatura, 272 p.
- Khaidegger M. 1993. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Publ. Respublika, 447 p.
- Khaidegger M. 2013. Osnovnye ponyatiya metafiziki [Basic concepts of metaphysics]. Saint Petersburg, Publ. Vladimir Dal', 592 p.
- Khuei Yu. 2023. Vopros o tekhnike v Kitae. Esse o kosmotekhnike [Question of Technology in China. Essay on Cosmotekhnics]. Moscow, Publ. Ad Marginem Press, 320 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.04.2024

Received April 22, 2024

Поступила после рецензирования 10.07.2024

Revised July 10, 2024

Принята к публикации 30.11.2024

Accepted November 30, 2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Погорельская Елена Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, Россия.

Elena Yu. Pogorelskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Humanitarian University, Ekaterinburg, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 314.335.044

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-652-668

Репродуктивное поведение жителей сельских территорий регионов Центрального Черноземья

Вангородская С.А. , Реутов Е.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
vangorodskaya@bsuedu.ru, reutovevg@mail.ru

Аннотация. Проблемы воспроизводства сельского населения территорий Центрального Черноземья, испытывающего на себе воздействие сложных социально-экономических и геополитических факторов, обусловлены нахождением большинства сельских территорий в зоне депопуляционного риска, связанного как с естественной убылью, так и с оттоком населения в городскую местность. Повышенного внимания со стороны ученых и практиков требует проблема низкой рождаемости, в значительной степени детерминированная сложившимися в обществе моделями репродуктивного поведения. В качестве цели исследования выступает изучение основных компонентов и тенденций репродуктивного поведения сельских жителей регионов Центрального Черноземья. Исследование проводилось на основе анализа материалов официальной статистики, результатов массового (2021, N = 1000) и экспертного (ноябрь 2023, N = 30) опросов, а также данных фокус-групповых интервью жителей Белгородской области (июнь – июль 2024 года, N = 26). В работе представлен анализ динамики численности сельского населения территорий Центрального Черноземья в целом и показателей рождаемости в частности, выделены основные компоненты репродуктивного поведения (уровень деторождения, нормативная (желаемая) детность, факторы, влияющие на принятие решения о деторождении, институциональные регуляторы), а также ключевые тенденции репродуктивного поведения населения сельских территорий Центрального Черноземья. Полученные результаты могут служить основанием для проведения дальнейших исследований, направленных на изучение специфики репродуктивного поведения населения российских регионов и разработки на этой основе практических рекомендаций по повышению устойчивости демографического развития сельских территорий Центрального Черноземья.

Ключевые слова: динамика численности населения, социально-демографический потенциал, сельские территории, Центральное Черноземье, сельское население, уровень рождаемости, репродуктивное поведение, депопуляционные риски

Финансирование: исследование проведено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2023-0006 «Регулирование демографического поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района как основной механизм социального воспроизводства в условиях депопуляции».

Для цитирования: Вангородская С.А., Реутов Е.В. 2024. Репродуктивное поведение жителей сельских территорий регионов Центрального Черноземья. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(4): 652–668. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-652-668

Reproductive Behavior of Residents of Rural Areas of the Central Chernozem Region

Svetlana A. Vangorodskaya , Yevgeny V. Reutov

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
vangorodskaya@bsuedu.ru, reutovevg@mail.ru

Abstract. The problems of reproduction of the rural population of the territories of the Central Chernozem region, which is affected by complex socio-economic and geopolitical factors, are due to the presence of most rural territories in the zone of depopulation risk associated with both natural decline and outflow of population to urban areas. The problem of low fertility, largely determined by the prevailing patterns of reproductive behavior in society, requires increased attention from scientists and practitioners. The purpose of the study is to study the main components and trends of reproductive behavior of rural residents of the Central Chernozem region. The study was conducted on the basis of an analysis of official statistics materials, the results of mass (2021, N = 1000) and expert (November 2023, N = 30) surveys, as well as data from focus group interviews of residents of the Belgorod region (June – July 2024, N = 26). The paper presents an analysis of the dynamics of the rural population of the territories of the Central Chernozem region in general and fertility rates in particular, highlights the main components of reproductive behavior (such as the level of childbearing, normative (desired) childbearing, factors influencing the decision on childbearing, institutional regulators), as well as key trends in reproductive behavior of the population of rural territories of the Central Chernozem region. The results obtained can serve as a basis for further research aimed at studying the specifics of reproductive behavior of the population of Russian regions and developing practical recommendations on this basis to increase the sustainability of demographic development of rural areas of the Central Chernozem region.

Keywords: population dynamics, socio-demographic potential, rural areas, Central Chernozem region, rural population, birth rate, reproductive behavior, depopulation risks

Funding: The study was conducted within the framework of the draft State Task FZWG-2023-0006 «Regulation of demographic behavior of the population of rural areas of the Central Chernozem economic region as the main mechanism of social reproduction in conditions of depopulation»

For citation: Vangorodskaya S.A., Reutov E.V. 2024. Reproductive Behavior of Residents of Rural Areas of the Central Chernozem Region. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 652–668 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-652-668

Введение

Сложная демографическая ситуация, в которой российское общество находится последние десятилетия, обуславливает актуальность обращения к различным аспектам воспроизводства населения. Три ключевых фактора – рождаемость, смертность и миграция – одинаково или в разной степени (в зависимости от конкретной обстановки) могут быть важны для простого или расширенного воспроизводства населения. Однако рождаемость все же является ключевым из них, особенно если речь идет об устойчивом демографическом развитии – с естественным восполнением трудовых ресурсов, необходимых экономике общества, и одновременно без формирования очагов социальной напряженности, вызываемой интенсивными миграционными процессами.

Помимо объективных индикаторов, выраженных в различных показателях и фиксируемых официальной статистикой, для диагностики и прогнозирования рождаемости на сельских территориях огромное значение имеют субъективные индикаторы – прежде всего репродуктивное поведение населения (включая готовность к рождению и воспитанию детей), а также условия естественного воспроизводства и эффективность государственной демографической политики.

Вопросы, связанные с изучением различных аспектов воспроизводства населения в целом и репродуктивного поведения в частности, в последние годы неизменно находятся в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Так, теоретико-методологические и эмпирические аспекты репродуктивного поведения рассматриваются в работах В.А. Борисова [1976], А.И. Антонова [1980], А.Г. Вишневого [1982], К.В. Wachter, R.A. Bulatao [2003], S. Gustafsson [2005], В.Н. Архангельского [2013], О.Н. Калачиковой и А.А. Шабуновой [2015], О.А. Козловой и О.О. Секички-Павленко [2020], Н.Е. Русановой и А.А. Ожигановой [2022], В.Н. Архангельского, И.В. Богдан, О.Н. Калачиковой, Д.П. Чистяковой [2023]. Исследования Н.В. Проказиной [2019], В.В. Канищева, А.В. Окатова, Д.В. Светлакова, И.А. Слеткова [2019], О.Г. Атаева, В.С. Ступака, С.П. Пахомова [2023] посвящены изучению динамики и специфических особенностей репродуктивного поведения населения отдельных регионов Центрального Черноземья.

В рамках нашего исследования особый интерес представляют также научные изыскания Т.В. Блиновой и А.А. Вяльшиной [2012], И.А. Бегининой и Т.А. Калугиной [2015], направленные на осмысление различных аспектов репродуктивного поведения сельского населения.

Несмотря на постоянный интерес научного сообщества, ряд аспектов воспроизводства сельского населения по-прежнему требует дополнительных теоретических и эмпирических исследований. Особенно актуальным представляется изучение специфики репродуктивного поведения жителей приграничных регионов Центрального Черноземья, испытывающих на себе воздействие не только сложных социально-экономических, но и геополитических факторов.

В качестве цели исследования выступает определение основных компонентов и тенденций репродуктивного поведения сельских жителей регионов Центрального Черноземья, относящихся к территориям повышенного депопуляционного риска.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает население сельских территорий Центрального Черноземья, предметом – показатели рождаемости, а также установки населения в отношении рождения детей.

В качестве методов исследования использовался анализ данных официальной статистики, отражающих динамику показателей рождаемости сельского населения регионов Центрального Черноземья. Социологический анализ репродуктивного поведения основан на проведенной с участием авторов в 2021 году диагностике социально-демографического потенциала развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района (массовый опрос N = 1000), дополненной результатами экспертного опроса, проведенного в ноябре 2023 года (N = 30), а также данными фокус-групповых интервью жителей Белгородской области (июнь – июль 2024 года, N = 26).

Результаты исследования и обсуждение

Большинство сельских территорий России находятся в зоне депопуляционного риска, связанного, как и в стране в целом, с естественной убылью населения [Социально-демографические детерминанты..., 2023]. Для многих сельских территорий свойствен также отток населения в городскую местность. Тем не менее численность сельского населения России в последние пять лет остается достаточно стабильной – как за счет миграции, частично компенсирующей естественную убыль населения, так и из-за более высокого уровня рождаемости в ряде регионов России. Более того, в последние годы снижение численности сельского населения было даже приостановлено (рис. 1) ¹.

¹ Росстат / Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=Численность+и+миграция+населения> (дата обращения: 28.09.2024).

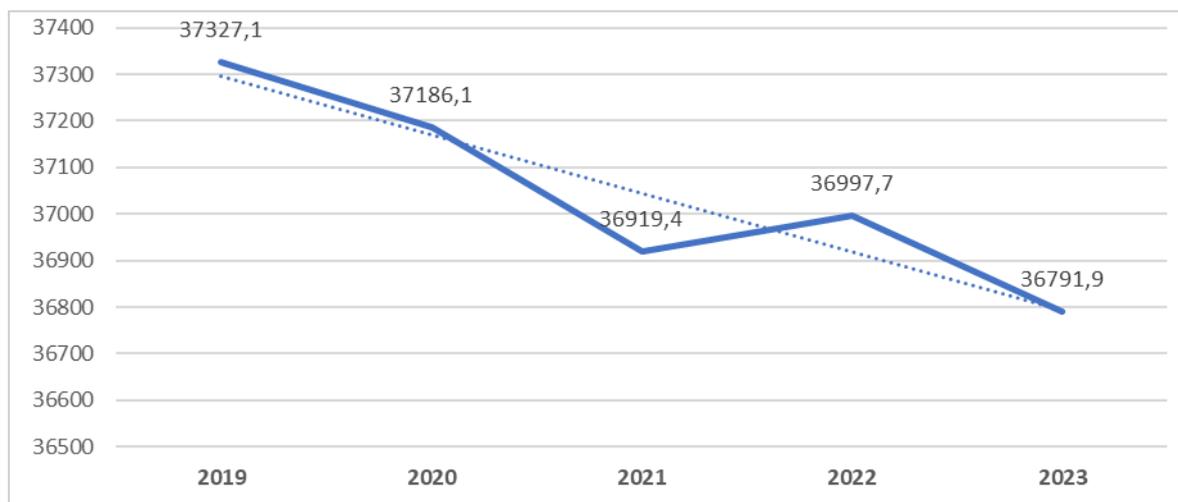

Рис. 1. Численность сельского населения Российской Федерации, тыс. чел.

Fig. 1. The number of rural population of the Russian Federation, thousand people

Можно предположить, что данная динамика была связана с частичной дезурбанизацией – оттоком городского населения в сельскую (или квази-сельскую местность), стимулированной пандемией COVID-19, а также с мерами государственной политики, направленной на социальное развитие села. Это нашло отражение в ответах участников фокус-групповых интервью – жителей Белгородской области (N = 26):

«У нас в области села хорошо развиты. Люди обеспечены работой. Специалистов тоже привлекают для работы в селах, направляют их туда, дают «подъемные», обеспечивают и прочее. Даже иностранцы туда едут... Сельские ипотеки опять же...» (муж., 34 года, IT-специалист).

«А школы какие! Иногда больше и лучше, чем в городе. Приезжаешь в село, а там школа – новая с бассейном...» (жен., 46 лет, педагог-логопед).

«Да, и инфраструктура там получше, чем в некоторых областях. Я, когда бываю там, вижу и бассейны и спортивные площадки» (муж., 57 лет, водитель).

«И с точки зрения здоровья в селах тоже все неплохо. У нас же сейчас ФАПы активно развиваются, районные больницы, лабораторная диагностика, функциональная тоже... Все это сейчас на довольно высоком уровне и дальше, думаю, будет еще лучше...» (муж., 34 года, IT-специалист).

«Плюс еще выездные бригады отличные. По селам ездят, по ОМС проводят обследования, все оформляют» (жен., 46 лет, педагог-логопед).

Безусловно, сельские территории регионов России крайне неоднородны – они отличаются географическим положением и природно-климатическими условиями, уровнем социально-экономического развития, социокультурной составляющей. Анализ демографических тенденций развития сельских территорий юга Центральной России, представленный в работе В. Канищева и К. Кунавина, позволил авторам сделать вывод о неуклонном снижении за последние 20 лет численности сельского населения в 10 из 11 взятых для анализа областей [Канищев и др., 2020, с. 32].

Что касается регионов Центрального Черноземья, то за последние пять лет в них прослеживаются различные тенденции динамики численности сельского населения – от снижения в Воронежской, Курской и Тамбовской областях до достаточно заметного, хотя и неравномерного по годам роста в Белгородской и Липецкой, пик которого пришелся на 2020 год в Белгородской и на 2021 год в Липецкой области (табл. 1) ¹.

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году (Статистический бюллетень). М., 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 04.09.2024; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году (Статистический бюллетень). М.,

Таблица 1
 Table 1

Численность сельского населения регионов
 Центрально-Чернозёмного экономического района на 1 января года, чел.
 The number of rural population of the regions
 of the Central Chernozem economic region as of January 1, people

Область	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Белгородская	503626	503633	535370	533118	524711	520,4
Воронежская	749215	744790	738562	725117	719529	716808
Курская	352122	347544	343740	339962	336265	331395
Липецкая	405763	402963	399149	420593	416900	414607
Тамбовская	394977	388731	382519	389524	382990	377,8

При этом где-то ситуация выглядит достаточно неплохо, а где-то процессы депопуляции более очевидны:

«...такая ситуация тоже не во всех селах. Это если там есть какое-то предприятие, свинокомплекс, например, или что-то подобное. А если нет, то села загнивают ...» (муж., 46 лет, продавец-консультант)

Следует отметить, что в относительную стабильность или даже рост численности сельского населения регионов Центрального Черноземья значительный вклад внес миграционный приток, более заметный в регионах с действующими и эффективными механизмами стимулирования индивидуального жилищного строительства (как в Белгородской области), что, однако, не отменяет вклада миграции в последующий рост рождаемости на сельских территориях.

Обобщая ряд трактовок ведущих российских демографов, О.Н. Калачикова и А.А. Шабунова определяют репродуктивное поведение как «систему действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей или отказ от деторождения, регулирующийся биологическими, экономическими, психологическими и социальными факторами» [Калачикова, Шабунова, 2015, с. 5].

Соответственно, при анализе репродуктивного поведения жителей сельских территорий необходимо обращать внимание на следующие компоненты:

1. Уровень деторождения и отказов от деторождения, а также контроль деторождения (в том числе методами контрацепции или аборта).

2. Нормативная (желаемая) детность – как с учетом существующих социально-экономических и иных ограничений, так и вне их (основана на социологическом мониторинге).

3. Факторы, влияющие на принятие решения о деторождении/отказе от деторождения, среди которых следует выделять отдельно субъективные (персональные установки, мотивацию, выраженные в стремлении иметь детей или отказе от этого,

2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 04.09.2024); Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году (Статистический бюллетень). М., 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 04.09.2024); Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (Статистический бюллетень). М., 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 04.09.2024); Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году (Статистический бюллетень). М., 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 04.09.2024).

в желаемом количестве детей) и объективные. Объективные факторы, в свою очередь, подразделяются на три группы:

1) *макросоциальные (национальные)* – государственная социальная и демографическая политика в сфере поддержки материнства и детства, эффективность институтов и учреждений, осуществляющих оказание услуг населению в сферах здравоохранения, дошкольного, общего и дополнительного образования, социальной защиты, характер базовых ценностей, в том числе семейных, состояние института семьи, состояние здоровья и уровень заболеваемости населения, гендерная и возрастная структура населения, состояние экономики, в том числе рынка труда, занятости и доходов населения, уровень социально-политической стабильности, стрессогенность социальной ситуации и пр.;

2) *мезосоциальные*, действующие на уровне муниципалитета, региона, – уровень экономического развития и социально-политической стабильности, характер рынка труда и занятости (в особенности женщин), уровень доходов населения, характер социальной и демографической политики в муниципалитете и регионе, социокультурная (религиозная) специфика, развитость социальной сферы, в том числе, доступность учреждений и услуг дошкольного, общего и дополнительного образования, здравоохранения, социальной защиты и пр.;

3) *микросоциальные (личные)* – состояние здоровья супругов (женщины), уровень доходов домохозяйства, наличие жилья, наличие детей, наличие близких родственников и поддержки с их стороны и пр.

4. Институциональные регуляторы, в качестве которых выступают приоритеты и цели государственной демографической политики; меры поддержки семей с детьми, а также социальные и социокультурные регуляторы. Так, репродуктивное поведение во многом определяется сложившейся в обществе культурой и стремлением общества к воспроизводству, которое обуславливает желание иметь детей через создание и регулирование ряда условий – биологических, социальных и культурных [Беляева, 2011; Козлова, Секички-Павленко, 2020; Русанова, 2022].

Как отмечают А.А. Шабунова и Т.К. Ростовская, «в последние десятилетия произошли существенные трансформации репродуктивного поведения населения страны: широкое распространение получили практики планирования беременности, среднететные репродуктивные установки (ориентация на рождение 3–4 детей) сменились на малодетные (примерно 60 % россиян ориентированы на 1–2 детей), вырос средний возраст деторождения (возраст матери при рождении первенца в 1990-х гг. – 19 лет, в 2000-х гг. – 27 лет)» [Шабунова, Ростовская, 2020, с. 40].

Анализ статистических данных за 2019–2022 годы показал тенденцию к снижению уровня рождаемости сельского населения регионов Центрального Черноземья в абсолютных значениях. При этом наиболее заметное снижение числа рождений приходится на 2022 год, что, вероятнее всего, объясняется коррекцией репродуктивных практик вследствие пандемии COVID-19 (табл. 2) ¹.

Если брать более длительную ретроспективу и использовать не абсолютные, а относительные показатели рождаемости, данная тенденция становится еще более очевидной. Так, на протяжении последних 13 лет коэффициент рождаемости (количество рождений на 1000 чел.) в регионах Центрального Черноземья в целом и в отдельных регионах в частности [Атаев и др., 2023] демонстрирует явное снижение, причем его темп нарастает (рис. 2) ².

¹ Приложение к Демографическому ежегоднику России 2021 / Росстат. М., 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 11.09.2024); Приложение к Демографическому ежегоднику России 2023 / Росстат. М., 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 11.09.2024).

² Составлено авторами на основе данных государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517?ysclid=m4r2ru3gki711083675#> (дата обращения: 12.09.2024).

Таблица 2
 Table 2

Число родившихся в регионах Центрально-Чернозёмного экономического района, чел.
 The number of births in the regions Central Chernozem economic district, people

Область	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Белгородская	3892	3670	3636	3262
Воронежская	5091	5031	4928	4580
Курская	2453	2519	2392	2198
Липецкая	3133	3148	2843	2659
Тамбовская	2647	2531	2403	2250

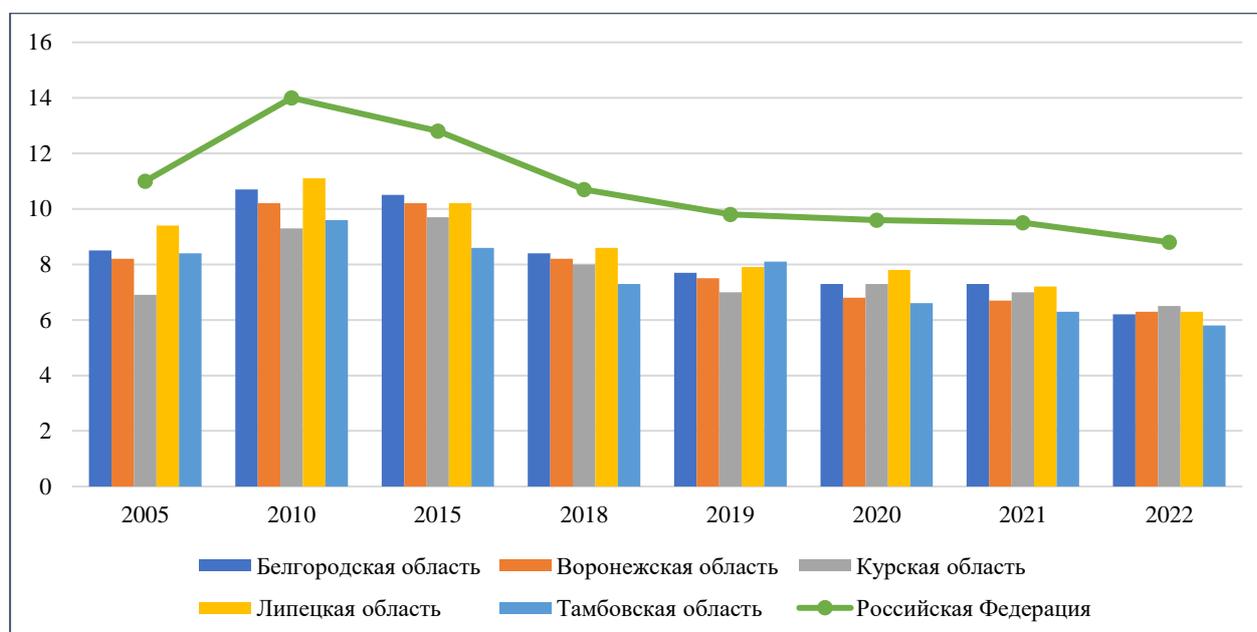

Рис. 2. Уровень рождаемости сельского населения
 Центрально-Черноземного экономического района, промилле
 Fig. 2. The birth rate of the rural population
 of the Central Chernozem economic region, per mill

Наибольший коэффициент рождаемости в 2022 году фиксировался в Воронежской области и составил 6,7 промилле; наименьший – в Тамбовской области – 5,7 промилле. В целом уровень рождаемости сельского населения анализируемых регионов повторяет общероссийскую тенденцию, но в усугубленном виде, так как его значения еще и существенно ниже средних показателей по стране.

Также необходимо отметить выравнивание значения коэффициентов рождаемости между регионами Центрального Черноземья. Так, если в 2005 году разница между наибольшим (Липецкая область) и наименьшим (Курская область) значениями коэффициента составляла 2,5 промилле или 36,2 %, то в 2022 году разброс стал 1 промилле (Воронежская и Тамбовская области) или 17,5 %.

Еще одним показателем, характеризующим уровень деторождения, выступает суммарный коэффициент рождаемости (рассчитывается как сумма возрастных коэффициентов рождаемости для возрастных групп от 15 до 49 лет). Данные динамики изменения суммарного коэффициента рождаемости сельского населения ЦЧЭР и РФ в целом представлены на рис. 3¹.

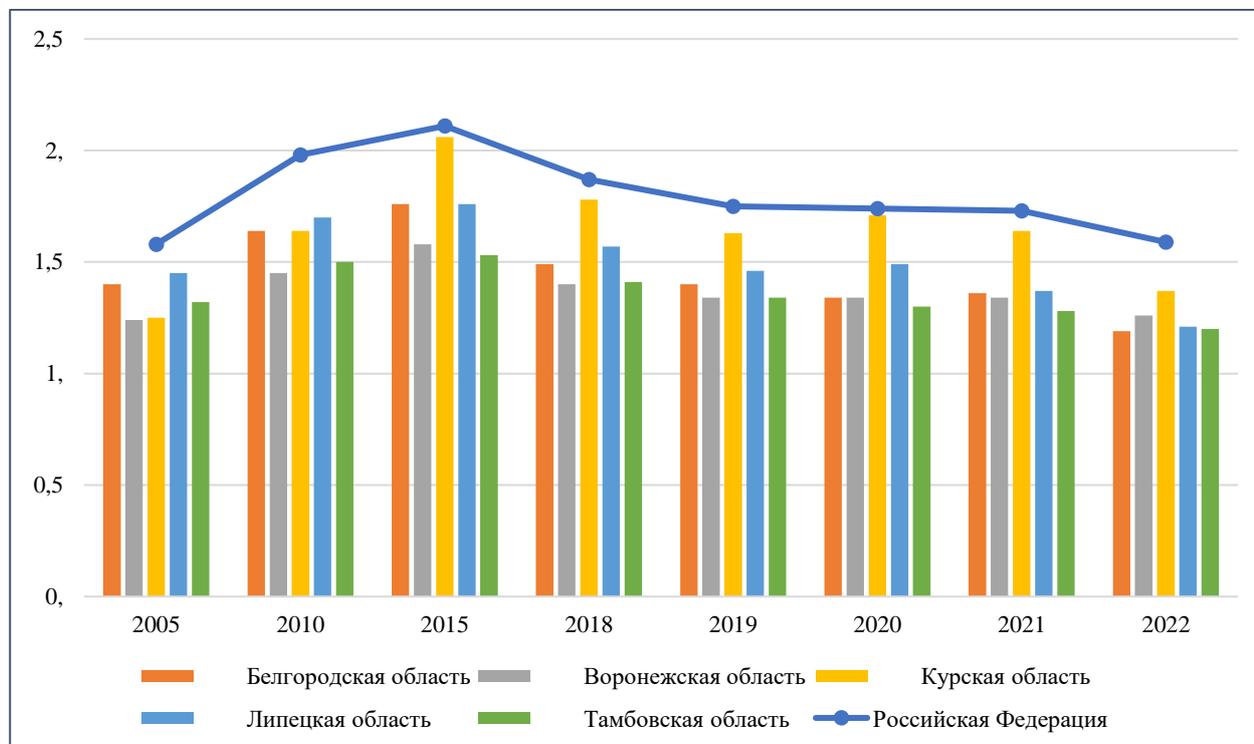

Рис. 3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости сельского населения Центрально-Черноземного экономического района, промилле
Fig. 3. Dynamics of the total fertility rate of the rural population of the Central Chernozem economic region, per mill

Самые низкие значения показателя суммарного коэффициента рождаемости сельского населения в анализируемых регионах наблюдались в 2005 году, когда он составлял от 1,24 в Воронежской области до 1,45 в Липецкой области. В 2005–2014 годах фиксировался устойчивый рост показателя, который в Курской области достиг значения в 2,3 (2014 год). Но с 2015 года тенденция сменилась, и сейчас идет поступательное снижения суммарного коэффициента рождения, который находился в 2022 году в диапазоне от 1,19 (Белгородская область) до 1,37 (Курская область).

Результаты массового опроса показали, что в качестве ключевой тенденции в сфере рождаемости респонденты выделяют ее снижение (39,2 %) или сохранение на прежнем уровне (23,8 %). В рост рождаемости верит каждый десятый сельский житель, а каждый четвертый и вовсе затруднился с ответом.

Эксперты еще более категоричны в своем мнении – по мнению 70 % в ближайшие 10 лет на сельских территориях Центрального Черноземья будет наблюдаться снижение рождаемости (сохранение на нынешнем уровне прогнозируют 20 % опрошенных экспертов, рост – всего 3,3 %).

¹ Составлено авторами на основе данных государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517?ysclid=m4r2ru3gki711083675#> (дата обращения: 12.09.2024).

Что касается результатов фокус-групповых интервью, то большинство участников уверены в том, что в настоящее время рождаемость в селах выше, чем в городах, что обусловлено суммарным воздействием социально-экономических и культурно-исторических факторов:

«Вообще, в селах всегда лучше рожали. В больших количествах, в более раннем возрасте...» (жен., 20 лет, студент).

«...если в городе люди пытаются как-то реализоваться, сделать карьеру, то в селах сохранились все-таки традиционные устои. И именно там бабушки могут тебе сказать, что, мол, тебе уже 20 лет, у меня в твоём возрасте уже двое было, а ты почему тянешь? И эти же бабушки негативно относятся к тому, что взрослый ребенок проживает с родителями, а не создает свою семью... И это, конечно, влияет на демографическую ситуацию. Мои одноклассники [живущие в селе] – уже давно папы и мамы, у них уже детям по 2 года...» (жен., 20 лет, студент).

«Конечно, в селах рождаемость лучше. Потому что там кто остается? Та молодежь, у которой менталитет другой – больше общинный, сельский, семейный. Поэтому скорее всего рождаемость в селах выше. Может быть, не очень значительно, но все-таки... <...> А есть еще те, кто, отучившись, вернется в село, чтобы создать семью на своей малой родине...» (муж., 22 года, студент).

«Я сама живу в селе и наблюдаю такую тенденцию, что семьи в селах создаются в более раннем возрасте и, соответственно, раньше рожают детей – в 22–25 лет. Мне кажется, это связано с тем, что в городе более быстрый темп жизни и на первом месте – саморазвитие, карьера и прочее. А в сельской местности, наоборот, все тихо, размеренно и традиционные ценности, такие как семья, стоят выше всех остальных» (жен., 20 лет, студент).

«...И еще один момент: понятие молодого возраста в городе и в сельской местности существенно различается. В городе в 30 лет ты еще молодой, а в селе у тебя уже 5 детей, муж, корова...» (жен., 22 года, студент).

Таким образом, в ответах участников интервью была косвенно озвучена еще одна причина низкой рождаемости в современном обществе, связанная с повышением возраста рожениц. И хотя информанты делали акцент на том, что женщины, живущие в сельской местности, рожают в более раннем возрасте в сравнении с жительницами городов, данные статистики фиксируют повышение среднего возраста деторождения как в городской, так и в сельской местности. Как отмечают А.А. Шабунова и Т.К. Ростовская, средний возраст матери при рождении первенца увеличился с 19 лет в 1990 году до 27 лет – в 2020 году [Шабунова, Ростовская, 2020].

Жительницы сельских территорий также стали откладывать рождение детей на более поздний срок. Возрастные коэффициенты рождаемости в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 лет существенно сократились, в результате чего средний возраст роженицы существенно увеличился и достиг значения 28–29 лет. Данная тенденция характерна для всех областей Центрального Черноземья и Российской Федерации в целом (рис. 4).

Так или иначе, в анализируемых сельских территориях сложился малодетный тип репродуктивного поведения, когда нормативная (желаемая) детность составляет 1–2 ребенка в семье. В частности, согласно данным проведенного в 2021 году массового опроса, 36,2 % респондентов считают, что в нормальной семье должно быть 1–2 ребенка, еще 42,4 % – 2–3 ребенка. С учетом того, что 4,5 % опрошенных затруднились ответить, доля сельских жителей, считающих нормой 3 и более детей в семье, составила всего лишь 16,9 %. При оценке реального среднего количества детей на сельских территориях проживания респондентов 44,4 % отметили вариант «1–2 ребенка», 42,1 % – «2–3 ребенка».

Анализ личных практик деторождения показал, что среди опрошенных сельских жителей регионов Центрального Черноземья у каждого пятого есть один ребенок (19,9 %), у каждого третьего – двое детей (34,8 %), у 13,7 % – трое детей, а у 27,5 % детей пока нет.

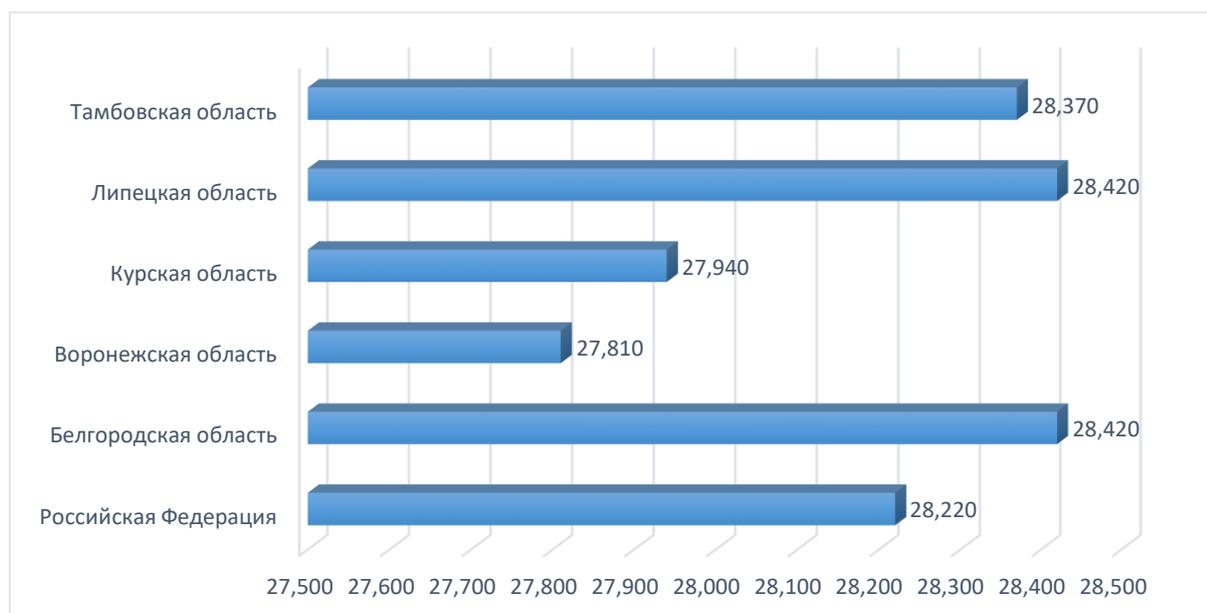

Рис. 4. Средний возраст матери при рождении первого ребенка на сельских территориях Центрально-Черноземного экономического района и РФ в 2022 г., лет
Fig. 4. The average age of a mother at the birth of her first child in rural areas of the Central Chernozem Economic Region and the Russian Federation in 2022, years

Таким образом, модель одно- или двухдетной семьи является доминирующей на сельских территориях Центрального Черноземья и по опросным данным.

Примечательно, что среди тех, у кого детей нет, более половины (51,9 %) не планируют их иметь, 8,8 % планируют одного ребенка, 16,2 % – двоих детей, только 7 % – троих, а еще 12,9 % затруднились с ответом на вопрос.

Похожая ситуация прослеживается и с имеющими детей респондентами – 68,3 % из них не планируют больше иметь детей, 17,2 % затруднились ответить, и лишь 14,5 % настроены на рождение последующих детей, чаще всего – одного ребенка (6,6 %).

Меры государственной поддержки, реализуемые в последние десятилетия и направленные на повышение рождаемости, безусловно, принесли свои положительные результаты. Это нашло подтверждение в ответах участников фокус-групповых интервью:

«Я считаю, что сейчас молодые мамы очень хорошо защищены. Они получают очень хорошие пособия и во время беременности, и в первые годы после рождения ребенка. Я общаюсь с многими мамами и знаю, что если мама, находясь в декрете, хочет выйти на работу, то у нее не только декретные не отбирают, но и еще дополнительно помогают в этом плане. Поэтому я считаю, что условия для рождаемости у нас очень хорошие. Плюс ипотека для молодых и прочее... В моей группе, например, из 12 детей, четверо из многодетных семей. И две семьи из четырех уже обеспечены жильем благодаря нашим программам региональным» (жен., 46 лет, педагог-логопед).

Вместе с тем большинство участников интервью озвучили опасения, что несмотря на усилия государства, радикально увеличить рождаемость вряд ли получится, поскольку изменилась система ценностей молодого поколения, для которого потребности самореализации, саморазвития вышли на первый план, потеснив все, что связано с созданием семьи и рождением детей:

«...уменьшение рождаемости – это действительно проблема, но она не только региональная и даже не всероссийская, а проблема общечеловеческая. Во всех странах каждое следующее поколение начинает думать больше о себе и заботиться о своем будущем, а не о будущих детях. А правильно это или нет – это каждый оценивает для себя сам» (муж., 22 года, студент).

«Я считаю, что основная проблема низкой рождаемости и не только в нашей области – в психологии людей... <...> И если раньше двое студентов могли уже в 20 лет создать семью, то сейчас молодые люди хотят сначала сделать карьеру, подняться финансово, решить свои психологические проблемы, а потом уже думают о создании семьи и рождении ребенка. И с точки зрения осознанности материнства и отцовства – это очень хорошо, но на показателях рождаемости в целом отражается очень негативно» (жен., 20 лет, студент)

«Да, сейчас многое делается для пропаганды семейных ценностей, проводятся уроки в школах и так далее. <...> все эти меры нужны и важны, но сейчас наше общество построено на том, что сначала ты должен пожить для себя, а ребенок – это и обременение, и ограничение. И именно так думает сейчас большая часть населения, и этот подход и приводит к тому, что рождение ребенка откладывается все дальше и дальше... Да сама семья начинает формироваться только к 27–28 годам» (муж., 20 лет, студент).

«Так как я сама из села, то могу сказать, что у моего поколения установки полностью совпадают с теми, кто живет в городе. Всем сейчас хочется пожить для себя, развиться, а также сделать карьеру, чтобы лучше обеспечить себя и будущих детей. Поэтому, сейчас и в селах не сильно торопятся рожать в молодом возрасте...» (жен., 20 лет, студент).

«...Сейчас молодежь хотят сами состояться и пожить для себя» (муж., 75 лет, пенсионер).

«Да, и не хотят себя обременять, возиться с пеленками... А потом думают: мы еще молодые, еще успеет...» (жен., 71 год, пенсионер).

Реализация репродуктивных намерений современной молодежи в значительной степени определяются состоянием здоровья потенциальных родителей. Согласно данным опроса женщин в репродуктивном возрасте (18–45 лет), проведенного ВЦИОМ в апреле 2023 года, об отсутствии у них каких-либо ограничений здоровья, которые могут не позволить забеременеть естественным способом в будущем, сказали 58 % опрошенных, тогда как у 17 % есть ограничения, связанные с репродуктивным здоровьем¹. Об этом говорили и участники фокус-групповых интервью:

«...очень много молодежи хотят иметь детей, но не могут. Сами врачи рассказывают, что молодые мужчины сейчас испытывают проблемы со здоровьем. Почему? А сколько мы в 90-е годы переели этих «ножесек Буша», напичканных антибиотиками...? А сейчас молодежь пьет пепси-колу, едят чипсы, а это, как говорят врачи, очень сильно влияет на здоровье... Поэтому они хотят, но не могут... И восполнить ничем нельзя. Таблетками не поможешь, вот люди и идут на ЭКО или обращаются к суррогатному материнству» (жен., 74 года, пенсионер).

К числу ключевых факторов, оказывающих влияние на отдельные аспекты репродуктивного поведения жителей сельских территорий Центрального Черноземья, относится также уровень благосостояния сельского населения. Согласно результатам проведенного в 2021 году массового опроса, 33,1 % респондентов отметили, что «денег хватает на продукты и одежду, иногда на покупку бытовой техники», каждый четвертый (23,7 %) – «не могу купить квартиру, машину, но в остальном нужды не испытываю» (данную категорию с определенной долей условности можно отнести к «среднему» классу). К условно «бедному» населению можно отнести 35,5 % опрошенных сельских жителей, которые выбрали варианты «денег хватает на продукты, иногда на покупку одежды» и «приходится экономить абсолютно на всем» (20,8 и 14,7 % соответственно).

¹ Репродуктивное здоровье: мужской и женский взгляд // Всероссийский центр изучения общественного мнения : сайт. 2023. 20 апреля. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnoe-zdorove-muzhskoi-i-zhenskii-vzgljad> (дата обращения: 10.06.2024).

Полученное распределение достаточно четко объясняет проанализированную ранее позицию сельских жителей об отказе в рождении ребенка (или еще одного ребенка, если в семье уже есть дети), потому что, несмотря на проводимую государством политику поддержки материнства и детства, рождение детей, как правило, ухудшает материальное положение семьи. По мнению В.Н. Архангельского и соавторов, «в семьях с несколькими детьми уровень жизни ниже, чем в семьях с одним ребёнком. Снижение среднедушевого дохода при появлении в семье ребёнка обусловлено как тем, что общесемейный доход делится на большее число членов семьи, так и тем, что сам доход становится ниже» [Архангельский, Елизаров, Джанаева, 2021, с. 102].

Материальный фактор как один из ключевых в процессе принятия решения о рождении (или отказе от рождения) ребенка был назван и участниками фокус-групповых интервью:

«...я думаю, что рождаемость будет падать, и падать будет стремительно, потому что наше поколение не особо планирует рожать ребенка в 25 лет, не имея за спиной ничего. А поколение, которое через пять лет вступит в репродуктивный возраст, они будут относиться к этому еще более отрицательно. У нас сейчас нет таких мер, которые могли бы повлиять на рождаемость в положительную сторону...» (жен., 20 лет, студент);

«...необходимо увеличение рабочих мест, чтобы у людей было больше возможностей для работы и доходов больше... Если будут увеличиваться зарплаты, то люди решатся на 3–4 ребенка. Но если зарплаты не растут, то какой смысл рожать второго-третьего ребенка, если и одного не могут обеспечить, дать образование?» (жен., 19 лет, студент).

Важная роль материального фактора в реализации репродуктивных намерений была озвучена и в ходе опроса экспертов. Так, 89,7 % экспертов указали на низкие заработные платы и плохие материальные условия в качестве основных причин отказа семей, проживающих на сельских территориях Центрального Черноземья, от рождения большего числа детей, чем есть у них. Экспертами также были отмечены слабая социальная инфраструктура села (59,0 %), отсутствие уверенности в завтрашнем дне (48,7 %) (опрос был проведен до начала специальной военной операции, в настоящее время данный фактор приобрел еще большее значение) и неустроенность быта, плохие жилищные условия (38,5 %) и др. (рис. 5).

После февраля 2022 года к числу обстоятельств, оказывающих влияние на принятие решения о рождении ребенка, добавилась сложная геополитическая обстановка в месте проживания. В нарративах фокус-групповых интервью негативные последствия дестабилизации обстановки в приграничных регионах Центрального Черноземья, связанной с СВО, выражены очень отчетливо:

«Ну, у нас рождаемость упадет точно, потому что, во-первых, многие разъехались, а многие не понимают, какой жизни им ожидать: стабильной, нестабильной... Всё непонятно, с работой могут быть какие-то проблемы... И они откладывают планирование беременности...» (жен., 20 лет, Кристина, студент).

«У меня есть друзья, которые планировали, но на данный момент отложили рождение ребенка, потому что сейчас нестабильность в регионе, а беременность – это довольно-таки стрессовая ситуация для любой женщины, и ходить беременной под бомбежкой – это не лучшее удовольствие» (жен., 20 лет, студент).

В то же время участники интервью выразили убежденность в том, что после урегулирования геополитического конфликта рождаемость повысится:

«Когда государством будут созданы условия для повышения комфорта и безопасности людей, тогда и рождаемость повысится» (муж, 22 года, студент).

Основанием для подобных выводов служит опыт территорий, положение которых уже изменилось в лучшую сторону:

«Я на данный момент проживаю в селе и моя мама 2,5 года работает главой администрации одного из сел ЛНР. И, по ее словам, за это время значительно уменьшилось количество беременных женщин. Но за последние полгода у нас в селе забеременели 10 девушек, что для нас является каким-то прорывом. Пока непонятно, что послужило причиной... Но мы с мамой обсуждали эту ситуацию и пришли к выводу, что у многих семей увеличился уровень дохода, появилась стабильная работа и они решили не тянуть с созданием семьи и рождением ребенка. Потому что непонятно, что будет дальше, а на данный момент все хорошо, и скорее всего, поэтому...» (жен., 22 года, студент).

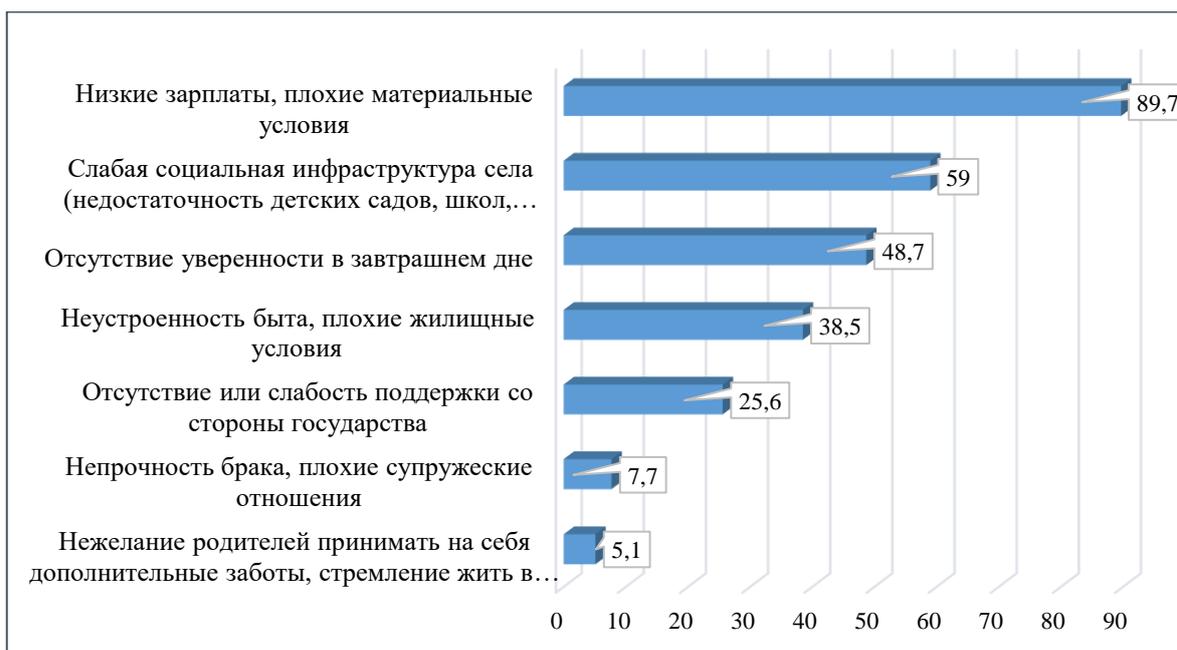

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Каковы, по Вашему мнению, основные причины отказа семей, проживающих на сельских территориях Центрального Черноземья, от рождения большего числа детей, чем есть у них?» (не более 3 вариантов ответа), %
 Fig. 5. Distribution of respondents' answers to the question «What, in your opinion, are the main reasons for the refusal of families living in rural areas of the Central Chernozem region to give birth to more children than they have?» (no more than 3 possible answers), %

Заключение

Анализ данных официальной статистики показал, что, несмотря на относительную стабильность численности сельского населения России, уровень рождаемости на сельских территориях Центрального Черноземья на протяжении последних 13 лет снижается, причем темпы этого снижения нарастают.

Результаты массового и экспертного опросов, а также фокус-групповых интервью позволяют констатировать, что в репродуктивных установках жителей сельских территорий преобладает ориентация на малодетную семью с 1–2 детьми. Несмотря на положительную оценку мер государственной поддержки, реализуемых в последние десятилетия и направленных на повышение рождаемости, отмечена тенденция к откладыванию рождения детей на более поздний срок и, соответственно, к увеличению среднего возраста рожениц, что также неблагоприятно сказывается на общей рождаемости. В качестве одной из ключевых причин было названо изменение системы

ценностей молодого поколения, для которого потребность в самореализации вышла на первый план, потеснив все, что связано с созданием семьи и рождением детей. В ходе исследования была в очередной раз подтверждена субъективная зависимость репродуктивного поведения от уровня благосостояния, выражающаяся, как правило, в отказе от рождения первого ребенка или последующих детей в случае признания материальных условий семьи не вполне удовлетворительными.

Таким образом, анализ основных компонентов репродуктивного поведения населения сельских территорий Центрального Черноземья в настоящее время не дает оснований надеяться на достижение показателей даже простого воспроизводства населения. Улучшение ситуации в данной сфере предполагает разработку и реализацию программ и проектов, направленных, с одной стороны, на улучшение объективных социально-экономических и геополитических условий в месте проживания, а с другой – на целенаправленное и планомерное формирование репродуктивных установок на многодетность, в результате чего двух- и трехдетные семьи должны рассматриваться как норма, однодетные – как периферийные, а бездетные – как маргинальные. Особое внимание также должно быть уделено репродуктивному здоровью мужчин и женщин как на индивидуальном, так и на макросоциальном уровнях.

Полученные результаты могут служить основанием для проведения дальнейших исследований, направленных на изучение специфики репродуктивного поведения населения российских регионов и разработки на этой основе практических рекомендаций по повышению устойчивости демографического развития сельских территорий Центрального Черноземья.

Список литературы

- Антонов А.И. 1980. Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы). М., Статистика, 271 с.
- Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. 2021. Дети или материальный достаток: детерминация выбора. *Уровень жизни населения регионов России*, 17(1): 102–120. DOI: [10.19181/spr.2021.17.1.8](https://doi.org/10.19181/spr.2021.17.1.8)
- Архангельский В.Н. 2013. Репродуктивное и брачное поведение. *Социологические исследования*, 2(346): 129–136.
- Архангельский В.Н., Богдан И.В., Калачикова О.Н., Чистякова Д.П. 2023. Особенности репродуктивного поведения жительниц Москвы. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 16(3): 231–246. DOI: [10.15838/esc.2023.3.87.12](https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.12)
- Атаев О.Г., Ступак В.С., Пахомов С.П. 2023. Региональные особенности воспроизводства населения в Белгородской области. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики: научно-практический рецензируемый журнал*, 3: 546–558. DOI: [10.24412/2312-2935-2023-3-546-558](https://doi.org/10.24412/2312-2935-2023-3-546-558)
- Бегина И. А., Калугина Т. А. 2018. Особенности репродуктивных установок сельских женщин. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 18(4): 413–418. DOI: [10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418)
- Беляева Л.А., Беляева М.А. 2011. Культурологический анализ репродуктивного поведения человека. *Вопросы культурологии*, 8: 13–17.
- Блинова Т.В., Вяльшина А.А. 2012. Репродуктивные предпочтения сельских женщин и ценность детей в семье. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, 4(43): 165–170.
- Борисов В.А. 1976. Перспективы рождаемости. М., Статистика, 248 с.
- Вишневецкий А.Г. 1982. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., Финансы и статистика, 287 с.

- Калачикова О.Н., Шабунова А.А. 2015. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. Вологда, Вологодский научный центр Российской академии наук, 172 с.
- Канищев В.В., Окатов А.В., Светлаков Д.В., Слетков И.А. 2019. Русская сельская семья как отражение современных демографических процессов (по материалам социологических опросов 2018-2019 гг. в Тамбовской области). *Социально-экономические явления и процессы*. 14 (3): 32-53. DOI: [10.20310/1819-8813-2019-14-3\(107\)-32-53](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-3(107)-32-53)
- Козлова О.А., Секички-Павленко О.О. 2020. Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 13(5): 218–231. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13)
- Проказина Н.В. 2019. Демографическая ситуация в регионе: особенности репродуктивного поведения населения. *Среднерусский вестник общественных наук*, 14(6): 190-200. DOI: [10.22394/2071-2367-2019-14-6-190-200](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-6-190-200)
- Русанова Н.Е., Ожиганова А.А. 2022. Репродуктивные стратегии российских женщин: результаты пилотного опроса. *Народонаселение*, 25(4): 55-67. DOI: [10.19181/population.2022.25.4.5](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.5)
- Захаров В.М., Вангородская С.А., Реутов Е.В., Гайдукова Г.Н., Хрипкова Д.В., Юркова Ю.Н. 2023. Социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрального Черноземья. Под общ ред. С.А. Вангородской. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 312 с.
- Шабунова А.А., Ростовская Т.К. 2020. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 13(4): 38-57. DOI: [10.15838/esc.2020.4.70.2](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2)
- Gustafsson S. 2005. Having Kids Later. Economic analyses for industrialized countries. *Review of Economics of the Household*, 3: 5–16.
- Wachter K.W., Bulatao R.A. 2003. Offspring: Human fertility behavior in biodemographic perspective. In: *National Research Council. Panel for the Workshop on the Biodemography of Fertility and Family Behavior*. Washington, DC: The National Academies Press, 400 p.
- Zakharov V., Vangorodskaya S., Khripkova D., Khripkov K., Gaidukova G. 2023. Socio-demographic development regulation in the central black earth economic region under current challenges and threats. In: *International Scientific Siberian Transport Forum - TransSiberia 2023*, 402: 1-8. E3S Web of Conferences. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340213029>

References

- Antonov A.I. 1980. *Sociologiya rozhdamosti (teoreticheskie i metodologicheskie problemy)* [Sociology of fertility (theoretical and methodological problems)]. Moscow, Publ. Statistika, 271 p.
- Arxangel'skij V.N., Elizarov V.V., Dzhanava N.G. 2021. *Deti ili material'nyj dostatok: determinaciya vy'bora* [Children or material wealth: the determination of choice]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 17(1): 102–120. DOI: [10.19181/Ispr.2021.17.1.8](https://doi.org/10.19181/Ispr.2021.17.1.8)
- Arxangel'skij V.N. 2013. *Reproduktivnoe i brachnoe povedenie* [Reproductive and mating behavior]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2(346): 129–136.
- Arxangel'skij V.N., Bogdan I.V., Kalachikova O.N., Chistyakova D.P. 2023. *Osobennosti reproduktivnogo povedeniya zhitel'nicz Moskvy* [Peculiarities of reproductive behavior of Moscow residents]. *E'konomicheskie i social'ny'e peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 16(3): 231–246. DOI: [10.15838/esc.2023.3.87.12](https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.12)
- Ataev O.G., Stupak V.S., Paxomov S.P. 2023. *Regional'ny'e osobennosti vosproizvodstva naseleniya v Belgorodskoj oblasti* [Regional peculiarities of population reproduction in the Belgorod region]. *Sovremennyye problemy zdравоохранения i medicinskoj statistiki: nauchno-prakticheskij recenziruemyj zhurnal*, 3: 546-558. DOI: [10.24412/2312-2935-2023-3-546-558](https://doi.org/10.24412/2312-2935-2023-3-546-558)
- Beginina I. A., Kalugina T. A. 2018. *Osobennosti reproduktivny'x ustanovok sel'skix zhenshhin* [Features of reproductive attitudes of rural women]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*, 18(4): 413–418. DOI: [10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418)

- Belyaeva L.A., Belyaeva M.A. 2011. Kul'turologicheskij analiz reproduktivnogo povedeniya cheloveka [Cultural analysis of human reproductive behavior]. *Voprosy kul'turologii*, 8: 13-17.
- Blinova T.V., Vyal'shina A.A. 2012. Reproductivny'e predpochteniya sel'skix zhenshhin i cennost' detej v sem'e [Reproductive preferences of rural women and the value of children in the family.]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-e'konomicheskogo universiteta*, 4(43): 165–170.
- Borisov V.A. 1976. Perspektivy' rozhdamosti [Fertility prospects]. Moscow, Publ. Statistika, 248 p.
- Vishnevskij A.G. 1982. Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo: Istoriya, sovremennost', vzglyad v budushhee [Reproduction of the population and society: History, modernity, a look into the future]. Moscow, Publ. Finansy' i statistika, 287 p.
- Kalachikova O.N., Shabunova A.A. 2015. Reproductivnoe povedenie kak faktor vosproizvodstva naseleniya: tendencii i perspektivy' [Reproductive behavior as a factor of population reproduction: trends and prospects]. Vologda, Publ. Vologodskij nauchny'j centr Rossijskoj akademii nauk, 172 p.
- Kanishhev V.V., Okatov A.V., Svetlakov D.V., Sletkov I.A. 2019. Russkaya sel'skaya sem'ya kak otrazhenie sovremenny'x demograficheskix processov (po materialam sociologicheskix oprosov 2018-2019 gg. v Tambovskoj oblasti) [The Russian rural family as a reflection of modern demographic processes (based on the materials of sociological surveys 2018-2019 in the Tambov region)]. *Social'no-e'konomicheskie yavleniya i processy*, 14(3): 32-53. DOI: [10.20310/1819-8813-2019-14-3\(107\)-32-53](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-3(107)-32-53)
- Kozlova O.A., Sekiczki-Pavlenko O.O. 2020. Modeli rozhdamosti i reproduktivnogo povedeniya zhenskogo naseleniya Rossii: sovremennye tendencii [Models of fertility and reproductive behavior of the female population of Russia: current trends]. *E'konomicheskie i social'ny'e peremeny': fakty, tendencii, prognoz*, 13(5): 218–23. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13)
- Prokazina N.V. 2019. Demograficheskaya situaciya v regione: osobennosti reproduktivnogo povedeniya naseleniya [Demographic situation in the region: peculiarities of reproductive behavior of the population]. *Srednerusskij vestnik obshhestvenny'x nauk*, 14(6): 190-200. DOI: [10.22394/2071-2367-2019-14-6-190-200](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-6-190-200)
- Rusanova N.E., Ozhiganova A.A. 2022. Reproductivny'e strategii rossijskix zhenshhin: rezul'taty pilotnogo oprosa [Reproductive strategies of Russian women: results of a pilot survey]. *Narodonaselenie*, 25(4): 55-67. DOI: [10.19181/population.2022.25.4.5](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.5)
- Zaxarov V.M., Vangorodskaya S.A., Reutov E.V., Gaidukova G.N., Khripkova D.V., Yurkova Yu.N. 2023. Social'no-demograficheskie determinanty' razvitiya sel'skix territorij Central'nogo Chernozem'ya [Socio-demographic determinants of rural development in the Central Chernozem region]. Ed. S.A. Vangorodskaya. Belgorod, Publ. ID «BelGU» NIU «BelGU», 312 p.
- Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. 2020. O neobxodimosti razrabotki modeli optimal'ny'x uslovij dlya formirovaniya i realizacii demograficheskix ustanovok [On the need to develop a model of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes]. *E'konomicheskie i social'ny'e peremeny': fakty, tendencii, prognoz*, 13(4): 38-57 (in Russian). DOI: [10.15838/esc.2020.4.70.2](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2)
- Gustafsson S. 2005. Having Kids Later. Economic analyses for industrialized countries. *Review of Economics of the Household*, 3: 5–16.
- Wachter K.W., Bulatao R.A. 2003. Offspring: Human fertility behavior in biodemographic perspective. In: *National Research Council. Panel for the Workshop on the Biodemography of Fertility and Family Behavior*. Washington, DC: The National Academies Press, 400 p.
- Zakharov V., Vangorodskaya S., Khripkova D., Khripkov K., Gaidukova G. 2023. Socio-demographic development regulation in the central black earth economic region under current challenges and threats. In: *International Scientific Siberian Transport Forum - TransSiberia 2023*, 402: 1-8. E3S Web of Conferences. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340213029>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 23.10.2024
Поступила после рецензирования 18.11.2024
Принята к публикации 26.11.2024

Received October 23, 2024
Revised November 18, 2024
Accepted November 26, 2024

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вангородская Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-1100-423X](https://orcid.org/0000-0002-1100-423X)

Реутов Евгений Викторович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0003-0270-168X](https://orcid.org/0000-0003-0270-168X)

Svetlana A. Vangorodskaya, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-1100-423X](https://orcid.org/0000-0002-1100-423X)

Yevgeny V. Reutov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0003-0270-168X](https://orcid.org/0000-0003-0270-168X)

УДК 316.4.066

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-669-685

Формирование механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Черноземья

¹ Гайдукова Г.Н. , ² Конев И.В., ³ Данакин Н.С.

¹ Северо-Западный институт управления –

филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О. 57/43

² Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

³ Белгородский государственный технологический
университет имени В.Г. Шухова,

Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46

gaydukova-gn@ranepa.ru, konev@bsuedu.ru, synergy7@mail.ru

Аннотация. Устойчивое развитие сельских территорий, позволяющее сбалансировать социальные, демографические, экономические, экологические и другие аспекты жизни регионального социума, выступает одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Его реализация требует комплексного подхода, включающего взаимодействие между государственными институтами, местными сообществами и частным сектором, что позволяет максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы, обеспечивать благоприятные условия для жизни людей и оптимизировать территориальную структуру расселения. В связи с недостаточной разработанностью концептуальных подходов к устойчивому развитию не урбанизированных территорий автором поставлена цель – разработать на основе междисциплинарного синтеза исследований механизм селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий. В данной работе впервые выделены ключевые элементы институционального, организационно-управленческого, экономического, инфраструктурного и информационного блоков, по каждому из которых предложены мероприятия по их реализации на сельских территориях. Предлагаемый механизм селективного воздействия на социально-демографические детерминанты направлен на решение стратегических задач, преодоление препятствий и барьеров, которые могут оказать наиболее существенное и долгосрочное влияние на ход воспроизводственных процессов в сельской местности.

Ключевые слова: сельские территории, устойчивое развитие, социально-демографические детерминанты, селективное воздействие

Для цитирования: Гайдукова Г.Н., Конев И.В., Данакин Н.С. 2024. Формирование механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Черноземья. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(4): 669–685. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-669-685

Formation a Mechanism of Selective Influence on Socio-Demographic Determinants of Rural Development in the Chernozem Region

¹Galina N. Gaidukova , ²Ivan V. Konev, ³Nikolay S. Danakin

¹ RANEPА St. Petersburg — the branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57/43 Sredny prospect, Vasilievsky Island, St. Petersburg 199178, Russian Federation

² Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

³ Belgorod State Technological University,
46 Kostyukova St, Belgorod 308012, Russian Federation

gaidukova-gn@ranepa.ru, konev@bsuedu.ru, synergy7@mail.ru

Abstract. Sustainable development of rural areas, which allows to balance social, demographic, economic, environmental and other aspects of life of the regional society, is one of the priority areas of the state policy of the Russian Federation. Its implementation requires an integrated approach, including interaction between state institutions, local communities and the private sector, which makes it possible to use available resources most efficiently, provide favorable conditions for people's lives and optimize the territorial structure of settlement. Due to an insufficient development of conceptual approaches to the sustainable development of non-urbanized territories, the authors set a goal – to develop a mechanism for selective influence of rural development on the socio-demographic determinants based on an interdisciplinary synthesis of research. This paper provides a first-ever identification of the key elements of the institutional, organizational and managerial, economic, infrastructural, and information sections, suggesting ways to implement each of them in rural areas. The proposed mechanism of selective influence on socio-demographic determinants is aimed at solving strategic problems, overcoming obstacles and barriers that can have the most significant and long-term impact on the course of reproductive processes in rural areas.

Keywords: rural areas, sustainable development, socio-demographic determinants, selective influence

For citation: Gaidukova G.N., Konev I.V., Danakin N.S. 2024. Forming a Mechanism of Selective Influence on Socio-Demographic Determinants of Rural Development in the Chernozem Region. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 669–685 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-669-685

Введение

Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года была утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. Устойчивое развитие сельских территорий трактовалось в ней, как «стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства и рыбохозяйственного комплекса, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, а также рациональное использование земель»¹. Впоследствии Распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р была утверждена Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. В ней отмечалась неравномерность пространственного развития Российской Федерации, а также то, что, «несмотря на динамичный рост агропромышленного комплекса, уровень и качество жизни сельского населения в целом

¹ Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Законодательство».

существенно отстают от уровня жизни в городах, сужается доступ населения к услугам организаций социальной сферы, углубляется информационный и инновационный разрыв между городской и сельской местностью, что ведет к росту миграционного оттока сельского населения, к утрате освоенности сельских территорий... Устойчивое развитие предполагает не неизменность (стабильность) либо ничем не оправданный рост количественных и качественных характеристик сельского сообщества и условий его жизнедеятельности, а поддержание их (характеристик) на уровне, позволяющем решать ключевые проблемы внутреннего развития сельской территории, а также обеспечить наиболее полное выполнение ею основных функций и, следовательно, конкурентоспособность территории в условиях изменяющейся внешней среды»¹. При этом необходимо отметить, что при определении приоритетных направлений государственной политики в области устойчивого развития сельских территорий улучшение демографической ситуации было поставлено на первое место.

Воздействие на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий является многомерным и многоуровневым процессом, объединяющим действия органов власти, научного сообщества, предпринимателей и гражданского общества для обеспечения высокого качества жизни населения. Особенности влияния социально-демографических детерминант развития сельских территорий обусловлены, во-первых, уникальностью социально-экономических, политических и культурных трансформаций, отличающих Россию от большинства других стран мира (за исключением государств бывшего СССР и ряда стран Восточной Европы), во-вторых – разнообразием характеристик (социально-экономических, экологических, культурно-исторических и пр.) отдельных регионов в составе Российской Федерации и, в-третьих, разнородностью возрастного и социального состава населения сельских территорий.

Помимо традиционных для страны тенденций демографического развития, сельские территории имеют собственную специфику, проявляющуюся в диспропорциях гендерной структуры населения: высокой доли лиц пожилого возраста с одновременно низкой – молодежи; в активных миграционных потоках на урбанизированные территории. Кроме того, проведение специальной военной операции активизировало процессы депопуляции сельских территорий приграничных регионов (в частности, Белгородской и Курской областей).

Следует отметить, что указанные факторы влияния на демографическое развитие России носят амбивалентный характер. Пока не ясно, как они повлияют на продолжительность жизни, миграцию, занятость и трудоспособность населения, репродуктивные установки граждан. Все зависит от того, как ситуация будет развиваться и насколько эффективными будут меры, в частности государственная и муниципальная политика в сфере демографического развития. Что касается последнего, то результаты проведенного нами в 2022 году экспертного опроса [Vangorodskaya et al., 2024] со всей ясностью продемонстрировали, что при всей масштабности реализуемого в настоящее время проекта «Демография», эксперты крайне низко оценивают его эффективность, указывая на невыполнение заявленных в нем задач, несмотря на огромный бюджет и большое число подпроектов. Это диктует необходимость селективного подхода к изучению социально-демографических детерминант развития сельских территорий и разработке адекватного механизма воздействия на них.

В научной среде проблематика развития сельских территорий получило достаточно широкое освещение. В.Г. Закшевский, И.Н. Меренкова, И.И. Новикова, Е.А. Пархомов [Закшевский и др., 2023], Н. Овчинникова [Ovchinnikova, 2020], А.А. Урасова,

¹ Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р : ред. от 13.01.2017 № 8-р // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Законодательство».

Д.А. Баландин, А.Н. Пыткин, Е.Б. Ковалева, И.Ю. Загорулько [Urasova et al., 2019] обосновали подход к устойчивому развитию сельских территорий в контексте пространственной локализации. Различные аспекты (правовые, экономические, технологические и т.д.) поддержки устойчивого развития сельских территорий раскрыты в работах С. Буторина [Butorin, 2020], Д.Е. Матыцина, А.О. Иншаковой, М.В. Севастьянова, О.П. Казаченок [Matytsin et al., 2022], Е.Л. Мининой [2009].

Социально-демографические аспекты устойчивого развития не урбанизированных территорий долгое время остаются в актуальной повестке научных исследований. Особо интересными в рамках нашей работы представляются труды В.Н. Архангельского, О.А. Козловой [Kozlova, Arkhangel'skii, 2021], С.Г. Головиной [2023], Л.Н. Липатовой [2022], В.Н. Ракачева [2023], Т. Dax, А. Copus [2022], G.V. Fuguitt [2004], G. Stecklov, А. Menashe-Oren [2019], в которых раскрыты особенности, ключевые тенденции и прогнозы влияния демографической составляющей на качество и уровень жизни сельского населения.

В связи с недостаточной разработанностью концептуальных подходов к устойчивому развитию не урбанизированных территорий целью исследования является разработка на основе междисциплинарного синтеза исследований механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий и обоснование практических рекомендаций по его внедрению для достижения долгосрочных целей устойчивого развития.

Методология исследования

Исследование опирается на концепцию устойчивого развития сельских территорий как комплексный подход, направленный на балансирование экономических, демографических, социальных и экологических аспектов.

Эмпирической основой исследования выступают данные Федеральной службы государственной статистики РФ, позволяющие объективно проанализировать социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района (Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская области). В качестве метода исследования был применен экспертный опрос – «Ключевые тенденции и факторы социально-демографического развития сельских территорий», проведенный в 2023 году (N = 30, экспертами выступили представители научного сообщества, государственные и муниципальные служащие, депутаты, работники СМИ и НКО).

Результаты исследования и их обсуждение

Определение механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий

Исследование механизмов управления системами различных уровней является неизменно актуальными в условиях постоянного изменения и усложнения взаимно детерминированных систем и процессов, что обуславливает необходимость дальнейшего развития теоретических конструкций и совершенствования практических аспектов управления. Ю.М. Осипов констатирует, что «у механизма обязательно есть цель – организовать нечто. И эта цель должна достигаться. Достижение цели – реализация механизма. Цель – действие – результат – цель – так проявляется целостность механизма» [Осипов, 1994, с. 36].

Под «механизмом управления» различные ученые понимают целый спектр управленческих воздействий. В обобщенном виде под механизмом управления понимается «совокупность принципов, инструментов и методов, применяемых субъектами управления для обеспечения гарантии динамического равновесия социоэколого-экономических систем региона» [Пономарева, 2009, с. 247]. М.В. Мазунина под механизмом управления социально-экономическим развитием понимает «системное

использование административно-правовых, экономических, социальных, институциональных методов, инструментов управления, а также набора ресурсных средств с целью адаптации к нестабильной среде» [Мазунина, 2018, с. 7]. Л.В. Прохорова, О.Д. Рубаева, «уточняя определение категории механизм управления как совокупности взаимосвязанных элементов, воздействующих на персонал и экономические объекты, с целью направить их действия в социально-экономическое развитие села и получить эффект... под механизмом управления сельскими территориями понимают совокупность взаимосвязанных элементов социального, экономического, экологического и организационного характера» [Прохорова, Рубаева, 2013, с. 28].

Таким образом, под механизмом селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий нами понимается система целенаправленно конструируемых взаимосвязанных элементов, а также ряд организационно-экономических мер воздействия на социально-демографические детерминанты с целью создания необходимых условий для количественного и качественного преобразования сельских территорий.

Механизм селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий должен основываться на активной государственной политике сохранения и развития сельского населения, ориентированной на повышение качества жизни. В основу такого механизма, по нашему мнению, должны быть положены следующие принципы:

- 1) полноценный и всеобъемлющий учет потенциала (демографического, экономического, социального, экологического, производственного, культурного и т. д.) села и обеспечение возможностей его саморазвития;
- 2) обеспечение участия сельских жителей в разработке и реализации проектов и программ развития сельских территорий;
- 3) обязательность равного доступа жителей сельских территорий к социальным услугам в соответствии с социальными стандартами;
- 4) ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления за положительные изменения ключевых индикаторов развития сельских территорий и сокращение дифференциации сельских поселений.

Формирование механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Черноземья невозможно без учета специфики их развития, которая состоит в том, что «сельские территории постоянно находятся под сильным воздействием экономического закона территориальной концентрации производства, в силу которого имеет место растущее отставание в развитии сельских территорий от городских: отставание в обеспеченности инфраструктурой для жизни и производства, обучения и здравоохранения, в возможностях для поиска высококвалифицированной и хорошо оплачиваемой работы, в диверсификации жизненных возможностей и, в силу этого, неравенство в обеспеченности кадрами и приросте населения» [Эпштейн, 2022а, с. 52]. Конкретные характеристики механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Черноземья, очевидно, будут зависеть от сложившейся ситуации в анализируемых регионах и проблем, стоящих перед ними.

Тенденции изменения социально-демографических детерминант развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района

Предваряя обоснование механизма селективного воздействия, необходимо выделить позитивные и негативные тенденции в динамике социально-демографических детерминант развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района ¹.

¹ Представленные тенденции были выявлены автором на основе расчетов с использованием показателей, представленных в Единой межведомственной статистической системе (ЕМИСС Государственная статистика). URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 21.08.2024).

В качестве позитивных могут быть отмечены:

–выравнивание гендерной структуры сельского населения: доля мужского населения на 1 января 2024 г. колеблется в диапазоне от 47,3 % в Воронежской области до 48,3 % в Белгородской области (что соответствует среднероссийскому показателю);

–снижение уровня смертности сельского населения темпами, опережающими среднероссийские (за исключением Воронежской области). В 2020–2021 годах в связи с пандемией Covid-19 был существенный рост показателя, но начиная с 2022 года тренд на снижение восстановился;

–аналогичная тенденция к замедлению темпов естественной убыли сельского населения;

–незначительное увеличение доли сельского населения младше трудоспособного возраста на 0,7–1,6 % (за исключением Тамбовской области, где зафиксировано снижение на 0,7 %);

–уровень среднемесячной начисленной заработной платы в сельском хозяйстве соответствует среднерегionalному;

–сложившийся уровень безработицы значительно ниже среднероссийского значения и имеет тенденцию к дальнейшему снижению.

Среди негативных можно зафиксировать следующие тенденции:

–сокращение численности сельского населения. В целом за последние 10 лет сельское население регионов Центрально-Черноземного района сократилось на 157 276 человек, или на 6,2 %, а его доля в среднем снизилась на 0,66 %;

–низкий уровень рождаемости; превышение среднероссийского значения показателя над уровнем каждого региона ЦЧЭР;

–превышение уровня смертности над уровнем рождаемости более чем в 2 раза;

–увеличение доли сельского населения старше трудоспособного возраста и, соответственно, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население.

Также необходимо отметить, что в регионах Центрально-Черноземного экономического района сложилась наименее благоприятная возрастная структура сельского населения (рис. 1), характеризующаяся наименьшей долей молодежи (от 12,6 % в Тамбовской области до 14,7 % в Липецкой области по сравнению с 17,9 % в Российской Федерации в целом) и высокой долей лиц старше трудоспособного возраста (от 36,3 % в Липецкой области до 39,7 % в Тамбовской области по сравнению с 32 % в Российской Федерации в целом).

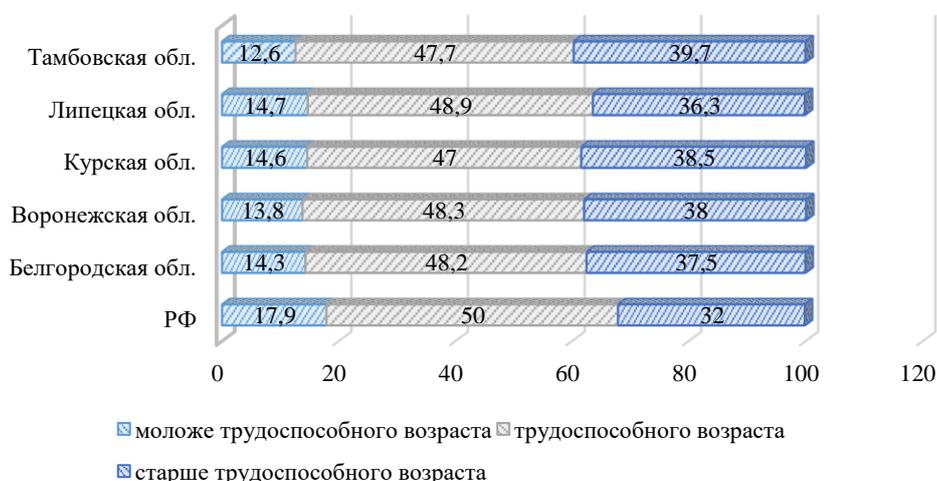

Рис. 1. Возрастная структура сельского населения на 1 января 2024 года, % (рассчитано авторами)
 Fig. 1. Age structure of rural population as of January 1, 2024 (calculated by the authors)

Анализируемые субъекты РФ представляют собой давно освоенные сельские территории со стареющим населением, что напрямую сказывается на показателях смертности и рождаемости, которые в них намного выше среднероссийских значений (рис. 2).

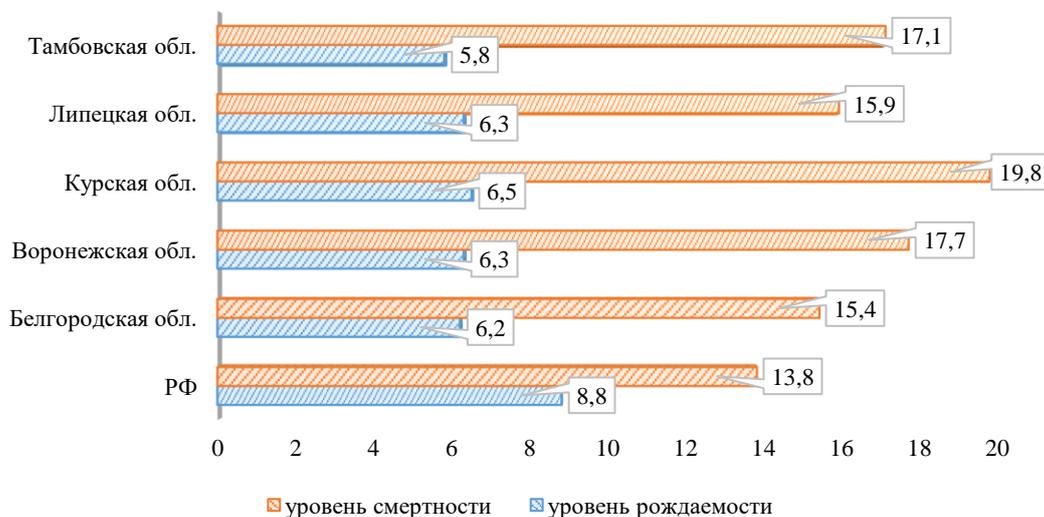

Рис. 2. Уровни рождаемости и смертности сельского населения в 2022 году, промилле (рассчитано авторами)

Fig. 2. Birth and death rates of the rural population in 2022, per mille (calculated by the authors)

Несмотря на это, преимущественно аграрная специализация сельской местности и благоприятные природные и социальные условия ее развития, а также довольно активное развитие сельскохозяйственного производства на указанных территориях делают их привлекательными для жизни. В то же время геополитическая ситуация в приграничных территориях Российской Федерации, связанная с проведением специальной военной операции, существенно увеличила миграционный отток сельского населения, в частности с территории Белгородской, Воронежской и Курской областей, а приток украинских мигрантов в основном направлен в городские агломерации.

Таким образом, можно выделить ряд ключевых проблем развития, стоящих перед сельскими территориями регионов Центрально-Черноземного экономического района:

- снижение численности сельского населения, ведущее к депопуляции и обезлюдению сельских территорий;
- миграция сельского населения в городские агломерации, а с февраля 2022 года, в связи с приграничным положением ряда анализируемых регионов, и в другие субъекты РФ;
- низкие (относительно городских жителей) доходы и слабо выраженная тенденция к их увеличению;
- существенное отставание уровня развития социальной инфраструктуры от показателей городов.

Тем не менее проведенный экспертный опрос показал, что больше половины респондентов (60,9 %) в той или иной мере уверены в возможности изменения складывающихся негативных тенденций развития демографической ситуации на сельских территориях Центрально-Черноземного экономического района (рис. 3). В то же время эксперты, которые считают возможность изменения складывающихся негативных тенденций в развитии демографической ситуации маловероятной, отмечают, что «основные демографические процессы глубоко связаны с внутренними установками личности, повлиять на которые достаточно трудно» (53,8 %) и «на социально-демографическое развитие сильное влияние оказывают внешние (внешнеполитические, внешнеэкономические) факторы» (53,8 %).

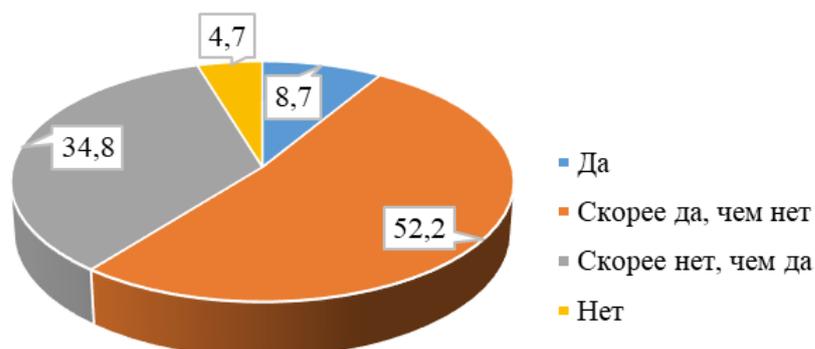

Рис. 3. Распределение ответов экспертов на вопрос: «Как Вы полагаете, возможно ли изменение складывающихся негативных тенденций развития демографической ситуации?», %
 Fig. 3. Distribution of expert responses to the question: “Do you think it is possible to change the emerging negative trends in the development of the demographic situation?”, %

Обозначенные проблемы и внутрирегиональные различия обуславливают применение именно селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Черноземья, так как другие подходы демонстрируют свою низкую эффективность. В настоящее время модель развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района может быть охарактеризована как модель экзогенного типа, для которой характерны доминирование города, а сельская местность рассматривается только как ресурс сырья и продовольствия. Основные характеристики моделей развития сельских территорий представлены в таблице.

Модели развития сельских территорий ¹
 Models of rural development

Признаки моделей	Модели		
	Экзогенная	Эндогенная	Неоэндогенная
Ключевые принципы	экономика масштабов и концентрация	использование локальных ресурсов	экономика знаний
Движущая сила развития	города – полюса роста, драйверы развития	местная инициатива и предприимчивость	человеческий и социальный капитал, web-сети
Функции сельских территорий	продовольствие и сырье для развития экономики городов	разнообразные услуги экономики	повышение значимости функций местожительства
Основные проблемы развития	низкая производительность и периферийность	ограниченные возможности территории	неоднородность сельских районов по развитию человеческого капитала
Направленность развития	модернизация сельского хозяйства	управление местным потенциалом; преодоление изоляции	создание институциональных основ мобилизации внутренних и внешних факторов

¹ Составлено авторами по материалам [Ward et al., 2005].

Согласимся с мнением А.И. Костяева в том, что наиболее перспективным подходом к развитию сельских территорий Черноземья выступает эндогенная модель с возможным дальнейшим переходом к неэндогенному подходу: необходимо, «не снижая поддержки развития сельских территорий со стороны внешних субъектов, а, наоборот, увеличивая ее, как минимум, в направлении развития названных инфраструктурных рамок сельского развития, создавать условия для становления сельских территорий как субъекта саморазвития» [Костяев, 2021, с. 72].

На основе неэндогенного подхода субъектами (и одновременно и объектами) механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района следует рассматривать систему коммерческих предприятий, функционирующих на сельской территории; сельских жителей и их объединения, в том числе некоммерческие организации (НКО); федеральные, региональные и муниципальные органы власти. «Особыми субъектами воздействия на развитие сельских территорий можно считать научные и учебные организации, а также отдельных ученых, вырабатывающих предложения по их развитию. Но, как правило, они воздействуют через соответствующих лиц, действующих непосредственно в экономике» [Эпштейн, 2022б, с. 37].

В то же время, нельзя не согласиться с профессором Д.Б. Эпштейном, который отмечает, что, «с учетом реальной дифференциации развития различных сельских территорий, важно увидеть сельские территории как субъект саморазвития, реально создавать условия для становления такого субъекта и его эффективной деятельности» [Эпштейн, 2022а, с. 55].

Механизм селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района мы рассматриваем как систему, основные элементы которой представлены на рис. 4.

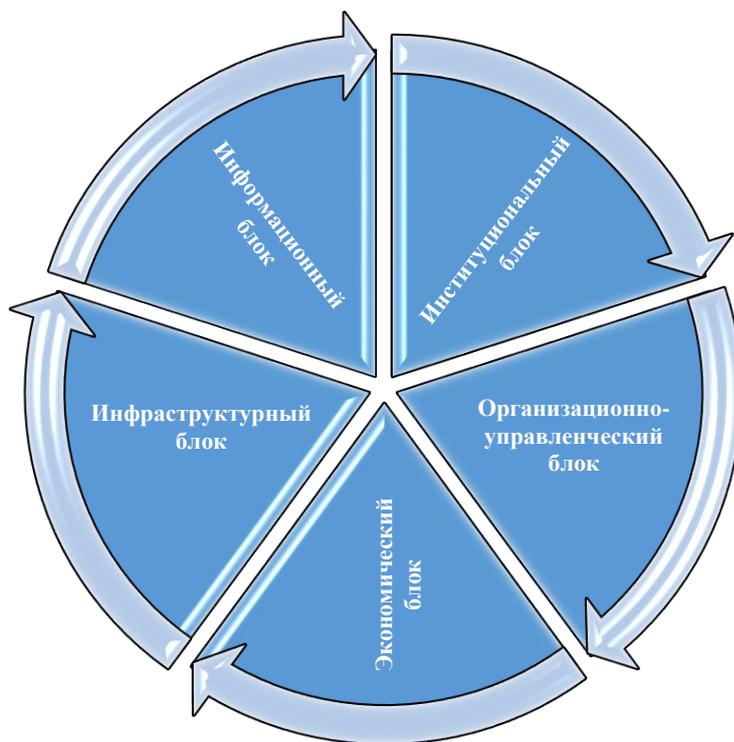

Рис. 4. Механизм селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Черноземья

Fig. 4. The mechanism of selective influence on socio-demographic determinants of rural development in the Chernozem region

Институциональный блок объединяет в себе принятие и реализацию концепций и стратегий развития сельских территорий, инициируемых на различных уровнях государственного и муниципального управления. Федеральный центр должен формировать государственную политику сбережения сельского населения с последовательным повышением качества его жизни, а также разрабатывать механизмы ее реализации. Экспертное мнение однозначно свидетельствует о том, что ключевая роль в регулировании вопросов социально-демографического развития сельских территорий должна принадлежать федеральным и региональным органам власти (рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов экспертов на вопрос: «Кто, по Вашему мнению, должен заниматься вопросами социально-демографического развития сельских территорий?», %

Fig. 5. Distribution of expert responses to the question: “Who, in your opinion, should be involved in issues of socio-demographic development of rural areas?”, %

Присоединяясь к мнению экспертов, считаем, что высшие (законодательные и исполнительные) органы власти Российской Федерации должны разрабатывать стратегии развития сельских территорий страны, определяющие формы, направления и инструменты воздействия, а также объем финансирования.

При этом, как отмечает А.А. Пустуев, должны быть учтены и следующие меры:

- укрепление правовой и финансовой системы;
- преодоление ведомственной разобщенности в управлении сельским развитием, а также информационной изолированности;
- развитие системы государственного информационного обеспечения и консультационной помощи сельхозтоваропроизводителям, а также развитие сельской кредитной кооперации и земельного ипотечного кредитования;
- выделение сельских территорий в качестве самостоятельного объекта федерального и регионального управления» [Пустуев, 2022, с. 45].

В перспективе должна быть сформирована институциональная среда устойчивого развития сельских территорий, включающая оптимизацию нормативно-правового обеспечения (бюджетного, земельного, лесного и водного кодексов), институтов собственности, государственно-частного и муниципально-частного партнерства.

Логическим продолжением институционального блока механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты выступает *организационно-управленческий блок*, объединяющий в себе разработку и реализацию программ и проектов развития сельских территорий. Более половины экспертов (55,6 %) отметили реализацию целевых программ и проектов в сфере демографического развития как

эффективный инструмент изменения складывающихся негативных тенденций в сфере демографии сельских территорий. Экспертное сообщество также в большей (17 % выбрали вариант ответа «да») или меньшей (44 % – вариант ответа «Скорее да, чем нет») степени уверено в эффективности программно-целевого подхода и проектного управления в демографическом развитии сельских территорий. Сторонники применения данных инструментов отмечают «контроль на всех этапах реализации проектов» (56,3 %), «наличие конкретных критериев эффективности реализации проекта» (50 %), а также «оптимизацию ресурсов и бюджета» (43,8 %) и «наличие четких целей и сроков реализации проектов» (43,8 %). Одновременно с этим каждый третий эксперт сомневается в эффективности программно-целевого подхода и проектного управления как инструмента управления демографическим развитием, отмечая, что в настоящее время механизм проектного управления приобрел имитационный (формальный) характер (70 %), а практика показала неэффективность данного метода (40 %). Полученные результаты свидетельствуют о необходимости совершенствования как организационно-управленческих элементов данного подхода, так и практики его реализации.

Организационно-управленческий блок должен быть реализован путем принятия программ и проектов развития сельских территорий районного уровня с детализацией их для уровня муниципальных поселений с дальнейшим принятием программ развития муниципальных поселений на сельских территориях. Существенным недостатком программ развития сельских территорий выступает отсутствие полноценного представительства на общероссийском уровне интересов сельского населения, а также заинтересованности общества в развитии таких территорий. Кроме того, существующие практики формирования эффективных программ и проектов на региональных и муниципальных уровнях не систематизируются и не анализируются (за исключением работ отдельных научных институтов и сообществ [Старкова, 2023; Ворошилов, Задумкин, Шулепов, 2022]), что не позволяет оценить возможности реализации этих решений в других регионах и муниципальных образованиях, а также на общероссийском уровне.

На уровне муниципальных районов необходимо разработать сценарии развития сельских территорий с учетом альтернативных вариантов воздействия институциональной среды, а также запустить процесс сохранения малых сельских поселений и сельского образа жизни.

Для решения демографических проблем развития сельских территорий важнейшим условием выступает позитивная динамика их экономического состояния. **Экономический блок** механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий представляет собой систему управленческо-властных структур, средств, функций, принципов и методов экономико-мотивационного воздействия на воспроизводственные установки сельского населения, активизацию предпринимательской деятельности с целью повышения занятости сельского населения и сохранение сельского образа жизни в условиях сложившейся институциональной среды. «Среди целевых установок важнейшим можно считать сохранение и дальнейшее развитие сельских территорий на основе продуманной аграрной политики, нацеленной на положительное решение следующей по приоритетности исполнения целевой установки – повышение уровня жизни каждого сельского жителя, предоставление всех необходимых условий для творческого созидательного труда в рыночных условиях» [Пустуев, 2022, с. 46].

Применение экономических инструментов воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий должно быть дифференцировано в зависимости от социального статуса сельского жителя. Так, экспертный опрос показал, что реализуемые сейчас государством экономические инструменты стимулирования рождаемости (государственные пособия, материнский капитал, налоговые льготы, субсидии на оплату ЖКХ, ипотечные каникулы, организация предоставления бесплатного питания, льготная ипотека и т. д.) наиболее эффективны для семей с тремя и более детьми, а на семьи без детей, с одним или двумя детьми они

оказывают достаточно слабое воздействие, то есть в реальности стимулирования рождаемости не происходит. С нашей точки зрения стимулирование рождаемости сельских жителей может быть осуществлено только путем изменения репродуктивных установок на основе повышения качества жизни на сельских территориях и уверенности населения в «завтрашнем дне», для чего необходимо развивать производство и расширять занятость. «Существенный рост сельской экономики и рост экономики некрупных городов, в которых имеется значительный процент людей без работы или скрытая безработица, возможны только в том случае, если в соответствующих территориальных центрах появляются новые или расширяются уже существующие предприятия, способные расширить занятость в регионе. Появление таких предприятий должно симулировать государство поддержкой в различных формах, в том числе субсидиями» [Эпштейн, 2022б, с. 43]. Здесь также необходимо отметить потребность в развитии и дифференциации сельской экономики за счет активизации деятельности малого бизнеса и развитие сельскохозяйственной кооперации при государственной поддержке научного, методического, информационного и консультационного обеспечения.

Повышение качества жизни на сельских территориях напрямую зависит от развития **инфраструктурного блока** воздействия на социально-демографические детерминанты. В настоящее время особую актуальность приобретает вопрос развития социально-культурной инфраструктуры сельских поселений ввиду «неизбежного повышения роли малых городов и сельских населенных пунктов в опорном каркасе расселения страны» [Пацирковский, 2010, с. 86]. Уровень и качество жизни сельских жителей значительно уступает аналогичным показателям урбанизированных территорий, что ведет к активным миграционным процессам, снижению рождаемости, постепенному старению населения и, в конечном итоге, к вымиранию сел. Для повышения уровня социальной инфраструктуры сельских территорий необходимы значительные инвестиционные вложения со стороны государства, так как они не смогут быть возвращены за счет платежей самих сельских жителей по причине низких уровней доходов.

С учетом дифференциации сельских населенных пунктов и складывающейся в них демографической ситуации возможное решение вопросов развития социальной инфраструктуры видится в создании сельских многофункциональных социальных центров. Создание таких центров позволит объединить общественные и предпринимательские интересы на основе современных механизмов экономической интеграции для предоставления сельским жителям социальных услуг высокого качества. «Как показывает современный зарубежный опыт, деятельность многофункциональных общественных центров является действенным методом по улучшению качества жизни сельского населения в социально-культурной, социально-образовательной, социально-досуговой, социально-бытовой, туристической и просветительских сферах» [Проблемы..., 2021, с. 164]. С экономической точки зрения бюджеты сельских муниципальных образований зачастую не могут позволить строительство отдельных зданий с различным функционалом, поэтому эффективным представляется строительство одного центра, в котором несколько функций могут реализовываться одновременно или поочередно (например, школа и культурно-досуговый центр для взрослых в неучебное время).

На основе исследований Н.А. Улиничя [2018] можно предположить, что наиболее оптимальным для сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района будет открытие многофункциональных центров с базовой функцией места для встреч meeting place. «Подобные центры имеют первостепенной задачей обеспечить местный социум местом для коммуникации, местом, куда жители могут прийти не потому, что им там что-то надо, а потому, что это место в равной степени принадлежит каждому местному жителю, место неформального общения без сценария. Идеологически это очень похоже на современный городской формат "антикафе" – места, куда можно просто прийти. Но в сельской местности благодаря уже неоднократно упоминавшимся тесным социальным связям подобный формат приобретает несколько иной смысл – общественной

площади под крышей, общественного пространства, невозможного в городской среде, но необходимого в среде сельской» [Улинич, 2018, с. 159].

Сельские многофункциональные центры могут привлекать к работе на своей базе как коммерческие, так и некоммерческие организации и их объединения (НКО), которые должны реализовывать в том числе и просветительские функции: проекты, направленные на формирование репродуктивных установок граждан; социальные практики активного долголетия, укрепления общественного здоровья и формирование самосохранительного поведения сельских жителей; проекты демографического развития территорий.

Не должны оставаться в стороне от процесса повышения качества жизни сельского населения и предприятия и их объединения, функционирующие на соответствующей территории. В их силах обеспечить социальную поддержку работников, а также благоустроенность сельских муниципальных образований. «Новый механизм должен стимулировать агрохолдинги сельхозпредприятия к выполнению социальных функций, в том числе функции поддержки развития сельских территорий, в частности развитие новых производств, закупки продукции у локальных производителей, в том числе у К(Ф)Х и ЛПХ, а также поддержку сельской инфраструктуры, в том числе ремонт помещений, улучшение жилищно-бытовых условий сельских жителей и т. д. Соответствующие затраты, не относящиеся к производственным, должны компенсироваться государством» [Эпштейн, 2022б, с. 44].

Информационный блок инструментов механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района включает в себя в первую очередь выявление проблем социально-демографического развития сельских муниципальных образований, а также анализ опыта их решений, в том числе и зарубежного. Для анализа проблем демографического развития конкретных территорий необходимо формирование региональных экспертных групп с привлечением сельских жителей, их объединений, научных и учебных организаций.

В данный блок входит и непосредственное информирование сельского населения о реализуемых федеральных, региональных и муниципальных программах и проектах, мерах социальной и материальной поддержки, просветительская деятельность о социальных практиках активного долголетия, здоровьесбережения и самосохранительного поведения с целью активного и массового включения сельских жителей в процессы социально-демографического развития территории. Повышение активности и включенности сельского населения в перспективе должно привести к выдвижению или поддержке социальных инициатив, направленных на улучшение уровня и качества жизни, а также обращению в вышестоящие органы с описанием проблем развития и предложениями по их решению.

Заключение

Таким образом, под механизмом селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий нами предложено рассматривать систему целенаправленно конструируемых взаимосвязанных элементов, а также ряд организационно-экономических мер воздействия на социально-демографические детерминанты с целью создания необходимых условий для количественного и качественного преобразования сельских территорий.

В качестве основных принципов, положенных в основу механизма селективного воздействия, основанного на активной государственной политике сохранения и развития сельского населения, нами предложены: 1) полноценный и всеобъемлющий учет потенциала (демографического, экономического, социального, экологического, производственного, культурного и т. д.) села и обеспечение возможностей его саморазвития; 2) обеспечение участия сельских жителей в разработке и реализации

проектов и программ развития сельских территорий; 3) обязательность равного доступа жителей сельских территорий к социальным услугам в соответствии с социальными стандартами; 4) ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления за положительные изменения ключевых индикаторов развития сельских территорий и сокращение дифференциации сельских поселений.

Обосновано рассмотрение механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района как системы, включающей в себя следующие блоки: 1) *институциональный*, содержанием которого является принятие и реализация концепций и стратегий развития сельских территорий, инициируемых различными уровнями государственного и муниципального управления; 2) *организационно-управленческий*, выступающий продолжением институционального и объединяющий в себе разработку и реализацию программ и проектов развития сельских территорий; 3) *экономический*, представляющий собой систему управленческо-властных структур, средств, функций, принципов и методов экономико-мотивационного воздействия на воспроизводственные установки сельского населения, активизацию предпринимательской деятельности с целью повышения занятости сельского населения и сохранение сельского образа жизни в условиях сложившейся институциональной среды; 4) *инфраструктурный*, отвечающий за повышение качества жизни сельского населения и предполагающий значительные инвестиционные вложения со стороны государства, которые не смогут быть возвращены за счет платежей самых сельских жителей с учетом их низких уровней доходов; 5) *информационный*, включающий в себя выявление проблем социально-демографического развития сельских муниципальных образований, и анализ опыта их решений, в том числе и зарубежного, непосредственное информирование сельского населения о реализуемых программах и проектах, мерах социальной и материальной поддержки, а также о социальных практиках активного долголетия, здоровьесбережения и самосохранительного поведения.

Внедрение механизма селективного воздействия на социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района позволит комплексно подойти к решению существующих проблем и снизить активность процессов депопуляции на анализируемых территориях.

Оценка эффективности демографической политики и ее дальнейшая оптимизация должна проводиться на основе мониторинга социально-демографических детерминант развития сельских территорий, что позволит на основе объективно отслеживаемых тенденций принимать обоснованные управленческие решения и достаточно оперативно выявлять новые негативные тренды и разрабатывать меры их нивелирования. Кроме социально-демографических детерминант, мониторинг может включать в себя и субъективные оценки населения (с использованием социологических методов исследования), например, качества сельской жизни, репродуктивных установок, эффективности применения практик активного долголетия и т. д.

Список литературы

- Ворошилов Н.В., Задумкин К.А., Шулёпов Е.Б. 2022. Программно-целевой метод в развитии сельских территорий регионов России. *Регионоведение*, 30(3): 555–585. DOI: [10.15507/2413-1407.120.030.202203.555-585](https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.555-585)
- Головина С.Г. 2022. Концептуализация человеческого капитала сельских территорий в новых условиях среды. Екатеринбург, Уральский государственный аграрный университет, 345 с.
- Закшевский В.Г., Меренкова И.Н., Новикова И.И., Пархомов Е.А. 2023. Устойчивое развитие сельских территорий: новый взгляд на оценку в контексте пространственной локализации. *Экономика региона*, 19(3): 683–696. DOI: [10.17059/ekon.reg.2023-3-6](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-6)
- Костяев А.И. 2021. Сельские территории: модели и механизмы развития. В кн.: Аграрная наука – сельскому хозяйству: сб. материалов XVI Международной научно-практической

- конференции, Барнаул, 09–10 февраля 2021. Барнаул, Алтайский государственный аграрный университет: 71–73.
- Липатова Л.Н. 2022. Особенности демографического развития сельских территорий России в условиях пандемии. *Регионология*, 30(1): 155–177. DOI: [10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177](https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177)
- Мазунина М.В. 2018. Стратегический подход к реализации концепции устойчивого экономического развития РФ. *Научное обозрение: теория и практика*, 12: 6–10.
- Мантино Ф. 2010. Сельское развитие в Европе: Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней. М., Business Media of the Sole 24 Ore, 272 с.
- Минина Е.Л. 2009. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий. *Журнал российского права*, 12(156): 31–37.
- Осипов Ю.М. 1994. Основы теории хозяйственного механизма. М., Изд-во МГУ, 367 с.
- Пацирковский В.В. 2010. Сельско-городская Россия. М., ИСЭПН РАН, 392 с.
- Пономарева М.А. 2009. К вопросу о формировании организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием региона. *Terra Economicus*, 7(2): 246–249.
- Прохорова Л.В., Рубаева О.Д. 2013. Устойчивое социально-экономическое развитие села Челябинской области в условиях вступления России в ВТО. Челябинск, ЧГАА, 88 с.
- Пустуев А.А. 2022. Проблемы и перспективы устойчивого развития агроэкономической системы и сельских территорий. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*, 3: 44–50. DOI: [10.31442/0235-2494-2022-0-3-44-50](https://doi.org/10.31442/0235-2494-2022-0-3-44-50)
- Ракачев В.Н. 2023. Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 25(3): 699–721. DOI: [10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721)
- Старкова О.Я. 2023. Особенности муниципальных программ развития сельских территорий. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*, 2: 206–218.
- Улинич Н.А. 2018. Многофункциональная архитектура в контексте сельских общественных пространств. *Архитектура и современные инновационные технологии*, 1(42): 150–162.
- Эпштейн Д.Б. 2022а. Научные основы организационно-экономического механизма поддержки устойчивого развития сельских территорий (субъекты, объекты механизма, особый характер сельских территорий). *АПК: экономика, управление*, 9: 51–60. DOI: [10.33305/229-51](https://doi.org/10.33305/229-51)
- Эпштейн Д.Б. 2022б. Научные основы организационно-экономического механизма поддержки устойчивого развития сельских территорий (состав, основные этапы действия, главные черты нового механизма). *АПК: экономика, управление*, 11: 36–45. DOI: [10.33305/2211-36](https://doi.org/10.33305/2211-36)
- Butorin S. 2020. Sustainable Development Economy of Rural Areas As A Factor Of Business Development. In: *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism Dedicated to the 80th Anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich*, (SCTMG 2020), February, 27-29, 2020, 2904-2911. DOI: [10.15405/epsbs.2020.10.05.385](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.385)
- Dax T., Copus A. 2022. European Rural Demographic Strategies: Foreshadowing Post-Lisbon Rural Development Policy? *World*, 3: 938–956. DOI: [10.3390/world3040053](https://doi.org/10.3390/world3040053)
- Fuguitt G.V. 2004. Some Demographic Aspects of Rurality. *Research in Social Stratification and Mobility*, 22: 73-90. DOI: [10.1016/S0276-5624\(04\)22003-0](https://doi.org/10.1016/S0276-5624(04)22003-0)
- Kozlova O.A., Arkhangel'skii V.N. 2021. Russian Fertility Forecast: Approaches, Hypotheses, and Results. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 91(5): 548–556. DOI: [10.1134/S1019331621050051](https://doi.org/10.1134/S1019331621050051)
- Matytsin D.E., Inshakova A.O., Sevostyanov M.V., Kazachenok O.P. 2022. Sustainable Development of Rural Areas in Russia: Legal and Technological. *New Technology for Inclusive and Sustainable Growth. Smart Innovation, Systems and Technologies*, 288. DOI: [10.1007/978-981-16-9808-8_15](https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_15)
- Ovchinnikova N. 2020. Analysis of sustainable development of rural areas in Russia: results, challenges and solutions. *E3S Web of Conferences*, 210: 14002. DOI: [10.1051/e3sconf/202021014002](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021014002)
- Stecklov G., Menashe-Oren A. 2019. The demography of rural youth in developing countries. *IFAD Research Series*. URL: https://www.ifad.org/documents/d/new-ifad.org/01_stecklov-and-menashe-oren_2019_rdr-background-paper-pdf (accessed: 29 September 2024).
- Urasova A.A., Balandin D.A., Pytkin A.N., Kovaleva E.B., Zagoruiko I.Y. 2019. Spatial Development of Rural Territories in Russian Regions: Growth Areas or Desolation Zones? *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 8(2): 4110–4122. DOI: [10.35940/ijrte.B3083.078219](https://doi.org/10.35940/ijrte.B3083.078219)

- Vangorodskaya S., Khripkov K., Khripkov D., Gaidukova G. 2024. Project methods for improving the main parameters of the implementation of projects and programs of socio-demographic development in the regions of the Central Chernozem Economic Region. *BIO Web of Conferences*, 84, 04048. DOI: [10.1051/bioconf/20248404048](https://doi.org/10.1051/bioconf/20248404048)
- Ward N., Atterton J., Kim T.Y., Lowe P., Phillipson J. Thompson N. 2005. Universities, the Knowledge Economy and 'Neo-Endogenous Rural Development'. *Centre for Rural Economy Discussion Paper Series*, 1: 1–15.

References

- Voroshilov N.V., Zadumkin K.A., Shulepov E.B. 2022. The Program-Target Method in the Development of Rural Territories of the Regions of Russia. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 30(3): 555–585. (in Russian). DOI: [10.15507/2413-1407.120.030.202203.555-585](https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.555-585)
- Golovina S.G. 2022. Conceptualization of human capital of rural areas in new environmental conditions. Ekaterinburg, Ural State Agrarian University, 345 p. (in Russian).
- Zakshevskii V.G., Merenkova I.N., Novikova I.I., Parkhomov E.A. 2023. Sustainable Rural Development: A New Perspective on the Assessment in the Context of Spatial Localisation. *Ekonomika regiona. Economy of regions*, 19(3): 683–696 (in Russian). DOI: [10.17059/ekon.reg.2023-3-6](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-6)
- Kostyaev A.I. 2021. Sel'skie territorii: modeli i mexanizmy` razvitiya. [Rural areas: models and mechanisms of development]. In: *Agrarnaya nauka – sel'skomu xozyajstvu : sb. materialov XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Agrarian science – for agriculture: collection of materials of the XVI International scientific and practical conference]*. Barnaul, February 09–10, 2021. Barnaul, Publ. Altai State Agrarian University: 71-73.
- Lipatova L. 2022. Features of the Demographic Development of Rural Areas in Russia in a Pandemic. *REGIONOLOGY*, 30: 155–177 (in Russian). DOI: [10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177](https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177)
- Mazinina M.V. 2018. Strategic approach to the implementation of the concept of sustainable economic development of the Russian Federation. *Scientific review: theory and practice*, 12: 6–10 (in Russian).
- Mantino F. 2010. Rural Development in Europe: Policies, Institutions and Local Actors from the 1970s to the Present. M., Publ. Business Media of the Sole 24 Ore, 272 p. (in Russian).
- Minina E.L. 2009. Pravovoe regulirovanie ustojchivogo razvitiya sel'skix territorij. [Legal regulation of sustainable development of rural areas]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 12(156): 31–37.
- Osipov Yu.M. 1994. Fundamentals of the Theory of Economic Mechanism. Moscow, Publ. Moscow State University Publishing House, 367 p. (in Russian).
- Patsirkovskiy V.V. 2010. Rural-urban Russia. M., ISESP RAS, 392 p. (in Russian).
- Ponomareva M.A. 2009. On the issue of formation of organizational and economic mechanism for managing sustainable development of the region. *Terra Economicus*, 7(2): 246–249 (in Russian).
- Prokhorova L.V., Rubaeva O.D. 2013. Sustainable socio-economic development of the village of the Chelyabinsk region in the context of Russia's accession to the WTO. Chelyabinsk, Publ. ChGAA, 88 p. (in Russian).
- Pustuev, A. 2022. Problems and prospects for sustainable development of the agro-economic system and rural territories. *Economy of agricultural and processing enterprises*, 3: 44–50 (in Russian). DOI: [10.31442/0235-2494-2022-0-3-44-50](https://doi.org/10.31442/0235-2494-2022-0-3-44-50)
- Rakachev V.N. 2023. The rural areas of the Krasnodar Territory in the context of spatial development policy: A socio-demographic aspect. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3): 699–721 (In Russian). DOI: [10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721)
- Starkova O.Ya. Municipal rural development programs. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2023, no. 2, pp. 206-218 (In Russian).
- Ulinich N. 2018. Multifunctional Architecture in the Context of Rural Public Spaces. *Architecture and Modern Information Technologies*, 1(42): 150–162 (In Russian).
- Epstein D.B. 2022. Scientific bases of the organizational and economic mechanism for supporting the sustainable development of rural areas (subjects, objects of the mechanism, special nature of rural areas). *AIC: economics, management*, 9: 51–60 (in Russian). DOI: [10.33305/229-51](https://doi.org/10.33305/229-51)
- Epstein D.B. 2022. Scientific bases of the organizational and economic mechanism for supporting the sustainable development of rural areas (composition, main stages of action, main features of the new mechanism). *AIC: economics, management*, 11: 36–45 (in Russian). DOI: [10.33305/2211-36](https://doi.org/10.33305/2211-36)
- Butorin S. 2020. Sustainable Development Economy of Rural Areas As A Factor Of Business Development. In: *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*

- Dedicated to the 80th Anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich, (SCTMG 2020), February, 27-29, 2020, 2904-2911. DOI: [10.15405/epsbs.2020.10.05.385](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.385)
- Dax T., Copus A. 2022. European Rural Demographic Strategies: Foreshadowing Post-Lisbon Rural Development Policy? *World*, 3: 938–956. DOI: [10.3390/world3040053](https://doi.org/10.3390/world3040053)
- Fuguitt G.V. 2004. Some Demographic Aspects of Rurality. *Research in Social Stratification and Mobility*, 22: 73–90. DOI: [10.1016/S0276-5624\(04\)22003-0](https://doi.org/10.1016/S0276-5624(04)22003-0)
- Kozlova O.A., Arkhangel'skii V.N. 2021. Russian Fertility Forecast: Approaches, Hypotheses, and Results. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 91(5): 548–556. DOI: [10.1134/S1019331621050051](https://doi.org/10.1134/S1019331621050051)
- Matytsin D.E., Inshakova A.O., Sevostyanov M.V., Kazachenok O.P. 2022. Sustainable Development of Rural Areas in Russia: Legal and Technological. *New Technology for Inclusive and Sustainable Growth. Smart Innovation, Systems and Technologies*, 288. DOI: [10.1007/978-981-16-9808-8_15](https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_15)
- Ovchinnikova N. 2020. Analysis of sustainable development of rural areas in Russia: results, challenges and solutions. *E3S Web of Conferences*. 210: 14002. DOI: [10.1051/e3sconf/202021014002](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021014002)
- Urasova A.A., Balandin D.A., Pytkin A.N., Kovaleva E.B., Zagoruiko I.Y. 2019. Spatial Development of Rural Territories in Russian Regions: Growth Areas or Desolation Zones? *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 8(2): 4110–4122. DOI: [10.35940/ijrte.B3083.078219](https://doi.org/10.35940/ijrte.B3083.078219)
- Stecklov G., Menashe-Oren A. 2019. The demography of rural youth in developing countries. *IFAD Research Series*, 41. URL: https://www.ifad.org/documents/d/new-ifad.org/01_stecklov-and-menashe-oren_2019_rdr-background-paper-pdf (accessed: 29 September 2024).
- Ward N., Atterton J., Kim T.Y., Lowe P., Phillipson J. Thompson N. 2005. Universities, the Knowledge Economy and 'Neo-Endogenous Rural Development'. *Centre for Rural Economy Discussion Paper Series*, 1: 1–15.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.10.2024

Поступила после рецензирования 27.10.2024

Принята к публикации 14.11.2024

Received October 03, 2024

Revised October 27, 2024

Accepted November 11, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>

Galina N. Gaidukova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of management, RANEPA, St. Petersburg – North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>

Конев Иван Викторович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Ivan V. Konev, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Данакин Николай Семенович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия.

Nikolay S. Danakin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management, V.G. Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.121

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-686-694

Священномученик Иоанн Восторгов о государстве и нравственности

Берент К.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

berent@bsuedu.ru

Аннотация. Рассмотрены взгляды видного общественно-политического деятеля, писателя, председателя Русской монархической партии, священника Русской Православной Церкви, прославленного в лике святых новомучеников и исповедников Российских Ивана Ивановича Восторгова (1864–1918) на основы российской государственности, соотношение права и нравственности, а также христианства и социализма – дискуссионные аспекты для России и на этапе современных реалий. Отмечено, что исследований, посвященных воззрениям И.И. Восторгова, в юридической науке практически не проводилось. В связи с этим цель исследования – проследить за процессом становления государственно-правового и духовно-нравственных мировоззрения Восторгова посредством описания основных этапов его биографии и исследования трудов священника. Показано, что концепция Восторгова о взаимосвязи права и нравственности основана на необходимости духовно-нравственного обогащения каждого человека в отдельности, а также на невозможности существования позитивного права отдельно от права нравственного. Выявлено, что И.И. Восторгов являлся деятельным сторонником традиционного представления об основах российской государственности, формула которой выражена в известной триаде «православие, самодержавие, народность», и противником социалистических учений с точки зрения христианской идеологии.

Ключевые слова: И.И. Восторгов, нравственность, право, социализм, христианство, общественная жизнь, православие, консерватизм, самодержавие

Для цитирования: Берент К.А. 2024. Священномученик Иоанн Восторгов о государстве и нравственности. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 686–694. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-686-694

Hieromartyr Ioann Vostorgov on the State and Morality

Kseniya A. Berent

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

berent@bsuedu.ru

Abstract. The author examines the views of a prominent socio-political figure, writer, chairman of the Russian Monarchist Party, priest of the Russian Orthodox Church, glorified as a holy new martyr and confessor of Russia Ivan Ivanovich Vostorgov (1864–1918) on the foundations of Russian statehood, the relationship between law and morality, as well as Christianity and socialism – controversial aspects for Russia and at the stage of modern realities. It is noted that there have been virtually no studies devoted to

the views of I.I. Vostorgov in legal science. The author seeks to trace the process of formation of Vostorgov's state and legal worldview by describing the main stages of his biography and studying the works of the priest. Vostorgov's concept of the relationship between law and morality is based on the need for spiritual and moral enrichment of each person individually, as well as on the impossibility of the existence of positive law separately from moral law. It was revealed that I.I. Vostorgov was an active supporter of the traditional concept of the foundations of Russian statehood, the formula of which is expressed in the famous triad “Orthodoxy, autocracy, nationality”, and an opponent of socialist teachings from the point of view of Christian ideology.

Keywords: Ivan I. Vostorgov, morality, law, socialism, Christianity, social life, Orthodoxy, conservatism, autocracy

For citation: Berent K.A. 2024. Hieromartyr Ioann Vostorgov on the State and Morality. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 686–694 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-686-694

Введение

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей утверждены в 2022 году соответствующим Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина¹, что повлекло за собой объяснимое усиление научного интереса к вопросам нравственных и духовных ориентиров государства. Статья 6 Основ отводит отдельную, особо значимую роль православию как главному вектору становления и укрепления традиционных ценностей.

Исследовательский поиск в изменившихся социально-политических обстоятельствах открыл историко-правовой науке ряд имен выдающихся ученых конца XIX – начала XX века, одним из которых, безусловно, являлся протоиерей Иоанн Восторгов, посвятивший свои труды изучению различных аспектов связи социализма и христианства, соотношения права и нравственности, важнейшим вопросам мироустройства, церковной и общественной жизни России, попыткам создания контуров модели идеального государства. В этом году исполняется 160 лет со дня рождения видного общественно-политического деятеля, писателя, председателя Русской монархической партии, священника Русской православной церкви, прославленного в лике святых новомучеников и исповедников Российских Ивана Ивановича Восторгова (1864–1918).

Всплеск изыскательского интереса к биографии и творчеству И.И. Восторгова пришелся на конец 90-х годов XX века – начало 2000-х годов и тесно связан с его канонизацией. Так, накануне прославления Иоанна Восторгова в лике святых как священномученика выходит в свет одна из первых статей, затрагивающих вопросы изучения биографических данных о Иоанне [Самойленко, 1997]. Несколько позже появляются работы, посвященные проповеднической [Гумеров, 2003; Стрижёв, Бирюков, 2017] и общественной [Струков, 2010] деятельности Восторгова, взглядам протоиерея на связь христианства и социализма [Мезибродски, 2019; Даренский, 2022], а также описанию его жизненного пути [Репников, 2016] и воззрений на идею христианского государства [Сафронов, 2019].

По мнению Р. Сергиева, протоиерей Иоанн воплощал в себе образ именно того священника, отличительной особенностью которого является не только лишь богослужение, но и активное вовлечение в вопросы государственной и общественной жизни [Сергиев, 1998].

В целом в отечественной историографии биография и творчество И.И. Восторгова изучено недостаточно. Исследование его взглядов на государство и нравственность

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

в юридической науке практически не проводилось. В связи с этим цель исследования – проследить за процессом становления государственно-правового и духовно-нравственных мировоззрения Восторгова посредством описания основных этапов его биографии и исследования трудов священника.

Основные этапы жизненного пути И.И. Восторгова

Формирование государственно-правового мировоззрения И.И. Восторгова осуществлялось в ходе событий, происходящих на рубеже XIX–XX веков, когда российское государство претерпевало существенные изменения политического характера. Противоречивое общественное настроение смены эпох, а также Первая русская революция, позиционирующая в качестве центрального вектора свержение самодержавной власти и оказывающая значительное влияние на Русскую Православную церковь, оставили незабвенный след в биографии Восторгова и его идеологической парадигме.

В жизнеописании И.И. Восторгова остается ряд недоисследованных фрагментов. Так, например, точная дата рождения протоиерея не установлена до сих пор. Некоторые авторы полагают, что Восторгов был рожден 30 января 1867 года [Репников, 2016, с. 19], а по другим данным в качестве даты рождения считается 20 января 1864 [Волобуев, 1993, с. 72]. Несмотря на жизненные трудности, преследовавшие будущего протоиерея с самого раннего детства (преждевременная смерть отца – Ивана Александровича Восторгова, отсутствие любого недвижимого имущества и необходимость в оказании помощи матери, оставшейся с четырьмя малолетними детьми) юный Иоанн в 1881 году приступает к обучению в Кавказской Духовной Семинарии [Самойленко, 1997, с. 18]. Авторы трудов, посвященных изучению биографических данных священника, отмечают, что «в период учебы, помимо богословских предметов, Иоанн проявлял интерес к гражданской истории» [Репников, 2016, с. 19], что, на наш взгляд, не могло не повлиять на формирование его государственно-правовых воззрений. После успешного окончания семинарии в 1887 году, Восторгов назначается надзирателем в Ставропольское Духовное училище. Одновременно с исполнением функций надзирателя он преподает русский и церковно-славянский языки в этом же училище.

Позднее, в этом же году, Иоанн рукоположен в сан диакона, а затем и в сан иерея [Волобуев, 1993, с. 72]. А.Н. Семенюк отмечает, что уже тогда, во время церковной службы в Михайло-Архангельском храме, о. Иоанн обращал на себя особое внимание благодаря весьма содержательным и глубоким проповедям [Семенюк, 2017, с. 220]. Именно на этом жизненном этапе происходит формирование образа мыслей Восторгова, а также его политико-правовых взглядов, которым был присущ консервативный характер и которые были сфокусированы на сохранении традиционных ценностей, а также духовно-нравственных устоев во всех сферах общественной жизни России. Проповеднические речи Восторгова были построены на собственном мироощущении священника и личной оценке происходящих событий в государстве. Ключевой посыл проповедей о. Иоанна заключался в том, что все противоречия, возникающие в обществе, необходимо разрешать посредством норм христианской культуры, основой которых является нравственное сострадание к ближнему.

Деятельное участие Иоанна Восторгова в политической жизни российского государства начинается с создания в период революционных волнений, по благословию митрополита Московского Владимира, Союза Русского Народа (1905), а также Русского монархического движения (1907), председателем которого он являлся до 1913 года.

Ключевой идеей деятельности объединений было отстаивание принципов российского самодержавия и сближение царя с народом, причем особое значение в реализации программы уделялось православию как определяющему христианскому

учению и важнейшей составляющей государства Российского¹. Основным их отличием были методы политического воздействия, поскольку Русское монархическое движение не было столь массовым и сословным, нежели Союз Русского Народа. В нем использовались, как правило, более неформальные подходы к воздействию: периодическая печать газет и брошюр, литературно-просветительские вечера, доклады, создание школ и т. д.

Сам Восторгов, отстаивая идею самодержавной власти, подчеркивал необходимость ее органичной связи с православием и народностью: «Повторяем, – только непостижимое легкомыслие может полагать, что с уничтожением одного члена нашего государственного триединства: православия, самодержавия и народности, остальные два будто бы не потерпят ущерба. Несомненно, целость нашего мировоззрения тогда рухнет, как рухнет треугольник, если из него вынуть одну сторону; несомненно, Россию, в случае успеха таких учений, ждёт впереди расчленение и гибель» [Восторгов, 1995, с. 29]

В 1909 году на 3-м негласном совещании представителей отделов Союза Русского Народа принимается решение об исключении протоиерея Иоанна Восторгова из Союза [Кириянов, 2001, с. 440], поскольку разногласия с его лидером – Александром Дубровиным, достигли своего апогея.

Как отмечает С.Е. Крыжановский, Восторгов «был человек выдающийся и по уму, энергии и организаторским талантам; он умел находить средства и вне правительственной поддержки. К сожалению, властолюбивый характер и стремление командовать создали ему много врагов в собственных даже кругах. Обстоятельство это и помешало ему впоследствии пройти в протопресвитеры военного ведомства, куда он очень стремился и где был бы чрезвычайно полезен» [Крыжановский, 2008, с. 103].

После революционных событий 1917 года И.И. Восторгов не оставил проповедническую деятельность. Неоднократно излагал свои взгляды на идею монархического государства, а также полагал, что одним из намерений Временного правительства является общее отрицание закона Божьего – нравственного начала в государственном устройстве.

31 мая 1918 года Восторгов был арестован «в совершении в своекорыстных целях, в обход декрета от 23 января об отделении Церкви от государства, незаконной сделки по продаже дома, ранее принадлежавшего Православному Миссионерскому обществу» [Репников, 2016, с. 25], и отправлен в московскую внутреннюю тюрьму Всероссийской чрезвычайной комиссией. 23 августа (5 сентября) 1918 года Иоанн Восторгов был расстрелян. В августе 2000 г. на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви протоиерей Иоанн Восторгов был причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских.

Наиболее значимыми для юридической науки выступают взгляды И.И. Восторгова на соотношение права и нравственности, а также на проблему соответствия идеалов общественного устройства у социалистов и христиан. Обратимся к данным аспектам творчества мыслителя.

И.И. Восторгов о взаимосвязи права и нравственности

Будучи приверженцем духовно-нравственных ценностей, их сохранения и укрепления в российском обществе, Восторгов достаточно активно проявлял инициативу в создании общественных организаций, центральным замыслом которых была популяризация основ христианской идеологии. Проповеди протоиерея Иоанна содержали в себе не только сугубо религиозный аспект, но и размышления по поводу государственного устройства Российской империи: системы права, а также организации верховной власти. Иоанн Восторгов считал, что ключевая миссия государства

¹ Устав общества под названием «Союз русского народа» от 16.02.1906. URL: <https://www.rsl.ru/> (дата обращения: 01.10.2024).

заключается в нравственном воспитании граждан, а также в служении традиционным идеалам. В абсолютной степени он отвергал те государственные цели, которые могут так или иначе ограничить общество в его правах и свободах и в целом безнравственны, «без всякой мысли о духе, о вере, о небе. Ибо правовое, юридическое не всегда совпадает с нравственным, религиозным» [Восторгов, 1995, с. 3].

В основе идеи Восторгова о пересечении права и морали лежит тезис об острой необходимости духовно-нравственного обогащения каждого гражданина в отдельности, поскольку позитивное право ставит перед собой цель общественную, не принимая во внимание глубоко индивидуальную, личностную составляющую. Протоиерей Иоанн в ультимативной форме и совершенно бескомпромиссно отторгает мысль о существовании права позитивного обособленно от морально-этических норм и считал, что в сложившейся таким образом ситуации общество было бы погружено в состояние имморализма, поскольку лишь «юридическим» правом оценивалась бы и получала свое содержание правда. Так, Восторгов иллюстративно приводит в пример несколько сфер социальной жизни, регулирование которых одним и только юридическим законом совершенно немыслимо: брачно-семейные отношения и отношение человека к самому себе.

Восторгов откровенно проявляет скептическое отношение к роли просвещения, а также к роли развития права и функционирования государственного механизма при выстраивании гражданственности [Восторгов, 1995, с. 75]. Человеческий потенциал, убежден протоиерей, ничтожен без духовно-нравственного элемента, его дефицит обернется для общества моральным нигилизмом, повысит уровень цинизма и беспринципности в социальной среде [Восторгов, 1995, с. 75]. Сложившаяся указанным образом реалья окажет негативное воздействие и на просвещение, и на законодательство, и на государственный аппарат, и, как следствие, на как таковую гражданственность.

Рассуждая о взаимосвязи права и нравственности в теории И.И. Восторгова, важно отметить, что последней придается исключительное значение. Нравственность протоиерей сравнивает с высшим законодателем и судьей, а также разделяет ее на два вида: отрицательную и положительную нравственность [Восторгов, 1995, с. 159]. Особый акцент Восторгов делает именно на нравственности отрицательной: «В христианском учении ясно и настойчиво проводится одна мысль, что для нравственного человека мало не совершить греха, но нужно служить и добродетели; мало не убить, не украсть, не обидеть, но нужно любить, благотворить, помочь, утешить, защитить; мало не делать зла, но нужно делать и добро, для него жить, для него усиленно работать, подвизаться, – одним словом, мало нравственности отрицательной, безличной, бездеятельной, а требуется нравственность положительная, одушевленная, исполненная сил и деятельности» [Восторгов, 1995, с. 160].

Христианство и социализм

Небезразличное отношение у Восторгова сформировалось и к вопросу связи христианства и социализма. Этой теме о. Иоанн посвятил целый том своих сочинений «Социализм при свете христианства. Теория, практика и история социализма, критика его начал» [Восторгов, 1998]. В нем он решительно критикует социалистическую утопию и проводит подробное исследование ее теоретической и практической сторон на всех исторических этапах человечества, а также с учетом мировых политико-экономических, религиозных и нравственных учений.

Отвечая на вопрос «что же говорят и что обещают социалисты?», протоиерей убежден, что разница между социал-демократами и социал-революционерами ничтожна мала, и поэтому целесообразно называть их одной простой категорией – социалисты.

Он уверяет читателя в том, что самопредставление социалистов на предмет присущей им идеи коренным образом не совпадает с тем, что они культивируют в действительности. По их мнению, все имущество, движимое и недвижимое, подлежит делению, а всякий гражданин обязуется трудиться по распоряжению выборного руководства – и тогда «каждый за равный труд, будто, получит и равную со всеми долю пищи, питья, одежды и всего необходимого. Тогда будет всё по правде, и люди будут счастливы» [Восторгов, 1998, с. 146]. На самом же деле, полагает Восторгов, делению социалистами подлежит то, что считается для них более достижимым, а реализуется это совершенно нелегитимным образом: имеют место грабежи, конфискации и, более всего, разжигание в обществе корысти и стяжательства, а также ненависти со стороны нуждающегося слоя общества к зажиточному.

Практически аналогичная точка зрения в отношении к социализму сложилась и у протоиерея Сергия Булгакова, который видел в социалистическом устройстве только лишь «идеал расширенной фабрики, благоустроенного города и сельского поместья» [Булгаков, 1917, с. 51]. Совершенствование жизни в данном случае не охватывает морально-нравственное отношение к природе, считал Булгаков, оставляя его извечным – ограниченным хозяйственными нуждами общества. Но в то же время в своих трудах священник не единожды допускал примиримость социализма и христианства [Булгаков, 1917]. А. Мезибродски считает, что это особенно четко прослеживалось в инициативе создания организации, подобной христианско-социалистической партии, в границах замысла Союза христианской политики [Мезибродски, 2019, с. 533]. В отличие от Восторгова, Булгаков полагал, что «в социализме самом по себе, рассматриваемом как совокупность мер социальной политики, нет ничего, что бы не соответствовало христианской морали. Потому самая мысль о «христианском социализме» не имеет в себе ничего противоречивого» [Булгаков, 1917, с. 51], но дополнял протоиерей свою идею абсолютным непримирением *материалистического* социализма, охваченного антирелигиозными настроениями, с христианством.

И.И. Восторгов полагает, что тесная корреляция христианства и социализма – это не что иное, как полуистина. Общество по собственному побуждению следует социалистической доминанте и, как правило, оставляет без внимания то обстоятельство, что социализм как политическая идеология не содержит в себе нравственной основы: «руководители социализма его безбожия и не скрывают; они открыто говорят и пишут о том, что социализм не признаёт никакой религии и совершенно отрицает христианство» [Восторгов, 1998, с. 62].

Протоиерей твердо критикует идею социалистического государства Лассалья, а также его взгляды на феномен нравственности в государстве, основывающиеся на том, что нравственность является условной солидарностью среди большинства представителей общества в конкретное время считать то или иное действие человека нравственным или безнравственным [Восторгов, 1998, с. 65]. Исходя из этого, убежден Восторгов, взгляды Лассалья строятся лишь на том, что «нравственное и безнравственное, добро и зло условны» [Восторгов, 1998, с. 65].

Социалистическая догматика, выстроенная на организации общественной жизни посредством принуждения, считает И.И. Восторгов, в абсолютной степени идет вразрез идее человеческой свободы [Восторгов, 1998, с. 358]. Каноны социализма принципиальным образом отвергают ее существование и вместе с тем пытаются всячески ограничить способы ее выражения, встречающиеся в действительности.

Установление принуждения в качестве неотъемлемого элемента социалистических учений являлось ключевым объектом критических высказываний Иоанна Восторгова. Подневольная составляющая, признаваемая идеологией социализма, рассматривалась протоиереем как в экономическом, так и в политическом контексте.

Заключение

И.И. Восторгов был ярким представителем русской духовной интеллигенции, проявлявшим интерес к вопросам государственно-правового развития посредством активного участия в общественных правомонархических объединениях (Союз Русского Народа (1905–1917), Русское монархическое движение (1907–1913) и произнесения многогранных проповедей, затрагивающих не только вероучительные аспекты, но и вопросы государственного устройства России. Его взгляды сформировались в условиях революционных процессов, происходивших в России в конце XIX – начале XX века.

Политико-правовое мировоззрение Восторгова базировалось, прежде всего, на сохранении и укреплении государством духовно-нравственных ценностей. Основная миссия государства в видении мыслителя должна заключаться в нравственном воспитании граждан и служении консервативным идеалам российского государства. Центральной идеей концепции Восторгова о нравственно-правовом пересечении является отведение феномену нравственности отдельной, особо значимой роли – роли высшего законодателя и судьбы. Следуя традициям православной философии, он полагал, что истинное право возможно лишь в контексте христианской морали. Государство, по его мнению, должно руководствоваться не только законами, но и духовными принципами.

В своих трудах и общественно-политической деятельности И.И. Восторгов подчеркивал важность существования самодержавного государства как инструмента для поддержания порядка и справедливости. Он был последовательным сторонником догмы правомонархического консервативного движения, заключенной в триаде «Православие, самодержавие, народность», и считал, что уничтожение одного из элементов триединства приведет к неминуемому краху всего государства.

Восторговым бескомпромиссно отвергалась идея корреляции православной идеологии и социалистического строя. Между христианством и социализмом нет ничего общего, полагал протоиерей, поскольку учения о социализме всячески отрицают нравственную составляющую. Кроме того, творческое наследие Восторгова в части учений о социалистической системе убеждает нас в том, что разница между социал-демократами и социал-революционерами крайне невелика, и поэтому Восторгов считает целесообразным называть их односложной категорией – социалисты. Социалистическая парадигма в значительной степени противоречит идее человеческой свободы и именно принуждение, установленное в качестве основополагающего фрагмента социализма, является ключевым фактором критики данного учения Иоанном Восторговым.

Список источников

- Гумеров А. 2004. Правда веры и жизни. Житие и труды священномученика Иоанна Восторгова. Москва, Сретенский монастырь, 366 с.
- Крыжановский С.Е. 2009. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, 228 с.
- Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. Москва, Большая Российская энциклопедия, 432 с.

Список литературы

- Булгаков С. 1917. Христианство и социализм. Москва, типография Рябушинских, 51 с.
- Восторгов И.И. 1995. Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова: В 5 т. Т. 3: Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы (1906–1908 гг.). Санкт-Петербург, Царское Дело, 794 с.
- Восторгов И.И. 1998. Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова: В 5 т. Т. 5: Социализм при свете Христианства. Санкт-Петербург, Царское Дело, 716 с.

- Даренский В.Ю. 2022. Священномученик Иоанн Восторгов о социализме как противоположности христианства. *Тетради по консерватизму*, 4: 332–346.
- Кирьянов Ю.И. 2001. Правые партии в России. 1911–1917: Москва, РОССПЭН, 461 с.
- Медзибродски А. 2019. «Можно ли христианину быть социалистом?» (Не)примиримость христианства и социализма в революционной России. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2019, 1-2 (37): 516–540. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-516-540>
- Репников А.В. 2016. «Пастырь добрый...» (жизнь и труды Иоанна Восторгова). *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана*, 3(4): 19–30.
- Самойленко П. 1997. Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов. Ставропольский период жизни и деятельности. 1867–1894 гг. *Христианское чтение*, 15: 15–28.
- Сафронов Н.А. 2019. Священномученик Иоанн Восторгов о христианском государстве. В кн.: *Материалы международной научно-теоретической конференции – VI Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки РФ, члена-корреспондента РАН, д.ю.н, профессора Г.В. Мальцева. ООО «ГиК», Белгород: 135–140.*
- Семенов А.Н. 2017. Священномученик Иоанн (Восторгов) как проповедник и миссионер. *Христианское чтение*, 6: 220–227.
- Сергиев Р. 1998. «Имя его в род и род». К 80-летию мученической кончины протоиерея Иоанна Восторгова. *Тульские епархиальные ведомости*: 33–40.
- Стрижев А.Н., Бирюкова М.А. 2017. Труды и дни проповедника Иоанна Восторгова. *Литературоведческий журнал*, 41: 263–269.
- Струков А.В. 2010. Общественная деятельность протоиерея Иоанна Восторгова. Дис. ... канд. Ист. наук. Москва, 221 с.

References

- Bulgakov S. 1917. *Khristianstvo i socializm* [Christianity and socialism]. Moscow, Publ. Tipografiya Ryabushinskikh, 51 p.
- Vostorgov I.I. 1995. *Polnoe sobranie sochinenij protoiereya Ioanna Vostorgova*. [The complete works of Archpriest Ioann Vosgorov]. In 5 volumes. Vol. 3: *Propovedi i pouchitel'ny'e stat'i na religiozno-nravstvenny'e temy` (1906–1908 gg.)* [Sermons and instructive articles on religious and moral topics (1906–1908)]. St. Petersburg, Publ. Tsarskoe Delo, 794 p.
- Vostorgov I.I. 1998. *Polnoe sobranie sochinenij protoiereya Ioanna Vostorgova* [The complete works of Archpriest Ioann Vostorgov]. In 5 volumes. Vol. 5: *Socializm pri svete Khristianstva* [Socialism in the light of Christianity]. St. Petersburg, Publ. Tsarskoe Delo, 716 p.
- Darensky V.Yu. 2022. *Svyashhennomuchenik Ioann Vostorgov o socializme kak protivopolozhnosti khristianstva* [Hieromartyr Ioann Vostorgov on socialism as the opposite of Christianity]. *Tetrad'i po konservatizmu*, 4: 332–346.
- Kiryaynov Yu.I. 2001. *Pravye partii v Rossii. 1911–1917* [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]: monograph. Moscow, Publ. ROSSPAN, 461 p.
- Medzibrodzsky A. 2019. «Can a Christian Be a Socialist?» the (Ir)Reconcilability of Christianity and Socialism in Revolutionary Russia. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 1-2 (37): 516-540. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-516-540> (in Russian)
- Repnikov A.V. 2016. «Pastyr' dobry'j...» (zhizn' i trudy` Ioanna Vostorgova) ["The good shepherd..." (the life and works of Ioann Vostorgov)]. *Novy'e istoricheskie perspektivy`: ot Baltiki do Tichogo okeana*, 3(4): 19–30.
- Samoylenko P. 1997. *Svyashhennomuchenik protoierej Ioann Vostorgov. Stavropol'skij period zhizni i deya-tel'nosti. 1867-1894 gg.* [Hieromartyr Archpriest Ioann Vostorgov. Stavropol period of life and activity. 1867-1894]. *Khristianskoe chtenie*, 15: 15–28.
- Safronov N.A. 2019. *Svyashhennomuchenik Ioann Vostorgov o khristianskom gosudarstve* [The Hieromartyr Ioann Vosgorov about the Christian state]. Proceedings of the international scientific-theoretical conference – VI International “Maltsev Readings” – in memory of the honored scientist of the Russian Federation, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, professor G.V. Maltsev. ООО «ГиК», Белгород: 135–140.

- Semenyuk A.N. 2017. Svyashhennomuchenik Ioann (Vostorgov) kak propovednik i missioner [Hieromartyr Ioann (Vostorgov) as a preacher and missionary]. *Khristianskoe chtenie*, 6: 220-227.
- Sergiev R. 1998. "Imya ego v rod i rod". К 80-letiyu muchenicheskoy konchiny` protoiereya Ioanna Vostorgova ["His name is in the genus and genus". On the 80th anniversary of the martyrdom of Archpriest Ioann Vostorgov]. *Tula diocesan Gazette*: 33–40.
- Strizhev A.N., Biryukova M.A. 2017. Trudy` i dni propovednika Ioanna Vostorgova [The works and days of the preacher Ioann Vostorgov]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 41: 263–269.
- Strukov A.V. 2010. Obshhestvennaya deyatel`nost` protoiereya Ioanna Vostorgova [Public activity of Archpriest Ioann Vostorgov] Dissertation...of the candidate of historical sciences. Moscow, 221 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.08.2024

Поступила после рецензирования 15.09.2024

Принята к публикации 25.09.2024

Received August 10, 2024

Revised September 15, 2024

Accepted September 25, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Берент Ксения Александровна, аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kseniya A. Berent, Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 349.6

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-695-705

Правовое положение природных объектов в законодательстве России и зарубежных стран: субъективные права или правовой режим?

Анисимов А.П., Исакова Ю.И.

Донской государственный технический университет,
Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, д. 1
anisimovap@mail.ru

Аннотация. Ухудшение состояния окружающей среды в мировом масштабе говорит о том, что причиной этого являются не отдельные недостатки международного или национального законодательства. Авторы доказывают, что причина этих проблем лежит в плоскости экологической этики и философии. Господствующая в большинстве стран мира антропоцентричная концепция взаимодействия Природы и общества предполагает, что при осуществлении хозяйственной или иной деятельности главной целью является обеспечение интересов человека, интересы других живых существ учитываются слабо, что усугубляет мировой экологический кризис. В работе рассмотрен опыт стран Латинской Америки, предлагающих эоцентричный подход, в рамках которого Природе предоставляется ряд прав, а человек признается лишь ее частью. Реализованная в законодательстве данная идея способна смягчить экологический кризис за счет учета всех экосистемных связей, что уже отчасти было реализовано в Рамсарской конвенции (1971) о водно-болотных угодьях. Сделан вывод о том, что продолжение этой стратегии позволит изменить правовое регулирование экологического нормирования, экологического контроля, создания особо охраняемых природных территорий и ряд других направлений. Авторами предложена стратегия перехода к новой системе экологических требований и экологизации российского законодательства.

Ключевые слова: природа, субъективное право, Латинская Америка, эоцентризм, антропоцентризм

Для цитирования: Анисимов А.П., Исакова Ю.И. 2024. Правовое положение природных объектов в законодательстве России и зарубежных стран: субъективные права или правовой режим? *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(4): 695–705. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-695-705

The Legal Status of Natural Objects in the Legislation of Russia and Foreign Countries: Subjective Rights or a Legal Regime?

Aleksey P. Anisimov, Yulia I. Isakova

Don State Technical University,
1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don 344000, Russian Federation
anisimovap@mail.ru

Abstract. The deterioration of the environment on a global scale suggests that it does not stem from individual shortcomings of international or national legislation. The authors prove that the cause of these problems lies in the plane of environmental ethics and philosophy. The anthropocentric concept of

interaction between Nature and society which prevails in most countries assumes that the main goal of economic or other activities is to ensure human interests. Nature protection tasks are limited to regulating emissions and discharges, the totality of which should not negatively affect human health. The interests of other living beings are poorly considered, which aggravates the global ecological crisis. The article discusses the ecocentric approach used by Latin American states, wherein Nature is granted a number of rights, and man is recognized only as a part of it. Implemented in legislation, this idea can mitigate the environmental crisis by taking into account all ecosystem links. This strategy has already been partially implemented in the Ramsar Convention (1971) on Wetlands. If continued, it will make it possible to change the legal regulation of environmental standards, environmental control, the establishment of specially protected natural territories, and many other areas. The authors suggest a strategy of transfer to a new system of environmental requirements and making the Russian legislation more environmentally focused.

Keywords: Nature, subjective law, Latin America, ecocentrism, anthropocentrism

For citation: Anisimov A.P., Isakova Yu.I. 2024. The Legal Status of Natural Objects in the Legislation of Russia and Foreign Countries: Subjective Rights or a Legal Regime? *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 695–705 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-695-705

Введение

Состояние окружающей среды в мировом масштабе вызывает все большую озабоченность и тревогу. По данным экологической программы ООН (ЮНЕП), один миллион из примерно 8 миллионов видов растений и животных в мире находится под угрозой исчезновения; 75 % поверхности суши Земли были существенно изменены в результате деятельности человека; 66 % площади океана подвержены влиянию деятельности человека, включая рыболовство и загрязнение; около 90 % мировых запасов морской рыбы полностью выловлены, чрезмерно выловлены или истощены. Потеря природных ресурсов имеет далеко идущие последствия. Поврежденные экосистемы усугубляют изменение климата, подрывают продовольственную безопасность. В результате около 3,2 млрд человек (40 % населения мира) страдают от деградации земель; коммерческое производство сельскохозяйственных культур находится под угрозой потери до 577 млрд долларов в год из-за сокращения численности насекомых-опылителей; развитие приводит к более тесному контакту животных и людей, что увеличивает риск распространения таких заболеваний, как COVID-19 (около 60 % человеческих инфекций имеют животное происхождение); 100–300 млн человек подвергаются повышенному риску наводнений и ураганов. Сокращение природных ресурсов и биологического разнообразия при нынешних тенденциях подорвет прогресс в достижении 35 из 44 задач ЦУР, связанных с нищетой, голодом, здравоохранением, водными ресурсами городов, климатом, океанами и сушей¹ [UNEP, 2024]. Это перечень угроз экологической безопасности можно продолжить.

Причин сложившейся ситуации достаточно много, но далеко не последняя из них заключается в неэффективности международного права и национального законодательства. На наш взгляд, законодательство любой страны основано на мировоззрении населения, его традициях и менталитете (именно поэтому мы видим много отличий в механизмах правовой охраны окружающей среды различных государств). До недавнего времени законодательство всех стран мира базировалось на философской концепции антропоцентризма, в рамках которой человек рассматривался как мера всех вещей; самостоятельная ценность остальных живых существ не признавалась, они лишь использовались для достижения целей людей. Такой подход в более современном виде предполагает необходимость смягчения негативных последствий от эксплуатации природных ресурсов, а также ограничение воздействия на экосистемы таким образом, чтобы загрязнение окружающей среды не влияло на состояние здоровья человека. При

¹ UNEP. Facts about the nature crisis. 2024. <https://www.unep.org/facts-about-nature-crisis> (дата обращения 09.08.2024).

этом интересы животных и растений (у которых может быть другой порог выживаемости в условиях загрязнения) не воспринимаются совсем либо учитываются факультативно. Последствия для мировой экологии от такой философии и основанного на ней законодательства известны.

Осознание катастрофичности этой модели взаимодействия природы и общества привело к формированию философской концепции эоцентризма (на основе которой начинают приниматься первые нормативные акты), предполагающей основной акцент на охране интересов не одного лишь человека, но и всех других живых существ. Начало данному направлению положили О. Леопольд и А. Швейцер (последнему принадлежит один из основополагающих принципов экологической этики «благоговения перед жизнью») [Швейцер, 1992]. Современные представители экофилософии идут даже дальше, утверждая, что к нашей планете следует относиться не как к мертвому, вращающемуся вокруг Солнца телу, а как к живому и разумному организму, способному откликаться на бездумную деятельность населяющих ее людей. Этот сложный организм представляет собой саморегулирующуюся систему, что проявляется в течении геологических, геофизических, атмосферных и иных процессов [Баркова, 2016].

Происходящий сейчас во многих странах мира и международной практике переход к новой экологической этике и философии влияет на содержание государственной политики и экологического законодательства. Несомненно, право лишь придает внешнюю (обязательную) форму идущим в обществе процессам, при этом ускоряя или, наоборот, замедляя их. В связи с этим весьма познавательным является нормативный опыт стран Латинской Америки, которые реализуют идеи эоцентризма в законодательстве и судебной практике своим особенным путем. Остановимся на этом подробнее.

Права Природы в законодательстве и судебной практике стран Латинской Америки

В настоящее время вопрос о субъективных правах существующих шести видов природных объектов не актуален для атмосферного воздуха, недр, лесов и почв. В мировой теории и практике речь идет об обсуждении и первых шагах к признанию субъективных прав Природы и водных объектов; в стадии активной реализации – признание субъективных прав животных (диких и домашних). В рамках первой тенденции в ряде стран Латинской Америки сейчас формируется новая эоцентричная парадигма, предлагающая рассматривать Природу как субъект права, признавая ее важность и неотъемлемую ценность. В Конституции Эквадора (ст. 71)¹ указывается, что Природа (Пачамама), где воспроизводится и происходит жизнь, имеет право на всестороннее уважение к своему существованию, а также к поддержанию и восстановлению своих жизненных циклов, структуры, функций и эволюционных процессов. Права рек или иных природных объектов отдельно не упоминаются, однако суды уже несколько раз выносили решения в пользу рек. Например, река Вилькабамба была признана истцом в судебном процессе, и ее интересы представляли два физических лица. В Перу одно время обсуждалось принятие закона о признании воды в качестве субъекта права (законопроект № 8097/2020-CR, предлагавший наделение воды правосубъектностью с предоставлением ей механизмов защиты со стороны государства и населения; однако этот проект не был принят). В Боливии права Природы провозглашены не в конституции, а в специальных законах. Закон 71/201023 гарантирует права Матери-Земли как коллективного субъекта общественных интересов и закрепляет принцип межкультурного взаимодействия для осуществления ее прав, учреждает управление по защите прав Матери-Земли для обеспечения их соблюдения.

¹ Constitucion Del Ecuador (Конституция Эквадора) – URL: <https://educacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2012/08/Constitucion.pdf> (дата обращения 21.10.2024)

В Колумбии судебное решение T-622/1618 (2016) вошло в историю после признания реки Аtrato субъектом права [Álvez-Marín et al, 2021, p. 164]. Примечательно, что в своем решении суд подчеркнул необходимость преодолеть антропоцентричный взгляд, свойственный западной мысли, и вместо этого перейти к экоцентричному подходу, согласно которому Природа является субъектом, обладающим правами в силу своей внутренней ценности, что требует юридического инструмента, обеспечивающего ей защиту и справедливость. Конституционный Суд Колумбии посчитал необходимым признать и защищать гармоничные и взаимозависимые отношения человека и Природы, в том числе особые отношения с участием этнических общин. Суд признал реку Аtrato и ее притоки субъектом прав на их защиту, сохранение, поддержание и восстановление с установлением ограничений любой экономической и иной деятельности, последствия которой могут повлечь деградацию и ухудшение состояния данного водного объекта и прав местных общин, которые зависят от него, чтобы существовать и развиваться. Из этого следует, что в решении Конституционного Суда Колумбии фактически идет речь о признании Природы субъектом права и, таким образом, о создании благоприятных условий для усиленной защиты Природы в интересах настоящего и будущих поколений. Этот поход основан на альтернативных этических взглядах, направленных на обеспечение комплексных отношений человека и Природы. Впоследствии этот прецедент был взят другими судьями в качестве основания для вынесения аналогичных решений, побуждающих задуматься о важности признания водных ресурсов в качестве субъекта права с более широкой экологической точки зрения (не только в плане защиты отдельной реки, но и в контексте новых форм взаимодействия человека и Природы). Использование такого подхода позволяет говорить о том, что ответственное и устойчивое управление природными ресурсами предполагает сохранение водных объектов для будущих поколений.

Преимущества признания воды субъектом права, по мнению ученых-юристов из Латинской Америки, заключаются в следующем. Такое решение предоставляет ей новый правовой статус, гарантирующий защиту и сохранение. Для этого следует принять новые правовые нормы, рассматривающие воду как элемент Природы с внутренней ценностью, выходящей за рамки ее полезности для человека. Это позволит снизить ее чрезмерную эксплуатацию и загрязнение. Юридическое признание воды как субъекта права обеспечит справедливый и ответственный доступ людей (а особенно наиболее уязвимых общин) к безопасной питьевой воде и базовым санитарным услугам. Такое признание будет означать более активное участие властей в надлежащем уходе за водой (включая создание механизмов подотчетности, которые будут способствовать прозрачности при принятии решений, касающихся водных объектов) и их ответственность [Requena et al, 2024]. Соответственно, в отличие от антропоцентричного подхода, закрепляющего, что вода предназначена для удовлетворения потребностей человека, экоцентричный подход признает самоценность воды, ее право существовать и течь в гармонии с природными экосистемами. Из этого следует, что права Природы должны стать новым этико-правовым обязательством человека защищать и уважать Природу, учитывать ее различные формы и проявления, устанавливать границы негативного воздействия на Природу, которые не выходят за рамки ее способности к существованию.

Таким образом, права Природы направлены не на запрещение ее использования, а на установление границ, гарантирующих поддержание жизни экосистем и отдельных природных объектов. Признание Природы автономным субъектом права предполагает новый способ понимания той роли, которую она играет в меняющемся мире, где человек и его потребности не должны быть важнее всего остального. Такой подход не вписывается в традиционное экологическое право и направлен на радикальное изменение понимания категорий окружающей среды и развития.

В настоящий момент такой подход является неприемлемым для большинства мировых правовых систем (включая страны ЕС и Россию). Причины такого непонимания

и отторжения лежат за рамками права. Конституционное признание прав Пачамамы (Матери-Земли) отрицает материальный взгляд либерального государства на Природу, так как оно основано на альтернативной философии, предполагающей новый формат общения Матери-Земли и человека и признающей ценность естественных экосистем. Поэтому в Рамочном законе Боливии о Матери-Земле Природа объявлена субъектом права как динамическая живая система, сформировавшая неделимое сообщество всех систем жизнедеятельности и живых существ, взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимодополняющих, имеющих общую судьбу. Это означает, что новые поколения людей и экосистемы представляют собой часть Матери-Земли. При этом заявлено о правовом характере коллективного субъекта, интересы которого необходимо защищать.

Как и в Боливии, в Эквадоре еще сохраняется двойное понимание Природы, которое, с одной стороны, включает в себя утилитарный взгляд на ее элементы (что закреплено в виде основных целей и функций государства), с другой стороны, мы встречаем и указание на важность ее защиты по причине присущей Природе ценности.

Права Природы являются эпистемологически новаторскими, поскольку они ставят под сомнение некоторые из фундаментальных категорий современного западного права, а также потому, что они возникают в результате неортодоксальных процессов формирования новых правовых знаний. Толкование и признание прав Природы предполагает, что без справедливого ограничения потребления ресурсов существование человека в будущем может быть поставлено под угрозу из-за их отсутствия. Это позволяет сделать вывод о том, что солидарность и справедливость между поколениями, с одной стороны, и защита окружающей среды, с другой стороны, в конечном итоге связаны до такой степени, что становятся одним и тем же охраняемым юридическим интересом [Vargas-Chaves et al, 2024]. Не менее важный вывод состоит в том, что существующий скептический взгляд европейской науки на правовые теории и практики стран глобального Юга несостоятелен, поскольку последние способны генерировать новые правовые смыслы и нормы (которых нет в странах Запада), выдержанные в системе ценностей эоцентризма.

Обратим внимание и еще на одно важное обстоятельство. В тех странах Латинской Америки, где в той или иной форме мы видим признание прав Природы, это происходит под влиянием мировоззрения коренных народов Анд. Пачамама (Мать-Земля) является живым существом для этих народов и теперь включается в правовую систему страны¹ [Cuevas, 2017]. Само нормативное закрепление такого субъекта может отличаться: в Эквадоре он наделен статусом субъекта права, который имеет право на жизнь и на восстановление своих жизненных циклов. Он не может действовать юридически сам по себе и должен быть защищен людьми. Люди и государство должны воздерживаться от насилия над процессами и структурами, из которых состоит это живое существо, они обязаны предпринимать все действия для его защиты и сохранения. Боливийский конституционный нарратив не заходит так далеко, как эквадорский. Конституция Боливии признает существование Пачамамы как божества и воспринимает его защиту как нормативный принцип, которым руководствуется государство, однако не наделяет Пачамаму статусом субъекта права. Рамочные законы страны о Матери-Земле, которые развивают данный принцип, расширяют признание этого живого существа, предоставляют ему некоторые права и создают обязанности для государства и граждан, например, учреждают Управление защитника Матери-Земли для ее сохранения и реализации права на восстановление [Requena et al, 2024, p. 11]

Все это ставит под сомнение прочно укоренившиеся представления, что только люди, наделенные свободой воли, могут рассматриваться как субъекты права.

¹ Cuevas N. 2017. Pachamama: Madre Tierra, Historia, Rituales y su Significado para los Pueblos Indígenas. – URL: <https://designificados.com/pachamama/> (accessed August 9, 2024).

Традыцыйна лічыцца, што суб'ект без свядомасці і здольнасці да дзеяння не несе адказнасці, ён не можа прымаць рашэння і браць на сябе іх наступствы. Вопрекі гэтым прадставленням, Пачамама як жывое існасць провозглашена суб'ектам права. Такой падыход оспарывае антропоцэнтрызм, ляжачы ў аснове сучаснага канстытуцыяналізма.

Такім чынам, у краінах Латыйскай Амерыкі зроблены першыя крокі па фарміраванню экалагічнага заканадаўства, асноваванага на новай сістэме цэннасцей, уваходзячых у філасофскую канцэпцыю экацэнтрызма. У фарміраванне данай канцэпцыі адчуцымый ўклад уносяць суды, а яе змест асноваваны на культуры, а таксама на рэлігіі карэнных народаў, пражываючых у даных дзяржавах. У цяперашні момант гаворка ідзе аб правах Прыроды ў цэлым ці правах вадных аб'ектаў, прычым пытанне не стоіць аб замацаванні за імі поўнацэннага пераліку прав, аналагічнага правам чалавека і грамадзяніна. Скорее, гаворка ідзе аб новай мадэлі ўспрымання прыродных аб'ектаў, аб ўліку экасістэмных сувязей, змяненні спажывецкага адносіна грамадзян да Прыроды, аб ўвядзенні дадатковых мераў па ахоўне вадных аб'ектаў, прадухіленні іх забруджвання і недапушчэнні прычынення ім шкоды. У межах гэтых прадставленняў чалавек разглядаецца не як вышэйшая форма быцця, а толькі як элемент Прыроды (Пачамамы). Кожная жыццёвая сувязана з іншымі, няма раздзялення паміж чалавечым і асяродкам. Жыццё мае агульную цэннасць, якая не з'яўляецца выключальным правам чалавека, а правам усяго жывага [Cardozo, Salles, 2019, p. 34].

Російскі шлях да экацэнтрызма: як можа паўплываць канцэпцыя прав Прыроды на далейшую экалагізацыю заканадаўства?

У цяперашні момант у російскім заканадаўстве не прадугледжаны права Прыроды (равна як і вод, лесов і т. д.). Суб'ектамі экалагічных правоў могуць выступаць толькі грамадзяне, юрыдычныя асобы, органы дзяржаўнай улады і мясцовага самаўправлення. Кампаненты прыроднага асяродка (земля, нафта, вада і т. д.), прыродныя аб'екты (эстэтычныя экасістэмы) і прыродныя комплексы (нацыянальныя паркі і др.) выступаюць аб'ектамі прававой ахоўны. Па кожнаму кампаненту прыроднага асяродка прыняты спецыяльныя законы (Вадны кодэкс, Лесны кодэкс і т. д.), у якіх ёсць спецыяльная глава, прысвечаная іх ахоўне. Акрамя таго, прадугледжаны экалагічныя патрабаванні да асобных відаў экалагічна небяспечнай дзейнасці (у прамысловасці, транспарце, сельскай гаспадарцы і т. д.), якія абмяжоўваюць негатыўны ўплыў на асяродок; створана дастаткова шырокая сетка ахоўваемых прыродных тэрыторый.

У межах навуковай доктрыны ідуць вельмі цікавыя дыскусіі, якія адрозніваюцца ад сусветных тэндэнцый. Так, Н.С. Макаревіч прапанаваў вырашыць станоўча пытанне аб прызнанні чалавека ў якасці аб'екта ахоўны ў экалагічным заканадаўстве, паколькі «поняцце "чалавек" уключае ў сябе і сацыяльныя, і біялагічныя моманты» [Макаревіч, 1973, с. 17]. М.М. Брынчук адзначаў, што прызнанне чалавека аб'ектам экалагічнага права мае тэарэтычнае і практычнае значэнне. Акрамя аднаўлення прыроднай справядлівасці, аб'ектыўнага адлюстравання ў заканадаўстве прыроднай сутнасці рэчаў, прызнанне чалавека ў якасці аб'екта экалагічных адносінаў дазволіць павялічыць патэнцыял экалагічнага права [Брынчук, 2005, с. 4]. Праціўнікі гэтай ідэі, аднак, паказваюць на тое, што калі чалавек – частка прыроды, то яму права не трэба, паколькі прырода жыве не па правам. У прыродзе ўсё адбываецца па аб'ектыўным законам. Як гаворыцца, тамбовскі волк таксама частка прыроды, але для яго законы не напісаны [Колбасов, 1999, с. 34]. Абмяжоўваюцца і больш радыкальныя ідэі, напрыклад, прызнання Вуселеннай аб'ектам (але не суб'ектам!) экалагічнага права [Брынчук, 2010], але яны яшчэ не атрымалі значаўнага навуковага падтрымкі.

Из этого небольшого обзора следует, что в России как части мирового сообщества идут дискуссии между сторонниками антропоцентричного подхода (пока он в науке и практике доминирует) и представителями экоцентричной концепции, указывающих на необходимость изменения философско-правовой картины мира и предлагающих уйти от признания господства человека над всеми другими формами жизни. В этой ситуации возникает резонный вопрос: как концепция прав Природы (Пачамамы) может быть применена в российской научной доктрине, законодательстве и практике? Попробуем дать на него ответ.

Пачамама (Мать-Земля) в латино-американской культуре (как совокупность всех имеющихся экосистем) отдаленно напоминает Бога-отца в православном христианстве. У Пачамамы нет субъективных прав, как их понимают нормативисты (политических, экономических, культурных или других). Речь идет о совсем другом типе правопонимания – естественно-правовом, в рамках которого право воспринимается не столько как совокупность правовых норм, сколько как совокупность идей, отраженных (или неотраженных) в нормах права. Соответственно, идея прав Природы состоит в том, что все природные объекты и экосистемы связаны между собой (и человек тоже их часть), поэтому охранять природу надо не пообъектно (леса отдельно, воды отдельно и т. д.), а как совокупность экосистем, учитывая пороговые значения выживания растений и животных при расчете нормативов качества окружающей среды и в иных экологических требованиях, запретах и ограничениях. Учитывать экосистемные связи следует в том объеме, в каком это возможно при нынешнем уровне развития науки и техники. Впервые такой полноценный экосистемный подход был реализован в Рамсарской конвенции 1971 года (для России как правопреемника СССР она является действующей), в рамках которой было предусмотрено, что болота охраняются не отдельно (а растительность отдельно и птицы отдельно), а как водно-болотное угодье в целом (совокупность экосистем). В переходе именно к таким экосистемным стратегиям и состоит идея прав Природы. Другими словами, нестандартный взгляд на хорошо известные и обсуждаемые экологические проблемы позволяет увидеть в них новые грани и предложить принципиально новые пути их решения (включая новый механизм защиты экосистем). Именно поэтому российским юристам-экологам может быть интересен опыт стран Латинской Америки.

Переход к новой системе экологических требований будет небыстрым и непростым, и займет он не одно десятилетие. Однако начинать нужно уже сейчас, если мы хотим, чтобы наши дети жили в чистой и благоприятной окружающей среде, где еще есть растения и животные. Однако, как идея прав Природы (чисто теоретически) могла бы повлиять на действующее экологическое законодательство в России и что в нем следует изменить?

На наш взгляд, с учетом существующих в мировой практике тенденций постепенного перехода на стандарты экоцентризма, в России необходимо предпринять следующее:

1) разработать новую систему экологических нормативов качества окружающей среды и технических регламентов, которые будут учитывать не только необходимость сохранения жизни и здоровья человека, но и потребности иных живых организмов;

2) экологическая экспертиза и процедура оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) в ходе оценки документов (документации) о хозяйственной и иной деятельности, представляющей потенциальную экологическую опасность, должны учитывать интересы не только человека, но и других форм жизни. Это потребует внесения изменений в экологическое законодательство России;

3) экологический контроль должен оценивать любое негативное воздействие на окружающую среду через призму его опасности не только для жизни и здоровья человека, но и для состояния флоры и фауны. Как и в предыдущем случае, это станет

возможным только после проведения сложных научных исследований о характере и степени воздействия разных видов загрязнений и иной деятельности человека на окружающую среду;

4) в основе экологического воспитания и образования должны быть новые цели, задачи и приоритеты. Это потребует не только разработки новой концепции, но еще и написания соответствующих научных и учебных трудов, произведений художественной литературы;

5) граждане и общественные экологические объединения должны получить право требовать прекращения экологически опасной деятельности в случае причинения вреда не только здоровью человека (или требовать возмещения экологического вреда), но и объектам животного и растительного мира;

6) перспективы перехода к экоцентризму можно продемонстрировать на следующем практическом примере: в статьях 16.6, 75.1 и 78.2 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. устанавливается, что плата за негативное воздействие на окружающую среду (она взимается, например, с промышленных предприятий за выбросы вредных веществ в атмосферу), суммы штрафов, собранных с нарушителей экологического законодательства, а также средства, полученные с причинителей вреда природным объектам, должны расходоваться не на восстановление этих пострадавших экосистем, а на выявление и ликвидацию объектов накопленного экологического вреда (типичным примером последнего могут быть старые свалки отходов производства и потребления) – в рамках экосистемного подхода подобное решение станет невозможным;

7) необходимо скорректировать не только экологические нормативы, но и требования к отдельным видам деятельности. В частности, это означает, что кроме дискуссий о том, насколько вредно для человека потребление продукции с использованием генно-модифицированных организмов (ГМО), нужно начать и дискуссию о возможных последствиях выращивания сельскохозяйственных ГМО-культур для животных и растений;

8) в рамках экосистемного подхода можно будет учитывать и сохранять эстетическую ценность Природы. Российские ученые уже предложили дополнить перечень объектов охраны окружающей среды «природными ландшафтами», определяя ландшафтное разнообразие как «вариабельность природных и природно-антропогенных ландшафтов и протекающих в них экологических процессов, обеспечивающих благоприятную окружающую среду» [Гафина, 2008, с. 6]. Признание эстетических свойств ландшафтов как объекта правовой охраны является одним из стратегических направлений на пути к устойчивому развитию, которое должно найти отражение не только в законодательстве об особо охраняемых природных территориях, но и в экологическом законодательстве в целом;

9) следует расширить критерии образования, режима защиты особо охраняемых природных территорий (ООПТ), а также зон экологического бедствия. ООПТ могут создаваться как путем придания особого правового режима отдельным территориям (точно и бессистемно), так и с использованием экосистемного подхода, позволяющего учесть экологическую ситуацию на прилегающих к ООПТ территориях, а также состояние окружающей среды в соседних странах, поскольку экосистемы никак не зависят от проведенных государственных границ. Последнее направление называется «национальная экологическая сеть». Многочисленные научные исследования говорят о том, что изолированные ООПТ со временем теряют биологическое разнообразие и не могут обеспечивать сохранение природы в перспективе¹ [Гайнутдинова, 2003]. И только создание системы специальных экологических коридоров поможет ликвидировать

¹ Гайнутдинова Л. 2003. Башкортостан на пути к природоохранной реформе. – URL: <https://www.bashinform.ru/news/politics/2003-09-19/bashkortostan-na-puti-k-prirodoohrannoy-reforme-2007340> (дата обращения 09.08.2024).

островной эффект, обеспечить взаимную поддержку популяций и генетический обмен между разделенными в результате деятельности человека биоценозами, позволяя сохранить биоразнообразие в долгосрочной перспективе. В России это пока только теория, но в Республике Беларусь уже есть и практические результаты. Заметим, что, кроме особо ценных в природоохранном смысле территорий, в России есть и разрушенные (деградирующие) экосистемы, требующие придания им особого эколого-правового режима с проведением рекультивации почв и иных восстановительных мероприятий. В научной доктрине такие территории называются «зоной экологического бедствия» [Каспова, 2014], однако на практике в России (по причине экономии средств государственного бюджета) таких зон пока не создано ни одной;

10) поскольку все природные экосистемы взаимосвязаны (независимо от государственных границ), необходим новый формат международного сотрудничества. Кроме расширения координационной роли ООН, потребуется разработка Всеобщей декларации прав Природы, основанной на новых экоцентричных принципах. Этот документ не будет обязательным, но предложит дорожную карту по разработке национального законодательства государств.

Заключение

Учитывая масштабы продолжающегося на Земле экологического кризиса в эпоху антропоцена, необходимо осмыслить исторические и социальные процессы, которые привели к деградации окружающей среды. Для этого необходимо отказаться от права человека господствовать над Природой и перейти от антропоцентричных к экоцентричным этико-философским стратегиям взаимодействия Природы и общества. Первый такой шаг был предпринят в ряде стран Латинской Америки (Эквадор, Боливия). Предлагаемый ими экоцентричный стандарт, связанный с наделением Природы рядом прав, невозможно воспринимать в категориях нормативизма, однако предложенные в этих странах идеи учета всех экосистемных связей, восприятия Природы как живого существа, требующего совершенно другого отношения к себе со стороны человека, самовосприятия последнего как части Природы вполне могут быть востребованы в национальных юрисдикциях любых стран (включая Россию) с учетом национальных правовых и культурных традиций, менталитета их народов.

Представляется важным улучшить координирующую роль ООН, разработать ряд деклараций и иных актов «мягкого права», определяющих стратегические цели мирового сообщества. Стратегия перехода к экоцентризму в России потребует широкой общественной дискуссии о новых правилах взаимодействия общества и Природы с последующим внесением изменений в экологическое законодательство в части новых стандартов нормирования, создания ООПТ, защиты природных ландшафтов, учета мнения коренных народов, изменения существующих подходов к экологическому воспитанию и образованию и т.д. Реализация этой сложной задачи даст человечеству возможность надеяться, что экологический апокалипсис, которым нас часто пугают радикальные представители экологической общественности, не является единственным возможным сценарием будущего. У мирового сообщества вполне могут быть и совсем иные перспективы.

Список литературы

- Баркова Э.В. 2016. К истории экофилософии: голос одухотворенного мира в гармонии взаимодействия человечества и природы в концепции В.С. Соловьева. *Человеческий капитал*, 8(92): 8–11.
- Бринчук М.М. 2005. Человек как объект экологических отношений. *Экологическое право*, 3: 2–4.

- Бринчук М.М. 2010. Вселенная – уникальная естественная экосистема: эколого-правовой контекст. *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 3: 72–100.
- Гафина Л.М. 2008. Правовая охрана ландшафтного разнообразия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 27 с.
- Каспрова Ю.А. 2014. Экологически неблагоприятные территории: особенности правового режима: дис. ... канд. юрид. наук. М., 176 с.
- Колбасов О.С. 1999. Терминологические блуждания в экологии. *Государство и право*, 10: 27–37.
- Макаревич Н.С. 1973. Правовое регулирование общественных отношений по охране природы в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 20 с.
- Швейцер А. 1992. Благоговение перед жизнью. М., Прогресс, 574 с.
- Álvez-Marín A., Castillo R., Acuña-Molina C., Torres P. 2021. Legal personhood of Latin American rivers: time to shift constitutional paradigms? *Journal of Human Rights and the Environment*, 12-2: 147–176.
- Cardozo D.E., Salles A.A. 2019. Animal Rights Theory from the Legal and Bioethical Perspectives. *Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies)*, 10/3: 30–46.
- Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. 2024. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, XV-1: 1–34.
- Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. 2024. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion. [The Recognition of Water as a Subject of Law in Peru: An Evolving Perspective]. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, XV-1: 1–34.
- Vargas-Chaves I., Cumbe-Figueroa A., Marulanda D. 2024. Los Derechos de las Generaciones Futuras: Consideraciones Desde el Reconocimiento de los Derechos de la Naturaleza a Partir de la STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia de Colombia. *Revista Catalana de Dret Ambiental*. XV-1: 1–34.
- Vargas-Chaves I., Cumbe-Figueroa A., Marulanda D. 2024. Los Derechos de las Generaciones Futuras: Consideraciones Desde el Reconocimiento de los Derechos de la Naturaleza a Partir de la STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia de Colombia. [The Rights of Future Generations: Considerations From the Recognition of the Rights of Nature from the STC4360-2018 of the Supreme Court of Justice of Colombia]. *Revista Catalana de Dret Ambiental*. XV-1: 1–34.

References

- Barkova E.V. 2016. K istorii ekofilosofii: golos oduhotvorenogo mira v garmonii vzaimodejstviya chelovechestva i prirody v koncepcii V.S. Solov'eva [Towards the History of Ecophilosophy: the voice of the spiritualized world in the harmony of the interaction of humanity and nature in the concept of V.S. Solovyov]. *Human capital*, 8: 8–11.
- Brinchuk M.M. 2005. Chelovek kak ob"ekt ekologicheskikh otnoshenij [Man as an object of environmental relations]. *Environmental law*, 3: 2–4.
- Brinchuk M.M. 2010. Vseleinnaya – unikal'naya estestvennaya ekosistema: ekologo-pravovoj kontekst [The universe is a unique natural ecosystem: ecological and legal context]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 3: 72–100.
- Gafina L.M. 2008. Pravovaya ohrana landshaftnogo raznoobraziya v Rossijskoj Federacii [Legal protection of landscape diversity in the Russian Federation]: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Ulyanovsk, 27 p.
- Kasparova Yu.A. 2014. Ekologicheski neblagopoluchnye territorii: osobennosti pravovogo rezhima [Ecologically unfavorable territories: features of the legal regime]: dissertation of the Candidate of Law. M., 176 p.
- Kolbasov O.S. 1999. Terminologicheskie bluzhdaniya v ekologii [Terminological wanderings in ecology]. *State and law*, 10: 27–37.

- Makarevich N.S. 1973. Pravovoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij po ohrane prirody v SSSR [Legal regulation of public relations for nature protection in the USSR]: abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Saratov, 20 s.
- Schweitzer A. 1992. Reverence for life. M., Publ. Progress, 574 s.
- Álvez-Marín A., Castillo R., Acuña-Molina C., Torres P. 2021. Legal personhood of Latin American rivers: time to shift constitutional paradigms? *Journal of Human Rights and the Environment*, 12-2: 147–176.
- Cardozo D.E., Salles A.A. 2019. Animal Rights Theory from the Legal and Bioethical Perspectives. *Derecho Animal (Forum of Animal Law Studies)*, 10/3: 30–46.
- Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. 2024. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, XV-1: 1–34.
- Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. 2024. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion. [The Recognition of Water as a Subject of Law in Peru: An Evolving Perspective]. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, XV-1: 1–34.
- Vargas-Chaves I., Cumbe-Figueroa A., Marulanda D. 2024. Los Derechos de las Generaciones Futuras: Consideraciones Desde el Reconocimiento de los Derechos de la Naturaleza a Partir de la STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia de Colombia. *Revista Catalana de Dret Ambiental*. XV-1: 1–34.
- Vargas-Chaves I., Cumbe-Figueroa A., Marulanda D. 2024. Los Derechos de las Generaciones Futuras: Consideraciones Desde el Reconocimiento de los Derechos de la Naturaleza a Partir de la STC4360-2018 de la Corte Suprema de Justicia de Colombia. [The Rights of Future Generations: Considerations From the Recognition of the Rights of Nature from the STC4360-2018 of the Supreme Court of Justice of Colombia]. *Revista Catalana de Dret Ambiental*. XV-1: 1–34.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.08.2024

Поступила после рецензирования 30.09.2024

Принята к публикации 05.10.2024

Received August 20, 2024

Revised September 30, 2024

Accepted October 5, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Исакова Юлия Игоревна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey P. Anisimov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

Yulia I. Isakova, Doctor of Sociology, Candidate of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 340.5+341.1 +342.3

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-706-715

Солидарность и взаимопомощь как многовековая нравственная основа российского суверенитета

Бабурин С.Н.

Институт государства и права Российской академии наук,
Россия, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

constitution@igpran.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы достоверности и полноты политико-правового знания на примере реализации Россией принципов солидарности и взаимопомощи как многовековой нравственной основы российского суверенитета. Выделены имперский, социалистический советский и современный цивилизационный виды российской солидарности и взаимопомощи. Рассмотрены идеологические искажения цивилизационных позиций России (СССР) на примере современных интерпретаций событий в Венгрии 1956 года и событий в Чехословакии в 1968 года. Представлены аргументы нравственной и юридической правоты СССР при вводе советских войск в Афганистан в 1979 году. Сделан вывод о том, что справедливость и взаимопомощь надлежит отнести к правовым ценностям, которые в традиционном русском правопонимании имеют трансцендентный, культурно-исторический статус, внутреннюю согласованность с религией и нравственностью с акцентом на доминирование морали над правом.

Ключевые слова: цивилизационное развитие России, солидарность, взаимопомощь, духовно-нравственные ценности, суверенитет, достоверность политико-правового знания, полнота политико-правового знания

Финансирование: исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Для цитирования: Бабурин С.Н. 2024. Солидарность и взаимопомощь как многовековая нравственная основа российского суверенитета. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 706–715. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-706-715

Solidarity and Mutual Assistance as a Centuries-Old Moral Basis of Russian Sovereignty

Sergey N. Baburin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka St, Moscow 119019, Russian Federation

constitution@igpran.ru

Abstract. The article discusses the issues of reliability and completeness of political and legal knowledge exemplified by Russia's implementation of solidarity and mutual assistance principles as a centuries-old moral basis of the country's sovereignty. The author distinguishes the imperial, socialist, Soviet and modern civilizational types of Russian solidarity and mutual assistance. Modern interpretations of the events in Hungary in 1956 and in Czechoslovakia in 1968 are provided as an example of an ideological

distortion of Russia's (the USSR's) civilizational stance. The moral and legal correctness of the Soviet troops deployment in Afghanistan in 1979 is argued. The study concludes that justice and mutual assistance should be attributed to legal values, which in the traditional Russian legal understanding have a transcendental, cultural and historical status, internal consistency with religion and morality, with an emphasis on the dominance of morality over law.

Keywords: civilizational development of Russia, solidarity, mutual assistance, spiritual and moral values, sovereignty, reliability of political and legal knowledge, completeness of political and legal knowledge

Funding: The research was carried out within the framework of the scientific project "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Baburin S.N. 2024. Solidarity and Mutual Assistance as a Centuries-Old Moral Basis of Russian Sovereignty. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 49(4): 706–715 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-706-715

Введение.

Нравственные основания суверенитета

В эпоху современного глобального мировоззренческого кризиса человеческой цивилизации по-новому происходит осмысление многих государственно-правовых явлений, прежде всего роли государства и правосознания, национальной самоидентичности и суверенитета. Как никогда раньше, ныне уместно говорить не только о государственных границах суверенитета, но и о «суверенитете гуманитарного пространства – пространства смыслов, духовных символов, социально-культурного развития» [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2019, с. 391]. По точному определению Президента России В.В. Путина, «между странами наметилась настоящая гонка за укреплением своего суверенитета, причём на трёх ключевых уровнях: государственном, ценностно-культурном и экономическом»¹.

Суверенитет как неотъемлемое качество государства, означающее независимость во внешних делах и верховенство государственной власти внутри страны, немислим вне традиции. Само признание суверенитета – это важнейшая, сложившаяся за века традиция человеческого общества. Суверенитет государства – первичное условие обеспечения свободы его граждан. Суверенитет – это и есть свобода, свобода оформленного государством общества. Но свобода может избежать перерождения во вседозволенность лишь при её опоре на духовно-нравственные ценности личности, солидарность и взаимопомощь. Вопросы нравственного состояния общества должны перестать быть чужими для государствоведения, только тогда мы сможем обеспечить достоверность политико-правового знания и успешно решить главную политико-правовую проблему современности – преодолеть нравственный нейтралитет государства.

Если духовные принципы человека определяются его способностью сверять свою жизнь с волей Всевышнего, то нравственные императивы вырабатываются народами индивидуально, ибо только культурно-исторический опыт позволяет выстроить критерии различения добра и зла.

Нравственность, как известно, предполагает способность человека различать добро и зло. Такое различие должно быть положено в основу деятельности публичной власти современных государств. XXI век показал, что крайне серьёзно следует относиться к критериям такого различения, а основной из них не может не быть религиозным.

¹ Путин В.В. Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, 7 июня 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/74234> (дата обращения 31.08.2024).

Прислушаемся к Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу: «Критерий возникает только там, где есть абсолютная правда, абсолютная истина. Эту абсолютную истину и правду несёт в себе вера. И задача сегодня заключается в том, чтобы люди это осмыслили и приняли феномен веры не как историческую традицию, не как часть фольклора – милого, приятного, вводящего в уютную атмосферу прошлого со всей его романтикой, а как реальный мировоззренческий выбор; чтобы современное человечество поняло: существование человечества во многом зависит от того, насколько люди примут умом и сердцем Божию правду» [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2021, с. 269].

Нравственные императивы русского общества, лежащие в основании государственного суверенитета России, основаны на принципе, сформулированном в наши дни Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, напомнившим, что нет иного закона человеческих отношений, кроме закона любви, который предполагает отдачу самого себя другому человеку и в ответ – получение великого дара любви от того, кому ты себя отдаешь. Именно этот закон из стада делает человеческое общество [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2019, с. 63]. Государство и его органы не должны быть нравственно нейтральны, они должны в любых вопросах стоять на позиции любви и добра, правды и справедливости, свободы и деятельной солидарности. Не случайно ещё сто лет назад П.С. Новгородцев призвал на место автономной морали поставить теонормную мораль, на место демократии – аксиократию, власть святых, власть ценностей [Новгородцев, 1926, с. 54].

За весь период цивилизационного развития России солидарность и взаимопомощь – как солидарность деятельная – многие века выковывались как нравственное основание российского суверенитета [Бабурин, 2024]. И солидарность, и взаимопомощь – это вопросы правосознания. В юридической науке под правосознанием принято понимать совокупность воззрений, убеждений, эмоций, настроений, оценок в сфере права и государства [Фролова, 2018, с. 175]. Правосознание народов напрямую определяется особенностями их цивилизационной культуры.

Нравственный характер российской солидарности и взаимопомощи

Российская историографическая модель политико-правового знания до сих пор слабо учитывает, что Россия слишком долго, целых триста лет, пыталась стать европейской державой, отринув закономерность, названную Н.Я. Данилевским одним из законов исторического развития, а именно то, что начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает её для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций [Данилевский, 1991, с. 91]. Именно поэтому в Китае, например, успешное социально-экономическое развитие последних десятилетий, дальнейшее совершенствование общества и государства строится на всестороннем претворении в жизнь идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи, продолжении сочетания основных положений марксизма с конкретной реальностью Китая, с превосходной традиционной китайской культурой. Как подчёркивает лидер КНР Си Цзиньпин, надо «под марксистским углом зрения наблюдать за эпохой, понимать её характерные черты и направлять тенденции её развития» [Цзиньпин, 1923, с. 13].

Здесь, на Белгородской земле, болезненно ощутима идущая на территории Украины война миров. Именно миров, а не стран или геополитических коалиций! Миру традиционных ценностей, олицетворяемому Россией, агрессивно противостоит мир Запада, мир деформированной нравственности и бездуховности, отвергающий Бога, понятия семьи и семейного воспитания, понимающий свободу как вседозволенность, умерщвляющий в человеке человеческое.

Духовно-нравственная деградация Запада началась не вчера. Вспомним Н.Н. Страхова, который в XIX веке справедливо назвал А.И. Герцена человеком,

обратившимся к Западу за мудростью, за нравственным идеалом, но убедившимся после долгих и усердных исканий, что Запад ничего прочного дать ему не может. Главным открытием Герцена, умевшего чувствовать все движения европейской общественной жизни, Страхов называл вывод о том, что Запад страдает смертельными болезнями, что «его цивилизации грозит неминуемая гибель, что нет в нём живых начал, которые могли бы спасти его» [Страхов, 2010, с. 264]. Вспомним «Закат Европы» О. Шпенглера, «Смерть Запада» Дж. Бьюкенена, «Запад» А.А. Зиновьева и работы других прозорливых мыслителей мира. В XXI веке роковой финал развития секулярного мировоззрения Европы наступил.

Иллюзии российской элиты о том, что «создавать, воспроизводить и защищать долгосрочный жизнеспособный суверенитет» можно только демократией [Суверенитет, 2006, с. 4], давно развеяны усилиями самого Запада, как и игнорирующие цивилизационные особенности государств мифы «суверенной демократии», только и возможной в России как европейской стране [Суверенитет, 2006]. Мы убедились, что внутренним стержнем суверенитета может быть экспансионизм и агрессивный эгоизм, свойственный, например, государствам с расистским политическим режимом, или нравственная нейтральность к добру и злу, ставшая чертой государств современного Запада. Российский суверенитет всегда отличался многовековой нравственной основой, элементами которой были стремление к справедливости, солидарность и готовность к взаимопомощи. Если Запад за последние двести лет интерпретировал свободу как вседозволенность, а суверенитет как замшелое препятствие космополитическому единству, то российский государственный суверенитет, как и суверенитет в любом традиционном обществе, остается основой свободы личности, а его духовно-нравственная основа покоится на незыблемых цивилизационных идеалах.

Конституция РФ с 1993 года закрепила либеральную парадигму развития общества, начиная с провозглашения в качестве единственной высшей ценности прав и свобод человека. Уже многие годы русская православная общественность настаивает, что есть ценности не ниже прав и свобод человека, такие как вера, Отечество, святости, нравственность¹. Вполне в духе уваровской триады XIX века «православие, самодержавие, народность» Патриарший совет по культуре предлагает триаду «вера, Родина, свобода» [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2021, с. 36]. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своих выступлениях неоднократно напоминает о роли идеалов, потому что ни один человек и ни один народ не пойдёт в смертельную атаку, чтобы увеличить ВВП или уровень своего потребления. Святейший патриарх подчёркивает: «Если нравственный идеал передается от поколения к поколению и если нравственный идеал ограждается от разрушения, то это становится гарантией жизни просвещенного общества и процветающего государства» [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2021, с. 25]. Ныне эта позиция закреплена Основами государственной политики по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей². Ведь суверенитет – это прежде всего способность идти своим путём, опираясь на собственную систему ценностей.

Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» прямо поставил перед отечественными общественными науками, в том числе юридической наукой, задачу обеспечить распространение в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания

¹ См.: Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. // URL:<http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения 28.08.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 17.12.2022).

прошлого и настоящего России¹. В таком понимании – одна из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти. При этом очень важно, чтобы исторические примеры взаимопомощи и солидарности суверенной России были достоверны, конкретны, чтобы они были оценены и интерпретированы без самоуничтожения, с преодолением свойственной Западу историографической русофобии. Достоверность в понимании прошлого позволит выработать эффективный ответ российского общества на вызовы современного этапа глобального развития.

Взаимопомощь и солидарность как нравственные ценности отсутствуют в западном политическом сознании, будучи заменены принципом взаимной выгоды. Цели того же Европейского Союза как формы европейской межгосударственной интеграции менялись от предотвращения дальнейших войн между Германией и Францией («Объединение европейских наций требует устранения векового противостояния Франции и Германии... будут заложены первые конкретные основания европейской Федерации, необходимой для сохранения мира», – провозгласил министр иностранных дел Франции Роберт Шуман 9 мая 1950 г.²) до закреплённых Лиссабонским договором от 13 декабря 2007 г. в качестве основных целей ЕС обеспечения существования зоны свободы, безопасности и справедливости без внутренних границ; поддержки устойчивого экономического развития Европы на основе сбалансированного роста экономики и стабильности цен, высококонкурентной социально-ориентированной рыночной экономики, стремления к обеспечению полной занятости и социального прогресса и высокого уровня защиты окружающей среды. Да, в Договоре обозначено и стремление к солидарности между странами – членами ЕС, но как взаимовыгодный способ обеспечения экономической, социальной и территориальной целостности стран – членов ЕС, условие создания прочного экономического и валютного союза, использующего евро в качестве валюты. Солидарность и уважение между людьми рассматриваются сугубо меркантильно, в ряду способности ЕС к поддержанию мира, безопасности и устойчивого экономического развития во всём мире, свободной и честной торговли и искоренению бедности³. Цели сугубо меркантильные.

Вывод о том, что солидарность и взаимопомощь за многие века становления русской государственности и российского государства были условием их становления, выступали нравственным основанием российского суверенитета, имеет под собой серьёзное историко-правовое основание.

Российская имперская солидарность и взаимопомощь

Формализуя наши исторические знания, следуя достоверным фактам прошлого, мы вправе выделить несколько видов российской солидарности и взаимопомощи: имперский, социалистический советский, современный цивилизационный. Уместно говорить и о культурно-ценностной эволюции российской солидарности в ходе исторического развития.

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // URL:<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения 23.06.2024).

² Шуман Р. Декларация от 09.05.1950 // URL:<https://old.robert-schuman.eu/ru/doc/questions-d-europe/qe-391-ru.pdf> (дата обращения 08.09.2024).

³ См.: Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества, 13.12.2007 // URL:<https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/373481> (дата обращения 07.09.2024).

Искренность российской имперской солидарности и взаимопомощи ярко проявилась в 1813–1814 гг. при Освободительном походе России в Европу, в 1815 году созданием «Священного Союза» монархов Европы, императоров России и Австрии, короля Пруссии, стремившихся к сохранению в Европе мира. Примечательно, что к заявлению о взаимопомощи христианских государей впоследствии постепенно присоединились все монархи континентальной Европы, кроме Папы Римского и турецкого султана. Эта солидарность вылилась в практическую военную помощь России монархам Австрии и Германии против революций 1848 года. Революционеры последующих эпох квалифицировали эту российскую помощь как реакционное подавление народных революций, но это следует считать модернизацией истории.

Современная европейская правовая культура антиисторична, она часто крайне далека от опоры на достоверность и полноту политико-правового знания. Пример тому – официальные требования венгерской стороны при ратификации Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между РСФСР и Венгерской Республикой, подписанного 6 декабря 1991 г., а ратифицированного только 17 февраля 1995 г. Венгерская сторона, «исходя из общего стремления преодолеть наследие тоталитаризма» (так было в тексте писем, которыми обменялись главы МИР Сторон, ставших неотъемлемой частью договора), требовала осуждения «вторжения» в Венгрию в 1956 году, говоря и об извинениях за вторжение в 1848 года. Из-за столь оскорбительной и не отвечающей исторической правде формулировки патриотическая часть российских депутатов дважды провалила ратификацию договора на заседаниях Верховного Совета РФ. Понадобился государственный переворот 1993 года, чтобы под официальные уверения о предотвращении вступления Венгрии в НАТО и о «ничего не значащей идеологической вставке»¹ ратификацию провели через Государственную Думу РФ.

Яркой демонстрацией чувства народной солидарности была реакция российского общества на русско-турецкую войну 1877–1878 гг., которую России начала ради освобождения православных братьев – болгар из-под турецкого ига. Император Александр II свой Высочайший Манифест о вступлении Российских войск в пределы Турции от 12 апреля 1877 г. начинает словами о том живом участии, которое Россия всегда принимала в судьбах угнетенного христианского населения Турции. Император подчёркивает: «Желание улучшить и обеспечить положение его разделял с НАМИ и весь Русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова». В манифесте четко обозначена цель применения оружия Россией: стремление улучшить жизнь восточных христиан².

Не менее важным проявлением солидарности и готовности помочь на деле стали события 1914 года, доказавшие реальность нравственной и политической солидарности России с Сербией, вплоть до высшего уровня взаимопомощи – военной мобилизации. Свой Манифест от 20 июля 1914 г. о начале военных действий между Россией и Германией Российский император Николай II начал словами: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно»³.

¹ См.: Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 79. 13 января 1995 года. М.: Изд. Государственной Думы. С. 39.

² Высочайший Манифест о вступлении Российских войск в пределы Турции от 12.04.1877 // URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1877_04_12_01 (дата обращения 08.09.2024).

³ Высочайший Манифест от 20.07.1914 // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/362523-manifest-imperatora-nikolaya-ii-ob-obyavlenii-voennyh-deystviy-mezhdu-rossiyei-i-germaniei-1914-g-iyulya-20#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения 8.09.2024).

В период Советской России имперская солидарность была трансформирована революционерами в пролетарскую. И это не был лишь период военного коммунизма и стремления к Мировой революции 20-х гг. XX в.

К полноте политико-правового знания о социалистической советской солидарности и взаимопомощи

Советская социалистическая солидарность выражалась при СССР в интернациональной взаимопомощи. Это была и помощь младотуркам в 1922, и помощь национально-освободительной борьбе Китая в 1922–1941 гг., и многие последующие, в том числе взятие под защиту СССР населения Западной Белоруссии и Западной Украины в 1939, освобождение Советским Союзом Восточной Европы от нацистской оккупации в 1944–1945 гг. Свою антиколониальную солидарность в 60–70 гг. СССР никогда не скрывал.

Стремясь к полноте и достоверности политико-правового знания, следует признать, что воплощённая в солидарности и взаимопомощи традиционная для Русской цивилизации нравственная основа государственного суверенитета получила выражение в концепции внешней политики СССР, названной на Западе «доктриной Брежнева». Выступая 12 ноября 1968 г. на V съезде Польской объединенной рабочей партии, Л.И. Брежнев подтвердил, что социалистические государства стоят за строгое уважение суверенитета всех стран, но когда в какой-либо стране возникает угроза делу социализма, это уже угроза безопасности социалистического содружества в целом, и эта угроза становится проблемой не только данной страны, но и общей проблемой социалистических стран, для пресечения такой угрозы может быть применена даже военная помощь братских стран [Брежнев, 1970, с. 328, 329]. Суть советской внешнеполитической стратегии была обозначена Л.И. Брежневым 21 декабря 1972 г. в докладе по случаю 50-летия СССР. Признавая, что безопасность народов напрямую зависит от незыблемости государственного суверенитета, нерушимости государственных границ, невмешательства во внутренние дела, независимости и равноправия государств, он вновь подчеркнул, что «Советский Союз всегда будет верен великому делу интернационального единства борцов за свободу народов, за социализм, за прочный мир на земле» [Брежнев, 1974, с. 66, 77]. Солидарность и взаимопомощь оставались для советского общества незыблемыми. В 1961–1962 гг. солидарность с Кубой потребовала даже вооруженной поддержки, что привело к «кубинскому кризису» 1962 года, но спасло Кубинскую революцию.

Особенно ярко идеологическое искажение цивилизационной позиции России (тогда – СССР) проявляется в современных интерпретациях событий 1956 года в Венгрии и 1968 года в Чехословакии.

События 1956 года в Венгрии фальсифицируются уже много десятилетий. Изначально их искажение осуществляли и советские историки, которым надо было увести от ответственности за пролившуюся кровь руководство СССР. Между тем именно позиция Н.С. Хрущёва, решившего амнистировать в 1955 году соучастников гитлеровских злодеяний, включая бандеровцев и европейских фашистов, привела к одномоментному возвращению в Венгрию из советских лагерей десятков тысяч военнопленных-салашистов – самых радикальных венгерских фашистов. Салашисты жаждали реванша и при организационной и финансовой поддержке Запада попытку такого реванша в 1956 году и предприняли, массово физически расправляясь с венгерскими коммунистами и их сторонниками. Не было никакой народной революции. Был классический фашистский мятеж, использовавший ошибки прежнего коммунистического управления республикой со стороны М. Ракоши, А. Хегедюша и Э. Герё. Военная помощь СССР своим сторонникам в Венгрии, вызванная Я. Кадаром, была спасением венгерского общества от кровопролитной гражданской войны.

Схожая ситуация, но уже без фашистской организационной подосновы, была в Чехословакии в 1968 году. И вновь опиравшаяся на русскую духовно-нравственную (цивилизационную) солидарность и взаимопомощь, получившую форму социалистического интернационализма, в условиях, когда руководство КПЧ оказалось не способно «успешно защищаться перед атаками на социализм, не способно организовать против правых сил ни идеологического, ни политического отпора», когда парализовано оказалось в ЧССР само социалистическое государство, позволила чехословацким государственным и партийным лидерам В. Биляку, А. Игдре, Д. Кольдеру, О. Швестке и А. Капеку просить СССР о вооруженном вмешательстве. На практике их поддержала основная часть руководства Чехословакии, в т. ч. Президент ЧССР Л. Свобода, Г. Гусак, О. Черник, Й. Ленарт и другие.

Идеологическим деформациям политического знания необходимо противопоставлять решительную борьбу за достоверность истории, за научный суверенитет России. Российское нравственное понимание суверенитета противоречит присущему Западу нравственному нейтралитету государств и публичной власти, но соответствует Уставу ООН. Отсюда нравственная и юридическая правота СССР при вводе советских войск в Афганистан по приглашению официального руководства тогдашней ДРА во главе с Президентом И. Амином в декабре 1979 г. СССР поступил юридически безупречно, но проиграл информационную войну, за что поплатился.

Следует отметить, что на опыте советской вооруженной интернациональной помощи свой вид силового вмешательства легализовал и Запад, внедрив в теорию и практику международного права доктрину гуманитарной интервенции [Бабурин, 2022]. Но это уже не солидарность и не взаимопомощь. Это юридически оформленное вмешательство во внутренние дела суверенных государств.

Солидарность и взаимопомощь стоят на духовно-нравственном основании, потому как нравственная основа советского суверенитета нашла выражение в принципе коллективизма и товарищеской взаимопомощи – «каждый за всех, все за одного» – Морального кодекса строителей коммунизма Программы КПСС 1961 года, как и в принципах непримиримости к несправедливости, братской солидарности с трудящимися всех стран, со всеми народами того же Кодекса.

Для полноты системы политико-правовых знаний заслуживает серьёзного внимания и политико-правовой оценки устранение в 1988 году из текста при редактировании Программы КПСС этого светского переложения библейских заповедей, как и попытка М.С. Горбачева 7 июля 1989 г. на совещании Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора в Бухаресте добиться официального отказа социалистических стран от взаимопомощи и интернационализма. Именно на том заседании стало плохо Председателю Государственного совета ГДР Э. Хонеккеру, которого увезли с почечными коликами в больницу, а Президент Румынии Н. Чаушеску публично обвинил Горбачева в разрушении СССР и измене делу социализма, чем подписал себе смертный приговор.

Выводы об аксиологии современного этапа российского цивилизационного развития

Ныне вырабатывается отвечающее культурно-историческим и духовно-нравственным принципам России современное российское понимание солидарности и взаимопомощи. Выступая 21 февраля 2022 г. с Обращением, объясняя гражданам России и всему миру необходимость признания ДНР и ЛНР, Президент РФ В.В. Путин подчеркнул: «Эти люди не согласились с поддержанным Западом переворотом на Украине в 2014 г., выступили против возведённого в ранг государственного движения в

сторону пещерного и агрессивного национализма и неонацизма. И борются за свои элементарные права – жить на своей земле, говорить на своём языке, за сохранение своей культуры и традиций»¹.

На территории Украины схватились в смертельной схватке возвращенный Западом нацизм, олицетворяющий идеологию смерти, и Россия, ставшая с 2020 году крепить в себе идеологию любви. Компромисс между ними невозможен.

В высокой нравственности принципов солидарности и взаимопомощи причина поддержки многонациональным народом России возвращения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, признания ДНР и ЛНР, проведения с 2022 года специальной военной операции. Мы ощущаем свою цивилизационную общность с жителями Русского Донбасса, со всеми украинскими антифашистами. «Внутреннее единство – ключ, открывающий двери многих возможностей. Там, где единство – там неодолимая сила и духовное братство, настоящая любовь и взаимная поддержка» [Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2021, с. 159], – подчёркивает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Справедливость и взаимопомощь надлежит отнести к правовым ценностям, которые в традиционном русском правопонимании имеют трансцендентный, культурно-исторический статус, внутреннюю согласованность с религией и нравственностью, с акцентом на доминирование морали над правом. Как справедливо отмечает А.Ю. Кузубова, конгруэнтные нравственно-правовые ценности обеспечивают сохранение и воспроизведение культурно-правовых императивов [Кузубова, 2024, с. 12]. Отсюда и стремление российского конституционализма к укреплению взаимопомощи и солидарности, когда ныне, пусть романтически, но на высшем законодательном уровне провозглашено, что в России обеспечиваются социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность (ст. 75.1 Конституции РФ).

Любая цивилизация, согласимся в этом с С.Д. Барановым, представляет собой «единичное, экземплярное, эмпирическое понятие, определяющее экономику, общество, культуру, а также их отношение к сверхъестественному – трансцендентному» [Баранов, 2024, с. 14]. Рассматривая в правовом плане цивилизацию как устойчивую форму социальной организации, сложившуюся в процессе развития духовной и материальной культур того или иного этноса (нации, народа) во времени и пространстве, мы неизбежно выйдем на вопросы цивилизационной идентичности, которая предполагает единство культурно-исторических ценностей во времени существования нации. И здесь значение справедливости и взаимопомощи крайне велико. Став за века развития русской государственности важной частью нравственной основы российского суверенитета, эти элементы российского архетипа остаются цивилизационной характеристикой России.

Список источников

- Брежнев Л.И. 1974. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., Политиздат, Т. 4. 488 с.
Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. 2021. Миссия Церкви в современном мире. Собрание трудов. Серия V. Том 1. М. : Изд-во Московской патриархии РПЦ, 752 с.
Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. 2019. О смыслах. М. : Изд-во МП РПЦ, 455 с.
Суверенитет. Сборник. 2006 / сост. Н. Гараджа. М. : Европа, 295 с.
Цзиньпин Си 2023. О государственном управлении / Пер. с кит. Т. 4. Пекин : Изд-во лит. на иностранных языках, 838 с.

¹ Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации, 21 февраля 2022 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/109> (дата обращения 28.08.2024)

Список литературы

- Бабурин С.Н. 2022. Гуманитарная интервенция: теория и практика международного права. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 19(2): 15–27. DOI: [10.24147/1990-5173.2022.19\(2\).15-27](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19(2).15-27)
- Бабурин С.Н. 2024. О духовных основаниях государственного суверенитета: правопонимание свободы совести в современном конституционализме. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*, 2: 36–45. DOI: [10.21777/2587-9472-2024-2-36-45](https://doi.org/10.21777/2587-9472-2024-2-36-45)
- Баранов С.Д. 2024. Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). М., Институт Наследия: 578 с. DOI: [10.34685/t6525-0373-3517-i](https://doi.org/10.34685/t6525-0373-3517-i).
- Данилевский Н.Я. 1991. Россия и Европа. М., Книга, 573 с.
- Кузубова А.Ю. 2024. Правовые ценности в юридической доктрине русского консерватизма XIX века: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. Белгород, 41 с.
- Новгородцев П.С. 1926. Восстановление святинь. *Путь. Орган русской религиозной мысли*, 4: 54–71.
- Страхов Н.Н. 2010. Борьба с Западом. М., Институт русской цивилизации, 576 с.
- Фролова Е.А. 2018. Проблемы теории и философии права. М., Publ. Юрлитинформ: 304 с.

References

- Baburin S.N. 2022. Humanitarian intervention: theory and practice of international law. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 19(2): 15–27. (In Russian). DOI: [10.24147/1990-5173.2022.19\(2\).15-27](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19(2).15-27)
- Baburin S.N. 2024. On the spiritual foundations of state sovereignty: legal understanding of freedom of conscience in modern constitutionalism. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki*, 2: 36–45. (In Russian). DOI: [10.21777/2587-9472-2024-2-36-45](https://doi.org/10.21777/2587-9472-2024-2-36-45)
- Baranov S.D. 2024. *Civilizaciya Vostochnoj Evropy (civilizaciya Osi) [The Civilization of Eastern Europe (Axis Civilization)]*. M., Publ. Institut Naslediya: 578 p. DOI: [10.34685/t6525-0373-3517-i](https://doi.org/10.34685/t6525-0373-3517-i).
- Danilevskij N.Ya. 1991. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. M.: Publ. Kniga, 573 p.
- Kuzubova A.Yu. 2024. Legal values in the Legal doctrine of Russian Conservatism of the XIX century: abstract of the dis. ... Doctor of Law. Belgorod, 41 p. (In Russian).
- Novgorodcev P.S. 1926. Vosstanovlenie svyatyn' [Restoration of shrines]. *Put'. Organ russkoj religioznoj mysli*, 4: 54–71.
- Strahov N.N. 2010. *Bor'ba s Zapadom [The fight against the West]*. M., Publ. Institut russkoj civilizacii: 576 p.
- Frolova E.A. 2018. *Problemy teorii i filosofii prava [Problems of theory and philosophy of law]*. M., Publ. Yurlitinform: 304 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.09.2024

Received September 12, 2024

Поступила после рецензирования 25.09.2024

Revised September 25, 2024

Принята к публикации 30.09.2024

Accepted September 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бабурин Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник Института государства и права, Российская академия наук, Москва, Россия.

Sergey N. Baburin, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Foreign Member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Chief Researcher of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 342.41

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-716-725

Конституционная формализация языка в странах Восточной Европы

¹ Новикова А.Е. , ² Грищенко Д.С.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

novikova_a@bsuedu.ru

² Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской
обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика,
Россия, 141435, Московская область, г. Химки, ул. Соколовская, д. 1А

Аннотация. Актуальность вопроса правового статуса языка в государстве определена совокупностью конституционных и правозащитных факторов. В числе первых – формализация на государственном уровне официального языка, применяемого во всех направлениях государственной деятельности, вторые включают не только субъективные права, связанные с использованием родного языка, но и направления государственной правозащитной политики в данной сфере. Прикладным аргументом раскрытия заявленной темы выступают участвовавшие в странах Восточной Европы нарушения субъективных прав граждан, связанные с реализацией родного языка на официальном государственном уровне. Вместе с тем отсутствуют специальные конституционно-сравнительные исследования в части легализации статуса языка, в том числе в указанной группе стран. В связи с этим цель данной работы состоит в выявлении в конституциях стран Восточной Европы норм о статусе различных видов языка в государстве, его сопряжениях с индивидуальными и коллективными субъектами социальной и публичной природы. Сделаны выводы об атрибутивном статусе языка на уровне государства; стандартном языковом многообразии (государственный, официальный, родной) и оригинальной единичной формулировке (язык, используемый в международном общении); конституционной аксиологии языка, выраженной в нормах, посвященных конституционному строю и правовому статусу личности.

Ключевые слова: язык, официальный язык, государственный язык, конституция, гарантии, национальные меньшинства, субъективные права

Для цитирования: Новикова А.Е., Грищенко Д.С. 2024. Конституционная формализация языка в странах Восточной Европы. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 716–725. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-716-725

Constitutional Formalization of Language in Eastern European Countries

¹ Alevtina E. Novikova , ² Dmitriy S. Grishchenko,

¹ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

novikova_a@bsuedu.ru

² The Civil Defence Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia
1A Sokolovskaya St, Khimki, Moscow region 141435, Russian Federation

Abstract. The relevance of the issue of the legal status of language in the state is determined by a combination of constitutional and human rights factors. Among the former ones is a statewide formalization of the official language used in all areas of the state activity, while the latter include not

only subjective rights related to the use of the native language, but also the directions of state human rights policy in this area. The applied argument for the disclosure of the topic is the frequent violations of people's subjective rights in Eastern European countries related to the use of their native language at the official state level. At the same time, there are no special constitutional and comparative studies on the legalization of language status, including in this group of countries. In this regard, the purpose of this work is to identify norms in the constitutions of Eastern European countries concerning the status of various types of language in the state, its relations with individual and collective subjects of a social and public nature. The study draws conclusions about the attributive status of language at the state level; the standard linguistic diversity (state, official, native) and the original single formulation (the language used in international communication); the constitutional axiology of language, expressed in the norms devoted to the constitutional system and the legal status of an individual.

Keywords: language, official language, state language, constitution, guarantees, national minorities, subjective rights

For citation: Novikova A.E., Grishchenko D.S. 2024. Constitutional Formalization of Language in Eastern European Countries. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 716–725 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-716-725

Введение

Реализация языкового сегмента внутренней политики Российского государства приобретает особую важность на фоне возрастающих масштабов внешних вызовов и угроз. Конституционный уровень формализации подтверждает значимость государственного или официального языка наряду с такими атрибутами государства, как герб, флаг, гимн. Конституционными поправками 2020 г., полагаем, закреплён важный аксиологический ориентир, отождествивший государственный язык Российской Федерации на всей ее территории с русским языком государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ч. 1 ст. 68)¹.

Результаты ранее осуществленных исследований позволяют утверждать наличие различных подходов к конституционной легализации статуса языка в государствах [Новикова, 2024]. К примеру, «во всех конституциях стран – участниц СНГ легализован государственный язык. В качестве такового выступает, как правило, язык титульной нации. Исключение составляет конституция Беларуси, предусматривающая два государственных языка» [Новикова, 2023, с. 134]. Отметим, что данная группа государств по политико-территориальному устройству относится к унитарной разновидности. Вместе с тем федеративный порядок устройства государства [Батюшкина, 2017; Мархгейм, 2023], наличие автономий [Борисова, 2016] и особое внимание к гарантированию прав коренных малочисленных народов [Краснов, 2019; Петербургский, 2020] оказывают серьезное влияние на языковую политику [Доровских, 2007; Жидикин, 2017; Орешкина, 2020].

Учитывая статус языка как государственного атрибута, современные риски, вызванные различными причинами, включая миграционную политику, недружественные действия зарубежных стран, можно говорить о целесообразности сопоставления различных конституционных моделей, закрепляющих статус языка для установления наиболее удачных правовых практик. При этом автрами отмечено отсутствие специальных сравнительно-правовых исследований конституций зарубежных стран, комплексно отражающих формализованные аспекты статуса языка в государстве. Кроме

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

того, как отмечает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, именно в странах Восточной Европы в числе противоправных действий называлась языковая сегрегация¹.

На основании приведенных аргументов поставлена цель данной работы – выявление в конституциях стран Восточной Европы норм о статусе различных видов языка в государстве, его сопряжениях с индивидуальными и коллективными субъектами социальной и публичной природы.

В исследовании были использованы общенаучные (системный, формально-логический, анализ и синтеза) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой и лингво-юридический) методы познания.

Нормы о языке в структуре конституций

Структурно конституционными разделами/главами, формализующими различные виды языка, явились:

- преамбула (Босния и Герцеговина, Литва);
- общие/основные принципы/начала/положения (Албания, Болгария, Латвия, Румыния, Северная Македония, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония);
- основные права и свободы человека / обязанности граждан (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Эстония);
- экономические, социальные и культурные права (Северная Македония);
- свобода и ответственность (Венгрия);
- права национальных и этнических меньшинств (Чехия);
- право на судебную и иную правовую защиту (Чехия);
- гарантии основных прав и свобод (Северная Македония);
- человек и государство (Литва);
- государство (Босния и Герцеговина, Венгрия, Литва, Польша);
- суд (Литва, Румыния)
- государственный контроль (Латвия);
- пересмотр конституции (Румыния)
- исключительные положения (Польша).

Уточним, что формулировка «государственный язык» включена в тексты 5 (Албания, Латвия, Литва, Словакия, Эстония) из 14 проанализированных конституций. Более распространенной для данной группы стран является формулировка «официальный язык».

Минимальное число положений, посвященное языкам, установлено в конституции Болгарии (2), а максимальное – в конституции Румынии (8). Вместе с тем количество не связано с качеством правового регулирования столь важной сферы. К примеру, в Конституции Чехии установлено три нормы в рамках исследуемой тематики, однако отсутствует ключевое положение о том, какой язык в стране является официальным или государственным.

Исключительным выступает отражение положений о языке в преамбуле конституций. Такие оригинальные формулировки обнаружены в текстах конституций Боснии и Герцеговины, Литвы. В преамбуле Конституции Боснии и Герцеговины Декларация прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам указана в качестве одного из документов по вопросам прав человека, которым руководствовались, принимая Конституцию. В преамбуле Конституции Литвы упоминается сохранение родного языка литовским народом.

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека Российской Федерации за 2021 год. М., 2022. 483 с. С. 385-418.

Далее представим результаты установленных легализованных сопряжений норм о языке с основами конституционного строя, правовым статусом личности и формами государственной деятельности.

Сопряжение норм о языке с основами конституционного строя

Итак, в каждой из заявленных конституций имеется самостоятельная статья/норма, закрепляющая государственный или официальный язык.

Так, согласно ч. 1 ст. 14 Конституции Албании «государственным языком в Республике Албания является албанский язык»¹. Согласно ст. 4 Конституции Латвии «государственным языком в Латвийской Республике является латышский язык»². В Литве в качестве государственного языка формализован литовский язык (ст. 14); в Эстонии – эстонский язык (ст. 6). В Конституции Словакии легализован государственный словацкий язык на всей территории Республики (ч. 1 ст. 6) с уточнением, что использование в официальных отношениях других языков, помимо государственного, регулируется законом (ч. 2 ст. 6).

Лаконичные формулы об официальном языке представлены в конституциях Болгарии (болгарский, ст. 3), Венгрии (венгерский, ч. 1 ст. Н), Польши (польский, ст. 27) и Румынии (румынский, ст. 13). По аналогии со словацкой Конституцией в ч. 3 ст. 36 Конституции Болгарии установлено, что «случаи, в которых используется только официальный язык, указываются в законе»³.

В конституциях Северной Македонии, Словении и Хорватии нормы об официальном языке представлены с содержательным приращением уточнения. В частности, согласно ст. 7 Конституции Северной Македонии, «в Республике официальным языком является македонский язык с кириллическим алфавитом»⁴. В данной же норме приведены правила об использовании языка представителями национальных меньшинств:

– «в единицах местного самоуправления, в которых большинство составляют представители национальных меньшинств, помимо македонского языка и кириллического алфавита, используется язык и алфавит этих национальностей в соответствии с установленной законом процедурой»⁵;

– «в единицах местного самоуправления, в которых значительное число составляют представители национальных меньшинств, помимо македонского языка и кириллического алфавита, используется язык и алфавит этих национальных меньшинств в соответствии с условиями и процедурой, предусмотренными законом»⁶.

Аналогичен подход в конституциях Словении и Хорватии. При официальном словенском языке в Словении «на территориях общин, где проживает итальянское или венгерское национальное сообщество, официальным языком также является соответственно итальянский или венгерский»⁷ (ст. 11).

В ст. 12 Конституции Хорватии установлен официальный хорватский язык и латинский алфавит, но «в отдельных административно-территориальных единицах наряду

¹ Конституция Албании. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2019. URL: Конституция Албании | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

² Конституция Латвии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Латвии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

³ Конституция республики Болгария // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. 2010. URL: Конституция Болгарии | Конституции (worldconstitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁴ Конституция Македонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Македонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁵ Конституция Македонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Македонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁶ Там же.

⁷ Конституция Словении. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Словении | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

с хорватским языком и латинским алфавитом может быть введен в официальное использование другой язык, а также кириллический или иной алфавит на условиях, предписанных законом»¹.

Таким образом, выражена конституционная позиция не только по поводу официального языка и его алфавита, но и иных языков, распространенных у населения административно-территориальных единиц или местного самоуправления. Полагаем, приведенные дополнения являются конституционными гарантиями для серьезной части населения государства, использующего иной язык для общения.

Практически в каждой Конституции имеются нормы о государственном гарантировании сохранения и развития языка, в том числе представителям национальных или этнических меньшинств. Для примера ст. 35 Конституции Польши, согласно которой «Республика обеспечивает польским гражданам, принадлежащим к национальным и этническим меньшинствам, свободу сохранения и развития собственного языка»². В аналогичном ключе ч. 1 ст. 6 Конституции Румынии. В рамках права на самобытность «государство признает и гарантирует лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право на сохранение, развитие и проявление своей этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности»³. В числе гарантирующих и ст. 7 Конституции Румынии, согласно которой «государство поддерживает упрочение связей с румынами, проживающими за пределами страны, и содействует сохранению, развитию и проявлению ими сво[е]й... языковой... самобытности»⁴. Универсальная гарантирующая норма в отношении официального языка, а также языков национальных меньшинств установлена в венгерской Конституции: «Венгрия будет защищать венгерский язык; уважать языки национальностей и этнических групп, живущих в стране, а также языки других стран»⁵.

По универсальности содержания с приведенной нормой сопоставима ст. 48 Конституции Северной Македонии с гарантированием Республикой защиты языковой идентичности национальностей.

Обратим внимание на оригинальность формулировки в ч. 3 ст. О Конституции Венгрии. В соответствии с ней государство «защищает язык жестов для глухих и слабослышащих как часть венгерской культуры».

Сопряжение норм о языке с правовым статусом личности

В исследованных конституциях выявлены упоминания языка в рамках различных элементов правового статуса личности. Самым распространенным сопряжением норм о языке с правовым статусом личности является включение языкового признака в принцип недопустимости дискриминации (ч. 2 ст. 18 Конституции Албании, ч. 2 ст. XIV Конституции Венгрии, ст. 29 Конституции Литвы, ст. 233 Конституции Польши, ч. 2 ст. 4 Конституции Румынии, ст. 54 Конституции Северной Македонии, ч. 2 ст. 12 Конституции Словакии, ст. 14 Конституции Словении, ст. 14 Конституции Хорватии, ч. 1 ст. 3 Конституции Чехии, ст. 12 Конституции Эстонии).

¹ Конституция республики Хорватия // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. 2010. URL: Конституция Хорватии | Конституции (worldconstitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

² Конституция Польши. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2012. URL: Конституция Польши (Польской республики) | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

³ Конституция Румынии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Румынии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁴ Там же.

⁵ Конституция Венгрии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Венгрии, 2012 г. | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

В аспекте дополнения классической формулировки следует назвать нормы конституций Словении и Хорватии. Так, на основании ст. 16 Конституции Словении «права человека и основные свободы могут быть отменены или ограничены только на время действия военного или чрезвычайного положения, только в том объеме, который требуется в связи с указанным положением, и таким образом, чтобы принятые меры не привели к неравенству прав исключительно в зависимости от расы, национальной принадлежности, пола, языка»¹. Аналогичное установление выявлено в Конституции Хорватии применительно к периоду военного положения или в случае непосредственной угрозы независимости и единству государства (ст. 17).

Уточним, что в Конституции Боснии и Герцеговины отсутствует классическая формула принципа недискриминации, однако в п. «b» ст. 7 данный принцип отражен в связи с запретом лишения гражданства.

Конституционные положения о языке упоминаются и в контексте субъективных прав различных видов, в частности политической разнovidности. Так, согласно ст. 104 Конституции Латвии «каждый имеет право в предусмотренном законом виде обращаться в государственные учреждения и учреждения самоуправлений с заявлениями и получать ответ по существу... на латышском языке»². Аналогичен текст нормы ст. 51 Конституции Эстонии, но в части эстонского языка, с уточнением, что «в регионах, где не менее половины постоянных жителей относятся к национальному меньшинству, каждый имеет право получать ответы от государственных учреждений, местных самоуправлений и должностных лиц также на языке этого национального меньшинства»³.

В ином текстуальном варианте выражена ст. 62 Конституции Словении с наименованием «Право на использование своего языка и письменности»: «каждый имеет право при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей, а также в отношениях с государственными и другими публичными органами, использовать свой родной язык и письменность в порядке, установленном законом»⁴.

Обоснованно сопряжение формулировок о языке с социально-культурным правом на образование. Так, согласно ч. 1 ст. 36 Конституции Болгарии «изучение и использование болгарского языка право и обязанность болгарских граждан». При этом «граждане, для которых болгарский язык не является родным, имеют право наряду с обязательным изучением болгарского языка изучать и использовать свой родной язык»⁵ (ч. 2 ст. 36).

В ч. 2 ст. 32 Конституции Румынии определено, что «образование всех ступеней осуществляется на румынском языке. При установленных законом условиях образование может осуществляться и на языке, используемом в международном общении»⁶. Таким образом на конституционном уровне легализована еще одна разновидность языка в государстве – язык международного общения.

В ст. 37 Конституции Эстонии легализовано право каждого учиться на эстонском языке, а «язык обучения в учебном заведении для национального меньшинства избирает учебное заведение»⁷.

¹ Конституция Словении. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Словении | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

² Конституция Латвии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Латвии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

³ Конституция Эстонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Эстонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁴ Конституция Словении. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Словении | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁵ Конституция республики Болгария // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. 2010. URL: Конституция Болгарии | Конституции (worldconstitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁶ Конституция Румынии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Румынии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁷ Конституция Эстонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Эстонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

В Конституции Румынии формализовано «право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, изучать родной язык и право получать образование на этом языке»¹, которые гарантируются (ч. 3 ст. 32).

Распространено включение положений о языке в субъективные права участников судопроизводства. К примеру, на основании ч. 1 ст. 28 Конституции Албании «каждый, кого лишают свободы, имеет право быть незамедлительно информированным на понятном ему языке о причинах этой меры и о выдвинутом против него обвинении»². Текстуально и содержательно аналогичны нормы ст. 19 Конституции Словении и ст. 21 Конституции Эстонии. Практически совпадает с изложенными ч. 2 ст. 127 Конституции Румынии и ст. 29 Конституции Хорватии лишь с дополнением о праве лица на «бесплатную помощь переводчика, если не понимает и не говорит на языке, на котором ведется судебное разбирательство». Лишь о помощи переводчика идет речь в ч. 4 ст. 47 Конституции Словакии и ч. 4 ст. 37 Конституция Чехии.

Обоснованно упоминания языка в связи с формализацией субъективных прав отдельных категорий населения, например, представителей национальных или этнических меньшинств и их родном языке.

Так, согласно ч. 2 ст. 20 Конституции Албании «представители национальных меньшинств имеют право свободно, без запрета и принуждения, выражать свою языковую самобытность. Они имеют право сохранять ее и развивать, обучать и учиться на родном языке...»³. В рамках особых прав автохтонных итальянского и венгерского национальных сообществ предусмотрены идентичные права с уточнением о материальном и моральном содействии государства в осуществлении этих прав (ст. 64 Конституции Словении).

В ч. 1 ст. XXVII Конституции Венгрии установлено, что «национальные и этнические меньшинства будут иметь право использовать свой родной язык, чтобы использовать их имена на своем родном языке, способствовать их культуре и образованию с учетом их языков»⁴. На основании ст. 114 Конституции Латвии «лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право сохранять и развивать свой язык, этническую и культурную самобытность»⁵. Согласно ст. 37 Конституции Литвы «граждане, принадлежащие к национальным общинам, имеют право на развитие своего языка, культуры и обычаев»⁶.

Широкие права у представителей национальностей (в смысле меньшинств) зафиксированы в Северной Македонии. Так, представители национальностей имеют право: «основывать культурные и художественные учреждения, научные и другие объединения, целью которых является выражение, сохранение и развитие своей национальной идентичности» (ст. 48)⁷; «преподавать на своем языке в начальной и средней школе в соответствии с установленной законом процедурой. В школах, в которых обучение осуществляется на языке национальностей, изучается и македонский язык»⁸ (ст. 48).

Согласно ст. 34 Конституции Словакии гражданам, образующим в Словацкой Республике национальные меньшинства или этнические группы, гарантируется право

¹ Конституция Румынии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Румынии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

² Конституция Албании. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2019. URL: Конституция Албании | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

³ Там же.

⁴ Конституция Венгрии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Венгрии, 2012 г. | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁵ Конституция Латвии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Латвии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁶ Конституция Литвы. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Литвы | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁷ Конституция Македонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Македонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁸ Там же.

распространять и получать информацию на родном языке (ч. 1); овладение государственным языком и право пользоваться своим языком в официальных отношениях (ч. 2). Аналогичен текст ч. 1 и 2 ст. 25 Конституции Чехии.

В ст. 15 Конституции Хорватии использована широкая содержательная формула, гарантирующая представителям всех народов и национальных меньшинств свободное использование своего языка и письменности.

Сопряжение норм о языке с государственной деятельностью

Установлены соприжения с органами законодательной, судебной власти, а также уровнем самоуправления. Наиболее универсальным содержанием отличается ч. 5 ст. 26 Конституции Словакии: «органы публичной власти обязаны соответствующим образом представлять информацию о своей деятельности на государственном языке»¹. В аналогичном смысловом ключе сформулирована ст. 52 Конституции Эстонии, согласно которой «делопроизводство в государственных учреждениях и местных самоуправлениях ведется на эстонском языке»². Далее в норме уточняется, что «в регионах, где эстонский язык не является языком большинства населения, местные самоуправления могут в установленных законом объеме и порядке вести внутреннее делопроизводство на языке большинства постоянного населения этого региона»³.

В Конституции Латвии государственный язык предписан в качестве рабочего в парламенте (ст. 21) и органах самоуправления (ст. 101). В ст. 18 Конституции Латвии закреплена торжественная клятва члена Сейма, произнесение которой связано с приобретением им полномочий. В тексте клятвы указано обещание «быть преданным Латвии, укреплять ее суверенитет и латышский язык, как единственный государственный язык...»⁴. Применительно к судебной власти в ст. 117 Конституции Литвы указано, что «судопроизводство в... Республике ведется на государственном языке»⁵, а в Румынии – на румынском языке (ч. 1 ст. 127 Конституции Румынии). В качестве оригинального надлежит привести текст ч. 1 ст. 28 Конституции Венгрии в части легализации языка закона. В этой норме указано, что «во время применения закона суды будут интерпретировать язык закона, совместимого с его намерением и Конституцией»⁶.

Особый интерес представляет ч. 1 ст. 148 Конституции Румынии, легализующая запрет пересмотра норм Конституции об официальном языке наряду с республиканской формой правления, территориальной целостностью, независимостью юстиции и политическим плюрализмом. Приведенная норма демонстрирует статус языка в качестве одной из высших конституционных ценностей. Ни в одной из исследованных конституций заявленной группы государств подобного рода нормы не обнаружено.

Заключение

Подводя итоги, уточним, что атрибутивный статус языка на уровне государства подтверждается его легализацией в конституционных главах, посвященных основам государства, его общим принципам или основам правового статуса личности. На наш

¹ Конституция Словакии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Словакии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

² Конституция Эстонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Эстонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

³ Там же.

⁴ Конституция Латвии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Латвии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁵ Конституция Литвы. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Литвы | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

⁶ Конституция Венгрии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Венгрии, 2012 г. | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

взгляд, такая локализация норм о языке подчеркивает и их объединяющую роль для личности, общества и государства.

Во всех исследованных Конституциях стран Восточной Европы легализован государственный или официальный язык и его государственные гарантии. В качестве наименее распространенных разновидностей легализованы родной язык, рабочий язык и в единичном варианте – язык, используемый в международном общении.

Как показал анализ конституционных норм стран Восточной Европы, язык – это не только государственный атрибут, но в некоторой мере и элемент правового статуса личности, хотя более правильной является корреляция языка с отдельными элементами правового статуса личности (правовыми принципами, субъективными правами, юридическими гарантиями).

Наименшее количество сопряжений установлено в части норм о языке и государственной деятельности, однако эти нормы в конституциях стран Восточной Европы затрагивают все уровни и сферы деятельности публичной власти.

Таким образом, в целом модель конституционной формализации языка в странах Восточной Европы представляется комплектной.

Список литературы

- Батюшкина М.В. 2017. Государственные языки республик: к вопросу о моделировании статуса, функциональной роли и ситуациях употребления. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*, 3(3): 113–128. DOI: [10.21684/2411-197X-2017-3-3-113-128](https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-3-113-128)
- Борисова Н.В. 2016. Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях. *Мировая экономика и международные отношения*, 60(9): 67–75. DOI: [10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75)
- Доровских Е.М. 2007. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык». *Журнал российского права*, 12: 8–20.
- Жидикин А.А. 2017. Правовой статус государственных языков в зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование. *Ежегодник российского образовательного законодательства*, 17(12): 112–135.
- Краснов Л.Н. 2019. К вопросу о государственной защите родных языков национальных меньшинств. *Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права*, 2(16): 60–70.
- Мархгейм М.В. 2023. Государственный язык России: конституционно-правовые ракурсы и сопряжения. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 3(154): 73–80.
- Новикова А.Е. 2023. Конституционная формализация государственного языка в странах СНГ. *Право и государство: теория и практика*, 10(226): 132–135. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_132
- Новикова А.Е. 2024. Конституционная формализация языка в странах Африки. *Право и государство: теория и практика*, 5(233): 210–213. DOI: [10.47643/1815-1337_2024_5_210](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_210)
- Орешкина М.В. 2020. Официальный язык. *Социолингвистика*, 2(2): 124–137.
- Петербургский М.Ю. 2020. Государственный язык, официальный язык и язык меньшинства: теоретико-правовые проблемы дефиниций и регулирования статуса в многонациональном государстве. *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 5(15): 203–229. DOI: [10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky)

References

- Batiushkina M.V. 2017. State Languages of Republics: To the Question on the Modeling of the Status, Functional Role and Situations of Use. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 3(3): 113-128. (In Russian). DOI: [10.21684/2411-197X-2017-3-3-113-128](https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-3-113-128)

- Borisova N.V. Politicization of Language and Language Preferential Policy in Ethnic Territorial Autonomies. *World Economy and International Relations*, 60(9): 67–75. (In Russian). DOI: [10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75)
- Dorovskih E.M. 2007. К вопросу о разграничении понятий «gosudarstvennyj yazyk» i «oficial'nyj yazyk» [On the issue of distinguishing the concepts of "state language" and "official language"]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 12: 8–20.
- ZHidikin A.A. 2017. Pravovoj status gosudarstvennyh yazykov v zarubezhnyh stranah: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [The legal status of official languages in foreign countries: a comparative legal study]. *Ezhegodnik rossijskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva*, 17(12): 112–135.
- Krasnov L.N. 2019. On state protection of native languages of national minorities. *Regional'noe i municipal'noe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava*, 2(16): 60–70. (In Russian).
- Markhgeym M.V. 2023. Gosudarstvennyj yazyk Rossii: konstitucionno-pravovye rakursy i sopryazheniya [The state language of Russia: constitutional-law perspectives and interfaces]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 3(154): 73–80.
- Novikova A.E. 2023. Constitutional formalization of the state language in the CIS countries. *Law and State: The Theory and Practice*, 10(226): 132–135. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_132 (In Russian)
- Novikova A.E. 2024. Constitutional formalization of language in African countries. *Law and state: theory and practice*, 5(233): 210–213. (In Russian). DOI: [10.47643/1815-1337_2024_5_210](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_210)
- Oreshkina M.V. 2020. The official language. *Sociolinguistic studies*, 2(2): 124–137. (In Russian). DOI: [10.37892/2713-2951-2020-2-2-124-137](https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-124-137)
- Peterburgsky M.Yu. State language, official language and minority language: theoretical and legal problems of definitions and status regulation in a multinational state. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 5(15): 203–229. (In Russian). DOI: [10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.05.2024
Поступила после рецензирования 26.06.2024
Принята к публикации 01.07.2024

Received May 11, 2024
Revised June 26, 2024
Accepted July 01, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Новикова Алевтина Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-7001-4908](https://orcid.org/0000-0001-7001-4908)

Alevtina E. Novikova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-7001-4908](https://orcid.org/0000-0001-7001-4908)

Грищенко Дмитрий Сергеевич, преподаватель, Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, г. Химки, Россия.

Dmitrij S. Grishchenko, the teacher, The Civil Defence Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 130.11

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-726-735

Коллективный интеллект: философская генеалогия концепта

Желнин А.И.

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

zhelnin@psu.ru

Аннотация. Зачатки концепта коллективного интеллекта в философии можно обнаружить в Античной и Средневековой идее общего разума, который понимался преимущественно в теологическом ключе. Начиная с Нового времени, интеллект тесно связывается с субъектом, понимаемым как конкретное человеческое «Я», что проблематизирует идею его надындивидуальных форм. Только диалектика Гегеля, несмотря на свой спекулятивный характер, показала возможность взаимопроникновения частного и общего в разумной жизни. XIX–XX вв. характеризуются становлением первых теорий интеллекта, ростом плюрализма в его понимании. Коллективный интеллект оказывается возможен ввиду общности материальной деятельности людей (Маркс), коллективной системы понятий (Дюркгейм), «жизненного мира» общих смыслов (Гуссерль), системы объективно воплощенного знания (Поппер), коллективной интенциональности (Серл). Постепенно философия преодолела как логоцентризм в понимании интеллекта в целом, так и метафизический разрыв общего и частного в нем, начав рассматривать коллективный интеллект как продукт интересубъективной активности самих индивидов.

Ключевые слова: интеллект, разум, коллективный интеллект, коллективная интенциональность, интересубъективность

Для цитирования: Желнин А.И. 2024. Коллективный интеллект: философская генеалогия концепта. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 726–735. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-726-735

Collective Intelligence: Philosophical Genealogy of the Concept

Anton I. Zhelnin

Perm State University,

15 Bukirev St, Perm 614990, Russian Federation

zhelnin@psu.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of the collective intelligence concept in philosophy. Its beginning can be attributed to ancient and medieval idea of general reason, which was expressed mainly in a theological manner. Since Modern time, intellect has been firmly associated with a subject understood as a specific human "I", and that which problematizes the idea of its supra-individual forms. Only Hegel's dialectics, Despite its speculative essence, it was only Hegel's dialectics that opened up the possibility of interconnection between private and general in rational life. XIX–XX The 19th and 20th centuries are characterized by the emergence of the first theories of intelligence and growth of pluralism

in its understanding. Collective intelligence turns out to be possible due to the commonality of people's material activities of people (Marx), a collective system of concepts (Durkheim), "Lebenswelt" of common meanings (Husserl), the system of objectively embodied knowledge (Popper), collective intentionality (Searle). Philosophy has gradually overcome both the logocentrism in understanding of intelligence and the metaphysical gap between the general and the particular in it, beginning to consider collective intelligence as a product of individuals' intersubjective activity of individuals themselves.

Keywords: intelligence, mind, collective intelligence, collective intentionality, intersubjectivity

For citation: Zhelnin A.I. 2024. Collective Intelligence: Philosophical Genealogy of the Concept. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 726–735 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-726-735

Античные и Средневековые предпосылки оппозиции индивидуального и общего в интеллекте

Проблема сущности разума является центральной для философии. Уже раннегреческие философы отделяли разум от чувств. Платон первым представил душу как иерархическую систему, на вершине которой пребывает ум. Аристотель определяет ум как способность воспринимать и мыслить чистые формы, правильно их сочетать в рассуждении. Он указывает на универсальность ума, способность мыслить любые формы, в т. ч. и себя самого: «И поскольку ум может мыслить все, ему необходимо быть ни с чем не смешанным, чтобы властвовать над всем, т. е. чтобы [все] познавать... в возможности ум некоторым образом есть то, что он мыслит, в действительности же нет, пока он не мыслит его. И он мыслим так же, как все другое мыслимое» [Аристотель, 2020, с. 190, 191, 195]. Также ему принадлежит мысль, что разум, в отличие от прочих частей души, не является в полной мере индивидуальным, что он есть часть общего мирового разума.

Понятие интеллекта закрепилось в философии Средних веков. Теологи полагали его центром души, скрепляющим все остальное (чувства, память, волю). Августин считал, что без его упорядочивающей силы память была бы механическим нагромождением: «Размышлением перебрать то, что и прежде содержалось в памяти, но хранилось беспорядочно и было разбросано кое-как, а затем разместить все это и упорядочить. Именно в уме происходит собирание, сведение воедино, а это и называется обдумыванием» [Августин Блаженный, 2000, с. 630]. Одним из центральных тем своей философии сделал интеллект Фома Аквинский. Для него говорить о человеческом разуме есть смысл только в связке с божественным и одновременно с противопоставлением божественному. Бог объемлет всю полноту знания в одном акте простого схватывания, человеческий же интеллект воспринимает ту или иную конечную форму, переходит от одних форм к другим в процессе рассуждения. Возникает сама проблема соотношения единства и множественности в интеллекте. Аквинат полагал, что интеллект – высшая способность души, и т. к. душ много, то и интеллектов много: «Совершенно невозможно, чтобы разум был один у всех людей» [Фома Аквинский, 2007, с. 115]. Интеллект, происходя от Бога, тем не менее актуализируется в жизни индивида, а основа индивидуации видится в теле. Вместе с тем Аквинат не отрицает возможность надындивидуальных, общих форм познания: «Индивидуальность мыслящего или познавательной формы, посредством которой он мыслит, не исключает мышления общего, ведь в противном случае отдельные разумы, являясь некими самостоятельно существующими субстанциями, а следовательно, частными, не могли бы мыслить общее» [Фома Аквинский, 2007, с. 117].

Персонализация интеллекта в Новое время

В Новоевропейской философии интеллект понимался как сердцевина человеческой личности. Декарт описал «естественный свет разума», позволяющий непосредственно постигать достоверность той или иной идеи, первая же очевидность принадлежит идее

самого разума. Воля, чувства, интуиция субординируются мышлением как «гравитационным центром» жизни человека: «Под словом мышление я понимаю все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем. Таким образом, не только понимать, хотеть, воображать, но также и чувствовать есть то же самое, что мыслить» [Декарт, 1989, с. 316]. Интеллект оказывается одним из понятий, обозначающих мыслящее Я, схватывает его единство в многообразии cogitationum, а также его способность к рефлексии: «Интеллект есть способность саморазумения, т. е. выражение единства “Я” как априорной предпосылки любого акта сознания» [Комаров, 2007, с. 44]. Таким образом, для мировоззрения Нового времени субъектом интеллектуальной деятельности является индивид с его эгологическим разумом. Е.Т. Соколова отмечает: «Исторически проблема самоидентичности в классической философии Нового времени выступала как проблема Я, при этом Я понималось средоточием, “центром” мыслей, чувств, переживаний и телесных ощущений, обеспечивающих свободное самоопределение личности, гарантию самоидентичности» [Соколова, 2014, с. 192].

Декарт, отталкиваясь от своего личного сознания, приходит, однако, к открытию трансцендентального субъекта, воплощающего инвариантную структуру мыслящего Я: «Декарт понимал, что мыслит тот или иной конкретный человек, но так, что самим мышлением и внутри него конструируется некий субъект, который в своем предельном значении есть вневременной, внепространственный, абсолютно самопрозрачный и самотождественный трансцендентальный субъект» [Тарасов, 2007, с. 27]. Индивидуальные разумы не полностью изолированы, т. к. архитектоника их мышления эссенциально одинакова, пусть эта связь и остается данной лишь in abstracto. Мой личный разум одновременно репрезентирует разум как таковой.

Кант связывает Я с трансцендентальным единством апперцепции, осуществляемым как реальный синтез во внутреннем чувстве: «Нам кажется, будто в сознании нас самих (в мыслящем субъекте) мы имеем это субстанциальное, так как все предикаты внутреннего чувства относятся к Я как субъекту. Поэтому кажется, что здесь полнота в отношении данных понятий как предикатов к субъекту дана в опыте не только как идея, но как предмет, а именно сам абсолютный субъект. Но эта надежда рушится. Ведь Я есть вовсе не понятие, а только обозначение предмета внутреннего чувства» [Кант, 1994, с. 95]. Разум у Канта – автономная от потоков опыта система, в котором все составляющие с их априорными структурами взаимосвязаны и взаимно определены. Однако Кантовский субъект остается онтологически «одиноким»: «От него не остается ничего, кроме как раз того вечно одного и того же “Я мыслю”, которому надлежит сопровождать все мои представления. Абстрактной самости, правооснованию всякого протоколирования и систематизирования, не противостоит ничего, кроме абстрактного материала, не имеющего никаких иных свойств, кроме свойства быть субстратом подобного рода обладания» [Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 42]. Не зря нравственные принципы, кладущиеся в основу отношения к другим, тоже являются у Канта порождением интеллекта, манифестацией его уже не феноменальной, но ноуменальной ипостаси: «Моральный закон становится априорным основанием свободных поступков, а ноумен “Я” получает бытийную определенность. Следование идеям разума в этом случае становится нравственным долгом» [Комаров, 2007, с. 293]. Здесь коллективность вырастает всецело изнутри, являясь продуктом идентификации субъекта с себе подобными разумными существами.

Диалектический взгляд на индивидуальное и коллективное в интеллекте

Гегель, используя диалектический метод, приходит к тому, что разум – это сложный сплав общего, особенного и единичного. Вместе с тем его спекулятивная система зиждется на абсолютизации именно всеобщего. В соответствии с тождеством

противоположностей мировой разум трактуется как «всеобщий индивид, обладающий самосознанием дух», в то время как «отдельный индивид есть несовершенный дух» [Гегель, 2008, с. 53]. Вторичность индивида заключена в том, что он в своем развитии проходит те ступени, которые уже логически проторены духом общим: «Отдельный дух должен и по содержанию пройти ступени образования всеобщего духа, но как формы, уже оставленные духом, как этапы пути, уже разработанного и выверенного» [Гегель, 2008, с. 53]. В итоге индивид понимается лишь как «момент» абсолюта. Гегель вводит природную основу этого процесса через диалектику рода и индивида: род существует путем «снятия» индивидов, но род – это не абстрактная, а конкретная всеобщность, так как он и есть множество индивидов. Данная диалектика нашла выражение и во взгляде Гегеля на историю. Несмотря на то, что исторический процесс феноменологически выражается в столкновении отдельных индивидов и народов, в итоге оказывается, что посредством них действует мировой дух: «Мы знаем, что история, по Гегелю, это шествие Духа по Земле. Но чтобы дойти до самосознания, до Абсолютной идеи, этот “дух” должен при помощи человека изобретать орудия и при их помощи продвигаться к высшим формам сознания и человеческого общества» [Мареев, Барсуков, 2021, с. 15]. Однако эта «хитрость мирового разума» остается мистифицированной не только ввиду фатального разрыва между общим и единичным, но и того, что абсолют продолжает парадоксально мыслиться по аналогии с индивидом: «Ошибочно уже выражение “мировой разум преследует свои цели” (отличные от целей каждого из деятелей в отдельности), так как оно означает, что мировой разум мыслится как индивид, возвышающийся над всеми остальными» [Дудник, Камнев, 2015, с. 28]. Гегель в целом верно нашел в диалектике методологический ключ к решению проблемы взаимосвязи общего и индивидуального разума, однако гипертрофировал роль всеобщего, оторвав его от индивида.

Переосмысление подхода Гегеля в этом вопросе можно найти у Маркса. Для него индивидуальное и общественное диалектически переплетены, так как сущность человека, пользуясь его формулировками, – это «не абстракт, присущий отдельному индивиду», а общество – не «немая тотальность». Духовное единство людей выводится Марксом из материальной единства их потребностей и деятельности: «С самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства, и так же стара, как сами люди, – связь, которая принимает все новые формы, а следовательно представляет собой “историю”» [Маркс, Энгельс, 1989, с. 27]. Рост общности в массе сознаний усиливается при капитализме и детерминирована концентрацией производства, расширением разноплановых связей и форм общения между людьми: «Лишь с этим универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей... местноограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими, эмпирически универсальными» [Маркс, Энгельс, 1989, с. 32].

В марксизме чаще прибегают к понятию сознания, которое охватывает весь универсум ментальных феноменов (не только интеллектуальных, но и эмоциональных, волевых и т.д.), и трактуют общественное сознание не как механическую сумму индивидуальных, но как типическое содержание, существующее в и через них. Однако понятие интеллекта также присутствует: так, Маркс ввел понятие «всеобщего интеллекта» (General Intellect), подчеркивая, что промышленная концентрация производства способствует интеграции людей в этом аспекте. Это понятие пытается реанимировать и развить П. Вирно, связав его с понятием множества как живого неунифицируемого единства индивидов: «Если воспользоваться термином Маркса, партитура современных виртуозов – это General Intellect, совокупный интеллект общества, абстрактная мысль, ставшая опорой общественного производства... Под General Intellect Маркс имеет в виду науку, познание в целом, понимание того, от чего зависит общественная производительность... General Intellect сегодня присутствует прежде всего как коммуникация,

абстракцыя, самарэфлексія жывых суб'ектаў» [Вірно, 2013, с. 73]. Як і сама родавая сутнасць чалавека, всеагуны інтэлект пры капіталізме застаецца усрэдненым і адчужденым ад індывідаў мерілом іх духоўных дзейнасцей, в тое ж час застаючыся падтверджэннем іх сацыяльнасці: «Пад General Intellect мы павінны мець у вачэй не савакупнасць відаў ведаў, а здольнасць думаць, саму гэту патэнцыю як такую, а не яе многачысленыя канкрэтныя рэалізацыі. “Агуны інтэлект” – гэта нічога іншага, як інтэлект ваагуце» [Вірно, 2013, с. 77]. В сітуацыі класовага антаганізма такой інтэлект аказваецца адчуждены ад падаўляючай масы індывідаў. Маркс звязвае сняцце гэтага адчуждэння не толькі з сацыяльнай рэвалюцыяй, но і з далейшай універсалацыяй прадукцыі (станавленнем так называемага всеагунага труда), прэжде всего праз яго всестаронняе апаучыванне.

Тэорыі інтэлекта: ад логоцэнтрызма к інтэгральнасці і сацыяльнасці

XIX век ознаменаван п'яўленнем псіхалогіі і сацыялогіі, пазволіўшых перавесці впраас аб інтэлекце в балее канкрэтную плоскасць, но пры гэтым аставаўшыхся пад вліяньнем філасофіі. Так, У. Дзеймс палагал, што прыватнасць свядання, а следаватэльна, і мыслітэльных працэсаў в нем – гэта непрэложны факт: «Мыслі каждага лічнага свядання абасоблены ад мыслей другога: межу нымі нет нікакага непасрэднага абмена, нікакая мысль аднаго лічнага свядання не можа стаць непасрэдным аб'ектам мыслі другога свядання. Абсалютная разобцённасць свяданняў, не падааўшыся аб'ядненію пл'юралізм састваляюць псіхалогічэскі закон» [Дзеймс, 2020, с. 90]. Э. Дюркгейм, напроціў, падчэрківаў аацэствэнную звязь людзей праз раздэлеанне труда і сацыяльную солідарнасць. Он палагал, што абстрактнае панятыйнае мышленне і язык, явялаўшыся яго абалочкай, суть прадукты аацэства как автаномнай ад індывідаў сістэмы і явялаўся ключом, пазваляючым свяданням індывідаў саабацаться: «Панятые па сваёй суті – бэзлічнае прадстаўленне, іменна праз него саабацаюць чалавечэскія разумы. Багадаря аднаму факту саствавання аацэства паміма індывідуальных аощуаень і абразав саствауае такжа цэлая сістэма прадстаўленяў, абладааўшых удывітэльнымі свядствамі. С іх пааощаюць людзі панамаають друг другога, а умы палучаають сааощнаасць к взаімапроанікнавенію» [Дюркгейм, 2018, с. 712, 716-717]. Очевідно, што гэты вгляды не явялаўся суаубо эмпірычэскімі, а атражаають канцэптаўальныя пазіцыі: так, Дзеймс, рассаатрывааь свяданне как прыватнае Я, в цэлом павтарааь тачку зрэння Наваеуропейскіх філасафаў, Дюркгейм же нааодзіцца пад вліяньнем балее новых сааіаацэнтрычэскіх тэчэнняў.

Этот період такжа ознаменаван п'яўленнем первых экспліцытных тэорыяў інтэлекта. Асобняком срады нях стоіт тэорыя Ж. Піажа, котарыў п'ятался нааітні інтэгратывны ааааод, преолаев логоцэнтрызм в панамааніі інтэлекта. Так, он піша: «Двоітвенная прырода інтэлекта, аднаваменна лааічэская і біалааічэская, – вот із чаго нам следуаь ісааодыць» [Піажа, 2004, с. 6]. Інтэлект для него – гэта сааощнаасць паааержанія многопланаваго взаімааействія суб'екта са срадой, т. е. в кааом-то смысла асобая, высшая форма адаптааіі. Прымерно то же пісал аб інтэлекце і А. Бергсон, палагааь яго зааонамерным адаптаывным пороааеннем эвалюаіі: «Он абеспечывааь поаное вклученне наашаго тэла в аауражааую сраду, сааааь прадстаўленія аб аааоаненнях внаешніх друг другогу вешаў... Суаествэннай функаіяй інтэлекта, кааым сформіравала яго эвалюаія жыаія, явялаўся ааавешчэнне наашаго паведенія, пааааавка наашаго воеаействія на вешаў, прадвёаненне саааыаіяў, баааопрыятных ілі неблаааопрыятных для даннаго палааженія» [Бергсон, 2020, с. 5, 29]. Для аааіаженія даннаго аааь інтэлект вклучааь не толькі мышленне, но і аналіз перааептывнаго воеаеріяаія, нааученне, пааааь і т. д. Тем сааым он аказываецца не аааельнай сааощнаасцю, а іх саааым функаіянальным еаніаством: «Інтэлект неваааожно отораать ад других коааіаывных

процессов. Он, строго говоря, не является одной из структур, стоящей наряду с другими структурами. Интеллект – это определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсорно-моторных механизмов» [Пиаже, 2004, с. 10]. Интеллект стал конвенционально трактоваться как интегральная способность использования различных психологических процессов, их комбинирования в целеполагании, решении проблем, выборе, принятии решений. Полиморфность интеллекта (сосуществование в нем логического, вербального, внутри- и межличностного) отражена в теории «множественного интеллекта» Г. Гарднера [Gardner, 2011], а его динамичность – в идее деления интеллекта на «кристаллизованный» (связанный с жизненным опытом и памятью) и «флюидный» (связанный с освоением новых знаний, решением нестандартных проблем) в теории Р.Б. Кэттелла [Cattell, 1987]. Все чаще говорят об особом эмоциональном [Goleman, 2020] и социальном [Albrecht, 2006] интеллекте, умении распознавать и анализировать переживания и поведение других, эффективно участвовать с ними в совместной деятельности.

Плюрализм философских интерпретаций коллективного интеллекта в философии XX века

Многообразие интерпретаций коллективных форм интеллекта росло в XX веке комплементарно обогащению понимания интеллекта как такового. Наиболее фундаментальные сдвиги – это уход от логоцентризма, а также отказ от гипостазирования интеллекта в качестве некой субстанции, его вписывание в эволюционный и социокультурный контексты: «Человеческий интеллект имеет как биологические, так и социальные корни и отнюдь не является изолированной и независимой абсолютной сущностью» [Хоркхаймер, 2011, с. 65]. Вместе с тем философы редко в явной форме исследовали интеллект, поэтому их позиции нуждаются в реконструкции.

Так, в философии XX века один из первых намеков на потенциальный фундамент общей духовной, в том числе интеллектуальной жизни можно найти в феноменологии Гуссерля, точнее в его учении об интересубъективности и жизненном мире. Критикуя европейскую науку за рациональный объективизм, Гуссерль предлагает вернуться к живому чувственному созерцанию. Последнее фундируется не интеллектуальным Я, но живым Я в связке со своим телесным началом: «Живое тело постоянно присутствует в поле восприятия совершенно уникальным способом, совершенно непосредственно, в совершенно уникальном бытийном смысле: то, в чем я совершенно уникальным способом и совершенно непосредственно существую как Я, испытывающее аффекты и производящее действия, в чем я совершенно непосредственно властвую кинестетически» [Гуссерль, 2004, с. 148]. Другие люди ввиду закрытости их сознаний тем более открываются субъекту прежде всего в корпоральном ракурсе, т. ч. «некоторые тела в моем поле восприятия приобретают значимость живых тел, принадлежащих “чужим” Я-субъектам» [Гуссерль, 2004, с. 149]. Именно понимание не только себя, но и других как «животелесных» индивидов образует *Lebenswelt* как единый жизненный горизонт: «Всякий раз, когда мир осознается как универсальный горизонт, как единый универсум сущих объектов, мы, каждый Я-человек и все мы вместе, как живущие в мире рядом друг с другом, как раз принадлежим миру, который именно в этой “совместной жизни” есть наш мир» [Гуссерль, 2004, с. 150].

Lebenswelt является интересубъективным. Важно подчеркнуть, что это не предметный мир, а мир смысловой. Здесь же обнаруживается и слабая сторона учения Гуссерля об интересубъективности: другой оказывается не самим живым другим, а его смыслом, который я воспринимаю и мыслю преимущественно по аналогии с самим собой: «Другой – это в полном смысле *Alter Ego*. И этот Другой есть только моя конституция, интенциональная структура трансцендентальной субъективности» [Комаров, 2007, с. 504]. Заключим, что главное достоинство точки зрения Гуссерля – в фундировании

интерсубъективности не чистым интеллектом *per se*, но им в единстве с чувственной и телесной жизнью, смыслами, имеющими не только интеллектуальное, но и аксиологическое наполнение. Это в полной мере соответствует позиции того же Ж. Пиаже, утверждавшего, что «аффективная и когнитивная жизнь являются неразделимыми, оставаясь в то же время различными. Они неразделимы, поскольку всякий взаимообмен со средой предполагает одновременно и наложение структуры, и создание ценностей» [Пиаже, 2004, с. 9]. Однако *Lebenswelt* – это прежде всего интерсубъективный мир в модусе живого допонятийного восприятия и его самоочевидных истин, так что трактовать его как только коллективную форму интеллекта ошибочно.

Другим философом XX века, который принадлежит к иной традиции, но у которого тоже можно обнаружить аллюзию на коллективный разум, является К. Поппер. Речь идет о его теории трех миров. Первый мир – мир предметов, второй мир – мир сознания, третий мир – мир воплощенного знания. Последний может претендовать на статус общечеловеческого интеллекта, а точнее его совокупного продукта. Он родственен первым двум: миру 1, т. к. он существует как внешний по отношению к сознанию, миру 2 – т. к. без ментальных состояний людей этого мира никогда бы не возникло. Данный мир можно именовать миром науки и культуры. Человеческие разумы не только перманентно создают этот универсум, но и осваивают его. Наличие мира 3 является опровержением солипсизма, т. к. он содержит такие научные теории и произведения культуры, которые я один никогда не мог бы создать: «Согласно теории солипсизма, только я существую, так что, воображая эти работы, конечно, я сам являюсь их творцом. Для меня это совершенно неприемлемо. И поэтому я заключаю, что должны существовать другие сознания» [Поппер, 2008, с. 163].

Для Поппера как представителя аналитической традиции центральное место в данной онтологии занимает язык. Именно он служит универсальным средством для объективации всего массива человеческого знания, в т. ч. делая возможным такую центральную опцию человеческого разума, как рациональная аргументация: «Вместе с развитием дескриптивного языка может возникнуть лингвистический третий мир. Лишь таким путём, лишь в этом третьем мире могут развиваться проблемы и стандарты рациональной критики. Именно это развитие высших функций языка привело к формированию нашей человеческой природы, нашего разума, ибо наша способность рассуждать есть ни что иное, как способность критического аргументирования» [Поппер, 2002, с. 122]. Критике могут быть подвергнуты только выраженные в языке мысли и идеи. Поэтому базовой компетенцией языка является обеспечение процесса обмена людей содержаниями своих сознаний. Коллективный разум видится здесь только как суммативное порождение сознаний индивидов. При этом может существенно нивелироваться его эмерджентная природа, отрицаться объективные закономерности его появления и развития.

Для полноты картины рассмотрим третьего избранного нами философа XX века, Дж. Серля. Его философия знакова тем, что пытается использовать достижения обеих традиций западноевропейской философии, континентальной и аналитической. Философия сознания Серля – это реакция на бихевиоризм и лингвистический поворот, на отказ от анализа сознания в пользу его внешних проявлений. Она любопытна и тем, что критически анализирует сформировавшуюся под влиянием компьютерной революции идею искусственного интеллекта. Последний заново проблематизирует сущность интеллекта как такового: «"Интеллект", "интеллектуальное поведение" не являются точно определенными понятиями» [Серл, 2002, с. 36]. По Серлю, нельзя изучать интеллектуальные или любые другие ментальные состояния без признания сознания как их носителя. Оно же всегда является чьим-то сознанием: «Всегда есть первое лицо, "Я", которое обладает ментальными состояниями» [Серл, 2002, с. 40]. Наряду с моим Я есть

Я других людей, и Серл полагает, что проблема других сознаний не может быть сведена к анализу их поведенческих диспозиций. Сознание скорее интуитивно верит в их существование, нежели стремится рационально доказать.

Вместе с тем Серл тесно увязывает сознание с мозгом. Хотя делается акцент на эмерджентности сознания, его интерпретация как функции мозга все же является натурализмом: «Сознание есть биологическое свойство мозга. Оно причинно обусловлено нейробиологическими процессами и в той же степени является частью естественного биологического порядка, как и любые другие свойства вроде фотосинтеза, пищеварения или деления клетки» [Серл, 2002, с. 99]. Нераздельность сознания с органическим субстратом делает трудно представимыми его формы сознания. Они могут мыслиться лишь в рамках нейросетевой метафоры, когда индивидуальные разумы уподобляются «нейронам» единого «мозга».

Однако у Серла есть наброски для выхода за пределы натурализма. Прежде всего они связаны с концептом интенциональности, который ассоциируется с континентальной традицией. Интенциональность трактуется Серлем как направленность сознания на любое нечто, лежащее вне его: «Любое состояние, направленное на что-либо, лежащее за его пределами, есть интенциональное состояние» [Серл, 2004, с. 52]. Интенциональность образует особый вид каузальной связи, построенный на намерении субъекта. Однако человек действует в обществе себе подобных, поэтому другие люди имеют в поле сознания привилегированный статус, т. ч. помимо индивидуальной интенциональности образуется коллективная: «Категория “других людей” играет особую роль в структуре нашего сознательного опыта. Эта способность придания специального статуса другим средоточиям сознания является фоновой предпосылкой для всех форм коллективной интенциональности» [Серл, 2004, с. 128]. Способность нескольких сознаний синхронно сосредотачиваться на одном предмете с общей целью отражается понятием «Мы-Намерение». В целом сходным с Поппером образом Серл полагает, что коллективная интенция порождает особый мир: «Коллективная интенциональность позволяет группам людей создавать общие институциональные факты, связанные с деньгами, собственностью, бракосочетаниями, управлением и, самое главное, языками» [Серл, 2004, с. 75]. Таким образом, базой для интеграции сознаний оказывается их интерсубъективная вовлеченность, позволяющая осуществлять совместное намерение. Возможность установления такой взаимосвязанной сети интенциональностей, по мнению Серля, фундируется существованием общего контекста, который он именуется Фоном: «Фоновые процессы обычно не связаны с интенциональными состояниями, а формируют то, что можно назвать диспозициями, “способностями” и привычками, иначе говоря, “культурными и биологическими ноу-хау”» [Ким, 2013, с. 31]. Данный фон отнюдь не всецело социален, в учении о нем также проступает натурализм Серля. Можно констатировать, что и сама коллективная интенциональность, и обрамляющий ее фон во многом понимаются у него как адаптивные продукты биологической эволюции.

Заклучение

Идея коллективного интеллекта явно или косвенно имела свои концептуальные манифестации во все философские эпохи. Вместе с тем она претерпела сильную трансформацию по ходу движения философской мысли, что было сопряжено прежде всего с изменением взглядов на сам интеллект.

Можно выделить общие тенденции данного процесса: 1) идея коллективного интеллекта получала большее распространение в тех учениях, которые признавали внутреннюю социальность человека, его познания и деятельности; 2) метафизическому разрыву между частным и общим в интеллектуальной жизни был со временем противопоставлен диалектический подход, рассматривающий их в единстве противоположностей; 3) тотальное господство общего разума над индивидуальными

имело место прежде всего в теологии, а позже в спекулятивно-идеалистической традиции, вершину которой представляла философия Гегеля; 4) после Гегеля философы по большей части не пытались растворить индивидуальный разум в общем, придя к идее общего разума как intersubjectивного; 5) философия XIX и особенного XX века отошла от логоцентрического рационализма в трактовке интеллекта, плюралистически пытаясь усмотреть основания для интеграции сознаний не только в мышлении, но и в чувственности, телесности, культуре, языке.

В итоге философский генезис привел к тому, что коллективный интеллект может мыслиться человекоразмерно как единство самих индивидуальных разумов, которые обладают имманентной способностью к взаимопроникновению без буквального слияния, а их кооперация мощно расширяет их совокупный когнитивный потенциал.

Список источников

- Августин Блаженный. 2000. Творения. Т. 1. СПб., Алетейя, 742 с.
Аристотель. 2020. О душе. М., РИПОЛ классик, 260 с.
Декарт Р. 1989. Сочинения. Т. 1. М., Мысль, 654 с.
Джеймс У. 2020. Психология. М., РИПОЛ Классик, 616 с.
Кант И. 1994. Сочинения. Т. 4. М., Чоро, 630 с.
Макс К., Энгельс Ф. 1988. Немецкая идеология. М., Политиздат, 574 с.
Фома Аквинский. 2007. Сумма теологии. Т. 2. М., Савин С.А., 652 с.

Список литературы

- Бергсон А. 2020. Творческая эволюция. М., Академический проект, 319 с.
Вирно П. 2013. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М., Ад Маргинем Пресс, 176 с.
Гегель Г. 2008. Феноменология духа. М., Академ проект, 767 с.
Гуссерль Э. 2004. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., Даль, 400 с.
Дудник С.И., Камнев В.М. 2015. О простоте истории и хитрости мирового разума. *Вопросы философии*, 10: 21-29.
Дюркгейм Э. 2018. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М., Дело, 736 с.
Ким Э.В. 2013. Коллективная интенциональность как недуральное свойство мозга в биологическом натурализме Д. Сёрла. *Научное мнение*. 11: 29-34.
Комаров С.В. 2007. Метафизика и феноменология субъективности. СПб., Алетейя, 736 с.
Мареев С.Н., Барсуков И.С. 2021. Генезис философской системы Гегеля. *Nomothetika: Философия. Социология. Права*, 1(46): 12-21. DOI [10.52575/2712746X-2021-46-1-12-21](https://doi.org/10.52575/2712746X-2021-46-1-12-21)
Пиаже Ж. 2004. Психология интеллекта. СПб., Питер, 192 с.
Поппер К. 2008. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М., ЛКИ, 256 с.
Поппер К. 2002. Объективное знание. Эволюционный подход, М., УРСС, 384 с.
Серл Дж. 2002. Открывая сознание заново. М., Идея-пресс, 256 с.
Серл Дж. 2004. Рациональность в действии. М., Прогресс-Традиция, 336 с.
Соколова Е.Т. 2014. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? *Эпистемология и философия науки*. 3(41): 191-209.
Тарасов А.Г. 2007. Декарт о природе души: «Мыслящая субстанция» или «идея тела»? *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Права*, 1: С. 24-30.
Хоркхаймер М., Адорно Т. 1997. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., Медиум, 312 с.
Хоркхаймер М. 2011. Затмение разума. К критике инструментального разума. М., Канон+, 224 с.
Albrecht K. 2006. Social intelligence: The new science of success. Hoboken, Wiley. 304 p.
Cattell R.B. 1987 Intelligence: Its structure, growth and action. Amsterdam, Elsevier, 693 p.
Gardner H. 2011. Frames of mind: the theory of multiple intelligences. N.Y., Basic books, 528 p.
Goleman D. 2020. Emotional intelligence. London, Bloomsbury. 352 p.

References

- Bergson A. 2020. Tvorcheskaja jevoljucija [Creative evolution]. Moscow, Publ. Akademicheskij proekt, 319 p.
- Virno P. 2013. Grammatika mnozhestva. K analizu form sovremennoj zhizni [Grammatics of multiplicity. To analysis of modern life's forms]. Moscow, Publ. Ad Marginem Press, 176 p.
- Gegel' G. 2008. Fenomenologija duha [Phenomenology of spirit]. Moscow, Publ. Akadem proekt, 767 p.
- Gusserl' Je. 2004. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija [Crisis of european sciences and transcendental phenomenology]. Saint-Petersburg, Publ. Dal', 400p.
- Dudnik S. I., Kamnev V.M. 2015. O prostote istorii i hitrosti mirovogo razuma [On simplicity of history and cunning of world mind]. *Voprosy filosofii*, 10: 21-29.
- Djurkgejm Je. 2018. Jelementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaja sistema v Avstralii [Elementary forms of religious life: totemic system in Australia]. Moscow, Publ. Delo, 736 p.
- Kim E.V. 2013. Kollektivnaya intentsional'nost' kak nedual'noe svoystvo mozga v biologicheskom naturalizme D. Serla [Collective intentionality as non-dual property of brain in biological naturalism of J. Searle]. *Nauchnoe mnenie*, 11: 29-34.
- Komarov S.V. 2007. Metafizika i fenomenologija subjektivnosti [Metaphysics and phenomenology of subjectivity]. Saint-Petersburg, Publ. Aletejja, 736 p.
- Mareev S.N., Barsukov I.S. 2021. Genezis filozofskoj sistemy Gegelja [Genesis of Hegel's philosophical system]. *Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo*, 1(46): 12-21. DOI [10.52575/2712-746X-2021-46-1-12-21](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-1-12-21)
- Piazhe Zh. 2004. Psihologija intelekta [Psychology of intelligence]. Saint Petersburg, Publ. Piter, 192 p.
- Popper K. (2008). Znanie i psihofizicheskaja problema: V zashhitu vzaimodejstvija. Knowledge and psychophysical problem: in defense of interaction]. Moscow, Publ. LKI, 256 p.
- Popper K. (2002). Objektivnoe znanie. Jevoljucionnyj podhod [Objective knowledge. Evolutionary approach] Moscow, Publ. URSS, 384 p.
- Serl Dzh. 2002. Otkryvaja soznanie zanovo [Opening conscioussness again]. Moscow, Publ. Ideja-press, 256 p.
- Serl Dzh. 2004. Racional'nost' v dejstvii [Rationality in action]. Moscow, Publ. Progress Tradicija, 336 p.
- Sokolova E.T. 2014. Utrata Ja: klinika ili novaja kul'turnaja norma? [Loss of I: clinic or new cultural norm?]. *Jepistemologija i filosofija nauki*. 3(41): 191-209.
- Tarasov A. G. 2007. Dekart o prirode dushi: «Mysl'jashhaja substancija» ili «Ideja tela»? [Descartes on nature of soul: "Thinking substance" or "Idea of body"?]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*, 1: 24-30.
- Horkhajmer M., Adorno T. 1997. Dialektika Prosveshhenija. Filozofskie fragmenty [Dialectics of enlightenment. Philosophical fragments]. M., Publ. Medium, 312 p.
- Horkhajmer M. 2011. Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma [Eclipse of mind. To critique of instrumental mind]. Moscow, Publ. Kanon+, 224 p.
- Albrecht K. 2006. Social intelligence: The new science of success. Hoboken, Wiley. 304 p.
- Cattell R.B. 1987. Intelligence: Its structure, growth and action. Amsterdam, Elsevier, 693 p.
- Gardner H. 2011. Frames of mind: the theory of multiple intelligences. N.Y., Basic books, 528 p.
- Goleman D. 2020. Emotional intelligence. London, Bloomsbury. 352 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.01.2024

Поступила после рецензирования 20.03.2024

Принята к публикации 30.11.2024

Received January 20, 2024

Revised March 20, 2024

Accepted November 30, 2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Желнин Антон Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.

[ORCID: 0000-0002-6368-1363](https://orcid.org/0000-0002-6368-1363)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton I. Zhelnin, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm, Russia.

[ORCID: 0000-0002-6368-1363](https://orcid.org/0000-0002-6368-1363)

УДК 316.64

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-736-744

Формирование национального самосознания в образовательной среде

Мельникова Л.В., Селиванова Т.И.

Донской государственный аграрный университет
Россия, 346493, п. Персиановский, Ростовская обл., ул. Кривошлыкова, д. 24
smith_53@mail.ru, cherkasova.79@mail.ru

Аннотация. Статья посвящается актуализации проблематики формирования национальной идентичности в современных условиях развития российского общества с целью преодоления негативных социокультурных трансформаций и роли системы образования в этом процессе. В работе представлена трактовка и структура национального самосознания как формы репрезентации национальной идентичности. Цивилизационная основа или ядро, важнейшие ориентиры, формирующие мировоззрение, систему ценностей и национальное самосознание молодого поколения страны – историческая и коллективная память, а также традиционные ценности. В реализации одной из приоритетных задач государства по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в целях укрепления единства народов и сохранения самобытности Российской Федерации основополагающую функцию выполняет система образования как социокультурный институт, ориентированный на национальные интересы и приоритеты.

Ключевые слова: идентичность, национальная идентичность, традиционные ценности, социокультурная среда, система образования

Для цитирования: Мельникова Л.В., Селиванова Т.И. 2024. Формирование национального самосознания в образовательной среде. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 736–744. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-736-744

Formation of National Identity in the Educational Environment

Larisa V. Melnikova, Tatyana I. Selivanova

Don State Agrarian University
24 Krivoshlykova St, P. Persianovsky, Rostov region 346493, Russian Federation
smith_53@mail.ru, cherkasova.79@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the actualization of the problems of the formation of national identity in the modern conditions of the development of Russian society in order to overcome negative socio-cultural transformations and the role of the education system in this process. The paper presents the interpretation and structure of national identity as a form of representation of national identity. The civilizational basis or core, being the most important guideline that forms the worldview, value system and national identity of the country's younger generation, is historical and collective memory, as well as traditional values. In the implementation of one of the priority tasks of the state to protect traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory in order to strengthen the unity of peoples and preserve the identity of the Russian Federation, the fundamental function is performed by the education system as a socio-cultural institution focused on national interests.

Keywords: identity, national identity, traditional values, socio-cultural environment, educational system

For citation: Melnikova L.V., Selivanova T.I. 2024. Formation of National Identity in the Educational Environment. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 736–744 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-736-744

Введение

Роль образовательной среды и педагогической культуры как одной из составляющей общей культуры в жизни и развитии общества чрезвычайно высока, так как это связано с воспитанием молодого поколения, передачей ему накопленных народом в ходе его исторического и цивилизационного развития знаний и опыта, норм, правил поведения, нравственных ценностей. В этом процессе задействованы не только педагогические работники, но и обычные люди, воспитывающие своих детей и участвующие наряду с педагогами в формировании их мировоззрения, ценностных ориентиров и смыслов. Сколько существует человечество, столько старшее поколение воспитывает, учит подрастающее поколение и передает им все накопленные духовные и культурные ценности. Процесс передачи социального опыта происходит постоянно и непрерывно. Так осуществляется преемственность поколений, в том числе цивилизационных особенностей, самобытности определенной нации, ее культуры.

В связи с этим важными являются вопросы: в какой форме и с помощью каких методов будет осуществляться преемственность поколений, какие духовные и культурные ценности необходимо прививать молодым людям в процессе воспитания и образования, как сформировать у них национальное и гражданское самосознание, что является его основой?

Проблема формирования национального самосознания все больше актуализируется в современных условиях развития общества, поскольку глобализационные процессы, затрагивающие все его сферы, зачастую негативно влияют на социокультурную и национальную идентичность, провоцируя кризисные явления. Для преодоления этих негативных трансформаций социокультурной среды сегодня необходимо изучать национальный исторический опыт в педагогике и формировать в образовательном процессе и педагогической культуре новые концепции, основанные на национальном самосознании, цивилизационной самобытности, традиционных ценностях. Только в этом случае мы сможем воспитать достойных членов общества, имеющих активную гражданскую позицию, ответственных за судьбу страны и народа, уважающих историю, национальные традиции, подвиги и заслуги старшего поколения.

Цель нашей работы – выявить и рассмотреть возможности образовательной системы в процессе формирования национального самосознания. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: дать определение национальной идентичности и обозначить ее структуру; выявить цивилизационную основу или ядро для формирования национального самосознания; установить роль образовательной системы в процессе формирования концепции национального самосознания; обозначить важные направления реформирования образования с учетом задачи сохранения традиционных ценностей.

Национальное самосознание и его структура

Динамичные перемены в разных сферах современного российского общества, связанные, в том числе и с мировыми тенденциями, инициируют повышение внимания и требований к организации и функционированию всех институтов образовательной системы. Современный глобальный мир несет угрозу системе национальной безопасности, национальной идентичности в плане стирания самобытности и потери своих цивилизационных особенностей, являющихся основой для формирования национального самосознания, сохранения и дальнейшего развития государства [Мельникова, Поломошнов, 2012]. Не замечать или игнорировать существующее положение вещей стало невозможно и губительно. Неопределенность в проблематике национальной и цивилизационной идентичности заставляет снова задаваться вопросом об их сути, структуре и взаимодействии в процессе самоидентификации общества и его представителей.

Сегодня необходима целенаправленная работа государства и всех его институтов, в том числе образовательных, по разработке концепции национального самосознания. «Защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» государство определило как стратегический национальный приоритет. «Усилия, предпринимаемые Российской Федерацией для развития духовного потенциала ее народа, способствуют повышению сплоченности российского общества, осознанию гражданами необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов»¹.

Становится очевидным, что в этом ключе актуализируется вопрос о национальной идентичности. Поэтому нам необходимо дать определение этому понятию. Идентичность – довольно сложное, многогранное и многомерное явление, широкое применение этого термина приводит к разнообразию его интерпретации. Идентичностью обозначают сопринадлежность к какой-либо группе и тождественность с ее членами. Все виды идентичности (индивидуальная, коллективная, культурная, гражданская, этническая, национальная, региональная, цивилизационная и др.) формируются на этапе осознания субъектом своей принадлежности к той или иной социальной группе, сообществу, народу, нации [Заковоротная, 1999]. Таким образом, формой репрезентации идентичности является самосознание, являющееся основой для структурирования, систематизации и осуществления социальной деятельности.

Национальная идентичность – это чувство сопринадлежности к определенной нации, осознание индивидом или социальной группой своей принадлежности к определенному государству, нации и принятие идеалов, ценностей, норм данной нации, овладение знаниями об историческом цивилизационном пути этой нации. Формой репрезентации национальной идентичности является национальное самосознание.

Национальное самосознание объединяет в себе объективное и субъективное, внешние (социальные) и внутренние (психологические) качества и свойства, некие символы и образцы, формирующиеся в ходе общего цивилизационного пути, историческую память, коллективные переживания. Все это способствует появлению чувства принадлежности к данной нации и единства с ней, несмотря на существенные различия членов этого сообщества по разным показателям. Таким образом, национальная идентичность в большей мере проявляется в форме коллективного самосознания, самоопределения субъекта в нем.

Практически все сферы (социально-психологическая, социокультурная, национально-историческая, политико-культурная, идеологическая и др.), а также национальная идея, национальная парадигма и национальные приоритеты развития оказывают влияние на формирование национального самосознания. Структура национального самосознания включает в себя: цивилизационные и социокультурные особенности, верования, обычаи и традиции, моральные и поведенческие нормы, духовные ценности, мировоззрение, этническую характеристику, специфику менталитета, национальный характер, историческую и коллективную память, символику. Таким образом, национальное самосознание имеет множество измерений.

Национальная идентичность – это не застывшая в одном варианте концепция, а динамически развивающаяся, на ее содержание и структуру постоянно будут оказывать влияние другие виды идентичности, с которыми она будет пересекаться и взаимодействовать. Поскольку это многомерное и многокомпонентное явление, то негативные тенденции, происходящие сегодня, например, в социокультурном

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 14 декабря 2024).

измерении, неизбежно повлекут за собой деградационные процессы в национальном самосознании. Чувство сопринадлежности к нации и государству, а, значит, чувство защищенности от внешних угроз может как укрепляться, так и разрушаться в случае, если какие-то характеристики общности не соответствуют сложившимся на основе прошлого опыта ожиданиям. Следовательно, национальное самосознание можно и нужно моделировать и формировать в зависимости от современной ситуации и исторических вызовов. «Классические модели народной консолидации на базе принципов ассимиляции, этнического, гражданского, политического или государственного толка действительно оказываются проблематичными в условиях углубляющейся многомерности и подлинно глобальной протяженности социокультурного пространства. На этом общем фоне, а также под влиянием внутренних реинтеграционных политических процессов в современном отечественном общественно-политическом дискурсе стартовал поиск новой модели национальной интеграции» [Поломошнов, Поломошнов, 2020]. Поэтому сегодня одной из приоритетных задач правительства Российской Федерации является формирование национального самосознания с учетом современных реалий в целях сохранения суверенитета и будущего развития страны.

Важнейшими факторами формирования национальной идентичности являются базовые ценностные установки, с помощью которых происходит самоопределение и самоидентификация отдельных индивидов и удовлетворение их потребности в безопасности и принадлежности к общности, осознанная идентификация себя с национальным сообществом и формирование чувства единства с ним. «Насажение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности»¹.

Национальное самосознание в значительной степени будет опираться на историческую память, исторические традиции и традиционные ценности, формировавшиеся на протяжении всего цивилизационного и исторического пути развития нации и государства и являющиеся ядром или основой национальной идентичности. «Российская Федерация рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности»².

Становление и развитие личности происходит в ходе социокультурной, культурно-политической социализации, поэтому предание забвению этих важных компонентов негативно отразится на индивидуальном самосознании и самоидентификации. В Указе «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» говорится: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»³.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 14 декабря 2024).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 14 декабря 2024).

Роль системы образования в формировании национального самосознания

Правительство Российской Федерации призвано заботиться о сохранении традиционных ценностей как основы национального самосознания. В Указе Президента страны «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится: «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития»¹.

В Указе Президента обозначен комплекс задач, которые необходимо решить для реализации этой приоритетной для страны стратегии. Одной из таких задач является «развитие системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству»². В процессе достижения поставленных перед государством и обществом целей одну из ключевых ролей играет система образования, и этому есть логичное объяснение, поскольку образование и воспитание всегда являлись основой социализации личности, формирования ее мировоззрения и нравственных ценностей. «Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки...»³.

Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется путем «...сохранения материального и нематериального культурного наследия российского народа, популяризация достижений российской науки и техники, литературы, художественной культуры, музыки и спорта, в том числе путем доработки учебных программ образовательных организаций»⁴. Все перечисленные выше направления важны для защиты традиционных ценностей нашего общества, поскольку современные тенденции культурной деградации отрицательно сказываются на становлении и утверждении основ национальной идентичности. Но особое значение в этом ключе приобретает образовательная сфера.

Таким образом, государство задает вектор развития национального образования. В процессе разработки концепции модернизации современного образования с учетом поставленных задач по формированию национальной идентичности актуализируются вопросы реализации данной стратегии в практической плоскости, поиска методов, форм и содержания образования. Созидательная деятельность образовательной системы по формированию национального самосознания неоспорима. Но вместе с тем и признается необходимость усовершенствования, доработки, реформирования сферы образования на основе национальных приоритетов.

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 14 декабря 2024).

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 14 декабря 2024).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 14 декабря 2024).

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 14 декабря 2024).

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 14 декабря 2024).

Сегодня общество и государство приходит к пониманию, что российская система образования должна ориентироваться на национальные интересы, а не западные образцы, сугубо рыночные аспекты и требования и тем более внедрение в сознание российской молодежи западных норм и ценностей. Это губительно для национального самосознания. Учет аспектов рынка, в том числе рынка труда, безусловно, один из главных, но не определяющий.

На современном этапе развития нашего общества большую значимость приобретает социокультурный и гуманистический характер образовательной системы и обучающих программ. Необходимо сохранить преемственность традиций в образовательной сфере, выбрать, пересмотреть и изучить лучшие и действенные, имеющиеся в нашей истории практики и методики, и акцентировать свое внимание на них, но при этом актуализировать их и адаптировать к современным реалиям. Образовательная система в целом и преподаватель являются источниками национальных ценностей – это должно стать основой нашего образования, поскольку оно формирует личность. От того, каким будет современное молодое поколение, его мировоззрение, ценностная система и ориентация, напрямую зависит будущее страны.

Какие меры необходимо предпринять государству и обществу в целях реформирования российского образования в соответствии с национальными приоритетами? На наш взгляд, основными из них являются:

- 1) полный отказ от западных стандартов, в том числе от ЕГЭ и в целом тестовой системы оценки знаний как определяющей;
- 2) увеличение финансирования науки и образования;
- 3) обеспечение соответствующей современным условиям материально-технической базы;
- 4) «совершенствование системы государственной поддержки проектов в области культуры и образования с учетом целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей»¹;
- 5) обновление методик обучения и образовательных программ дисциплин;
- 6) становление и укрепление системы ценностей и норм педагогической культуры, выполняющей важную функцию в процессе социального наследования;
- 7) «повышение эффективности деятельности научных, образовательных, просветительских организаций и организаций культуры по защите исторической правды, сохранению исторической памяти, противодействию фальсификации истории»².

С целью сохранения и защиты традиционных ценностей, культурного и исторического наследия, своей самобытности, своих особенностей и формирования национальной идентичности системообразующим компонентом российского образования должна стать историческая память, знание и уважение символов и отличительных элементов прошлого страны в историческом контексте ее уникальности. Поскольку концепции прошлого преобразуются в культурный тренд и код нации, объединяя все события и факты в единое целое, соотнося прошлое с настоящим и выступая устойчивой основой формирования национальной идентичности. А. С. Пушкин писал: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости» (А.С. Пушкин. Наброски статьи о русской литературе).

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 14 декабря 2024).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 14 декабря 2024).

Огромную роль в этом играют социально-гуманитарные дисциплины, формирующие социокультурную картину своего общества и систему ценностей: философия, история, обществознание, социология, русский язык и литература и др. Содержание учебного материала этих дисциплин и методика их преподавания должна способствовать воссозданию реальной исторической картины, отвечающей на вопросы: Кто мы? Кто и что является предметом нашей национальной гордости? На кого нужно равняться?

Таким образом, реформирование отечественного образования должно осуществляться в области разработки программ и содержания социально-гуманитарных дисциплин с целью достичь их полного соответствия поставленным главой государства задачам по сохранению традиционных ценностей и реализации социально-культурного потенциала молодого поколения на благо России. Первостепенная задача всех общественных институтов, прежде всего системы образования, заключается в том, чтобы остановить навязывание западных стандартов и ценностей потребительского общества российскому молодому поколению, одновременно создавая и внедряя свои традиционные духовные основы, формируя с их помощью национальное самосознание. Только в этом случае овладение молодыми людьми духовными традициями русской культуры, самоидентификация со своим уникальным культурным кодом будут успешными.

Заключение

В ходе рассуждений о будущем страны, ее устройстве, сохранении своей уникальности и самобытности, формировании национального самосознания приходишь к пониманию: «Жизнеспособность страны – это ее способность существовать и воспроизводить (сохранять) себя в своей идентичности во времени. Жизнеспособность страны почти эквивалентна понятию «успешность» страны» [Якунин и др., 2012].

Для обеспечения жизнеспособности России и ее дальнейшего успешного развития, решения многочисленных проблем в различных сферах (экономической, геополитической, политической, культурной, духовной), преодоления дезинтеграционных процессов, противостояния различного вида угрозам сегодня необходима консолидация общества. Единение опирается на национальное самосознание. Его структура включает в себя символы и образцы, традиционные ценности, сформированные на основе общей исторической судьбы и памяти, коллективные переживания, вызывающие у индивидов чувство принадлежности к нации, народу, стране.

Огромную роль в сохранения традиционных ценностей играет образовательная система, которая формирует и социализирует личность. Следовательно, в образовательной сфере наряду с этими процессами происходит и формирование национального самосознания молодого поколения. Сегодня российское образование должно стать социокультурным институтом, основывающимся на национальных приоритетах, способствующим становлению национальной идентичности подрастающего поколения, сохранению традиционных ценностей и исторической памяти и эффективно функционирующим на культурных и гуманистических основах и принципах.

Список источников

- Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 14 декабря 2024).
- О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 14 декабря 2024).

Якунин В.И. [и др.]. Национальная идея России: Моя страна должна быть, и должна быть всегда! или О том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так. 2012. Под общ. ред. С.С. Сулакшина. Т. 1. М., Научный эксперт, 749 с.

Список литературы

- Заковоротная М.В. 1999. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, Изд-во Северокавказского научного центра высшей школы, 200 с.
- Мельникова Л.В., Поломошнов А.Ф. 2012. Российская социокультурная идентичность в исторической перспективе. п. Персиановский, 186 с.
- Поломошнов А.Ф. 2007. Россия в культурно-историческом пространстве (Н. Данилевский и В. Соловьев). Ростов-на-Дону, ЮФУ, 288 с.
- Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. 2020. Национальная и цивилизационная идентичность как матрицы личностной идентификации. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 9, 3А: 88–99.
- Русских Л.В. 2013. Идентичность: культурная, этническая, национальная. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 13, 2: 178–180.
- Скворцов Н.Г. 1996. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., СПбГУ, 183 с.
- Шубин Ю.А. 2011. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии. *Вестник МГУКИ*, 42: 42–47.
- Bauman Z. 2004. *Identity: conversations with Benedetto Vecchi*. Cambridge; Malden: Polity Press, 113 p.
- Huntington S.P. 2004. *Who are we? The challenges to America's national identity*. New York: Simon&Schuster, 448 p.

References

- Zakovorotnaya M.V. 1999. Identichnost' cheloveka. Social'no-filosofskie aspekty. [Human identity. Socio-philosophical aspects]. Rostov-on-Don, Publ. Severokavkazskogo nauchnogo centra vysshej shkoly, 200 p.
- Melnikova L.V., Polomoshnov A.F. 2012. Rossijskaja sociokul'turnajai dentichnost' v istoricheskoy perspektive. [Russian socio-cultural identity in historical perspective. P. Persianovskij, 186 p.
- Polomoshnov A.F. 2007. Rossiya v kul'turno-istoricheskom prostranstve (N. Danilevskii V. Solov'ev) [Russia in the cultural and historical space (N. Danilevsky and V. Soloviev)]. Rostov-on-Don. YUFU, 288 p.
- Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. 2020. Natsional'naya i tsivilizatsionnaya identichnost' kak matritsy lichnostnoi identifikatsii [National and civilisational identity as personal identification matrices]. *Kontekstirefleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 9 (3A), pp. 88–99.
- Russkikh L.V. 2013 Identichnost': kul'turnaya, etnicheskaya, natsional'naya [Identity: cultural, ethnic, national]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social sciences and the humanities], 13 (2), pp. 178–180.
- Skvortsov N.G. 1996. Problema etnichnosti v social'noj antropologii [The problem of ethnicity in social anthropology]. SPb., SPbGU, 183 p.
- Shubin Yu.A. 2011. Nacional'no-kul'turnaya identichnost' kak problema sovremennoj kul'turologii [National-cultural identity as a problem of modern cultural studies]. *Vestnik MGUKI*, 42: 42–47.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.01.2024

Поступила после рецензирования 20.03.2024

Принята к публикации 30.11.2024

Received January 20, 2024

Revised March 20, 2024

Accepted November 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельникова Лариса Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин, Донской государственной аграрной университет, Персиановский, Россия.

Селиванова Татьяна Ивановна, аспирант кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин, Донской государственной аграрной университет, Персиановский, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa V. Melnikova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Persianovsky, Russia.

Tatyana I. Selivanova, Postgraduate Student of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Persianovsky, Russia.

УДК 316

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-745-755

Роль патриотических ценностей в российском социокультурном пространстве

Синютин А.А., Волохова Е.В., Маслова Ю.В.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

ssinyutin@mail.ru, volohova.1973@mail.ru, yuliamaslova@gmail.com

Аннотация. Эффективное и гармоничное патриотическое воспитание граждан становится вопросом национальной безопасности России. В настоящее время проблемой российского общества является формирование патриотических установок у населения. При этом наблюдается недостаток методологических подходов к интегрированию патриотических ценностей в российское социокультурное пространство. Цель исследования – осмысление роли патриотических установок и их воздействия на поведение людей в обществе. Авторы опираются на принцип историзма, на основе которого генезис патриотических ценностей и факторы, определяющие их становление и развитие в социокультурном пространстве общества, рассматриваются в конкретных исторических условиях, а также на принцип системности, позволивший анализировать патриотические ценности как совокупность различных элементов и составляющих. В работе показано, что патриотизм как результат осознанного выбора и внутреннего развития человека охватывает не только любовь к родине, но и участие в её развитии, защиту её интересов и традиций. Выявлены проблемы, связанные с утратой нашим обществом традиционного российского патриотического сознания. Сделан вывод о том, что в настоящее время эффективным подходом к формированию патриотических установок у населения является внедрение новых технологий патриотического воспитания. Перспективу исследования составляет определение дальнейших направлений политики Российского Государства в сфере воспитания патриотизма, закрепления в сознании населения устойчивых ценностей патриотического характера.

Ключевые слова: общество, патриотизм, патриотическое сознание, патриотическое воспитание, воспитание, социализация, безопасность, национальная безопасность, духовная безопасность, гражданственность, идентичность, традиционные ценности, мировоззрение

Для цитирования: Синютин А.А., Волохова Е.В., Маслова Ю.В. 2024. Роль патриотических ценностей в российском социокультурном пространстве. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 745–755. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-745-755

The Role of Patriotic Values in the Russian Socio-Cultural Space

Alexander A. Sinyutin, Elena V. Volokhova, Yulia V. Maslova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI),

132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk 346428, Russian Federation

ssinyutin@mail.ru, volohova.1973@mail.ru, yuliamaslova@gmail.com

Abstract. Effective and harmonious patriotic education of citizens is becoming a matter of national security of Russia. At the same time, there is a lack of methodological approaches to integrating patriotic values into the Russian socio-cultural space. The purpose of the study is to understand the role of patriotic attitudes and their impact on human behavior in the socio-cultural space. The authors rely on the principle

of historicism, on the basis of which the genesis of patriotic values and the factors determining their formation and development in the sociocultural space of society are considered in specific historical conditions, as well as on the principle of consistency, which made it possible to analyze patriotic values as a set of various elements and components. The work shows that patriotism encompasses not only love for the motherland, but also participation in its development, protection of its interests and traditions. The problems associated with the loss of traditional Russian patriotic consciousness by our society have been identified. It is concluded that currently the formation of patriotic attitudes among the population with the introduction of new technologies of patriotic education is an effective approach. The perspective of the study is to determine the further directions of the policy of the Russian State in the field of education of patriotism, consolidation of sustainable values of a patriotic nature in the consciousness of the population.

Keywords: society, patriotism, patriotic consciousness, patriotic education, upbringing, socialization, security, national security, spiritual security, citizenship, identity, traditional values, worldview

For citation: Sinyutin A.A., Volokhova E.V., Maslova Yu.V. 2024. The Role of Patriotic Values in the Russian Socio-Cultural Space. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 745–755 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-745-755

Введение

Укрепление патриотизма является важным условием обеспечения духовной безопасности страны. В патриотических ценностях соединяются как личностные, так и общественные интересы. От их характера, содержания и места в сознании представителей основных социальных групп и слоев зависит отношение людей к обществу и государству, готовность исполнять свои основополагающие обязанности, совершать активные действия, направленные на благо страны, защиту ее национальных интересов. Необходимость в формировании развитых и устойчивых патриотических ценностей нашла отражение в ряде принятых в нашей стране нормативно-правовых актов и государственных программ, содержащих указания на соответствующие направления политики российского государства, конкретные мероприятия патриотической направленности. Так, в соответствии с Указом Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», патриотизм отнесен к категории основополагающих ценностей или нравственных ориентиров, от содержания которых зависит характер мировоззрения россиян, степень развитости и устойчивости идентичности общегражданского характера¹.

В настоящее время рост геополитической напряженности в мире актуализирует проблемы развития патриотической активности населения. Эффективное и гармоничное патриотическое воспитание граждан становится вопросом национальной безопасности России, её существования как независимого государства и благополучного развития социума в настоящем и будущем. Это важно для того, чтобы население заботилось о благе своей страны, защищало её, сохраняло свои культурные ценности.

В современном мире, где глобализация и мультикультурализм стремительно продвигаются, патриотические ценности становятся живительной силой, объединяющей людей под одним знаменем. Авторы, пишущие о патриотизме, исследуют глубину любви к родине, важность исторической памяти и наследия, а также необходимость сохранения культурных традиций. Они подчеркивают, что патриотизм – это осознанная привязанность к своей стране, ее народным героям, языковым и культурным особенностям [Карамзин, 1964]. Современные авторы акцентируют внимание на том, как патриотизм способствует формированию национальной идентичности, развитию

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 20.08.2024)

гражданского сознания и ответственности. Так, А.Н. Алексеев рассматривает особенности русского национального характера и русского патриотизма [Алексеев, 2017]. В работе Н.В. Корж и Л.Ф. Каримовой проведен анализ понимания патриотизма в современной молодежной среде [Корж, Каримова, 2022]. Но проблема формирования патриотических ценностей у населения нашей страны так и остается не решенной.

В связи с вышесказанным, цель данного исследования представляет собой тщательное изучение и осмысление роли патриотических установок и их воздействия на поведение людей в социокультурном пространстве.

В основе методологии данного исследования находятся теоретические концепции, представленные в работах российских культурологов, антропологов, философов, социологов, историков, политологов, психологов, педагогов, демографов, политических и общественных деятелей, которые исследовали патриотические ценности и анализировали вопросы их формирования.

Понятие патриотизма

Патриотические ценности традиционно рассматриваются в качестве неотъемлемого компонента общественного и личного самосознания, в которых находит отражение привязанность людей к своей Родине или Отечеству, социокультурным традициям общества и т. д. [Верещагина и др., 2017]. Необходимо отметить, что в современной отечественной науке существуют различные трактовки патриотических ценностей, их сущности и содержания. Так, В.А. Луков и М.Я. Курганская рассматривают патриотические ценности как комплексную систему, включающую различные представления, установки и ориентации, которые «обеспечивают саморегуляцию избирательно-предпочтительного отношения субъекта к социокультурной реальности в аспекте ценности Родины и вытекающего из этого понимания смысла жизни и конструирования жизненных целей и планов» [Луков, Курганская, 2012, с. 316]. Другие российские исследователи патриотических ценностей, Н.В. Дулина, Н.А. Овчар и В.В. Токарев, выделяют в структуре указанных ценностей три основополагающих компонента, к числу которого относятся ценности, способствующие формированию и укреплению общественного порядка, ценности, которые образуют духовно-нравственный каркас патриотизма, а также такие ценности, которые непосредственно побуждают конкретного человека к совершению действий, направленных на благо страны [Дулина и др., 2015, с. 168]. Ценности, включенные в первую группу, проявляются, с одной стороны, в знании и соблюдении основополагающих социальных норм и правил, включающих национальное законодательство, к которому человек относится с уважением, чувстве гордости за свое Отечество, а с другой стороны, в готовности совершать конкретные действия, направленные на обеспечение национальных интересов страны, ее безопасности (речь здесь в том числе о соблюдении конституционных обязанностей, включающих воинскую обязанность и ряд других, от добросовестного исполнения которых зависит успешное функционирование общества и государства). Вторую группу ценностей составляют духовные компоненты патриотизма, связанные с готовностью соблюдать традиции, с уважением к культуре своего народа, родному языку, достижениям в различных областях: науке, культуре, спорте и т. д. Третью группу составляют ценности, способствующие совершению активных действий, или так называемому деятельному патриотизму – в данном случае предусматривается именно социальная активность позитивного характера, которая благоприятствует развитию солидарности, сплоченности в обществе и может проявляться в помощи группам, нуждающимся в поддержке, в стремлении реализовать свой потенциал в учебной, трудовой и других видах деятельности и принести пользу обществу.

С точки зрения Г.В. Палаткиной, А.А. Шаронова и А.С. Джангазиевой, патриотические ценности представляют собой «выработанные общественным сознанием и

признанные человеком положительно значимые представления о Родине, национальных интересах, общественных идеалах, воплощенные в его жизнедеятельности, выражающиеся в эмоциональном отношении к Отчизне, культуре родной земли» [Палаткина и др., 2019, с. 91]. В патриотических ценностях находит проявление любовь человека к своему Отечеству, отражаются чувства преданности и привязанности к Родине, гордость за достижения и подвиги предков; важное место в структуре патриотических ценностей занимает внутренняя убежденность их носителя в личной ответственности за развитие страны в будущем и обеспечение ее национальных интересов [Погорелый, 2004, с. 10]. Необходимо отметить, что Г.В. Палаткина, А.А. Шаронов и А.С. Джангазиева предлагают достаточно широкую трактовку патриотических ценностей, включая в их состав набор идеалов, характерных для определенного общества и признаваемых людьми в качестве образцов, определяющих характер и содержание индивидуального и коллективного поведения, определенное отношение к обществу и государству, предусматривающее готовность соблюдать свои конституционные обязанности, представления о наличии воинского и другого долга перед страной и т. д. [Палаткина и др., 2019, с. 93]. Помимо этого, в систему патриотических ценностей в качестве неотъемлемых компонентов входят безусловное уважение к правовым и другим социальным нормам, готовность соблюдать предписания действующего законодательства, руководствоваться в своих действиях морально-этическими и другими принципами, позитивное отношение к общественно-полезному труду, готовность работать на благо общества, защищать интересы страны в различных областях жизнедеятельности.

В целом, как видим, в трудах отечественных мыслителей представлены различные интерпретации патриотических ценностей: в соответствующих исследованиях они рассматриваются как духовные образы или представления, которые определяют характер мировоззрения людей на конкретном этапе общественного развития, содержание духовной культуры общества, как совокупность патриотических чувств человека, испытываемых им в отношении Родины или Отечества, проявляющихся в любви и уважении к историческому прошлому своей страны, культурным традициям, гражданско-патриотической позиции человека, личностной идентификации с обществом [Синютин, 2024, с. 91]. С точки зрения крупнейшего российского исследователя патриотических ценностей В.И. Лутовинова, последние имеют мирозренческий характер, воплощаясь в осознании человеком своей неразрывной связи с Родиной, сопричастности с различными ее духовными составляющими, включающими культурные, исторические, территориальные, ментальные и другие основы [Лутовинов, 2013]. Наряду с этим патриотические ценности на индивидуальном уровне проявляются в гордости человека за принадлежность к конкретной стране, уважении к ее истории, достижениям предков, подвигам защитников Отечества: носителя патриотических ценностей в целом характеризуют представления о национальных интересах как о приоритетных в своей жизнедеятельности, убеждения в необходимости совершения активных действий, направленных на обеспечение национальной безопасности страны.

Патриотические ценности характеризуются устойчивыми и позитивно значимыми для человека представлениями об Отечестве и его интересах, которые лежат в основе формирования личностью собственных жизненных планов или стратегий: истинный патриот, иными словами, ориентирован на то, чтобы руководствоваться национальными интересами в собственной жизнедеятельности, стремиться приносить пользу своей стране, занимаясь различной социально полезной деятельностью. С точки зрения В.В. Кирницкого, высокая социальная значимость и уникальность патриотических ценностей состоят в том, что в них определенным образом соединяются интересы человека и общества [Кирницкий, 2016, с. 10]. Соответственно, к числу основных социальных функций патриотических ценностей относится идентификационная функция, которая предусматривает согласование личностных и национальных интересов:

отдельный человек объективно нуждается в поддержке со стороны общества и государства, которые призваны защищать его права и свободы, удовлетворять основные потребности и интересы человека, содействовать развитию личности, самореализации, раскрытию его потенциала и т. д.

Формирование патриотических ценностей в Российской Федерации

Как известно, глубинные истоки и предпосылки формирования патриотических ценностей в массовом сознании коренятся в человеческой природе, основополагающих потребностях людей, из которых наиболее важной традиционно являлась потребность в безопасности. Стремление к удовлетворению данной потребности обусловило необходимость в коллективном существовании людей в рамках общества, которое являлось для человека своего рода гарантом выживания в условиях противостояния с внешней средой. Отсюда проистекает высокая значимость и ценность социальных общностей и коллективов, призванных обеспечивать индивидуальную безопасность; в свою очередь, у человека также может формироваться потребность в том, чтобы жертвовать чем-либо ради своей общности в случае возникновения соответствующей угрозы: именно такое индивидуальное стремление к совершению каких-либо активных действий, направленных на достижение общественного блага, и составляет основу патриотических ценностей.

Параллельно с формированием патриотических ценностей развивается приверженность людей к определенным условиям их жизнедеятельности, характеристикам социокультурной среды конкретного общества. По этой причине содержание и направленность патриотических ценностей детерминируются историческим опытом функционирования определенного человеческого сообщества, свойственными данной социальной общности культурно-историческими традициями и устоями, системой религиозных верований и т. д. В дальнейшем в процессе развития цивилизации, появления государственных образований патриотизм стал неизбежно переноситься на государство, рассматриваться в контексте поддержки политики, реализуемой органами государственной власти и ее представителями. В России государство традиционно играет ведущую роль в развитии общества, определяя векторы его трансформации, основные направления общественного развития, а защита населения от внешних и внутренних врагов, обеспечение национальной безопасности традиционно рассматриваются в качестве основных целей политики российского государства, определяя смысл функционирования всего государственного аппарата. Соответственно, патриотизм в нашей стране принято рассматривать как совокупность таких установок и ориентаций гражданина, которые предусматривают не только возвышенную любовь к Родине, но и готовность подчинять собственные индивидуальные потребности общественным интересам и добросовестно исполнять обязанности, предписанные государством.

Таким образом, проблема формирования патриотических ценностей в массовом сознании представителей различных социальных групп и слоев в российском обществе относится в настоящее время к числу наиболее актуальных в духовной сфере жизнедеятельности современных россиян. По мнению В.В. Кирницкого, ситуация с патриотическими ценностями в нашей стране характеризуется сложностью и неоднозначностью, что в свою очередь, обусловлено тем, что само общество переживало радикальные трансформации, сопровождавшиеся резкими изменениями в системе ценностных ориентиров и нравственных идеалов, имевшими неизбежным следствием разрыв духовных связей между поколениями, образование своего рода духовного вакуума. В соответствии с данными, представленными В.В. Кирницким, в сознании представителей молодежи отношение к патриотическим ценностям в течении последних десятилетий являлось крайне неоднозначным и колебалось от безусловного позитивного до полного отрицания всего того, что связано с патриотизмом [Кирницкий, 2016, с. 10].

В то же время именно современный период развития нашей страны, характеризующийся углублением геополитической напряженности, нарастанием различных угроз и вызовов как внешнего, так и внутреннего характера, усилением противостояния России с рядом недружественных, враждебных государств, проблема формирования устойчивых патриотических ценностей приобретает особую актуальность и значимость. Специальная военная операция (СВО), которую проводит в настоящее время Российская Федерация, требует именно такого патриотизма, поскольку предполагает готовность граждан поддерживать государственную политику и решения, принимаемые властью, добросовестно исполнять конституционные и другие обязанности, в том числе и воинский долг, направляя свои усилия на совершение тех или иных активных действий, способствующих успешному завершению СВО. Патриотические ценности здесь могут находить проявление не только в готовности военнообязанных лиц подписать контракт с Министерством обороны и защищать свою страну на полях сражений, но и в стремлении любыми доступными способами помогать вооруженным формированиям Российской Федерации, а также гражданскому населению, пострадавшему от военных действий, активно включаться в соответствующую волонтерскую или добровольческую деятельность.

Политика формирования патриотических ценностей в Российской Федерации

В данной ситуации важное значение приобретает патриотическое воспитание, направленное на укоренение патриотических ценностей в сознании представителей различных социальных групп и слоев в обществе. На наш взгляд, формирование патриотических ценностей может осуществляться не только стихийно или неконтролируемым образом, но и посредством целенаправленной политики государства, которая и предусматривает воспитание граждан в духе приверженности патриотическим ценностям. Патриотическое воспитание в широком смысле предполагает активную деятельность, осуществляемую различными субъектами, включающими в первую очередь государство и институты гражданского общества, которая имеет систематический и целенаправленный характер и имеет своей целью формирование устойчивого патриотического сознания. К числу задач патриотического воспитания относятся формирование национального самосознания общества, трансляция новым поколениям граждан характерных для данного социума культурных норм и традиционных ценностей, укоренение в сознании представителей разных категорий населения любви к своей Родине и гордости за достижения соотечественников, историческое прошлое страны [Быков, 2018, с. 49]. В настоящее время особую актуальность приобретает государственно-патриотическое воспитание, которое предусматривает закрепление в сознании россиян устойчивых представлений о приоритете национальных целей и интересов национальной безопасности, формирование установок и ориентаций на добросовестное исполнение основных гражданских обязанностей, предусмотренных действующим законодательством страны, активную деятельность, направленную на благо социума и разрешение наиболее актуальных проблем функционирования общества и государства.

В течение последних лет в Российской Федерации осуществлялась активная политика государства, направленная на воспитание граждан в духе приверженности ценностям патриотизма, что нашло отражение в разработке и практической реализации целого ряда государственных программ¹, проведении большого количества

¹ Федеральный-проект-Патриотическое-воспитание. URL: <https://domtvorzhstva.68edu.ru/wp-content/uploads/2023/08/> (дата обращения 21.09.2024).

мероприятий¹ патриотической направленности. Данная политика имеет определенные позитивные результаты, проявляющиеся в широком распространении патриотических ценностей в массовом сознании населения современного российского общества. Так, данные, полученные специалистами ВЦИОМ на основе проведенного ими всероссийского социологического опроса в 2023 году², свидетельствуют о том, что подавляющее большинство россиян (92 %) считают себя патриотами (при этом в качестве безусловных патриотов себя рассматривают 54 % респондентов). Число тех граждан, которые не считают себя патриотами, является крайне незначительным – всего 5 %. Патриотизм для большинства россиян ассоциируется с деятельностью, направленной на благо общества, процветание страны, рассматривается как вклад, который каждый отдельный гражданин может внести в общее дело. У значительной части граждан приверженность патриотизму и патриотическим ценностям воспринимается в контексте поведения, которое предусматривает защиту своей страны от различных обвинений в ее адрес, которые лица, считающие себя патриотами, воспринимают крайне болезненно (данная позиция является следствием тех негативных высказываний в адрес России, которые за последнее время были сделаны рядом представителей недружественных государств в связи с проведением СВО). Около трети опрошенных россиян полагают, что патриот — это тот человек, который ориентирован на то, чтобы «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она не была», а также «считать себя частью своей страны»³.

К числу основных тенденций трансформации патриотических ценностей в массовом сознании россиян можно отнести увеличение доли так называемого деятельного патриотизма, сущность которого заключается в ориентации граждан на совершение действий, направленных на благо своей страны и ее процветание. Так, среди молодежи как наиболее важной с точки зрения целей и задач государственной политики, направленной на патриотическое воспитание, социально-демографической группы, число таких деятельных патриотов значительно выросло в течение последнего десятилетия: каждый второй молодой россиянин в настоящее время декларирует готовность заниматься общественно-полезным трудом и работать во имя национальных интересов страны⁴. Опрос ВЦИОМ в 2024 году представителей различных возрастных групп в российском обществе указывает на наличие некоторых отличий в интерпретации сущности патриотизма у молодежи, лиц среднего возраста и пожилых граждан: если молодые люди считают основой патриотических ценностей любовь к Родине, а также гордость за ее историческое прошлое, уважение к культурным нормам и традициям, конкретной деятельностью, приносящей пользу стране, то для более старших групп большее значение имеет ценности, связанные с малой родиной и семьей⁵.

При этом патриотические ценности молодежи, равно как и представителей других категорий населения, характеризуются неоднородностью: эмпирические данные, полученные С.Г. Ивченковым и Е.В. Сайгановой, позволяют выделить несколько моделей патриотических установок, присущих молодым людям. Интересно, что наибольшее распространение, в соответствии с оценками данных исследователей, получил так называемый абстрактный патриотизм, который характеризуется «нерефлексируемой любовью к Родине», и только на втором месте по степени распространенности оказался

¹ Распоряжение. URL: <https://dbmk.su/wp-content/uploads/2023/11/P-Gosudarstvennaja-programma-Patrioticheskoe-vospitanie-grazhdan-Rossijskoj-Federacii-na-2021-2025-gody.pdf> (дата обращения 21.09.2024).

² Патриотизм: мониторинг. 11.04.2023. Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/Аналитические_обзоры.../patriotizm-segodnja... (дата обращения 21.08.2024).

³ Там же.

⁴ В России повысился уровень патриотизма среди молодежи. 10.01.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/01/10/22080433.shtml> (дата обращения 21.09.2024).

⁵ О современном российском патриотизме. 29.03.2024. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения 22.09.2024).

патриотизм традиционного характера, в основе которого — гордость за Отечество, победы и достижения страны [Ивченков, Сайганова, 2020, с. 119] Наряду с выделенными типами патриотизма существует также локальный патриотизм, отличающийся привязанностью людей к тому месту или поселению, в котором они живут (городу, селу и т.д.), а также критический патриотизм, базирующийся на ответственном критическом восприятии органов государственной власти и реализуемой ими политики. Для относительно небольшой части молодежи характерен «глобальный антипатриотизм»: носители таких ценностных установок не испытывают никакой любви к Родине, не считают значимыми интересы общенационального характера, актуальные проблемы общества и государства [Ивченков, Сайганова, 2020, с. 119]. Несмотря на то, что такие взгляды присущи незначительному числу молодых людей в нашей стране, с данной категорией необходимо работать, оказывать целенаправленное воспитательное воздействие на них, прививать приверженность патриотическим ценностям. По мнению С.Г. Ивченкова и Е.В. Сайгановой, у государства, а также других основополагающих институтов в современном российском обществе, которые ответственны за патриотическое воспитание граждан, имеется «значительный нереализованный потенциал в деле формирования» патриотических ценностей [Ивченков, Сайганова, 2020, с. 119]. В сложившейся ситуации требуется значительная активизация воспитательной патриотической работы на уровне регионов и муниципалитетов; кроме того, в рассматриваемую деятельность необходимо более активно включаться учебным заведениям различных уровней, средствам массовой информации и т. д.

В патриотическом сознании молодежи имеются некоторые противоречия, связанные с тем, что определенная часть молодых людей, декларирующих свою приверженность патриотическим ценностям, одновременно ориентированы на то, чтобы в будущем переехать для постоянного проживания в другую страну [Корж, Каримова, 2022, с. 85]. Интересно, что таких потенциальных эмигрантов больше всего в самой младшей группе молодежи, включающей лиц в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет (более трети из них, в соответствии с данными ВЦИОМ, хотели бы, в случае наличия такой возможности, уехать из России для того, чтобы жить в зарубежном государстве)¹. В то же время, как уже отмечалось выше, традиционная трактовка патриотизма основывается на том, что носителя патриотических ценностей отличает именно ориентация на проживание в своей стране, активная деятельность, направленная на благо общества и защиту общенациональных интересов. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости усиления воспитательного воздействия на молодежь и представителей других возрастных групп, направленного на укоренение патриотических ценностей в массовом сознании населения современного российского общества.

Заключение

Патриотические ценности представляют собой центральный компонент патриотического сознания личности, в основе которого находятся возвышенное чувство любви к Родине, к Отечеству, приверженность характерным для данного общества духовно-нравственным нормам и культурным традициям. Высокая социальная значимость патриотических ценностей обусловлена тем обстоятельством, что устойчивые ценности патриотизма могут служить прочным духовным основанием личностного мировоззрения, а также важной предпосылкой для общественной консолидации и общегражданской идентичности.

От характера и содержания патриотических ценностей личности зависит направленность ее патриотического поведения, которое фактически представляет собой

¹ Патриотизм: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ. 11.04.2023 URL: <http://wciom.ru> Аналитические обзоры > Патриотизм: мониторинг (дата обращения 22.08.2024).

внешнее выражение индивидуального патриотического сознания, внутренних личностных установок и ориентиров, которые формируются в процессе социализации. Это может происходить стихийно, а может осуществляться в форме целенаправленного воспитательного воздействия на личность с целью привития ей определенных ценностей, что является предпочтительным вариантом. Одним из важных направлений воспитательного воздействия является патриотическое воспитание, направленное на формирование развитого и устойчивого патриотического сознания различных категорий населения, включающего в качестве неотъемлемых компонентов гордость за прошлое и настоящее своей страны, готовность к тому, чтобы жить в России и трудиться на благо общества.

Патриотические ценности предусматривают осознание личностью своей сопричастности с общественными проблемами и нуждами страны в комплексе с готовностью принимать активное участие в разрешении данных проблем. Истинного патриота также характеризует ответственное отношение к выполнению основополагающих обязанностей гражданина, от добросовестного исполнения которых зависит эффективное поступательное развитие общества и государства. В настоящее время особо важное значение приобретает воинская обязанность, что связано с проведением СВО: в сложившейся ситуации требуется усилить работу по военно-патриотическому воспитанию, предполагающему целенаправленное воздействие на личность с целью укоренения в ее сознании патриотических ценностей, качеств морального и духовного характера, необходимых для выполнения задач по защите Отечества.

Таким образом, данное исследование акцентирует внимание на том, что патриотизм может служить как объединяющим, так и разъединяющим началом в обществе. Патриотизм - это не врожденное качество, а результат осознанного выбора и внутреннего развития человека. Он формируется и укрепляется через жизненный опыт, отражая отношение человека к своей стране и народу. Формирование патриотических ценностей у человека начинается с раннего детства и продолжается всю его жизнь. Любовь к родине становится движущей силой, объединяющей людей для достижения общей цели — создания процветающего и безопасного будущего, где сохраняются ценности, на которых строилась история, но где также открыты двери для новых идей и изменений, способствующих развитию и прогрессу.

Список литературы

- Верещагина А.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. 2017. Патриотизм в России как идеологический концепт: социокультурные основания становления и воспроизводства в современной реальности. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 6-7: 30-34.
- Луков В.А., Курганская М.Я. 2012. Патриотические ценностные ориентации. *Знание. Понимание. Умение*, 2: 316-317.
- Дулина Н.В., Овчар Н.А., Токарев В.В. 2015. Патриотические ценности современной студенческой молодежи: между Россией и Западом (по итогам проведения социологического исследования). В кн.: *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: матер. XVIII-й Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана* (Екатеринбург, 19-20 марта 2015 г.). Екатеринбург, УрФУ: 167-177.
- Палаткина Г.В., Шаронов А.А., Джангазиева А.С. 2019. Сущность и структура патриотических ценностей подростков. *Вестник РМАТ*, 1: 90-96.
- Погорелый А.П. 2004. Патриотизм как ценность российского общества (социально-философский анализ): автореферат диссертации кандидата философских наук, М., 158 с.
- Синютин А.А. 2024. Проблемы формирования патриотизма как средства укрепления духовного суверенитета в современном российском обществе. *Гуманитарий Юга России*, 3: 88-99.

- Лутовинов В.И. 2013. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления. *Studia Humanitatis*, 2: URL: <https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/lutovinov.pdf>
- Кирницкий В.В. 2016 Проблема формирования патриотических ценностей в массовом сознании российской молодежи: автореферат диссертации кандидата философских наук. М., 21 с.
- Быков А.К. 2018. Интегративная природа патриотического воспитания в образовательных организациях как основание классификации его основных направлений. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*, 4: 47-60.
- Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. 2020. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи. *Вестник Института социологии*, 11(2): 106-124.
- Корж Н.В., Каримова Л.Ф. 2022. Проблема патриотизма среди современной молодежи в условиях геополитической напряженности. *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*, 10(4): 80-89.

References

- Vereshchagina A.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I. 2017. Patriotizm v Rossii kak ideologicheskij koncept: sociokul'turnye osnovaniya stanovlenija i vosproizvodstva v sovremennoj real'nosti. [Patriotism in Russia as an ideological concept: socio-cultural foundations of formation and reproduction in modern reality]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, 6-7: 30-34.
- Lukov V.A., Kurganskaya M.Ya. 2012. Patrioticheskie cennostnye orientacii [Patriotic value orientations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2: 316-317.
- Dulina N.V., Ovchar N.A., Tokarev V.V. 2015. Patrioticheskie cennosti sovremennoj studencheskoj molodezhi: mezhdru Rossiej i Zapadom (po itogam provedenija sociologicheskogo issledovanija) [Patriotic values of modern student youth: between Russia and the West (based on the results of a sociological study)]. In: *Kultura, lichnost, obshhestvo v sovremennom mire: metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija: mater. XVIII Mezhdunarodnoj konferencii pamjati prof. L.N. Kogana* [Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience: mater. XVIII International Conference in Memory of Prof. L.N. Kogan] (Ekaterinburg, March 19-20, 2015). Ekaterinburg, UrFU: 167-177.
- Palatkina G.V., Sharonov A.A., Dzhangazieva A.S. 2019. Sushhnost i struktura patrioticheskikh cennostej podrostkov [The essence and structure of patriotic values of adolescents]. *Vestnik RMAF*, 1: 90-96.
- Pogorely A.P. 2004. Patriotizm kak cennost' rossijskogo obshhestva (social'no-filosofskij analiz): avtoreferat dissertacii kandidata filosofskih nauk [Patriotism as a value of Russian society (socio-philosophical analysis): abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences], М., 158 p.
- Sinyutin A.A. 2024. Problemy formirovanija patriotizma kak sredstva ukreplenija duhovnogo suvereniteta v sovremennom rossijskom obshhestve [Problems of formation of patriotism as a means of strengthening spiritual sovereignty in modern Russian society]. *Gumanitarij Juga Rossii*, 3: 88-99.
- Lutovinov V.I. 2013. Sovremennyj rossijskij patriotizm: sushhnost', osobennosti, osnovnye napravlenija [Modern Russian patriotism: essence, features, main directions]. *Studia Humanitatis*, 2: URL: <https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/lutovinov.pdf>
- Kirnitsky V.V. 2016. Problema formirovanija patrioticheskikh cennostej v massovom soznanii rossijskoj molodezhi: avtoreferat dissertacii kandidata filosofskih nauk [The problem of the formation of patriotic values in the mass consciousness of Russian youth: abstract of the dissertation of the candidate of philosophical sciences], М., 21 p.
- Bykov A.K. 2018. Integrativnaja priroda patrioticheskogo vospitanija v obrazovatel'nyh organizacijah kak osnovanie klassifikacii ego osnovnyh napravlenij [The integrative nature of patriotic education in educational organizations as the basis for the classification of its main directions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, 4: 47-60.
- Ivchenkov S. G., Saiganova E. V. 2020. Cennostnye orientiry i ih vlijanie na vosprijatie patriotizma u molodjozhi [Value orientations and their influence on the perception of patriotism among young people]. *Vestnik Instituta sociologii*, 11(2): 106-124.
- Korzh N.V., Karimova L.F. 2022. Problema patriotizma sredi sovremennoj molodezhi v uslovijah geopoliticheskoi naprjazhennosti. [The problem of patriotism among modern youth in the context of geopolitical tension]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal "Наука. Общество. Государство"*, 10(4): 80-89.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.03.2024
Поступила после рецензирования 19.05.2024
Принята к публикации 30.05.2024

Received March 19, 2024
Revised May 19, 2024
Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Синютин Александр Александрович, ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Alexander A. Sinyutin, Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Novochoerkassk, Russia.

Волохова Елена Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Elena V. Volokhova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novochoerkassk, Russia.

Маслова Юлия Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Yulia V. Maslova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign languages, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novochoerkassk, Russia.

УДК 1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-756-768

Этика искусственного интеллекта в России: суверенный vs глобалистский подход

Черняев А.В.

Институт проблем передачи информации РАН
Россия, 127051, Москва, Б. Каретный п-к, д. 19 стр. 1
Chernyaevphd@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются содержание и основные результаты российских научных, общественных и политических дискуссий по социально-этическим проблемам искусственного интеллекта (ИИ). Констатируется поворот от изучения прямых военно-технологических и инфраструктурных рисков к анализу более широких социально-гуманитарных последствий интенсивного внедрения цифровых технологий. Обосновывается важность внедрения технологий ИИ для России с учетом демографической ситуации и социально-экономических задач. Предпринимается попытка оценить релевантность для России международного опыта и в частности Рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта ЮНЕСКО: демонстрируется философская и политико-идеологическая направленность этого документа, а также функционал международных организаций в контексте современной мировой политики. Устанавливается несоответствие ряда интенций документа ЮНЕСКО традиционным ценностям и национальным интересам России. Ставится вопрос о необходимости актуализации русского философского наследия как концептуальной основы для разработки национальной доктрины в области этики ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика, интеллектуальный суверенитет, глобализация, международные организации, ЮНЕСКО, русская философия

Для цитирования: Черняев А.В. 2024. Этика искусственного интеллекта в России: суверенный vs глобалистский подход. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 756–768. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-756-768

Ethics of Artificial Intelligence in Russia: Sovereign vs Globalist Approach

Anatoly V. Chernyaev

The Institute for Information Transmission Problems RAS
19, build.1 Bolshoy Karetny al., Moscow 127051, Russian Federation
Chernyaevphd@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of literature, Russian and international regulatory documents on the development and ethical regulation of artificial intelligence, a turn is noted from the study of direct military-technological and infrastructural risks to the analysis of broader socio-humanitarian consequences of the intensive implementation of digital technologies. The content and main results of Russian scientific, public and political discussions on the socio-ethical problems of artificial intelligence, the range of problems, opinions and arguments are considered. Including: questions about the conceptual prerequisites for the admission of social subjectivity and the legal status of artificial intelligence, the relationship between the development of digital technologies and the transhumanism project, and a religious interpretation of the phenomenon of artificial intelligence. The importance of introducing artificial intelligence technologies for Russia is substantiated, taking into account the demographic

situation and socio-economic tasks. An attempt is made to assess the relevance of international experience for Russia, in particular the UNESCO Recommendation on the Ethical Aspects of Artificial Intelligence, demonstrating the philosophical and political-ideological focus of this document, as well as the functionality of international organizations in the context of modern world politics. The inconsistency of a number of intentions of the UNESCO document with traditional values and national interests of Russia is established. The question of the need to update the Russian philosophical heritage as a conceptual basis for the development of a national doctrine of the ethics of artificial intelligence is raised.

Keywords: artificial intelligence, ethics, intellectual sovereignty, globalization, international organizations, UNESCO, Russian philosophy

For citation: Chernyaev A.V. 2024. Ethics of Artificial Intelligence in Russia: Sovereign vs Globalist Approach. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 756–768 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-756-768

Разворачивающиеся в современном мире процессы интенсивного развития и широкого применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) бросают вызов традиционным способам повседневной и производственной деятельности человека, самому образу его бытия в персональном, социальном, политическом измерениях. Проблематика ИИ стала предметом пристального интереса и широкого обсуждения как в рамках специализированных научных сообществ, так и при участии общественных, политических, религиозных деятелей. При этом внимание гуманитарных экспертов – философов, психологов, правоведов, теологов – оказалось сосредоточено главным образом на проблематичных и двусмысленных аспектах цифровых технологий, на тех потенциальных угрозах для человека, культуры и общества, которые связаны с последствиями их внедрения.

Социально-этическая проблематика искусственного интеллекта: российский контекст

В последние годы как в научных разработках, так и в политических дискуссиях наблюдается поворот от изучения прямых военно-технологических и инфраструктурных рисков к анализу более широких социально-гуманитарных последствий интенсивного внедрения и использования цифровых технологий [Сорокова, 2002, с. 162]. Одним из наиболее значимых и дискуссионных на сегодняшний день стал вопрос, который активно прорабатывается и лоббируется в зарубежных странах, о наделении ИИ правовым статусом. Так, уже в 2017 году Европарламентом была принята резолюция, обозначившая допустимость определения особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе [Человек и системы..., 2022, с. 82]. В том же году робот по имени София стал подданным Саудовской Аравии; комментаторы обращают внимание на то, что прав у этого существа на практике больше, чем у женщин в королевстве: София не носит традиционную мусульманскую абайю, может свободно общаться с мужчинами, ей не грозит привлечение к ответственности за нарушение законов шариата [Человек и системы..., 2022, с. 83].

Как сообщает Т.Я. Хабриева, разработчики правовой доктрины уже готовы предложить юридические модели, обеспечивающие максимальную автономизацию юнитов ИИ в социальных и политико-правовых процессах, в частности, их предлагается наделить правом на функционирование, энергосбережение, самообучение [Человек и системы..., 2022, с. 83]. При этом, по указанию председателя Конституционного суда России В.Д. Зорькина, «признание искусственного интеллекта в качестве субъекта права вступает в неразрешимое противоречие едва ли не со всеми канонами правовой

догматики, включая учения об автономной правовой воле, правоотношении, правонарушении и юридической ответственности» [Зорькин, 2024]. С точки зрения Хабриевой, это чревато киборгизацией субъектов правоотношений: «Человек, наделенный волей, будет вынужден подчиняться не другому человеку, а “машине”, подчиненной алгоритму <...> “Под давлением” окажутся принципы права — гуманизм, равенство и справедливость, а также фундаментальные права человека — на свободу (личную, воли, выбора), неприкосновенность частной жизни, достоинство личности» [Человек и системы..., 2022, с. 94-95].

Попытка раскрыть концептуальные, философские предпосылки представления о возможности наделения ИИ правосубъектностью предпринимается в докладе В.Д. Зорькина «Право и вызовы искусственного интеллекта» (2024 г.): «методологической подоплекой предложений о предоставлении искусственному интеллекту личной правосубъектности выступают идеи о “децентрации” понятия человека как субъекта и о случайном, изменчивом и нецелостном его характере, подготовленные деконструктивистской программой постмодернизма» [Зорькин, 2024]. Согласно гипотезе автора доклада, в долгосрочной перспективе наделение ИИ правосубъектностью призвано обеспечить реализацию проекта трансгуманизма, в ходе чего, с одной стороны, появляются человекообразные киберсущества, а с другой – сам человек постепенно уподобляется машине. В связи с этим высказывается предположение, что «внедряя нейротехнологии и репрогенетику, мы оказываемся на пороге фатальной утраты своей человеческой идентичности», а также – «перед лицом наступающего “нового рабства”» [Зорькин, 2024].

Проникнутым пессимизмом философским обобщениям Зорькина вполне созвучны и выводы представителей академической философии: как указывает В.А. Лекторский, председатель Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, тотальная цифровизация чревата тем, что «вы перестаете быть владельцем информации о своей жизни и её хозяином. Ваше личное пространство оказывается как бы взломанным, и вы становитесь предметом управления со стороны других людей. Намерение приобрести с помощью цифровизации невиданную свободу оборачивается тем, что человек перестает понимать окружающий мир и самого себя, теряет автономию, попадает в рабство к искусственному интеллекту» [Человек и системы..., 2022, с. 23].

В докладе Зорькина затрагивается и такой аспект, как квазирелигиозный характер мировоззрения сторонников трансгуманизма: оно оценивается автором как «суррогат веры, где место всемогущего Бога заняла химера искусственного “сверхума” <...> Трансгуманистские замыслы приходят в явное столкновение с Божественным замыслом о создании человека по образу и подобию Божьему и о человеческом теле как храме» [Зорькин, 2024]. Следует отметить, что алармистский пафос Зорькина превосходит в этом отношении позицию Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который видит в распространении технологий ИИ серьезную угрозу дегуманизации общества, но при этом не исключает возможности выработки эффективных правил взаимодействия человека с техникой: «Наблюдая то, как вторгается искусственный интеллект во все стороны человеческой жизни, становится понятным, что речь идет, конечно, о дегуманизации человеческого общества <...> Мы не избежим развития всего того, что связано с продвижением возможностей искусственного интеллекта, но мы параллельно с этим должны развивать соответствующую философию, правила взаимодействия человека с искусственным интеллектом» [Патриарх Кирилл, 2023].

Трудно отрицать, что задача внедрения технологий ИИ обладает особой значимостью для России, где на фоне сложной демографической ситуации проблема дефицита трудовых ресурсов может быть компенсирована за счет автоматизации процессов производства и социального обслуживания населения, особенно – в новых

территориально-производственных комплексах, в будущих городах Сибири, Дальнего Востока и Севера России. Как указывает С.Н. Васильев, «интеллектуализация и применение роботов и включающих их распределенных робототехнических комплексов (РТК), в т. ч. с коллективным управлением, позволит не только сократить дефицит работников, но и повысить производительность труда. Создание широкого спектра масштабируемых малолюдных производств на основе РТК и, как следствие, увеличение ВВП страны будет <...> источником психологического подъема энтузиазма российского народа, как это бывало не раз в нашей истории» [Человек и системы..., 2022, с. 55-56].

Таким образом, с учетом российской специфики, в острых конкурентных условиях современного мира мы вряд ли можем себе позволить оставаться в стороне от интенсивного развития технологий ИИ. Согласно утвержденной Указом Президента РФ Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Национальная стратегия..., 2019], укрепление позиций России в качестве одного из лидеров в области развития и внедрения технологий ИИ является необходимым условием обеспечения технологической независимости и конкурентоспособности страны (п. 17). При этом ставится задача разработки этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом (п. 49 ж).

В части этико-прикладного регулирования ИИ российская теория и практика в значительной степени ориентированы на международные стандарты. В отечественной литературе распространена точка зрения, в соответствии с которой эту задачу предлагается решать как частный случай по отношению к общему: «Этические вопросы, касающиеся ИИ, стоят перед всем мировым сообществом, а это означает, что необходимо разработать некую документальную, нормативную основу, которой смогут следовать все страны, чтобы на ее основе стало возможным сформулировать уточняющие стандарты или рекомендации, учитывающие собственные ценности, культурные традиции, моральные нормы различных стран» [Леушина, Карпов, 2022, с. 125]. При этом в качестве образца для общей основы рассматривается «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта», принятая Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в 2021 г. [Рекомендация об этических..., 2023] (чему предшествовала многолетняя подготовительная работа (см.: [Гарби, 2019])). В том же году в России был представлен «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта», разработанный представителями бизнеса и экспертного сообщества. При Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО был сформирован Комитет по вопросам этики искусственного интеллекта в целях выработки и координации подходов России к международному сотрудничеству в области ИИ на площадке ЮНЕСКО под председательством академика РАН А.П. Кулешова (см.: [Искусственный интеллект..., 2020]).

Рекомендация ЮНЕСКО: философская и политико-идеологическая направленность

Как отмечается, «российские авторы положительно оценивают попытку определить “универсальную модель этичного ИИ”, однако с сожалением отмечают слишком большое количество “конъюнктурных и сомнительных пассажей”, содержащихся в данном документе» [Алексеев, Алексеева, 2024, с. 45]. На основе изучения международных рекомендаций в отечественной литературе выделяются такие базовые императивы этики ИИ, как уважение, защита и поощрение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод; благополучие окружающей среды и экосистем; обеспечение разнообразия и инклюзивности; поощрение мира и согласия [Клюева, 2021, с. 55]. Насколько же актуальна для России Рекомендация ЮНЕСКО в качестве базового руководства и методологического ориентира при разработке национальных этических правил взаимодействия человека с ИИ?

Необходимо констатировать, что документ ЮНЕСКО имеет существенный отпечаток ангажированности бизнес-интересами транснациональных корпораций и политико-идеологической тенденциозности. На это указывает как содержание документа, так и непосредственный опыт экспертов, принимавших участие в его разработке. В состав экспертной рабочей группы по подготовке проекта Рекомендации ЮНЕСКО был включен член-корреспондент РАН М.В. Федоров, участвующий также в работе российского Комитета по вопросам этики ИИ [Искусственный интеллект..., 2020]. По свидетельству ученого, «на протяжении всей многомесячной экспертной работы складывалось впечатление, что некоторые ответственные сотрудники Секретариата, а также ряд якобы “независимых” экспертов из разных стран мира, фактически действовали в унисон и при этом с оглядкой на всем известные западные ИИ-гиганты, а не на Устав ЮНЕСКО <...> За общими, казалось бы, благими формулировками и призывами, по ходу документа обнаруживались идеи скрытого протекционизма в интересах крупного капитала. По всей видимости, эти же лица лоббировали появление в тексте Рекомендации прозападных политических установок, императивно подталкивающих страны — члены ЮНЕСКО к одному единственному алгоритму действий при реализации ключевых положений Рекомендации. В нарушение уставных принципов поддержки и защиты этнокультурного многообразия и самобытности мировому сообществу, далеко неоднородному по своей природе, предлагается ориентироваться на этические нормы, рамки и меры оценки работы систем ИИ, выработанные исключительно на базе неоднозначных неолиберальных правочеловеческих стандартов и ценностей. Стоит ли удивляться, что такие “стандарты” по большей части распространены в странах “коллективного Запада”?» [Федоров, Цветков, 2020].

Это совершенно не удивительно, поскольку политика ЮНЕСКО, являющегося подразделением ООН, направлена на обслуживание интересов акторов мировой глобализации, что нашло отражение и в рассматриваемом документе. Предлагаемый далее разбор финальной редакции документа ЮНЕСКО [Рекомендация об этических..., 2023] позволит конкретизировать и дополнить данное впечатление российского эксперта. Уже в преамбуле констатируется, что осмысление рассматриваемых проблем предлагается «в рамках глобального подхода», в соответствии с принципом экстерриториальности (§ 38), с ориентацией на «условия будущего взаимосвязанного мира» (§ 22). В документе реализуется установка на приоритетность международного права по сравнению с национальным, подчеркивается «ориентация на общечеловеческие интересы» (§ 63).

В идеологическом отношении «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта» ЮНЕСКО базируется на ряде постулатов современного западного неолиберализма, в числе которых: права человека, гендерное равенство, мультикультурализм, инклюзивность, пацифизм. При этом используется идеология прав человека в их специфически западном – индивидуалистическом понимании, которая навязывается в качестве обязательного сопроводительного элемента при исследовании этики ИИ («изучение воздействия ИИ-систем должно включать просвещение в области прав человека и основных свобод», § 45). Постулируется также необходимость «обеспечения согласованности с международными нормами, стандартами и принципами в области прав человека» (§ 65) при разработке национальных правил и правовых актов. Констатируется приоритет и универсальность прав и свобод человека в соотношении с его национальными, культурными, религиозными идентичностями (§ 13). В тексте документа неоднократно указывается на принцип инклюзивности, предписывается осуществлять «инклюзивный контроль» (§ 35) и «инклюзивные подходы» (§ 47). Одним из условий глобализации является реализация политики мультикультурализма; в документе ЮНЕСКО соблюдение этого принципа предусмотрено через требование обеспечивать «культурный плюрализм» (преамбула) и осуществлять «глобальный межкультурный

диалог» (§ 7). Принцип пацифизма и непротivления находит выражение в неоднократно повторенном запрете использовать т.н. «язык ненависти» (§ 3 (d), § 114). Применение большинства перечисленных принципов обобщено в следующей формуле: «оценки этического воздействия <...> должны носить многопрофильный, многосторонний, мультикультурный, плюралистический и инклюзивный характер» (§ 5 3).

Особое внимание уделено принципу гендерного равенства, которому в документе ЮНЕСКО посвящен специальный раздел («Приоритетная область 6»). В нем, в частности, сформулированы требования «при проведении оценок... использовать сквозной гендерный подход» (§ 87), «не допускать закрепления гендерных стереотипов и предубеждений в искусственных интеллектуальных системах, а напротив, обеспечить их выявление и инициативное устранение» (§ 90), «поощрять гендерное разнообразие в сфере связанных с ИИ научных исследований» (§ 92). Складывается впечатление, что главной задачей идеологов ЮНЕСКО является не разработка правил этики ИИ, а лишь использование этого кейса как инструмента для обеспечения принципов политкорректности: «чтобы потенциал применения цифровых технологий и ИИ в максимальной степени способствовал достижению цели гендерного равенства» (§ 87). На этот аспект гендерной темы в тексте «Рекомендации» обращает внимание М.В. Федоров: «На первый план Секретариат ЮНЕСКО выводит вопросы гендерного равноправия, причем с заделом на их расширенное толкование, выходящее за рамки классической связки мужчина-женщина <...> Сама постановка вопроса для сути данной Рекомендации является бессмысленной, поскольку ничего не добавляет к раскрытию темы взаимодействия человека со сложными алгоритмическими системами. Смысл появляется, только если рассматривать документ как идеологически-заряженный инструмент воздействия на страны – члены ЮНЕСКО с целью их приобщения к “передовым” правочеловеческим стандартам “цивилизованного” сообщества» [Федоров, Цветков, 2020].

В качестве практических механизмов реализации указанных политико-идеологических принципов предлагается разработка и распространение директивных документов и внедрение системы этического мониторинга, который должны осуществлять специальные этические комиссии (§ 134), а также создание своего рода института идеологических комиссаров путем «введения должности независимого сотрудника по этическим аспектам применения ИИ» в компаниях, занимающихся разработками технологий ИИ (§ 58). Государствам – членам организации предъявляется целый ряд требований политического и финансового характера: они должны «предусмотреть в своих бюджетах целевые ассигнования на финансирование программ в поддержку гендерного равенства <...> разработку надлежащих директивных документов <...> осуществить меры по финансированию программ и использованию гендерно неспецифического языка» (§ 88); «инвестировать в формирование навыков <...> в целях укрепления критического мышления и компетенций, необходимых <...> чтобы противостоять заведомо ложной и недостоверной информации и языку ненависти» (§ 114); «обеспечить направление средств из государственных источников (выделяемых на цели научно-технических разработок и инноваций) на осуществление инклюзивных программ» (§ 91).

Целый ряд требований ЮНЕСКО можно квалифицировать как попытки вмешательства во внутренние дела суверенных государств, в частности – в их визовую политику: «Для обеспечения общедоступности форумов по проблематике ИИ государствам-членам необходимо содействовать въезду на свою территорию <...> и выезду субъектов связанной с ИИ деятельности» (§ 60). В целях максимально широкой экспансии идеологических стандартов ЮНЕСКО предписывается также обеспечивать их продвижение за счет внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности государств-членов: «в странах, установивших или принявших этические стандарты для ИИ, следует соблюдать эти стандарты при экспорте своей продукции, разработке или

применении ИИ-систем в странах, где таких стандартов может не быть» (§ 120). В свою очередь, провозглашаемый в документе ЮНЕСКО «принцип “общего цифрового достояния”», предписывающий «поощрять компании обмениваться собранными ими данными со всеми заинтересованными сторонами» (§ 77), представляет собой покушение на государственный цифровой суверенитет, который предусматривает охрану и ограничение доступа к ряду национально значимых баз данных. Учитывая все вышесказанное, требование проводить национальные разработки по этике ИИ во взаимодействии с международными структурами и корпорациями приобретает значение фактора идеологической индоктринации и лоббирования бизнес-интересов («государствам-членам путем привлечения международных организаций, научно-исследовательских учреждений и транснациональных корпораций следует содействовать проведению исследований, касающихся этических аспектов ИИ», § 82).

Таким образом, концептуальную основу Рекомендации составляет глобалистическая неолиберальная идеология, нацеленная на ограничение суверенитета национальных государств с присущими им культурно-историческими традициями, духовно-нравственными ценностями, особенностями политико-правовой культуры – несмотря на декларируемую озабоченность сохранением региональной самобытности, местных этических стандартов и установок, уважение и защиту культурного разнообразия (преамбула). Признавая существование в различных странах и регионах мира специфических особенностей социально-культурного и политико-правового уклада, в тех случаях, когда они расходятся с цивилизационными стандартами западного сценария глобализации, предпочтение отдается последним, а аргументы в пользу защиты национальных укладов оцениваются как «предрассудки и стереотипные представления в отношении самобытности» (§ 2 (с)).

Политическая функция современных международных организаций

Присутствующая в «Рекомендации» ЮНЕСКО политико-идеологическая ангажированность находится в полном соответствии с наступательной политикой, реализуемой международными организациями на современном этапе, начало которого принято связывать с завершением периода баланса сил, продолжавшегося в течение четырех десятилетий после Второй мировой войны. На фоне того, как в связи с ослаблением и распадом СССР поколебались основы ялтинско-потсдамского мирового порядка, международные структуры изменили свой функционал: вместо вспомогательного инструмента для решения отдельных проблем взаимодействия суверенных государств – площадки достижения консенсуса, они превратились в активный сегмент международной политики. Если по своему первоначальному замыслу они создавались как учреждения межгосударственного сотрудничества, то теперь «они “втягиваются” в процессы, связанные с глобализацией и “размыванием” государственности, начиная активно взаимодействовать с другими, негосударственными международными акторами» [Кутейников, 2015, с. 37], которые реализуют свои интересы в сферах региональной политики, международной торговли и бизнеса, трансграничных социально-культурных проектов, мировых информационных потоков, распространения высоких технологий. Фактически, на современном этапе международные организации стали использоваться в качестве инструмента неокOLONIALной экспансии под флагом продвижения идеалов западной демократии.

Как констатирует Л.С. Воронков, «к завершению “холодной войны” в мире сформировался “Клуб богатых держав”. Входящие в него государства кровно заинтересованы в том, чтобы совместными скоординированными усилиями продолжать создавать впечатление о безальтернативном характере неолиберальной модели развития и якобы универсальном, общечеловеческом характере западных ценностей <...> которым они стремятся придать глобальный характер, сохраняя за собой монополию на оценку их соблюдения другими странами». Западные либеральные ценности – это «главные

инструменты, позволяющие им не только обеспечивать своё привилегированное и доминирующее положение в мировой экономике и политике, но и постоянно наращивать находящееся под их контролем мировое экономическое пространство за счёт включения в него новых стран. Внешнеэкономическая экспансия такого рода отличается от политики прежних колониальных империй лишь методами и инструментами достижения поставленных целей, но никак не самими целями» [Воронков, 2015, с. 108].

Идея продвижения либеральных ценностей и западных стандартов демократии оказалась эффективным прикрытием для того, чтобы, с одной стороны, наращивать целенаправленное вмешательство во внутреннюю политику суверенных стран, а с другой – маскировать за привлекательной гуманитарной риторикой масштабные политические акции, осуществляемые по каналам международных организаций в интересах крупных транснациональных корпораций и политических сил, представляемых государствами – мировыми гегемонами. При этом проводить линию на вмешательство посредством международных структур оказалось проще и результативнее, чем использовать традиционные инструменты государственной внешней политики. В итоге «изменилось понимание границы, разделяющей государственные права и суверенитет, с одной стороны, и компетенции международной организации, с другой стороны» [Кутейников, 2015, с. 23]. Основным вектором этой политики, как указывает А.Е. Кутейников, является обеспечение т.н. демократического транзита, «сущностным содержанием которого стало ослабление государственных институтов под напором либеральных преобразований» [Кутейников, 2015, с. 31]. В рамках «демократического транзита» предполагается трансформация такого ключевого элемента государственности как политический суверенитет, который должен сначала подвергнуться значительным ограничениям под давлением требований международных организаций и норм международного права, а затем ему на смену должна прийти «космополитическая демократия (постдемократия)» [Кутейников, 2015, с. 33].

Исследователи относят время начала либо активизации деятельности международных организаций как акторов мировой политики к концу 1980-х гг. [Кутейников, 2015, с. 36], однако можно уверенно утверждать, что ЮНЕСКО изначально создавалась для обеспечения мировой глобализации и демонтажа суверенитета национальных государств, получив для этого тщательно разработанную идеологическую основу. Один из отцов-основателей и первый генеральный директор ЮНЕСКО Джулиан Хаксли (1887–1975) в 1946 – год начала деятельности организации – опубликовал работу «ЮНЕСКО, его цели и философия», которая стала манифестом и остается «символом веры» культурной «миссии» ООН [Vermeren. 2011]. Как теоретик и идеолог Хаксли стоял у истоков доктрины конвергенции, осуществив экстраполяцию этого понятия из биологии на социальную сферу и истолковав как процесс обмена идеями, практиками и технологиями между индивидами, обществами, культурами и религиями, который ведет к объединению мира. В связи с этим Хаксли говорил о «кумулятивной тенденции» как определяющей в истории и неотвратимо ведущей человечество по пути «мирового политического единства». Эта «глобальная цель» может быть достигнута при условии «единства мирового сознания», которое, в свою очередь, должно быть подготовлено созданием «единой всемирной культуры» и «единой философии», выражающих «единый образ жизни и единый взгляд на жизнь» [Фролова, 2013, с. 56].

Согласно Хаксли, мировое единство не может быть полностью реализовано лишь средствами образования, науки и культуры: оно должно также опираться на определенную форму «глобального политического единства, будь то посредством единого мирового правительства или иным образом»; вместе с тем, «ЮНЕСКО может многое сделать для подготовки основ, на которых политическое единство мира может опираться позже» [Томский, 2019, с. 21]. При этом глобализационный вектор сталкивается с противодействующими факторами и вступает с ними в непримиримую борьбу, которая

рисуетя в виде следующей схемы: «мировой интернационализм против мультинационализма, наука против иллюзий, демократия против тирании, свобода мысли против авторитарных догм и репрессий» [Фролова, 2013, с. 49]. Сторонники суверенной государственности, приверженцы национальных и религиозных традиций, не желающие жертвовать этими вещами ради нового «качества жизни» и «безопасности», которые должны быть достигнуты благодаря глобализации мира, – демонизируются и объявляются врагами; они объявляются мрачными «фанатиками, получающими удовлетворение от националистических и фундаменталистских идей» [Томский, 2019, с. 21].

Знаниям и верованиям, отражающим традиционный образ жизни людей, Хаксли противопоставляет авангардную науку и философию, которые должны быть готовы «в случае необходимости бороться против антинаучных или противоречащих духу науки движений, таких как религиозный фундаментализм» [Томский, 2019, с. 23]. В противоположность этому, вполне научной и нравственно оправданной целью приложения усилий для международной организации является, согласно Хаксли, осуществление трансгуманистического проекта: «ЮНЕСКО также должна стремиться не только увеличить общее счастье обычного человека, но и поднять выше уровень, которого может достичь человек. Эта идея относится <...> и к самому человеческому материалу. Человеческий прогресс отчасти состоит в повышении среднего уровня между ранее существовавшими пределами, предназначенными для достижения всевозможных результатов, а также в повышении верхнего предела и открытии человеку новых возможностей» [Томский, 2019, с. 22].

Заложенная Джулианом Хаксли база сохраняется в качестве идейного арсенала ЮНЕСКО, а риторика руководителей этой структуры развивается в русле выступлений ее отца-основателя и первого директора. ЮНЕСКО позиционируется ими как международная «организация, имеющая интеллектуальную и нравственную основу», на платформе которой ведется «диалог», призванный получить мировое звучание и охватить сферу принятия политических решений; при этом «связь между аналитической работой, дискуссиями и практической деятельностью» должна быть упрочена «благодаря объединению усилий философов, руководителей и гражданского общества» [Томский, 2019, с. 27]. Поскольку в данной комбинации философам отводится ключевая роль, ЮНЕСКО неуклонно наращивает свою активность в реализации разного рода международных философских программ – научных, просветительских, образовательных. На сегодняшний день их совокупность составляет весьма внушительный комплекс, включающий в себя такие форматы, как Международный совет по философии и гуманитарным наукам, Всемирный философский конгресс, международный философский журнал «Диоген», сеть кафедр ЮНЕСКО по философии, Парижская декларация по философии (1995 г.)¹, ежегодный День философии ЮНЕСКО (с 2002 г.), Всемирные дни философии² (с 2005 г.), Межсекторальная долгосрочная стратегия по философии (2005 г.) [см.: Дианова, 2015; Томский, 2019].

Как показывают исследования, в научно-образовательных проектах ЮНЕСКО «главный акцент направлен на расширение связей учёных и экспертов с международными общественными организациями, на формирование воздействия политического характера исследований» [Арсанова, 2016, с. 88], тогда как сама ЮНЕСКО представляет собой не что иное, как «инструмент достижения политических целей» [Арсанова, 2018, с. 249]. Что касается «Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта» ЮНЕСКО,

¹ Первым подписантом Парижской декларации является представитель Института философии РАН Р.Г. Апресян (в 2022 г. Минюстом РФ признан иностранным агентом) [см.: Томский, 2019, с. 27].

² «Тематика Дней философии, которые проходили с участием ЮНЕСКО во Франции, Чили, Марокко, Турции, Италии, России и других странах, касалась культурного разнообразия, проблем войны и мира, прав человека, глобализации, науки и этики, социальных преобразований и межкультурного диалога» [Дианова, 2015, с. 271].

то к этому документу в полной мере применима характеристика серии меморандумов по этическому регулированию ИИ, которые рассматриваются «как декларация, попытка отвлечь общественность от реальных политических проблем, или как “этический камуфляж” для компаний, стремящихся избежать законодательного регулирования или использовать этику в качестве маркетинговой уловки» [Маслова, Самойловская и др., 2022, с. 72].

Заключительные соображения

Экспоненциальное развитие и внедрение технологий ИИ сопряжено с серьезнейшими экзистенциальными рисками, среди которых российский эксперт выделяет «нарушение баланса между управлением и манипулированием в обществе, возникновение процессов деинтеллектуализации и дезориентации людей в информационном пространстве из-за подмены их интеллектуальных функций искусственным интеллектом, подавления их биологических и психологических потребностей искусственным интеллектом и связанными с ним технологиями» [Федоров, 2023, с. 12]. Здесь перечислено то, что можно назвать проблемами искусственного интеллекта первого уровня. Подобно тому, как в каталоге прав человека принято выделять индивидуальные и коллективные права, или права третьего поколения [Варламова, 2011], в этике ИИ могут быть выделены проблемы индивидуального, общественного и национально-государственного уровня. Выше было показано, что как сами технологии ИИ, так и предлагаемые международными организациями разработки и рекомендации по их этическому регулированию могут служить интересам определенных акторов мировой политики и бизнес-интересам транснациональных корпораций. При этом они могут выступать в качестве своеобразных «тройных коней», представляя значительную угрозу для сохранения народами суверенных государств духовно-нравственной и культурно-исторической идентичности.

В условиях современного мира способность эффективно развивать и контролировать национальную сферу высоких технологий становится, возможно, одним из ключевых условий сохранения полноценного государственного суверенитета. В противном случае нас ожидает «схема “подтягивания” развивающихся стран и регионов до определенного уровня или стандарта на условиях, подразумевающих принятие в “пакете” с технологической помощью предустановленных идеологических, морально-этических, культурных и других установок» [Федоров, Цветков, 2020]. Впрочем, сегодняшние вызовы требуют как технологической, так и этической, ценностно-смысловой автономии: ни первый, ни второй компонент не может быть поставлен на внешний «аутсорсинг» без угрозы утраты суверенитета (как минимум – цифрового и интеллектуального). Как указывает в связи с этим С.Н. Васильев, «странам необходимо сотрудничать и учиться управлять в науке и искусстве противодействия угрозам, в т.ч. неокOLONиализму государств и транснациональных компаний. <...> Требуют постоянного внимания проблемы <...> противодействия использованию цифровых средств для разрушения духовно-нравственных устоев человека» [Человек и системы..., 2022, с. 51, 57].

Проведение исследований, направленных на «прогнозирование социальных и этических аспектов» использования технологий ИИ предусматривается Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (§ 57). Аксиологическая проблематика нашла отражение и в российском «Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта», где прописана необходимость «учитывать ключевые ценности, такие как: содействие культурному и языковому многообразию, самобытности; сохранение традиций и устоев наций, народов, этносов и социальных групп» (§ 1.1). В документе констатируется также обязательность сопровождения процесса внедрения новых интеллектуальных технологий прогностическими исследованиями их потенциального влияния на духовную жизнь общества: «Принятие значимых для общества и государства решений в области применения ИИ должно сопровождаться...

изучением возможных изменений в ценностно-культурной парадигме развития общества с учетом национальных приоритетов» (§ 2.1).

По сравнению с Рекомендацией ЮНЕСКО и другими аналогичными документами международных организаций [Маслова, Самойловская и др., 2022, с. 71-72], российский Кодекс в этико-аксиологической части отличается исключительной лапидарностью: цитированные выше его фрагменты – безусловно, справедливые и актуальные – имеют декларативную форму, нуждаются в развитии и наполнении конкретным содержанием. И прежде всего необходимо достижение определенности в части фундаментальных философско-мировоззренческих, духовных и ценностных оснований, на которые мы можем опираться при осмыслении и использовании новых технологий. У ЮНЕСКО такие основания налицо, они широко эксплицированы в документах и проектах этой организации, однако, как показано выше, для нас являются неприемлемыми, поскольку находятся в очевидном противоречии с традиционными ценностями и национальными интересами России.

Думается, в связи с этим нам предстоит определить и артикулировать те духовные и идейные традиции, наследниками которых мы являемся, ценностями и смыслами которых можем руководствоваться в данном вопросе; предстоит раскрыть и актуализировать их содержательный потенциал применительно к проблематике ИИ. К слову, Д.Е. Ушаков и Е.А. Валуева апеллируют к такому направлению философии техники, как русский космизм, где, в противоположность западному трансгуманизму, утверждается «абсолютная ценность индивидуального человеческого существования. Она находит отражение, например, у Н.Ф. Федорова в идее использования технологического прогресса для достижения ценностных идеалов. В этом плане цивилизационное назначение техники, в т. ч. искусственного интеллекта – реализовать исконное стремление человека к справедливости, счастью, бессмертию» [Человек и системы..., 2022, с. 118-119]. Наряду с космизмом, это могут быть, например, русская софиология и персонализм. Русское философское наследие обладает богатыми теоретическими ресурсами, которые могут быть эффективно использованы нами для осмысления современных вызовов и угроз – от технологических до духовно-этических и культурно-цивилизационных. Перед нами – практически непаханое поле работы в этом направлении.

Список источников

- Зорькин В. 2024. Право и вызовы искусственного интеллекта. Российская газета 27.06.2024. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html?ysclid=m3adstk1nu740723539> (дата обращения: 18 сентября 2024).
- Искусственный интеллект под контролем. 2020. URL: <https://unesco.ru/news/ai-committee/> (дата обращения: 18 сентября 2024).
- Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 20 сентября 2024).
- Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 20 сентября 2024).
- Патриарх Кирилл связал внедрение ИИ во все сферы жизни с дегуманизацией общества. 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19065199> (дата обращения: 20 сентября 2024).
- Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. 2023. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 20 сентября 2024).
- Федоров М.В., Цветков Ю.А. 2020. Этика искусственного интеллекта в деятельности ЮНЕСКО. РСМД, 18.11.2020 (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-yunesko-voprosy-politiki-prava-i-perspektivy-ravnopra/>).

Список литературы

- Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. 2024. Статус этических кодексов в этике искусственного интеллекта. *Информационное общество*, 4: 43–49.

- Арсанова Т.Е. 2018. Деятельность ЮНЕСКО как инструмент мировой политики. *Социально-гуманитарные знания*, 3: 245–251.
- Арсанова Т.Е. 2016. Роль ЮНЕСКО в современных условиях. *Вестник МГУКИ*, 5(73): 83–88.
- Варламова Н.В. 2011. Третье поколение прав человека? *Российский юридический журнал*, 2(77): 9–18.
- Воронков Л.С. 2015. Международные организации: основные причины их возникновения и развития. *Вестник МГИМО-университета*, 4(43): 102–110.
- Гарби Ж. 2019. Искусственный интеллект в современной деятельности ЮНЕСКО. Экология медиасреды. Сборник статей IV Открытой межвузовской научно-практической конференции, Москва, 25 апреля 2019 г. Под ред. Ю.Ю. Черного, И.В. Жилавской. М., МПГУ: 50–59.
- Дианова В.М. 2015. ЮНЕСКО и философия. *ΣΟΦΙΑ*, 15: 269–273.
- Клюева Н.Ю. 2021. Этико-прикладные аспекты применения технологий искусственного интеллекта. *Вестник МГУ. Серия 7. Философия*, 5: 52–66.
- Кутейников А.Е. 2015. Демократия вне государства? Деятельность многосторонних международных структур по созданию современной демократической модели. *Актуальные проблемы Европы*, 3: 15–44.
- Леушина В.В., Карпов В.Э. 2022. Этика искусственного интеллекта в стандартах и рекомендациях. *Философия и общество*, 3: 124–140.
- Маслова Е., Самойловская Н., Сорокова Е., Чеков А. 2022. Регулирование искусственного интеллекта в России: эклектика подходов и акторов. *Сравнительная политика*, Т. 13. № 4: 65–84.
- Сорокова Е.Д. 2022. Этика искусственного интеллекта в России и Европейском союзе: общее в риск-ориентированных подходах. *Дискурс-Пи*, Т. 19. № 3: 157–169.
- Томский Г.В. 2019. Философия, идеалы и ценности ЮНЕСКО. *Concorde*, № 2: 18–31
- Федоров М.В. 2023. Социально-экономические аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта. *Исследования в цифровой экономике*, 1: 6–60.
- Фролова М.И. 2013. Эволюционный гуманизм Джулиана Хаксли в век глобализации. *Человек*, 3: 44–58.
- Человек и системы искусственного интеллекта. 2022. Под ред. В.А. Лекторского. СПб., «Юридический центр», 328 с.
- Vermeren P. 2011. *Die Philosophie und die UNESCO*. Bonn: Peter Lang GmbH und Deutsche UNESCO Kommission, 124 p.

References

- Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. 2024. Status of ethical codes in the ethics of artificial intelligence. *Information Society*, 4: 43-49. (In Russian)
- Arsanova T.E. 2018. UNESCO activity as an instrument of world politics. *Socio-humanitarian knowledge*, 3: 245-251. (In Russian)
- Arsanova T.E. 2016. The role of UNESCO in modern conditions. *Vestnik MGUKI*, 5 (73): 83-88. (In Russian)
- Varlamova N.V. 2011. The third generation of human rights? *Russian Law Journal*, 2 (77): 9-18. (In Russian)
- Voronkov L.S. 2015. International organisations: the main reasons for their emergence and development. *Bulletin of MGIMO-University*, 4 (43): 102-110. (In Russian)
- Garbi J. 2019. Artificial intelligence in contemporary UNESCO activities. Ecology of the media environment. Collection of articles of the IV Open interuniversity scientific-practical conference, Moscow, 25 April 2019. Edited by Y.Y. Cherny, I.V. Zhilavskaya. MOSCOW, MPGU: 50-59. (In Russian)
- Dianova V.M. 2015. UNESCO and philosophy. *ΣΟΦΙΑ*, V. 15: 269-273. (In Russian)
- Klyueva N.Yu. 2021. Ethico-applied aspects of application of technologies of artificial intelligence. *MSU Bulletin. Series 7. Philosophy*, 5: 52-66. (In Russian)
- Kuteinikov A.E. 2015. Democracy outside the state? Activity of multilateral international structures to create a modern democratic model. *Actual problems of Europe*, 3: 15-44. (In Russian)
- Leushina V.V., Karpov V.E. 2022. Ethics of artificial intelligence in standards and recommendations. *Philosophy and Society*, 3: 124-140. (In Russian)

- Maslova E., Samoilovskaya N., Sorokova E., Chekov A. 2022. Regulation of artificial intelligence in Russia: eclecticism of approaches and actors. *Comparative Politics*, 13(4): 65-84. (In Russian)
- Sorokova E.D. 2022. Ethics of Artificial Intelligence in Russia and the European Union: common in risk-oriented approaches. *Discourse-P*, Vol. 19. № 3: 157-169. (In Russian)
- Tomsky G.V. 2019. Philosophy, ideals and values of UNESCO. *Concorde*, no. 2: 18-31/ (In Russian)
- Fedorov M.V. 2023. Socio-economic aspects of the introduction of artificial intelligence technologies. *Studies in Digital Economy*, № 1: 6-60. (In Russian)
- Frolova M.I. 2013. Julian Huxley's evolutionary humanism in the age of globalisation. *Man*, № 3: 44-58. (In Russian)
- Man and artificial intelligence systems. 2022. Edited by V.A. Lektorsky. SPb., 'Legal Centre', 328 p. (In Russian)
- Vermeren P. 2011. *Die Philosophie und die UNESCO*. Bonn: Peter Lang GmbH und Deutsche UNESCO Kommission, 124 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.09.2024
Поступила после рецензирования 19.11.2024
Принята к публикации 30.11.2024

Received September 19, 2024
Revised November 19, 2024
Accepted November 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черняев Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем передачи информации РАН, Москва, Россия.

Anatoly V. Chernyaev, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Research Fellow, The Institute for Information Transmission Problems RAS, Moscow, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 801.733

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-769-778

Размышления о Священном тексте архимандрита Евтихиана (Лестева)

Нифонтова О.И., Почепцов С.С., Болгов Н.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

nifontova_o@bsuedu.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию фрагмента о свойствах и смыслах Священного текста рукописи «Богословие толковательное или Священная Герменевтика» духовно-академического мыслителя первой половины XIX века архимандрита Евтихиана (Лестева). Рукопись анализируется впервые. В ней представлены основные свойства Священного текста, среди которых Божественное начало, целостность и невредимость, важность и величие, сила и выразительность, чистота и скромность, связанность мыслей, полнота, ясность. Каждое свойство поясняется автором. Архимандрит Евтихиан (Лестев) рассуждает о разнообразных смыслах Священного текста, главным из которых является антропологический, заключающийся в спасении человека. Дальнейшее исследование рукописи может уточнить современные представления о формировании герменевтической традиции в России.

Ключевые слова: Святитель Филарет (Дроздов), Евтихиан (Лестев), Священная Герменевтика, смысл текста, толкователь, свойства текста, антропология

Для цитирования: Нифонтова О.И., Почепцов С.С., Болгов Н.Н. 2024. Размышления о Священном тексте архимандрита Евтихиана (Лестева). *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 769–778. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-769-778

Reflections on the Sacred Text by Archimandrite Evtichian (Lestev)

Nifontova O.I., Pocheptsov S.S., Bolgov N.N.

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia

nifontova_o@bsuedu.ru

Abstract. The work is devoted to the study of a fragment about the properties and meanings of the Sacred text of the manuscript "Interpretive Theology or Sacred Hermeneutics" by the spiritual and academic thinker of the first half of the XIX century, Archimandrite Evtichian (Lestev). The manuscript is being analyzed for the first time. It presents the main properties of the Sacred text, including the Divine principle, integrity and intactness, importance and greatness, power and expressiveness, purity and modesty, coherence of thoughts, completeness, clarity. Each property is explained by the author. Archimandrite Evtichian (Lestev) discusses the various meanings of the Sacred text, the main of which is the anthropological one, which consists in the salvation of man. Further research of the above-mentioned manuscript seems relevant, as it can clarify modern ideas about the formation of the hermeneutical tradition in Russia.

Keywords: Saint Filaret (Drozдов), Evtychian (Lestev), Sacred Hermeneutics, meaning of the text, interpreter, properties of the text, anthropology

For citation: Nifontova O.I., Pocheptsov S.S., Bolgov N.N. 2024. Reflections on the Sacred Text by Archimandrite Evtichian (Lestev). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 769–778 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-769-778

Введение

Архимандрит Евтихиан (Лестев) (1787–1834) принадлежал к представителям ученого монашества духовно-академической философии первой половины XIX века. О его жизни на сегодняшний день сохранилось не так много сведений. Однако известно, что, будучи ректором Костромской, а затем Воронежской духовных семинарий, он участвовал в реформах по разработке отечественных учебных пособий, которые проводились в духовных школах в первой половине XIX века. Во главе этих преобразовательных реформ стоял святитель Филарет (Дроздов), собственноручно разработавший подробный план всех богословских дисциплин, которые нуждались в создании лекционного материала на русском языке для их успешного преподавания [Филарет, 1885–1888].

Реформа проводилась по той причине, что имевшиеся в распоряжении духовных школ в данный период иностранные пособия принадлежали авторству протестантских теологов, были написаны на латинском языке и косвенно вносили элементы протестантского влияния в православные дисциплины. В качестве примеров таких пособий можно назвать следующие: Francisci Buddei, *Institutiones Theologiae Dogmaticae, Hollazii, Examen theologicum acroamaticum, Turretini, Institutio Theologiae elenchicae, Sardagni, opera theologica, Auctores alii, quorum non tam numerus, quam usus et utilitas doctori perspectus est.* [Чистович, 1857, с. 189]. Даже косвенное протестантское влияние могло нанести ущерб чистоте православного вероучения и способствовать сглаживанию различий между православными и протестантскими идеями в умах воспитанников духовных школ. Эту опасность церковное руководство вполне осознавало и предпринимало усилия к разработке мер, которые могли бы исключить протестантское влияние в учебном процессе духовных школ.

Святитель Филарет (Дроздов), активно включившись в образовательные проблемы духовных школ, вначале разработал план богословских дисциплин, нуждающихся в учебных православных пособиях на русском языке, а затем попытался объединить вокруг себя ученое монашество. Он привлекал наиболее успешных и образованных преподавателей духовных академий к написанию необходимых учебных курсов, лично давал им рекомендации относительно содержания будущих пособий. Перед учеными монахами данного периода стояла задача освободить преподаваемые в духовных школах дисциплины от любого протестантского влияния и изложить их содержание в духе православного вероучения на русском языке.

Следует сказать, что план богословских дисциплин святителя Филарета имел довольно грандиозный размах (порядка 27 объемных курсов), и отчасти поэтому был осуществлен в реальности лишь частично: не все дисциплины, упомянутые в этом плане, получили воплощение в учебных пособиях (например, на сегодняшний день не найдены труды по Коренному или Собирательному богословию (*Theologia Radicalis, alias Collectiva*), Производному и Систематическому (*Derivativa, alias Systematica*)). Но те из богословских дисциплин, которые святитель Филарет считал наиболее важными, все же были написаны академическими преподавателями во многом под его личным руководством.

Процесс создания лекций по этим дисциплинам был возложен на наиболее образованных преподавателей и наиболее близких к святителю Филарету. Одним из таких

преподавателей являлся архимандрит Евтихиан (Лестев). Будучи бывшим учеником святителя Филарета по духовной академии, он написал несколько учебных пособий. До нас дошли рукописные варианты созданных им в соответствии с планом святителя Филарета [Филарет, 1885–1888, с. 123-151] лекций по богословской антропологии, носящие название «Богословское Человеческое» [Богословие...1, не опублик., 1830], [Богословие...2, не опублик., 1830], [Богословие...3, не опублик., 1830]. В связи с тем, что святитель Филарет считал богословскую антропологию одним из важнейших предметов среди всех остальных, она получила свое воплощение одной из первых в ряду 27 запланированных дисциплин.

Не менее важной дисциплиной для святителя Филарета являлась герменевтика как предмет, отвечающий за верное толкование Священного Писания, без которого невозможен правильный путь спасения человека. Поэтому архимандрит Евтихиан под руководством святителя наряду с «Богословским Человеческим» взялся и за написание герменевтического труда, дошедшего до нас в виде рукописи под названием «Богословие толковательное или Священная герменевтика» [Герменевтика, 1830-е гг.]. В данной статье планируется рассмотреть фрагмент этой рукописи, который посвящен анализу свойств и смыслов Священного текста. Но прежде необходимо сказать несколько слов об актуальности данного исследования.

«Богословие толковательное или Священная герменевтика» архимандрита Евтихиана (Лестева) является новооткрытым, еще никем не проанализированным текстом, который вполне может уточнить современные знания о формировании герменевтической традиции в России. До сих пор нам были известны три основных отечественных труда в области данной науки: «Руководство к Герменевтике» архимандрита Афанасия (Дроздова) [Замечания митрополита Филарета..., 1868, С. 150-167], «Библейская герменевтика» П.И. Савваитова [Библейская герменевтика, 1859, 144 с.], «Герменевтика и ее проблемы» Г.Г. Шпета [Шпет, 1989-93]. Однако, текст первой из перечисленных книг не найден, о его существовании мы знаем только из сохранившихся замечаний к руководству архимандрита Афанасия (Дроздова), сделанных святителем Филаретом [Замечания митрополита Филарета..., 1868, С. 150-167]. А две оставшиеся книги написаны во второй половине XIX века. Поэтому рукопись «Богословие толковательное или Священная герменевтика» архимандрита Евтихиана (Лестева) в ситуации почти полного отсутствия на сегодняшний день отечественных герменевтических трудов первой половины XIX века заслуживает пристального внимания со стороны науки, так как может внести свой вклад в современные научные представления об отечественной герменевтике первой половины XIX века и последующем ее развитии вплоть до сегодняшнего дня.

Характеристика свойств Священного текста

В начале своей герменевтической рукописи архимандрит Евтихиан указывает на принципиальное отличие церковной герменевтики от светской. Он называет толковательную науку, нацеленную на толкование Священного Писания, Священной Герменевтикой, в отличие от герменевтики светской. Если в центре внимания светской герменевтики может оказаться любой текст, то Священная герменевтика предназначена исключительно только для толкования Священного текста библейских книг. Учитывая тот факт, что все богословские науки в отечественной духовно-академической философии опираются на текст Священного Писания, свойствам этого текста уделяется особое внимание в труде архимандрита Евтихиана.

Среди особых свойств Священного текста он выделяет следующие: «1) Божественное его начало; 2) его целостность и невредимость; 3) важность и величие, сообразное с важностью и величием описуемых предметов; 4) сила и выразительность; 5) чистота и скромность в описании даже таких вещей, о коих нельзя говорить, не краснея от стыда; 6) связанность мыслей с мыслями, слов со словами и частей в целом; 7) полнота

без излишества и недостатка и 8) ясность с некоторою темнотою, впрочем истины не затмевающею, но паче уясняющею» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 15]. Обозначив свойства Священного текста, архимандрит Евтихиан с разной степенью подробности последовательно рассуждает о каждом из них: наиболее сложные свойства автор старается объяснить глубже, чем те, которые, по его мнению, очевидны и не требуют особенных рассуждений.

Так, например, первое свойство, связанное с Божественным началом Священного текста, в предлагаемом списке для автора рукописи представляется наиболее очевидным, не требующим доказательств. По этой причине архимандрит Евтихиан сразу переходит к свойству второму, целостности и невредимости текста. Архимандрит Евтихиан призывает читателей верить в то, что текст Священного Писания сохранился в целостности и со времени возникновения не претерпел никаких повреждений. Это важное свойство текста, так как от сохранности первоизданного текста зависит правильность пути, ведущего ко спасению человека: «А по сему, включая тайнодействующий в стоянии Церкви Божией Божий промысел, и надобно верить, что Бог слово свое сохранил целым и невредимым единственно для того, да не повредится тот путь, им же хочет Бог привести к Себе в царство благодати и славы» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 16]. Из данного положения логически вытекает утверждение о том, что в случае поврежденности текста Священного Писания, был бы поврежден и указанный в нем путь восстановления пораженной грехом природы человека, что закономерно привело бы к невозможности его спасения. Но один только призыв верить предлагаемому выше утверждению о сохранности текста Священного Писания архимандриту Евтихиану кажется недостаточно убедительным для тех, к кому он обращается, поэтому автор рукописи пытается свое утверждение насколько это возможно аргументированно доказать. По мысли архимандрита Евтихиана, текст не мог быть поврежден иудеями «потому, что они не имели никакой причины к сему, так как Священное Писание было единственным для них залогом блаженства, было единственным их заветом с Богом, в коем заключается все заветы обетований и различные привилегии (Рим. 9.4)» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 17] и не мог быть поврежден еретиками, так как еще до них уже существовали многочисленные экземпляры Священного Писания в разных церквях [Герменевтика, 1830-е гг., л. 17-18]. С точки зрения архимандрита Евтихиана, двух данных аргументов достаточно, чтобы устранить у читателей все сомнения в целостности Священного текста.

Но если текст действительно не был поврежден, то встает вопрос о причине существования различных вариантов одного и того же фрагмента Священного текста у разных переводчиков. Архимандрит Евтихиан объясняет подобного рода расхождения невнимательностью переписчиков, но не поврежденностью текста: «Некоторые поврежденность священного текста силятся доказать тем, что в самом оригинальном тексте находят много, так называемых, различных чтений (*variants lectiones*), кои вероятно, происходят от невнимательности переписчиков...» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 18]. Однако, автор не поясняет, какой же вариант текста с расхождениями является верным и на каком основании он выбран как наиболее верный.

Тем не менее, для архимандрита Евтихиана важно вначале своего лекционного курса доказать неповрежденность и целостность книг Священного Писания, так как они являются основанием и фундаментом всех последующих рассуждений его Священной Герменевтики. Автор рукописи в качестве доказательства своего утверждения о сохранности изначального текста Священных книг ссылается на Христа и апостолов, которые никогда не упоминали о поврежденности книг Ветхого Завета, а также на свидетельство древнего историка Иосифа Флавия, утверждающего неизменность текста Священного Писания: «И Иосиф Флавий, вернейший и важнейший историк древностей Еврейских, в своих записках вообще о книгах Священного Писания, и в частности Священного их текста говорит, что текст Священного Писания и ныне таков, каков был и

прежде, предлагает такое же количество книг оного» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 18]. Из всех вышеперечисленных аргументов, приводимых архимандритом Евтихианом для доказательства неповрежденности Священного Писания, ссылка на свидетельство древнего историка Иосифа Флавия с научной точки зрения представляется наиболее весомым аргументом.

Еще одно свойство книг Священного Писания, рассматриваемое архимандритом Евтихианом, заключается в простоте и одновременном величии текста. Об этом он пишет следующее: «В Священном тексте замечается удивительная простота...» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 19]. При этом автор обращает внимание на то, что простота не означает грубости слога, а подразумевает его чистоту, открытость и истину по отношению к изображаемым вещам. Говоря о величии Священного текста, архимандрит Евтихиан подчеркивает, что оно имеет разную степень у разных Священных книг, одни из которых ему представляются более важными, другие, - менее значительными по своей роли. В этом смысле автор рукописи отдает преимущественное величие пророческим книгам перед книгами историческими, так как пророчества о Христе пророческих книг для архимандрита Евтихиана представляются более важными, чем книги, содержащие историю и обычаи еврейского народа.

В третьем свойстве Священного текста, которое заключается в его силе и действенности, точнее в особенном воздействии на слушателя или читателя, архимандрит Евтихиан выделяет, кроме естественной силы воздействия Священного Писания на людей, еще и сверхъестественную силу: «И действительно Священный текст, кроме естественной присущей ему силы, имеет еще силу сверхъестественную, случайную, коя примечается из того, что производит в человеке различные духовные действия, восторги и даже выводит его иногда из круга сего земного жилища» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 21]. Получается, что при всей своей простоте Священный текст оказывает влияние на людей во многом благодаря наличию сверхъестественной Божественной силы, а не сам по себе.

Четвертое свойство текста Священного Писания, анонсированное архимандритом Евтихианом, заключается в его чистоте и скромности, достойных «всевышнего и всесвятого существа Божия» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 22], в способности выражать скромно даже самые нескромные вещи: «Ибо Священное Писание столь чисто и скромно, что самая гнусная и срамная вещь выражает скромным и пристойным образом» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 22]. В качестве примера архимандрит Евтихиан приводит следующий фрагмент: «Адам же позна Еву жену свою, и зачещи роди Каина. Хотя же и есть некоторые соблазнительные описания, но должен вникать в причину и намерения, какия заставили писателя описать предмет таким образом, а не иным» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 22]. Здесь можно говорить о влиянии монашеского образа жизни автора на восприятие приведенного им евангельского фрагмента: как человек, избравший монашеский путь, предполагающий полный отказ от супружеских отношений, архимандрит Евтихиан усматривает нескромность и некоторую «гнусность» в физическом общении Адама и Евы, хотя, согласно Священному Писанию, такое общение в браке не является гнусным и благословлено Богом. Здесь можно говорить о влиянии жизненного пути архимандрита Евтихиана на его особенное восприятие некоторых вполне естественных вещей, а также о некоторых крайностях, в которые часто впадали монашествующие, рассуждая о чистоте жизни христиан.

Пятое свойство Священного текста, заключающееся в согласии между собой истин и слов, архимандрит Евтихиан раскрывает с помощью противопоставлений. Он утверждает, что слова и истины Священного Писания настолько согласованы между собой, что своим согласием превышают все светские сочинения: «Ибо в Священном Писании все истины поставлены в таком согласии между собой, что ни одно светское сочинение не представляется нам в таком согласии» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 22-23]. В случае же обнаружения толкователем мнимого несогласия в каком-либо из фрагментов Священного

текста, архимандрит Евтихиан советует обратить внимание на все обстоятельства толкуемого места, чтобы убедиться в невозможности разногласий. Для этого необходимо исследовать разговорный образ речи текста, соединительные частицы, скрытый образ слов.

Шестым свойством текста Священного Писания архимандрит Евтихиан рассматривает полноту слога, которая при этом должна одновременно умеряться краткостью (здесь явственно стремление автора избегать крайностей). Архимандрит Евтихиан сообщает, что краткости можно достичь способом опускать менее важное и описывать только самое главное, а также с помощью символических выражений и образности, употребления метафор и слов в переносном значении. В качестве примера использования такого рода приемов архимандрит Евтихиан приводит беседу, в которой Иисус Христос называет Себя светом и хлебом небесным, имея в виду метафорический, а не буквальный смысл.

Седьмое свойство священного текста, согласно мысли автора рукописи, заключается в известности Священного текста или его очевидности, противной двусмысленности. Архимандрит Евтихиан утверждает, что Бог не может говорить двусмысленно, так как Он является началом ясности: «Ибо Бог, а) не мог говорить двусмысленно, так как он есть начало языка и ясности; б) даже и не захотел человекам вещать двусмысленно. Ибо он по неизреченному своему человеколюбию беспрестанно говорит им о вечном их спасении, следовательно, истины сия предлагал им ясно и вразумительно» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 32]. Архимандрит Евтихиан достаточно подробно развивает данное свойство Священного текста, пытаясь доказать, что для спасения человека Бог мог говорить только ясно и понятно, чтобы каждый человек имел возможность понять христианское вероучение и спастись. Однако, помимо ясности, архимандрит Евтихиан признает наличие и некоторых неясных, «темных», как он их называет, мест Священного текста.

Заключительное свойство Священного Писания, ясность, соединенная с некоторыми тайными местами там, где это недоступно пониманию человека, поясняется архимандритом Евтихианом более подробно, чем несколько предыдущих свойств, следующим образом: «С известностью священного текста соединяется его ясность, коя производит то, что слово Божие все вещи, необходимые для спасения человеческого, и к возбуждению в сердце человеческом истинной веры и любви к добродетели, предлагает в ясном виде так, что если человек обратит внимание, то может их понять, уразуметь и применить или к себе, или к ближнему своему. Однако нельзя отрицать и того, чтобы Бог к сему ясному слогу не присоединил нигде известной темноты по различным причинам своим или человеческим» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 32]. Под темнотой здесь имеются в виду те места текста Священного Писания, которые сложно поддаются толкованию. Но и они, согласно убеждению архимандрита Евтихиана, обязательно объясняются в других местах Священного Текста [Герменевтика, 1830-е гг., л. 33]. Вместе с тем, архимандрит Евтихиан замечает, что неясность в толковании может быть зависима или от духовного и интеллектуального развития самого читателя или от смысла, превышающего человеческое разумение: «А иногда темнота зависит и от посторонней причины, оной надобно искать: а) или в читателе, то есть в его разуме и воле...а иногда надобно искать или в самих вещах, кои предлагает слово Божие, а особенно, когда предлагает о таких вещах, кои превышают всякое человека разумение» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 34].

В целом можно сказать, что во фрагменте герменевтической рукописи, рассказывающем о свойствах Священного текста, архимандрит Евтихиан сочетает простое бездоказательное изложение материала с элементами доказательности. В тех редких местах, где это возможно, автор пытается аргументировать свои утверждения примерами и ссылками на исторические источники. Но в большинстве случаев предполагается принятие предлагаемого учения на веру или доказательство одних положений Священного текста через другие фрагменты того же текста.

Способы толкования Священного текста и рекомендации толкователю

После рассуждений о свойствах Священного текста архимандрит Евтихиан переходит к исследованию разнообразных его смыслов. Данный раздел рукописи автор выделяет в отдельный подзаголовок «О смысле Священного текста» [Герменевтика, л. 37] и называет его трактатом. Здесь представлена некоторая классификация текстуальных смыслов.

Главный смысл книг Священного Писания определяется архимандритом Евтихианом вполне антропологически как связанный со спасением людей: «Главный смысл Священного Писания в каждом сказании его сообразен с целью своею – со спасением человеков» [Герменевтика, л. 38]. Архимандрит Евтихиан классифицирует антропологический смысл на подсмыслы по отношению к предмету, слушателям и форме следующим образом: «а) по отношению к предмету он есть буквальный или таинственный; б) по отношению к слушателям, или читателю, или толкователю он есть духовный или естественный. В рассуждении же внешней своей формы он есть: а) подлинный или несомнительный; б) подложный или подозрительный» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 38].

Толкование в буквальном смысле, по мысли архимандрита Евтихиана, недостаточно, так как оно не является центральным и не удовлетворяет целям Святого Духа: «В рассуждении сего смысла надобно заметить, что то понятие, кое возбуждается в уме читателя посредством одного буквального чтения Священного Писания, весьма мало удовлетворяет намерению Святого Духа, с каковым Он сообщил нам свое слово, и не весьма живо изображает ту мысль, кою имел Дух Святый вещая чрез него людям» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 38]. И хотя архимандрит Евтихиан советует толкователю вначале найти смысл буквальный, тем не менее, для него таинственный смысл превосходит буквальное толкование, он даже выдвигает утверждение о том, что буквальный смысл в принципе существует для выяснения в конечном итоге смысла таинственного [Герменевтика, 1830-е гг., л. 46].

При этом, по мысли архимандрита Евтихиана, толкователю следует сохранять равновесие, избегать крайностей и понимать, когда необходимо применить буквальное толкование, а когда толкование таинственное [Герменевтика, 1830-е гг., л. 38]. В качестве примера таинственного толкования автор приводит следующий фрагмент из Священного Писания: «Так, например, когда Иисус Христос говорит, что еще око твоё соблазняет тя, изми е и вверзи от тебе (Мат. 18.9) – то не должно разуметь изъяснение ока в буквальном смысле разумеемое. Так как сие противоречит заповеди самого Иисуса Христа, который говоря не убий, воспрещает всякое оскорбление и досаду, чтимую или словом, или делом, или даже помышлением» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 40-41].

Между смыслом буквальным и таинственным архимандрит Евтихиан находит как сходство, так и различие. Различие состоит в том, что буквальный смысл сообщается непосредственно, а таинственный, - отдаленным образом. Но общим у этих двух смыслов является один и тот же источник сообщения, - Святой Дух.

Смыслы естественный и духовный архимандрит Евтихиан определяет следующими формулировками: «Естественный смысл есть такое понятие об истинных Священного Писания, кое человек, находясь еще в сем положении, в каком он ныне находится, может получить и получает посредством прилежного чтения Священного Писания и размышления об истинах его без всякого содействия Духа Божия. Смысл духовный или спасительный есть такое понятие об истинах Священного писания, кое приличествует только тем, кои соглашаясь уже на дознанную или откровенную в Священном Писании истину и кои читают оное или для того, чтобы произвесть большую веру в самих себе, или для того, чтобы, читая оное сообщить другим, насадить в их сердцах и умах веру и любовь

и сии утвердить» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 53]. Очевидно, что естественный смысл, по архимандриту Евтихиану, человек понимает без содействия Святого Духа, смысл же духовный только с Его помощью.

И, наконец, последнее деление смысла толкуемого текста на подлинный и подложный выражен следующим разъяснением: «В рассуждении внешней формы смысл, как уже было выше замечено, частью есть или подлинный или подложный, который бывает совершенно не согласен с намерением Святого Духа в том или другом изречении слова его и который, так сказать, не износится из Священного Писания, но вносится в него» [Герменевтика, 1830-е гг., л. 53-54]. Но остается непонятным, как толкователь должен различить, согласен ли смысл с намерением Святого Духа или нет. Архимандрит Евтихиан не дает никаких инструкций для определения подлинности или подложности текста.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что архимандрит Евтихиан, разделяя способы толкования на буквальный и таинственный, а смыслы толкования на естественный и духовный, все же соединяет их общим источником происхождения Святым Духом. И только подложный смысл текста для него представляется чем-то инородным общей целостной картине возможных смыслов и способов толкования Священного текста. Архимандрит Евтихиан, при этом, не сообщает способа различения текста истинного от подложного.

Заключение

Рукопись «Богословие толковательное или Священная герменевтика» архимандрита Евтихиана (Лестева) на сегодняшний день является уникальным новооткрытым текстом по отечественной герменевтике первой половины XIX века. Содержание проанализированного в данной статье фрагмента рукописи, посвященного Священному тексту, помогает понять, какую важную роль отводили духовно-академические мыслители первой половины XIX века толкованию текста Священного Писания. Прежде, чем приступить к нему, они предлагали изучить свойства Священного текста (Божественное начало; целостность и невредимость; важность и величие; силу и выразительность; чистоту и скромность; связанность мыслей с мыслями, слов со словами и частей в целом; полноту без излишества и недостатка, ясность), а также способы возможного толкования (буквальный или таинственный; духовный или естественный; подложный или подозрительный), в которых стремились избегать крайностей.

Анализ рукописи дает возможность соприкоснуться с мышлением одного из представителей духовно-академической философии первой половины XIX в лице архимандрита Евтихиана (Лестева). В рукописи явственно проступает стремление духовно-академических мыслителей первой половины XIX века вносить в богословское учение там, где это возможно, элементы научной доказательности, не ограничиваясь одним только принятием читателями предлагаемых авторами утверждений на веру. Хотя это стремление не вполне реализовано, но в тех некоторых местах, где это возможно, автор пытается аргументировать свои утверждения примерами и ссылками на исторические источники. В рукописи наблюдается зарождение аргументации отечественного богословия.

Все классификации и деления толковательных смыслов в исследуемой герменевтической рукописи в конечном итоге объединены общим началом – своим происхождением от Святого Духа.

Весьма важным является выявление при анализе рукописи «Богословие толковательное или Священная герменевтика» утверждения архимандрита Евтихиана о главном смысле Священного Писания, заключающемся в спасении людей. Смысл этот вполне антропологичен, как в целом антропологична и вся духовно-академическая философия, имеющая целью спасение человека.

Тем не менее проанализированного в данной статье фрагмента из рукописи «Богословие толковательное или Священная герменевтика» архимандрита Евтихиана (Лестева) недостаточно для создания целостного о ней представления. Рукопись нуждается в дальнейшем исследовании для полной реконструкции ее содержания, так как она уточняет современные представления об истории формирования отечественной герменевтической традиции.

Список источников

- Библейская герменевтика. 1859. Сочинение профессора П. Савваитова. Санкт-Петербург. В типографии Якова Трея, 144 с.
- Богословие догматическое. Человекословие. 1830-е гг. Книга I [рукопись]. [Б.м.], Штатпы отдела рукописей. ОР Ф.173.4 № 120, 192 л.
- Богословие догматическое. Человекословие. 1830-е гг. Книга II [рукопись]. [Б.м.], ОР Ф.173.4 № 121, 165 л.
- Богословие догматическое. Человекословие. 1830-е гг. Книга III [рукопись]. [Б.м.], ОР Ф.173.4 № 122, 267 л.
- Герменевтика кн. I. 1830-е гг. [рукопись]. - [Б.м.], ОР Ф.173.4 №116, 199 л.
- Замечания митрополита Филарета на «Руководство к Герменевтике» (1841–1842 гг.) 1868. Кн. 5. / Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. С. 150–167.

Список литературы

- Нифонтова О.И. 2020. Проблема греха в антропологической рукописи архимандрита Евтихиана (Лестева) «Богословское Человекословие». Теология: история, проблемы, перспективы. Липецк. С. 20-24.
- Нифонтова, Ольга Ивановна. 2021. Проблема человека в русской духовно-академической философии первой половины XIX века: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Нифонтова Ольга Ивановна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»]. Белгород, 189 с.
- Филарет (Дроздов), архим. 1885-1888. Обзорение богословских пауков в отношении преподавания их в высших духовных училищах / Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. СПб. (далее: Филарет (Дроздов), сет. Собрание мнений). Т. I. С. 123- 151.
- Чистович И.А. 1857. История Санкт-Петербургской духовной академии / И.А. Чистович. СПб.: в Тип. Якова Трея, 458 с.
- Шпет Г.Г. 1989. Герменевтика и ее проблемы. Контекст. М. С. 230-259.

References

- Nifontova O.I. 2020. Problema grexa v antropologicheskoj rukopisi arximandrita Evtixiana (Lesteva) «Bogoslovskoe Chelovekoslovie» [The Problem of Sin in the anthropological manuscript of Archimandrite Evtichian (Lestev) "Theological Humanology"]. Teologiya: istoriya, problemy, perspektivy. Lipeck, P. 20-24.
- Nifontova, Ol'ga Ivanovna. 2021. Problema cheloveka v russkoj duxovno-akademicheskoy filosofii pervoj poloviny XIX veka [The human Problem in Russian Spiritual and Academic Philosophy of the first half of the XIX century]: dissertaciya ... kandidata filosofskix nauk: 09.00.13 / Nifontova Ol'ga Ivanovna; [Mesto zashhity: FGAOU VO «Belgorodskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet»]. Belgorod, 189 p.
- Filaret (Drozdov), arxim. 1885-1888. Obozrenie bogoslovskix pauk v otnoshenii prepodavaniya ix v vysshix duxovnyx uchilishhax [Review of theological pauks in relation to their teaching in higher theological schools] / Sbranie mnenij i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebny'm i cerkovno-gosudarstvenny'm voprosam, izdannoe pod redakciej preosvyashhennogo Savvy, arxiepiskopa Tverskogo i Kashinskogo: V 5 t. SPb. (dalee: Filaret (Drozdov), set. Sbranie mnenij). T. I. P.123- 151.

- Chistovich I.A. 1857. Istoriya Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii [The history of the St. Petersburg Theological Academy] / I.A. Chistovich. SPb.: v Tip. Yakova Treya, 458 p.
- Shpet G.G. 1989. Germenevtika i ee problemy` [Hermeneutics and its problems] // Konstekt. М. Р. 230-259.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.06.2024

Поступила после рецензирования 25.09.2024

Принята к публикации 30.11.2024

Received June 25, 2024

Revised September 25, 2024

Accepted November 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Нифонтова Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Olga I. Nifontova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Почепцов Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Sergey S. Pocheptsov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Nikolay N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 173.7

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-779-791

Православие и глобализм: современные трансформации института семьи

¹ Римский А.В., ² Резник С.В., ² Рудавина Т.А.

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

rudatan@yandex.ru

Аннотация. Все более остро обозначается проблема соотношения православного взгляда на институт семьи и тех глобальных тенденций, которые наблюдаются сегодня в сфере семейно-брачных отношений. Глобализационные процессы внесли коррективы в межличностные, межполовые отношения, и эти коррективы противоречат православной философии. Одной из важных составляющих и одним из идеологических инструментов глобализма является трансгуманизм. На сегодняшний день, несмотря на многочисленность публикаций по данной тематике, проблема сопоставимости православного восприятия семьи и глобализационного взгляда на семью исследована не до конца. Цель настоящего исследования заключается в выявлении антихристианских идей в восприятии института семьи идеологами глобализма. Выявлены формы реализации трансгуманистических идей: построение новой постчеловеческой формации, создание сверхчеловека на основе трансформации человеческой природы с помощью достижений науки и техники; постгендеризм; отказ от православного взгляда на институт семьи; ликвидация идеи Христа-Бога. Сделан вывод о том, что глобализация в целом и трансгуманизм в частности противостоят православной аксиологической и экзистенциально-онтологической системе и имеют антихристианскую направленность. Полученные результаты будут полезны для дальнейших исследований в футурологической сфере, в сфере социологии и философии семьи, православной аксиологии, при выявлении особенностей и опасностей глобализационных процессов.

Ключевые слова: семейные ценности, православная семья, глобализационные процессы, трансгуманизм, межполовые отношения

Для цитирования: Римский А.В., Резник С.В., Рудавина Т.А. 2024. Православие и глобализм: современные трансформации института семьи. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 779–791. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-779-791

Orthodoxy and Globalism: Modern Transformations of the Family Institution

¹ Alexey V. Rimsky, ² Sergey V. Reznik ² Tatiana A. Rudavina

¹ Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation
71 Gorkogo St, Belgorod 308024, Russian Federation

² Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

rudatan@yandex.ru

Abstract. The problem of correlation between the Orthodox view of the family institution and the global trends observed today in the sphere of family and marital relations is becoming more and more acute. Globalization processes have made adjustments in interpersonal, intersexual relations, and these

adjustments contradict Orthodox philosophy. One of the important components and ideological tools of globalism is transhumanism. To date, despite numerous publications on this topic, the problem of the comparability of the Orthodox perception of the family and the globalization view of the family has not been fully investigated. The purpose of this study is to identify anti-Christian ideas in the perception of the family institution by the ideologues of globalism. The features of transhumanist ideas are revealed: the construction of a new posthuman formation, the creation of superhuman based on the transformation of human nature with the help of science and technology; postgenderism; the rejection of the Orthodox view of the family institution; the elimination of the idea of Christ-God. It is concluded that globalization in general and transhumanism in particular oppose the Orthodox axiological and existential-ontological system and have an anti-Christian orientation. The results obtained will be useful for further research in the futurological sphere, in the field of sociology and philosophy of the family, Orthodox axiology, in identifying the peculiarities and dangers of globalization processes.

Keywords: family values, orthodox family, globalization processes, transhumanism, intersexual relations

For citation: Rimsky A.V., Reznik S.V., Rudavina T.A. 2024. Orthodoxy and Globalism: Modern Transformations of the Family Institution. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 779–791 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-779-791

Введение

В начале XXI века технический прогресс совершил значительный рывок в связи со стремительным развитием компьютерной техники, что создало предпосылки к тому, что общественное существование может необратимо измениться. В настоящее время мы наблюдаем, как в мире ценностные ориентиры, границы между природным (созданным не человеком) и искусственным (созданным человеком) все более размываются, смещаются акценты в сфере ценностей, искажаются традиционные духовно-нравственные ценности, происходит переоценка традиционной этической сферы [Положенкова, Васильев, 2019], «когда «низовые ценности» начинают доминировать в культуре и играть роль ценностей определяющих, а ценности изначально подлинные, абсолютные отесняются на культурную периферию» [Панарин, 2006]. Происходит разрыв традиций, ценностная инверсия: то, что столетиями расценивалось как добро, сегодня объявляется злом, пережитком времени: «осознанный выбор в пользу зла стал оцениваться культурой лучше и выше, чем неосознанный выбор в пользу добра» [Щипков, 2018], формируется новая ценностная система с иным, нетрадиционным, пониманием добра и зла и иными жизненными смыслами. Грех, порок всячески пропагандируется, облекается в форму эмоциональной привлекательности [Олейникова, 2001, с. 76].

В мире стираются границы между добродетелью и пороком, в молодежной среде происходит культивирование антихристианских идей, мировому сообществу предлагается идеология трансгуманизма и планетарного гуманизма, которые предполагают развитие человечества, «свободного от пут теологии» [Гуманистический манифест, 2000], без Бога-Творца, без Христа, но на основе последних достижений в научно-технической сфере, предполагают создание человеческой формации с относительными ценностями и «достижением планетарного этического консенсуса» [Гуманистический манифест, 2000]. При этом на Западе вводится в «нормальное» русло педофилия [Юсупов, 2022].

Компьютерная техника, информационные технологии охватили все пространство человеческой жизнедеятельности, в том числе и сферу семейно-брачных отношений. Трансгуманизм финансируется государством и частными компаниями [Сурков, 2016], заинтересованными в достижении человеком бессмертия с помощью нано-био-инфо-когно технологий (NBIC) [Прайд, Медведев, 2008, с. 97], киборгизации и слияния сознания человека с машиной. Трансгуманистические идеи, которые внедряются в массы приверженцами глобализма как в России, так и в Западном мире, могут существенно повлиять на культуру, духовность и будущее российского общества [Уткин, 2014],

т.к. предполагается, что они «преобразуют нашу планету, и то, что противоречит законам природы, будет воплощено в жизнь в индивидуальной виртуальной реальности... Человек выйдет на сверхбожественный уровень» [Медведев, 2014], станет бессмертным неочеловеком, «всемогущим, вездесущим богочеловеком, Творцом миров и галактик» [Ицков, 2013]. Христос-Спаситель не будет нужен человеку, т. к. вера в Него, по мнению трансгуманистов, является «позором для образованного человека» [Васильев, 2003]. Человек может стать богом и властителем Космоса [Болонкин, 2005].

Актуальность исследования определяется влиянием глобализма, а в его контексте и трансгуманистического движения, на внутреннее состояние российской общественности, на институт семьи и созданием в социуме конфликтных и полемических ситуаций.

В настоящее время проблемой трансформаций в сфере традиционного понимания института семейно-брачных и межличностных, межполовых отношений заинтересованы многие исследователи.

Так, в частности, доктор философских наук В.И. Панарин в своем исследовании «Аксиологические аспекты политики в области образования в трансформирующемся российском обществе» [Панарин, 2006] демонстрирует губительность и опасность глобализационных процессов для российского социума, а также деструктивность западных ценностных моделей. Примечателен доклад Русской экспертной школы «После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире» [Щипков, 2018], в котором представлен обзор и критика трансгуманистических идей. Сотрудники Института научной информации по общественным наукам (Москва) доктор политических наук Д.В. Ефременко, Я.В. Евсеева и доктор философии Боннского университета В.Н. Гиряева в совместном исследовании «NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания» [Ефременко и др., 2012, с. 112–129] раскрывают суть, возможности и опасности биоинженерии для современного человечества. Старший научный сотрудник, кандидат физических наук Физико-технического института РАН А.Ф. Иоффе В.В. Косарев в своих исследованиях, например, таких как «Трансгуманизм и синергетическая философия» [Косарев, 2004, с. 296], пропагандирует развитие NBIC с целью интеграции человека с машинами, компьютерами, что превратит его в кибернетический организм и продлит существование. Автор отмечает, что «недалеко то время, когда люди будут отличаться друг от друга не этносом или расой, а подобно автомобилям и телевизорам маркой фирмы изготовителя, предлагающей желающим иметь ребенка семьям все более совершенную продукцию» [Косарев, 2004, с. 296]. Косарев предлагает Православной Церкви пересмотреть свою идеологию, отказаться от «архаического сознания идолопоклонников» [Косарев, 2004, с. 296].

Доктор юридических наук А.Н. Левушкин в своем исследовании «Применение христианских ценностей в регулировании брачно-супружеских отношений: история и современность» [Левушкин, 2018,] рассматривает особенности применения христианской аксиологии в регулировании семейно-брачных отношений. Кандидат философских наук, доцент НИУ «БелГУ» Р.А. Лопин в исследовании «Традиционные семейные ценности как формула любви к отечеству» [Лопин, 2020, с. 68–75] утверждает необходимость хранения традиционных ценностей, актуализирует семейные ценности в современном социокультурном пространстве России.

Указанными работами не ограничивается круг исследований по проблеме трансформаций в сфере традиционного понимания института семейно-брачных отношений в условиях глобализации. Тем не менее данная проблема представляется мало изученной в настоящее время, требует более внимательного рассмотрения.

Цель исследования – выявить антихристианские идеи в восприятии института семьи идеологами глобализма.

Объекты и методы исследования

Объект исследования – семейно-брачные отношения, институт семьи как одно из проявлений человеческого бытия. Предмет исследования – духовно-нравственные основания семьи.

В качестве теоретической основы исследования нами использованы базовые понятия религиоведения (например, вера, религия, Церковь), а также философские и богословские подходы, выводы исследований православных священнослужителей, богословов и мыслителей по вопросам глобализма и глобализационных процессов, формирования евангельских ценностных ориентаций как необходимом условии для духовно-нравственного воспитания в семье.

Методы исследования включают в себя диалектический метод, анализ, сравнение, синтез и обобщение, метод компаративистики и дескриптивный метод, также использованы междисциплинарный и аксиологический подходы.

Семейно-брачная философия глобализма в контексте православной аксиологии

Истинная сущность человека – духовно-нравственная, и ее природа восходит к основным христианским ценностям: вере, надежде, любви, которые, в свою очередь, выражают смысл и природу человеческого бытия и формируют другие важнейшие ценности, такие как целомудрие, доброта, трудолюбие, терпение, смирение и др. Семейная жизнь, соответственно, должна быть территорией любви, в рамках которой формируются первичные духовно-нравственные социальные связи и отношения.

Православие говорит о том, что весь мир, Космос «созданы из любви, и это закон, по которому они функционируют. Любовь – та ось, вокруг которой вращается весь мир. Отсутствие любви и ее искажение – эгоизм – таковы причины зла» [Нектарий, 2020]. Соответственно, деструктивность духовная, падение нравственности – это последствия утраты любви, которые, в свою очередь, свидетельствуют о том, что человек уже не способен строить семейные отношения на основе православной ценностной системы. Отход от библейского принципа любви в жизни современного человека ведет к разрушению самой жизни, что, в свою очередь, ведет к гибели института семьи в его традиционном понимании. Как известно, семья – это клетка, элемент единого человеческого организма, ячейка общества, прочная семья является фактором стабильности как всего социума, так и отдельной личности [Липич, 2020, с. 8], а значит, если она, семья, разрушена, то пошатнулся фундамент общества.

Современные процессы глобализации вызывают серьезные трансформации и кризисные явления в сфере института семьи: нарушился патриархальный строй, женщина вышла за пределы семьи и стала выполнять работу, которую раньше выполнял мужчина; семья объявляется пережитком прошлого, наблюдается коренной перелом традиционной русской семьи, ранее освящавшейся Церковью, а также наблюдается сокращение населения России, «и ныне процесс вымирания нации постепенно превращается в реальность» [Федулова, 2003, с. 45].

Российское общество в целом существует в сфере традиционных гендерных ролей и ориентировано на создание семьи в ее христианском понимании. Однако на современном этапе традиционное понимание института семьи, семейно-брачных отношений искажается под воздействием СМИ, либеральных и прозападных организаций и иных внешних факторов [Закирова, Переселкова, 2022, с. 362].

В соответствии с православным вероучением именно в семейной атмосфере закладываются жизненные ориентиры, ценностные основы, модели поведения, формируется культура личности, в основе которой находится духовность. Внутрисемейные отношения определяют нравственную атмосферу семьи, формируют

чувство ответственности, долга по отношению к обществу. Православие акцентирует внимание на духовном измерении семейной жизни, которая воспринимается как особый союз мужчины и женщины на основе любви, пример которой являет нам Сам Бог-Троица, и в этом союзе человек может превзойти свою собственную человеческую природу, ведь его предназначение – в единении с Богом в любви, и семья способствует обретению этой любви. Полигамия воспринимается как причина опускания человека на уровень физиологических контактов [Левушкин, 2018, с. 134].

Православие проецирует внутритроичные отношения на отношения людей, а также внутрисемейные отношения, а потому в семьях должны царить советование, взаимопонимание, честность, соборность, совместное возрастание в совершенстве, в Боге. Семья есть образ Св. Троицы, она строится по принципу триипостасного бытия: три разных личности (муж, жена, ребенок) представляют собой единую суть, единство во множестве; у каждого – свои особенности, свои личностные характеристики, своя точка зрения, свой голос, но все члены семьи имеют один дух, они единосущны, и внешним миром они воспринимаются как одно целое, природное единство. В семье, живущей по образу Церкви, как Тела Христова, человек постепенно преображается, возрастая духовно. Цель семьи заключается в жизни в Боге, устремлении сердец членов семьи к Богу-Творцу, в очищении от греховных навыков, укреплении в добродетели и любви, ибо без нее семья не сможет осуществить свое предназначение. В семье человек учится духовно и нравственно совершенствоваться, преодолевая свою косность, замкнутость, открывая свое «Я» миру, другим личностям, познавая себя.

Конечно, человек может совершенствоваться и один, не создавая семью, это относится к иноческому, монашескому образу жизни, т. е. человек не проживает жизнь свободно, безответственно, ни о ком не заботясь, вступая в беспорядочные интимные отношения, но обязательно проявляет заботу о ком-то в контексте молитвенной практики, строгого подвижничества, аскезы, в рамках совершенствования в добродетели девства, целомудрия, сохраняя себя от интимных отношений, борясь с плотскими помыслами. Высший образец монашеской жизни явили нам Сам Господь Иисус Христос, а также Пресвятая Богородица, апостол Иоанн Богослов и другие. Монашеский образ жизни имеет своей целью посвящение своей жизни общению с Создателем. При этом монашество – это особый путь, вид подвижничества, и не каждый способен встать на этот путь и вместить его.

В Библии однозначно осуждается гомосексуализм (Лев. 20:13, Быт. 19:1-29, Иуд. 1:7-8, Рим. 1:26-27, 1Кор. 6:9-10). И Отцы Церкви осуждают незаконные сексуальные связи. Так, например, свт. Василий Великий говорит о том, что представители нетрадиционных межполовых отношений достойны осуждения [Василий Великий, 2023]. Итак, в соответствии с библейским повествованием, супружеский союз между мужчиной и женщиной является единственным законным союзом, брак должен быть моногамным.

Соответственно, существует два основных пути: создание семьи, причем законным путем, и монашеский образ жизни. И в монашестве, и в семье человек стремится к антропологическому идеалу, т. е. ко Христу, к своему спасению, к воссоединению с Творцом, к вечной жизни с Ним, духовно совершенствуясь при жизни, ведь для того, чтобы после телесной смерти быть с Богом, следует изменить себя, свою природу, стать соответствующим условиям вечной жизни.

Таким образом, семья, в соответствии с христианским вероучением, является главным способом интеграции человека в социум, культуру, институтом воспитания личности человека, той средой, в которой человек возрастает не только физически, но, что главное, духовно. Эффективность формирования положительной, созидательной, гармоничной, неконфликтной и полезной для социума личности обуславливается,

в первую очередь, семьей. Личностная самореализация определяется отношениями с Богом и другими людьми. При этом неизбежность, неотвратимость и необходимость телесной смерти человека непосредственно связана с его спасением.

Между тем в начале XXI столетия в условиях мировых глобализационных процессов в мире происходит искажение традиционного понимания института семьи [Ширманова, 2017, с. 140], трансформация христианского вероучения, дискредитация Русской Православной Церкви, которая обвиняется глобалистами в намеренном торможении научно-технического прогресса [Косарев, 2004, с. 296], препятствии развитию человечества. Приверженцы глобальных трансформаций призывают мировое сообщество присоединиться к Сатане в его борьбе против Бога, отказаться от христианского мировоззрения [Мах Море, 1991]. Все это детерминирует такие процессы в Западном и российском обществах, как откладывание деторождения (демография); рост добрачных и внебрачных сексуальных отношений (без регистрации брака); смена патриархата матриархатом, усложнение межличностных отношений в обществе и внутри семьи, узаконивание и оправдание содомских грехов, гомосексуальных связей и сдерживания роста населения [Бостром, 2002].

Трансгуманисты считают, что в ближайшее время семейно-брачные отношения существенно трансформируются, воспитательные функции родителей будут выполнять ИИ, роботы: родители являются фактически отработанным, бесполезным материалом в отношении воспитания детей, поэтому детей, по мнению трансгуманистов, должны воспитывать специально сформированные с помощью искусственного интеллекта группы людей или роботов, а дети будут выращиваться в лабораториях [Косарев, 2004, с. 296]. Так, в 2022 г. немецкая компания EctoLife представила миру инкубатор для выращивания детей [By Loz Blain, 2022]. То есть трансгуманисты предлагают перейти к различным формам совместной жизни; отказаться от традиционной формы деторождения, от классической системы образования и воспитания, взять ориентир на различные формы совместной жизни, например, «гостевые» браки, браки с разным количеством в одной «семье» мужей или жен, допустимость двух и более семей у одного человека, активно продвигаются идеи однополых браков и т. д. [Шорохова, 2017, с. 151].

На этом пути никакие моральные нормы не должны препятствовать трансформации человеческой природы, они не желают действовать в рамках этих норм [Ефременко и др., 2012, с. 115], а потому стремятся к построению новой киборго- или андроидоподобной человеческой формации, управляемой искусственным интеллектом строго на рациональной основе [Таланин, 2016], без учета таких духовных составляющих, как милосердие, жертвенность, любовь, забота, снисхождение и т. п., что никак не соотносится с православным вероучением (антропологией, аксиологией, христологией, триадологией, сотериологией).

Главным принципом глобализма является внехристианское развитие человечества и независимость человека как био- и наносубъекта от христианских моральных правил и аксиологических положений [Щипков, 2018], его существование без христианского понятия о Творце, с опорой только на достижения в научно-технической сфере.

В начале 2023 года российский политический деятель, журналист, депутат П.О. Толстой написал в своем телеграм-канале, что «сегодня институт семьи и брака подвергается сильнейшему удару»¹, в России идет планомерная идеологическая атака на этот институт, искажаются, высмеиваются традиционные взгляды на семейно-брачные отношения. Демографические тенденции свидетельствуют о том, что российское общество уверенно движется в сторону бессемейного социума.

В некоторых странах, например, в США, Германии, Великобритании, слова «папа» и «мама» в официальной документации заменены на «родитель № 1» и «родитель № 2»

¹ Толстой Петр. Электронный ресурс: https://t.me/petr_tolstoy/1667 (дата обращения: 22 октября 2023).

[Goodbye, mother and father, 2011]. На упразднение традиционной модели семейных отношений, основанной на христианской аксиологической системе, направлена широко пропагандируемая в странах Запада гендерная аксиология, в соответствии с которой человек может произвольно менять свой пол, вступать в однополые сексуальные связи, сожительствовать вне официальной регистрации брака и пр.¹

Трансгуманистическое движение как одна из ветвей глобальных процессов пропагандирует построение нового вида человеческого сообщества (кибернетическое общество под управлением ИИ, лишённого чувств, эмоций, а значит, якобы, более объективно, эффективно, рационально управляющего человечеством), отход от традиционных ценностей, от восприятия Христа в качестве Богочеловека-Искупителя и образца поведения, от христианской антропологии, космологии и, соответственно, от построения семейно-брачных отношений по библейским принципам. Так, на официальном сайте Российского трансгуманистического движения идеолог трансгуманизма В.В. Косарев утверждает [Косарев, 2004, с. 296], что в ближайшем будущем нас ждет трансформация поведенческих моделей и биологических программ человека (т.к. человек станет запрограммированным киборгом, с собственными драйверами, которые будут периодически обновляться), создание общечеловеческой системы коллективного разума, Мегамозга, с которым у каждого человека будет налажена непосредственная связь. Этот мегамозг, высший разум, по мнению Косарева, будет выполнять информационные и управленческие задачи, т.е. будет управлять человеческим сообществом. При этом в скором времени предполагается посредством новейших технологических разработок производить людей сразу семьями, воспроизводство человеческих «особей» также будет контролироваться Системой, Мегамозгом. Дети будут появляться на свет искусственно и только тогда, когда это будет рационально и просчитано Системой, и только в тех семьях, в которых это будет целесообразно с точки зрения этой Системы. Также предполагается, что семьи будут состоять из нескольких человек разного пола [Косарев, 2004, с. 296].

По мнению В.В. Косарева, человеческая семья может легко трансформироваться в групповой брак, «воспроизводство новых особей станет "штучным товаром" и особо ответственным делом, которым займутся фирмы-производители» Возможно, что уже недалеко то время, когда люди будут отличаться друг от друга не этносом или расой, а подобно автомобилям и телевизорам маркой фирмы изготовителя, предлагающей желающим иметь ребенка семьям все более совершенную продукцию [Косарев, 2004, с. 296].

Философ, мыслитель, футуролог, социолог Элвин Тоффлер говорит о том, что человечество стремительно уходит от понятия стандартной, традиционной семьи и вступает в новое постчеловечество, новую антропо- и социопарадигму с различными формами семейной жизни в условиях стремительного развития нано- и техносферы [Тоффлер, 1980].

Трансгуманисты считают, что религия есть способ уйти от реальности, ментальное невежество, которое в ближайшем будущем исчезнет в силу развития науки и техники, достижения с их помощью бессмертия (причем не только тела, но и души с помощью переноса сознания человека на внешние материальные и небиологические носители), а также посредством установления контакта с НЛЮ, внеземными цивилизациями, т.е. инопланетянами. Смысла в вере в Бога-Творца не будет. Библия, как, собственно, и Коран, Веды, объявляются сказками и мифами для взрослых [Васильев, 2003]. В этом смысле православный путь жизни и взгляд на человека, институт семьи диаметрально противоположен глобалистскому, трансгуманистическому пути, который отрицает духовное совершенствование с целью соединения со Христом, Творцом, и при этом ведет

¹ Швейцария упростила процедуру по смене пола для своих граждан. РИА Новости. 01.01.2022. Электронный ресурс: <https://ria.ru/20220101/shveytsariya-1766338104.html> (дата обращения: 22 октября 2023).

к достижению строго земного счастья, рая на земле без Бога. Счастье (постоянное удовольствие), бессмертие, удовлетворение плотских потребностей (что будет способствовать построению рая на Земле) рассматривается в глобализационной философии как высшая ценность [Медведев, 2014], и семья в традиционном христианском понимании здесь является помехой.

Бог как Создатель мира говорит человеку: «Я есть путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6), «Я есть Господь Бог твой, и нет других богов, кроме Меня» (Исх. 20:2-3, Втор. 5:6-7) и «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4:10, Лк. 4:8), а трансгуманизм предлагает человеку верить во всемогущество технологии, обожить себя, служить телу, плоти, жить постоянно в комфорте, а это уже идолопоклонство. Технологизм, цифровизация же приводит к существенной трансформации семейных ценностей, межличностных отношений [Рулиене, 2018, с. 71].

Необходимым условием для осуществления трансгуманистических идей, по мнению трансгуманистов, должен стать разрыв взаимоотношений человека с Богом (а отсюда – разрыв между людьми), при котором утверждается, что человек – не творение, а сам творец, бог. Если нет Бога – все позволено, и человек сам может стать творцом [Гуманистический манифест, 2000].

Русская Православная Церковь критично относится к глобализму и трансгуманизму: в 2022 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил с докладом, в котором отметил, что «глобализм – это не религиозная доктрина, там нет места Богу. Именно поэтому все глобалистские проекты направлены против института семьи как прочной структуры, сохраняющей и передающей традицию» [Святейший Патриарх Кирилл, 2022].

Протоиерей Сергей Дергалев в своем исследовании трансгуманизма отмечает, что его идеологи предлагают человеку фактически отказаться от дружбы, любви, семьи, веры, благородства – всех тех проявлений человеческого духа, которые и делают человека человеком. Нарисованная трансгуманистами заманчивая цель «постчеловеческого будущего» уводит от реальной борьбы за достойную человеческую жизнь в область грез и бесплодных мечтаний» [Дергалев, 2018, с. 22].

Итак, «брак есть высший союз мужчины и женщины на основе любви, стремлении к духовному развитию, совершенствованию. Семья является основой развития и конкретной личности, и всего общества» [Рудавина, 2023, с. 154], и «защита семейных ценностей – это защита будущего всего человечества, всех будущих поколений, это вопрос жизни всего мира и вечности» [Лопин, 2020, с. 74]. Глобализм как направление философской мировоззренческой системы настойчиво и грубо вмешивается в сферу антропологии и утверждает, что человек несовершенен, что его необходимо усовершенствовать с помощью новейших научных достижений, что Земле нужен «трансчеловек», «сверхчеловек», «наночеловек», который сможет свободно модифицировать свое тело и существовать неограниченное время, причем даже без тела [Косарев, 2004, с. 296]. Соответственно, глобалистская философия упраздняет биологическое понятие «пол» и вводит понятие «гендер» (социальный пол), отрицая или искажая при этом традиционные понятия о семье, браке, трансформируя межличностные отношения (в этой связи трансгуманисты всячески поддерживают ЛГБТ-проекты).

Заклучение

В результате проведенного исследования посредством обзора трансгуманистических идей, ценностей и их сравнения с православной аксиологией и антропологией выявлены антихристианские идеи в восприятии института семьи идеологами глобализма.

Эти идеи включают в себя:

- построение на Земле новой постчеловеческой формации, которая состоит из отдельных роботизированных, программирующихся биообъектов, действующих в соответствии с требованиями оптимизации личного бытия и бытия этой формации,
- «расчеловечивание» человека, превращение его посредством научных достижений в киборга, машину, которая не знает таких понятий, как ответственность, милосердие, жертвенность, сострадание, любовь, доброта,
- освобождение человека от семейно-брачных отношений в христианском понимании, построение новых форм межличностных и межполовых отношений на основе удовлетворения собственных потребностей с целью достижения постоянного удовольствия, формирование гостевых браков, браков однополых и иных видов семейных отношений,
- дехристианизация человечества, освобождение от веры в христианского Бога,
- достижение с помощью развития технологий, искусственного интеллекта бессмертия.

Православная аксиологическая система направлена на сохранение многовековых созидательных духовно-нравственных устоев, традиций. Семья в православном понимании есть среда, в которой происходит развитие духа, формируется ответственность, сострадание, жертвенность, милосердие, любовь к Богу, Отечеству, защиту ценностей государства, осознание собственного места в истории человечества, Вселенной. Муж и жена в семье, как «одна плоть», – это некое новое единство. Брак, согласно православному вероучению, – это не контракт, заключенный ради удобства и удовольствия на какое-то время и подлежащий легкому расторжению, это обязательство взаимной верности на протяжении жизни, которое дается перед Богом.

Сегодня философско-антропологическое содержание семейно-брачных отношений наполняется новыми – глобалистскими – концептами. Глобалистские идеи и интенции эксплицитно противоречат христианской антропологии и аксиологии. Глобализм имеет конкретную целевую установку: его квинтэссенция заключена в расхристианизации мира, противостоянии подлинной Истине, то есть Богу (посредством формирования, создания новой, иной истины), искажении экзистенциальных смыслов.

Таким образом, забвение, искажение библейских принципов построения общества повлечет за собой конструирование совершенно новой, антихристианской реальности, бифуркации пространства цивилизационной парадигмы, реформатирование цивилизационного, культурного кода.

Итак, цель исследования достигнута, изучение проблемы трансформации института семьи позволило выявить основные характеристики феномена глобализации: расхристианизация мирового социума, противостояние подлинной Истине (Богу) посредством формирования новой истины, искажение экзистенциальных смыслов.

Список источников

- Алипий (Кастальский-Бороздин), архим., Исаия (Белов), архим. 2010. Догматическое Богословие. Курс лекций. М., Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 287 с.
- Бостром Н. Часто задаваемые вопросы по трансгуманизму. Не усугубит ли продление жизни проблему перенаселения? 2002. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/6/61/> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Василий Великий, свт. Правила Василия Великого. 2023. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/pravila-svyatogo-vasiliya-velikogo-s-tolkovaniyami/3#3_62 (дата обращения: 26 октября 2023).

- Васильев П.В. 2003. Религия и сингулярность. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/231/94/> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Виталий (Уткин), игум. 2014. Вызов трансгуманизма: бесконечный прогресс, ведущий в бездны расчеловечивания. Электронная книга. URL: <https://orthoview.ru/vyzov-transgumanizma-beskonechnyj-progress-vedushhij-v-bezdny-raschelovechivaniya/> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Гуманистический манифест 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму. URL: <https://web.archive.org/web/20110617222618/http://www.humanism.ru/modern.htm> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Ицков Д. Заповеди жизни неочеловека. 2013. URL: <http://www.2045.ru/news/31383.html> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Медведев Д. 2014. Технологии трансгуманизма. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/136/> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Нектарий (Антонопулос), митр. 2020. Человек без любви мертв. URL: <https://pravoslavie.ru/132516.html?ysclid=m08ha19ra6200496638> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Святейший Патриарх Кирилл. 2022. Глобализм направлен против института семьи как прочной структуры, сохраняющей и передающей традицию. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5971261.html> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Сурков Д. 2016. Трансгуманизм – будущее без человека! URL: <https://ugraeparhia.ru/transgumanizm-budushhee-bez-cheloveka/> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Четверикова О. 2015. «Россия-2045» и «Детство-2030»: Трансгуманистические проекты инноваторов-неотроцкистов. URL: <http://www.raskolu.net/1036-rossiya-2045-i-detstvo-2030-transgumanisticheskie-proekty-innovatorov-neotrockistov.html> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Швейцария упростила процедуру по смене пола для своих граждан. 2022. РИА Новости. 01.01.2022. Электронная книга. URL: <https://ria.ru/20220101/shveysariya-1766338104.html> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Щипков В. 2018. После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире // Доклад Русской экспертной школы о вызовах идеологии трансгуманизма. Москва, 20 июня 2018 г. / ред.-сост. В. А. Щипков. М.: Русская экспертная школа. 156 с.
- Юсупов А. 2022. От «педосексуалов» до каннибалов: как на Западе «отменяют» традиционные ценности. НТВ. 28.08.2022. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2721225/> (дата обращения: 27 октября 2023).
- By Loz Blain. 2022. Womb with a view: EctoLife baby farm eliminates pregnancy and labor. New Atlas. December 12, 2022. URL: <https://newatlas.com/medical/ectolife-artificial-womb-facility/> (дата обращения: 27 октября 2023).
- Goodbye, mother and father! Now Parent 1 and Parent 2 appear on PC passport form. Daily Mail. 3 October 2011. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2044491/PC-passport-Goodbye-mother-father-Now-Parent-1-2-appear-form.html> (дата обращения: 27 октября 2023).
- Max More. 1991. In praise of the Devil. Atheist Notes, 3. URL: <http://www.libertarian.co.uk/lapubs/athen/athen003.pdf> (дата обращения: 27 октября 2023).

Список литературы

- Дергалев С.М., прот. 2018. Что такое трансгуманизм и в чем его опасность? *Труды Белгородской Духовной семинарии (с миссионерской направленностью)* 2018: Статьи, материалы, публикации. По благословию Высокопреосвященнейшего ИОАННА, Митрополита Белгородского и Старооскольского. Белгород, Издательский дом «СКпресс», 8: 15–24.
- Ефременко Д.В., Гиряева В.Н., Евсева Я.В. 2012. NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания. *Epistemology & Philosophy of Science*, 32(4): 112–129.
- Закирова Т.В., Переселкова З.Ю. 2022. Трансформация института семьи в контексте ценностей либерализма. *Вестник Удмуртского Университета*, 32, 4: 359–366.
- Косарев В.В. 2004. Трансгуманизм и синергетическая философия. Международные чтения по теории, истории и философии культуры (Дифференциация и интеграция мировоззрений). URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/656/110/> (дата обращения: 26 октября 2023).

- Левушкин А.Н. 2018. Применение христианских ценностей в регулировании брачно-супружеских отношений: история и современность. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 43(1): С. 130–136.
- Леонов В., прот. 2023. Основы православной антропологии. М., Сретенский монастырь, 544 с.
- Липич, Т.И., Липич, В.В., Борисов, С.Н. 2020. «Семья – это колыбель, в которой воспитываются дети, в которой оттачиваются человеческие отношения» (патриарх Кирилл). В кн. *Евангелие в контексте современной культуры: сб. науч. ст. VIII Междунар. науч.-практич. конференци.* Под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева, С.Н. Борисова. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 8–11.
- Лопин Р.А. 2020. Традиционные семейные ценности как формула любви к отечеству. В кн.: *Труды Белгородской Православной Духовной семинарии. Сборник научных трудов. По благословию Высокопреосвященного Иоанна, митрополита Белгородского и Старооскольского.* Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия. Вып. X: 68–75.
- Олейникова О.Д. 2001. Образовательные ценности и ценностная инверсия в культуре. *Философия образования для XXI века*, 1: С. 69–79.
- Панарин В.И. 2006. Аксиологические аспекты политики в области образования в трансформирующемся российском обществе. *Сибирский учитель*, 4(46). URL: <https://sibuch.ru/node/65> (дата обращения: 26 октября 2023).
- Положенкова Е.Ю., Васильев М.А. 2019. Проблема добра и зла в наше время. *Аллея Науки*, №1(28). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/77January2019/PROBLEMA%20DOBRA%20I%20ZLA%20V%20NASH%20VREMYa.pdf (дата обращения: 26 октября 2023).
- Прайд В.В., Медведев Д.А. 2008. Феномен NBIC-конвергенции: Реальность и ожидания. *Философские науки*, 1: 97–117.
- Рудавина Т.А. 2023. Православная аксиология и глобализационные ценности: два полюса духовности. В кн.: *Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). По благословию Высокопреосвященного Иоанна, митрополита Белгородского и Старооскольского.* Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия. Вып. XV: 152–161.
- Рулине Л.Н. 2018. Трансформация семьи в условиях цифрового общества. В кн.: *Вестник БГУ. 2018: Материалы междунар. научно-практич. конференции «Мир семьи и детства в азиатско-тихоокеанском регионе в условиях кризиса глобализации».* Улан-Удэ, Издательский дом БГУ: 71–74.
- Таланин В.И. 2016. Русский трансгуманизм. В кн.: В.И. Таланин. *Сущность идеологии трансгуманизма: современные информационные технологии.* Запорожье, ЗНУ. 128 с.
- Тоффлер Э. 1980. Третья волна. URL: http://transhumanism-russia.ru/documents/books/toffler/third_wave/thirdw17.htm (дата обращения: 26 октября 2023).
- Федулова А.Б. 2003. Семья и семейные ценности: философско-аксиологический анализ. Архангельск, Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 255 с.
- Ширманова М.Ю. 2017. Единство в благодать (к проблеме оснований объединения глобализирующегося мира). В кн.: *Евангелие в контексте современной культуры. 1917-2017: Уроки столетия: сборник материалов V Междунар. науч.-практ. конф.* Под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева. Белгород: ИД «Белгород», НИУ «БелГУ», 6: 140–144.
- Шорохова С.П. Трансгуманистические проекты будущего: вечная жизнь или вечная смерть? *Вестник Института мировых цивилизаций*, 15: 142–158.

References

- Dergalev S.M., protoierej. 2018. Chto takoe transgumanizm i v chem ego opasnost`? [What is transhumanism and what is its danger?]. *Trudy` Belgorodskoj Duxovnoj seminarii (s missiionerskoj napravlennost`yu)* 2018: Stat'i, materialy, publikacii. [Proceedings of the Belgorod Theological Seminary 2018: Articles, materials, publications]. Po blagosloveniyu Vy`sokopreosvyashhennejshego IOANNA, Mitropolita Belgorodskogo i Starooskol'skogo. Belgorod, Publishing House «SKpress», 8: 15–24.
- Efremenko D. V., Giryayeva V. N., Evseeva Y. V. 2012. NBIC-konvergenciya kak problema social`no-gumanitarnogo znaniya [NBIC-convergence as a problem of socio-humanitarian knowledge]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 32(4): 112–129.

- Kosarev V.V. 2004. Transgumanizm i sinergeticheskaya filosofii [Transhumanism and Synergetic Philosophy]. *Mezhdunarodny'e chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury` (Differenciatsiya i integratsiya mirovozzrenij)*, 20: 296.
- Levushkin A. N. 2018. Primenenie hristianskih cennostej v regulirovanii brachno-supruzheskih otnoshenij: istoriya i sovremennost' [Application of Christian values in the regulation of marital relations: history and modernity]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 43(1): 130–136.
- Lipich T. I., Lipich, V. V., Borisov S.N. 2020. Sem'ya – eto kolybel', v kotoroi vospityvayutsya deti, v kotoroi ottachivayutsya chelovecheskie otnosheniya (patriarkh Kirill) [The family is the cradle in which children are raised and in which human relationships are honed (Patriarch Kirill)]. In: *Evangelie v kontekste sovremennoj kul'tury: sbornik nauchny`x statej VIII Mezhdunarodnoj nauchno-praktichskoj konferencii [The Gospel in the Context of Contemporary Culture: Collection of Scientific Articles of the VIII International Scientific and Practical Conference]*. Belgorod, Belgorod Publishing House: 8–11.
- Lopin R.A. 2020. Tradicionnye semejnye cennosti kak formula lyubvi k otechestvu [Traditional family values as a formula for love of the fatherland]. In: *Trudy` Belgorodskoj Duxovnoj seminarii (s missionerskoj napravlenno`st'yu) 2020: Stat'i, materialy, publikacii. [Proceedings of the Belgorod Theological Seminary 2020: Articles, materials, publications]*. Belgorod, Publ. SKpress, 10: 68–75.
- Olejnikova O.D. 2001. Obrazovatel'ny'e cennosti i cennostnaya inversiya v kul'ture [Educational values and value inversion in culture]. *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka*, 1: 69–79.
- Panarin V.I. 2006. Aksiologicheskie aspekty` politiki v oblasti obrazovaniya v transformiruyushhemsya rossijskom obshhestve [Axiological aspects of education policy in the transforming Russian society]. *Sibirskij uchitel`*, 4(46). E-book. URL: <https://sibuch.ru/node/65> (accessed 26 October 2023).
- Polozhenkova E.Yu., Vasil'ev M.A. 2019. Problema dobra i zla v nashe vremya [The problem of good and evil in our time]. *Alleya Nauki*, 1(28). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/77January2019/PROBLEMA%20DOBRA%20I%20ZLA%20V%20NASHE%20VREMYa.pdf (accessed 26 October 2023).
- Prajd V.V., Medvedev D.A. 2008. Fenomen NBIC-konvergencii: Real'nost` i ozhidaniya [The Phenomenon of NBIC-Convergence: Reality and Expectations]. *Filosofskie nauki*, 1: 97–117.
- Rudavina T. A. 2023. Pravoslavnaya aksiologiya i globalizacionnye cennosti: dva polyusa duhovnosti [Orthodox axiology and globalization values: two poles of spirituality]. *Proceedings of the Belgorod Theological Seminary 2023: Articles, materials, publications*, 15: 152–161.
- Ruliene L.N. 2018. Transformatsiya sem'i v usloviyax cifrovogo obshhestva [Transformation of the family in the conditions of digital society]. In: *Vestnik BGU. 2018: Mir sem'i i detstva v aziatsko-tixookeanskom regione v usloviyax krizisa globalizatsii*. Ulan-Ude, Publishing House BGU: 71–74.
- Talanin V.I. 2016. Russkij transgumanizm [Russian Transhumanism.]. In: V.I. Talanin. *Sushhnost` ideologii transgumanizma: sovremenny'e informacionny'e tehnologii [The essence of the ideology of transhumanism: modern information technologies]*. Zaporozh'e, ZNU: 128.
- Toffler E`. 1980. *Tret'ya volna [The Third Wave]*. M., Publishing House ACT: 784 p. URL: http://transhumanism-russia.ru/documents/books/toffler/third_wave/t_hirdw17.htm (accessed 26 October 2023).
- Fedulova A.B. 2003. Sem'ya i semejnye cennosti: filosofsko-aksiologicheskij analiz [Family and family values: philosophical and axiological analysis]. Dis... cand. filos. sciences. Arkhangelsk, 255 p.
- Shirmanova M.Yu. 2017. Edinstvo v blagodat` (k probleme osnovanij ob`edineniya globaliziruyushhegosya mira [Unity in grace (to the problem of the foundations of unification of the globalizing world)]. In: *Evangelie v kontekste sovremennoj kul'tury: 1917-2017: Uroki stoletiya: sbornik materialov [The Gospel in the Context of Contemporary Culture: 1917-2017: Centennial Lessons: A Collection of Materials]*. Belgorod, Belgorod Publishing House: 140–144.
- Shoroxova S.P. 2017. Transgumanisticheskie proekty` budushhego: vechnaya zhizn` ili vechnaya smert`? [Transhumanist projects of the future: eternal life or eternal death?]. *Vestnik Instituta mirovy`x civilizacij*, 15: 142–158.
- Shchipkov V. 2018. Posle cheloveka. Ideologiya i propaganda transgumanizma v sovremennom mire [After Man. Ideology and propaganda of transhumanism in the modern world]. *Doklad Russkoj*

e`kspertnoj shkoly` o vy`zovax ideologii transgumanizma. Red.-sost. V. A. Shhipkov [Report of the Russian Expert School on the challenges of the ideology of transhumanism. Edited and compiled by. V.A. Shchipkov]. Moscow, Russkaya e`kspertnaya shkola: 156 p.

Chetverikova O. (2015). «Rossiya-2045» i «Detstvo-2030»: Transgumanisticheskie proekty innovatorov-neotrockistov ["Russia-2045" and "Childhood-2030": Transhumanist Projects of Neo-Trotskyist Innovators]. URL: <http://www.raskolu.net/1036-rossiya-2045-i-detstvo-2030-transgumanisticheskie-proekty-innovatorov-neotrockistov.html> (Accessed 26 October 2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.12.2023

Received December 19, 2023

Поступила после рецензирования 19.03.2024

Revised March 19, 2024

Принята к публикации 30.08.2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Римский Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия.

Alexey V. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Резник Сергей Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Sergey V. Reznik, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Рудавина Татьяна Анатольевна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Tatiana A. Rudavina, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 124.5

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-792-799

Аксиология цифрового бессмертия

Назарова Ю.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, д. 125

Fox353@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на то, что проблема бессмертия часто становилась предметом философского обсуждения, развитие цифрового пространства впервые в истории позволило говорить о реальной возможности преодоления смерти при помощи технологий так называемого цифрового бессмертия. Цель исследования – определение идеи цифрового бессмертия в контексте аксиологии трансгуманизма. В работе показано, что современный дискурс о цифровом бессмертии формируется на основании аксиологии трансгуманизма. Содержание понятия «цифровое бессмертие» определяется автором в контексте понятий «личное бессмертие», «цифровая танатология» и «цифровая этика» для уточнения направления аксиологического анализа. Рассмотрены основные и производные ценности философии трансгуманизма, на основании которых выделяются и анализируются ценности, определяющие идею цифрового бессмертия. В результате исследования выделены нравственные ценности, связанные с проблемой цифрового бессмертия, обозначены перспективы развития аксиологических представлений о цифровом бессмертии. Научная новизна статьи определяется аксиологическим подходом к проблеме цифрового бессмертия.

Ключевые слова: цифровая этика, личное бессмертие, цифровая танатология, цифровое бессмертие, философия трансгуманизма, аксиология трансгуманизма

Для цитирования: Назарова Ю.В. 2024. Аксиология цифрового бессмертия. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(4): 792–799. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-792-799

Axiology of Digital Immortality

Yuliya V. Nazarova

Tolstoy Tula State Pedagogical University
125 Lenin Av., Tula 300026, Russian Federation

Fox353@yandex.ru

Abstract. The modern idea of immortality is associated with the digital space, which implies the transformation of ideas about human corporeality and death. Though the problem of immortality has frequently been addressed in the history of philosophy, it was the emergence of digital technologies that made it possible to suggest a real opportunity to overcome death with the help of so-called digital immortality technology. The purpose of the study is to define the idea of digital immortality in the context of the axiology of transhumanism. The ethical foundations of the transhumanist worldview lie in a kind of axiology that expands the framework of ethics, acquiring legal status in the digital space, forming a new attitude to death. The discourse on digital immortality is part of this new axiology, determines the further prospects of social existence. To clarify the direction of the axiological analysis, the author defines the content of the "digital immortality" concept in the context of "personal immortality", "digital thanatology" and "digital ethics" concepts. The basic and derived values of the

philosophy of transhumanism are considered, which serve as the basis for identifying and analyzing the values that define the idea of digital immortality. The purpose of the article is to study the idea of digital immortality in the context of the axiology of transhumanism. The scientific novelty of the article is determined by the axiological approach to the problem of digital immortality. As a result, moral values associated with the problem of digital immortality are determined, and prospects for the development of axiological ideas about digital immortality are revealed.

Keywords: digital ethics, personal immortality, digital thanatology, digital immortality, philosophy of transhumanism, axiology of transhumanism

For citation: Nazarova Y.V. 2024. Axiology of Digital Immortality. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 792–799 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-792-799

Введение

Вопрос о бессмертии в истории философии является одним из наиболее обсуждаемых. Бессмертие – парадоксальное понятие, связанное, с одной стороны, с человеческой природой (только человек может преодолеть смерть, поскольку боги живут вне смерти – в вечности) и, с другой – недостижимое стремление (поскольку, избавившись от смертности, человек избавляется от своей человеческой природы, одной из свойств которой является смертность). До появления философии русского космизма и философии трансгуманизма проблема бессмертия была связана в первую очередь с вопросом о духовном бессмертии в контексте идеи перерождения (реинкарнация, метемпсихоз, метэнсоматосис; палингенесия) в индуизме, орфизме, пифагореизме, неоплатонизме; в контексте идеи о приобщении души к миру идей (эйдетические концепции) и Богу (христианская философия).

Современная идея бессмертия связана с цифровым пространством, что предполагает трансформацию представлений о человеческой телесности и смерти. С этической точки зрения идея цифрового бессмертия (как и в целом проблема продления и улучшения качества жизни, трансформации человеческого тела) обосновывается философией трансгуманизма. Этические основания трансгуманистического мировоззрения заключаются в своеобразной аксиологии [Bostrom, 2005], которая расширяет рамки этики, приобретая правовой статус в цифровом пространстве, формируя новую культуру отношения к смерти. Дискурс о цифровом бессмертии является частью этой новой аксиологии, определяет дальнейшие перспективы общественного бытия. Вот почему аксиологический разбор идеи цифрового бессмертия становится актуален, особенно в нашей стране, существующей в сложных и парадоксальных условиях формирования нового ценностного мировоззрения, вынужденного находиться в контексте глобального цифрового пространства, определяемого аксиологией трансгуманизма.

Цель исследования – определение идеи цифрового бессмертия в контексте аксиологии трансгуманизма.

В этой связи предполагается решить следующие задачи:

- 1) определить содержание современного понятия «цифровое бессмертие»,
- 2) выделить аксиологические основания трансгуманистического мировоззрения; систематизировать и раскрыть основные нравственные ценности трансгуманизма, связанные с идеей бессмертия,
- 3) проанализировать перспективы аксиологических представлений о цифровом бессмертии.

Что такое «цифровое бессмертие»?

Современное понятие «цифровое бессмертие» выходит за рамки традиционных философских представлений о бессмертии, предполагая, согласно определению, представленному на официальном сайте Microsoft, *сохранение после смерти части личности, преобразованной в информацию* [Bell, Gray, 2000]. При этом цифровое

бессмертие условно делится на два типа. С одной стороны, под цифровым бессмертием подразумевается существование посмертного «цифрового двойника», обладающего всей полнотой представленной в цифровом пространстве прижизненной информации о цифровой личности (*одностороннее бессмертие*). С другой стороны, предполагается, что эта информация будет пополняться и расширяться; таким образом, цифровая личность будет продолжать развиваться и трансформироваться после своей физической смерти (*двустороннее бессмертие*): «как одностороннее, так и двустороннее бессмертие требует, чтобы некая часть личности была преобразована в информацию и сохранена на более надежных носителях. Мы считаем, что двустороннее бессмертие, при котором опыт человека сохраняется в цифровом виде, а затем обретает собственную жизнь, станет возможным в этом веке» [Bell, Gray, 2000]. С точки зрения философии проблема цифрового бессмертия может быть рассмотрена как в контексте преобразования представлений о человеке, так и в контексте преобразования представлений об общественном бытии (концепция инфосферы Л. Флориди) [Floridi, 2011, 2013, 2014], а также с точки зрения аксиологического и этического анализа этих трансформаций.

В данной работе проблема цифрового бессмертия рассматривается в контексте понятий «цифровая танатология», «цифровая этика», «личное бессмертие»:

1. В контексте понятия «цифровая танатология» цифровое бессмертие выступает как часть современного дискурса о цифровой смерти и цифровом посмертии. Цифровое бессмертие и цифровое посмертие принято отличать друг от друга; так, проблемы цифрового посмертия имеют социальный, культурный и этический оттенок, концентрируясь на вопросах о современной цифровой культуре погребения и поминовения, проблеме цифровых останков, цифровых кладбищ, отношении к смерти в цифровом пространстве, новых культурных традициях скорби, использования цифровой информации об умерших и т. п. [Булычев, Назарова, 2021]. *Цифровое посмертие – это пространство для цифрового бессмертия в контексте цифровой танатологии.*

2. Вопросы цифровой танатологии рассматриваются в различных философских контекстах и в частности в контексте цифровой этики. В данной работе идея цифрового бессмертия анализируется с позиций аксиологии и этики, то есть с точки зрения нравственных ценностей с учетом особенностей цифровой этики. Как часть информационной этики цифровая этика концентрируется вокруг практических моральных проблем в цифровом пространстве (например, этические проблемы искусственного интеллекта, виртуальной реальности, кибервойн, цифрового образования, индустрии цифровых развлечений и т. д.) [Müller, 2020]. Необходимо отметить, что цифровая этика актуализирует вопросы о трансформации нравственных ценностей в цифровом пространстве и о последствиях этих трансформаций. *Поэтому в данной работе аксиология цифрового бессмертия рассматривается в контексте цифровой этики.*

3. Личное бессмертие подразумевает *посмертное существование личности*, а не только духовной субстанции (метафизическое бессмертие, реинкарнация) или бессмертие в лице оставленных после смерти потомков (биогенетическое бессмертие); или бесконечность человека как части природы (материальное, физико-биологическое бессмертие); или бессмертие идей и славных поступков (социокультурное бессмертие) или бессмертие вклада личности в историю (историческое бессмертие). Таким образом, идея личного бессмертия отличается от всех перечисленных выше идей представлениями о целостности личности после смерти, предполагающих сохранность сознания и тела. Такое понимание личного бессмертия свойственно философии русского космизма и трансгуманизму. Русский космизм предполагал духовное преображение человека как залог преодоления физической смерти. В трансгуманизме речь идет о технологическом и биологическом совершенствовании тела человека, которое представляется как источник страдания и смерти; преобразование тела – способ избавления от несовершенства человеческой природы. Как в русском космизме, так и в трансгуманизме идея личного

бессмертия имеет разное нравственное содержание, но один источник – этические мотивы. В русском космизме личное бессмертие связано с идеей блага как богоуподобления, цель которого – полная духовная трансформация, следствием которой станет бессмертие. В трансгуманизме личное бессмертие обусловлено идеей блага как полного избавления от страданий; личное бессмертие здесь является не следствием духовного преображения, а целью трансформации человеческой природы. Трансгуманизм предлагает различные варианты такой трансформации (генетическое совершенствование; замена органов искусственными аналогами и т. п.). Цифровое бессмертие в трансгуманизме может выступать как одна из альтернатив личного бессмертия, а может являться и частью комплекса технологических трансформаций тела. Таким образом, *цифровое бессмертие является одним из вариантов достижения личного бессмертия в трансгуманизме, поэтому целесообразно рассматривать его в контексте аксиологии трансгуманизма.*

Идея бессмертия и ценности трансгуманизма

Будущее проблемы цифрового бессмертия связано с вопросом о возможности «переноса сознания в небиологические объекты», что является одним из вариантов достижения бессмертия в трансгуманизме; именно такой перенос подразумевает «двустороннее бессмертие» [Bell, Gray, 2000]. Двустороннее бессмертие, по мнению представителей трансгуманизма, является одним из шагов на пути к тому, что «человек сможет измениться как вид, преобразиться не только физически, но и духовно, тем самым обеспечив выживание и развитие нашей цивилизации» [Куне, Тучина, 2013, 126]. Для осмысления мотивов и причин этой цели необходимо обратиться к рассмотрению ценностей трансгуманизма, являющихся основанием современной идеи цифрового бессмертия.

Основные ценности трансгуманизма были сформулированы одним из идеологов движения – известным философом Ником Бостромом в работе «Ценности трансгуманизма» [Bostrom, 2005]. Анализ работы Н. Бострома «Ценности трансгуманизма», проведенный Кашириным А.Ю., Назаровой Ю.В., позволил авторам сделать следующие выводы о структуре трансгуманистической аксиологии, которая делится на основные и производные ценности: «Основная ценность трансгуманизма может рассматриваться как возможность движения к формированию постчеловека. Остальные ценности – это по сути те условия, которые необходимы для достижения этой цели: глобальная безопасность; технологический прогресс (как инструмент для расширения человеческих возможностей и трансформации человеческой природы); широкий доступ к технологиям (идеями трансгуманизма может проникнуться каждый, и каждый должен иметь шанс стать постчеловеком). Ценность доступности технологий предполагает такие ценности, как равенство, солидарность и уважение друг к другу; облегчение страданий в широком масштабе... Производные от основных ценностей: ценность "вмешательства в природу" (предлагается осознать ценность возможности трансформации, изменения человеческой природы); ценность индивидуальной свободы (например, признается право человека самостоятельно принимать решение о трансформации собственного тела, или решение об отказе от нее); ценность мира (под которой подразумевается сотрудничество всех народов мира и предотвращение использования оружия массового поражения); ценность познания (поощрение науки, коллективное обсуждение научных исследований, открытий, планов на будущее); ценность интеллекта (развитие человеческого и искусственного интеллекта); ценность прагматизма (приоритет науки, предпринимательства); ценность сомнения (т. н. философский фаллибизм, то есть готовность к пересмотру истин по мере необходимости); ценность заботы (имеется в виду забота о благе разумного); ценность разнообразия (сохранение и поощрение разнообразия рас, религий, сексуальных ориентаций и т.п.); ценность жизни (имеется в виду продление человеческой жизни, например, остановка процесса старения и развитие крионики)» [Каширин, Назарова, 2023].

Таким образом, можно выделить наиболее важные для трансгуманизма ценности:

1. Ценность научного прогресса и управляемой эволюции. Трансгуманизм считает целью научного прогресса эволюцию человека в пост-человека, имеющую следующие этапы: человек, трансчеловек, постчеловек. Постчеловечество рассматривается как новый, искусственно запущенный этап эволюции человечества. Альтернативой постчеловеческому развитию, с точки зрения трансгуманизма, является деградация и вымирание человечества. Постчеловечество создаст новое понимание онтологии, антропологии, аксиологии, этики. Трансгуманистическая философия на данный момент формирует основы трансчеловеческой этики.

2. Ценность нового гедонизма, которая раскрывается в отрицании телесности и страданий, обусловленных человеческой природой. В этом смысле целью трансгуманизма являются продление жизни, минимизация или прекращение физических и психологических страданий: модификация тела, усовершенствование тела, управление психическими процессами, окончательный отказ от телесности; изменение человеческой природы; бессмертие.

3. Ценность разума: расширение понимания разума и интеллекта, приоритет сохранения всех форм разумной жизни; расширение разумной жизни в масштабах Вселенной.

В философии трансгуманизма заметное место занимает идея об изменении эволюционной парадигмы [Декларация трансгуманизма, 2009]; так, «технологическое развитие нашей цивилизации дает нам уникальную возможность перейти от эволюции путем естественного отбора к эволюции путем сознательного управления» (П. Диамандис, цит. по: [Куне, Тучина, 2013, 128]). Из этого следует, что люди приобретут бессмертие, поскольку с развитием технологий будут все дальше отходить от своей биологической природы: «Мы будем становиться все более небиологическими существами, пока не дойдем до состояния, когда небиологическая часть станет превалировать, а биологическая потеряет свое значение... При этом небиологическая часть будет настолько мощной, что она сможет полностью моделировать и понимать биологическую часть. Так что, если биологическая часть вдруг исчезнет, это не будет иметь значения, поскольку небиологическая часть уже полностью ее поняла» (Р. Курцвейл, цит. по: [Куне, Тучина, 2013, 128]).

Вопрос о двустороннем бессмертии и переносе сознания в небиологический носитель связан с понятием «нейронет», которое предлагается как обозначение следующего этапа развития коммуникационных сетей. Согласно определению Т. Щукина, одного из основателей «Российской группы Нейронета», «термин "Нейронет"... стал обозначением следующего после семантического интернета поколения глобальной коммуникационной сети с возможностью прямого ментального, т. е. опосредованного интерфейсами мозг-компьютер, подключения. Нейронет в этом новом смысле... коммуникационная среда следующего поколения, основанная на нейроинтерфейсах и новых протоколах опосредованного ими взаимодействия между людьми, коллективами, искусственными автономными агентами, системами работы с данными и объектами реального мира. И что важнее всего – это вполне реальная, создаваемая уже сегодня, основанная на знакомых нам технических решениях, востребованная многими коммуникационная среда» [Щукин, 2014, 120]

Можно сформулировать следующие задачи Нейронета, согласующиеся с трансгуманистической философией:

1. Усовершенствование человеческой природы – повышение уровня интеллекта, путем слияния человеческого мозга и компьютерных технологий.

2. Создание глобальной информационной сети, наподобие интернета, основой которой будет совокупность человеческих разумов, слитых в единый разум.

3. Успешное развитие сети даст возможность перемещать разум в нематериальные объекты, что предполагает потенциальное бессмертие индивидуального разума.

Аксиологии трансгуманизма в контексте идеи бессмертия

Проведенный обзор позволяет сделать следующие выводы.

Идея цифрового бессмертия является для трансгуманизма высшим воплощением ценности научного прогресса и управляемой эволюции. Согласно трансгуманизму, тело является источником страданий, под которыми понимаются физические несовершенства, доставляющие дискомфорт, болезни и смерть, понимаемые как главное условие зла, что позволяет отнести трансгуманизм к новой форме гедонизма. Трансгуманисты признают, что бессмертие возможно только при перемещении разума в небиологический объект. Понимание личного бессмертия как бессмертия тела и сознания можно назвать характерным для трансгуманизма, если учесть, что в трансгуманизме тело может восприниматься как трансформировавшийся, искусственный предмет, как небиологическая часть человека.

Ценность нового гедонизма раскрывается в идее цифрового бессмертия в двух направлениях. С одной стороны, это свобода от биологической природы: свобода выбора страдания или наслаждения, выбора смерти или бессмертия. С другой стороны, такой гедонизм открывает, что отмечают трансгуманисты, совершенно иную картину ценностей, новый спектр удовольствий и новый характер страданий.

Ценность разума обеспечивает безопасность постчеловека, находящегося в состоянии цифрового бессмертия, является условием защиты и сохранения состояния бессмертия. Так, если сохранение разумных существ является приоритетным благодаря этой ценности, то это определяет сохранение состояния бессмертного сознания как высшую ценность постчеловечества.

Перспективы развития аксиологических представлений о цифровом бессмертии

Необходимо отметить прямую связь аксиологических представлений о бессмертии с расширением цифрового пространства и развитием биомедицинских технологий. Так, трансгуманистические представления об этапах эволюции человечества (человечество – трансчеловечество – постчеловечество) определены перспективами развития научно-технического прогресса, и каждый из этих этапов предполагает аксиологические трансформации. В этико-аксиологическом смысле каждый этап определяется содержанием ценности блага, которая рассматривается с позиций гедонизма, становясь более полной на каждом этапе эволюции. Абсолютное благо в этом случае осуществляется на этапе постчеловечества, высшей точкой достижения которого является личное бессмертие. Цифровое бессмертие как один из вариантов личного бессмертия, таким образом, имеет в контексте трансгуманизма выраженные этические и аксиологические основания – как способ избавления от гнета человеческой природы, приносящей страдания, и как торжество разума, подтверждающее ценность научно-технического прогресса и необходимость защиты любой разумной жизни.

Заключение

Расширение цифрового пространства трансформирует представления о ценностях, но эти трансформации не являются спонтанными или случайными. Современные стратегии развития новейших технологий во многом определяются философией трансгуманизма, свидетельством чего является факт, что существующие центры по их разработке используют философские исследования, во главе которых стоят видные идеологи и деятели трансгуманистического движения. Идея цифрового бессмертия, несмотря на ее кажущуюся фантастичность, занимает в трансгуманизме центральное место.

В работе показаны следующие аксиологические основания важности идеи цифрового бессмертия в трансгуманизме:

1. Идея цифрового бессмертия является вариантом идеи личного бессмертия, которое определяется как высшая точка эволюции человечества и достижений научно-технического прогресса.

2. Цифровое бессмертие в трансгуманизме имеет этические и аксиологические обоснования как достижение ценности всеобщего блага, содержание которого заключается в избавлении человечества от страданий благодаря научно-техническому прогрессу.

3. Идея постчеловечества, которому станет доступно личное бессмертие, обусловлена заботой о будущем, что является своеобразным вариантом «этики любви к дальнему». Согласно трансгуманизму, единственной альтернативой постчеловечества может быть только гибель человечества. Таким образом, признается несовершенство человеческой природы и ее склонность к самоуничтожению.

Подробный анализ аксиологии трансгуманизма в контексте идеи цифрового бессмертия мог бы сформировать прогностический взгляд на возможную систему ценностей постчеловечества, что, по мнению самих трансгуманистов, является одним из наиболее приоритетных направлений научных исследований. Однако этот анализ не мог бы обойтись без констатации аксиологических парадоксов, которые показывают риски идеи цифрового бессмертия, осуществляемого на основе трансгуманистической философии. Такие риски становятся вполне реальными на фоне цифровых и научно-технических трансформаций, поскольку эти трансформации находятся под влиянием идей трансгуманизма. Для их адекватной оценки необходимы объективные и комплексные философские исследования, проводимые с позиций критического осмысления трансгуманистического мировоззрения и его влияния на развитие новейших технологий.

Список источников

- Декларация трансгуманизма. The Transhumanist Declaration, World Transhumanist Association, 2009. URL: <http://humanityplus.org/learn/philosophy/transhumanist-declaration> (Дата обращения: 01.10.2024).
- Bell G, Gray J. Цифровое бессмертие (Digital Immortality). View Publication October 2000: Microsoft. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/publication/digital-immortality/?from=http%3A%2F%2Fresearch.microsoft.com%2Fapps%2Fpubs%2Fdefault.aspx%3Fid%3D69927> (дата обращения: 30.09.2024).
- Stanford Encyclopedia of Philosophy. Müller, Vincent C. Ethics of Artificial Intelligence and Robotics. First published Thu Apr 30, 2020. <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-ai/>. (дата обращения: 30.09.2024).

Список литературы

- Назарова Ю.В., Бульчев И.И. 2023. Современные проблемы и перспективы цифровой танатологии: этический аспект. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*, 4(40): 57-69.
- Каширин А.Ю., Назарова Ю.В. 2023. Экзистенциальные риски искусственного интеллекта в контексте аксиологии трансгуманизма (по материалам работ Н. Бострома). *Общество: философия, история, культура*, 11(115): 40-45.
- Куне Р., Тучина М.Е. 2013. Второй международный конгресс «Глобальное будущее 2045» (Нью-Йорк, июнь 2013 г.). *Философские науки*, 12: 125-136.
- Щукин Т.Н. 2014. Технологии и человек – будущее человечества. В кн.: Психофизические и социально-психологические аспекты взаимодействия в системе «человек – машина»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Отв. ред.: А. В. Мороз. Ижевск, 120 с.
- Bostrom N. Transhumanist Values. Oxford University, Faculty of Philosophy [in Ethical Issues for the 21st Century, ed. Frederick Adams (Philosophical Documentation Center Press, 2003); reprinted in Review of Contemporary Philosophy, Vol. 4, May (2005)] [pdf]. URL: <https://nickbostrom.com/ethics/values> (Дата обращения: 01.10.2024)
- Floridi L. The ethics of Information. Oxford : Oxford University Press, 2013. 375 p.
- Floridi L. The Fourth Revolution – How the infosphere is reshaping human reality. Oxford : Oxford University Press, 2014. 272 p.
- Floridi L. The philosophy of Information. Oxford : Oxford University Press, 2011. 405 p.

References

- Nazarova Ju.V., Bulychev I.I. Sovremennye problemy i perspektivy cifrovoj tanatologii: jeticheskij aspekt // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. - Tula, 2021 - № 4 (40). - S. 57-69.
- Kashirin A.Ju., Nazarova Ju.V. Jekzistencial'nye riski iskusstvennogo intellekta v kontekste aksiologii transgumanizma (po materialam rabot N. Bostroma) // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2023 № 11 (115). – S. 40-45.
- Kune, R., Tuchina, M.E. Vtoroj mezhdunarodnyj kongress «Global'noe budushhee 2045» (N'ju-Jork, ijun' 2013 g.) / Filosofskie nauki, № 12. 2013. – S. 125-136.
- Shhukin, T.N. Tehnologii i chelovek – budushhee chelovechestva. Psihofizicheskie i social'no-psihologicheskie aspekty vzaimodejstvija v sisteme «chelovek - mashina»: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh / Otv. red.: A. V. Morov. – Izhevsk, 2014. – 120 s. S. 73.
- Bostrom N. Transhumanist Values. Oxford University, Faculty of Philosophy [in Ethical Issues for the 21st Century, ed. Frederick Adams (Philosophical Documentation Center Press, 2003); reprinted in Review of Contemporary Philosophy, Vol. 4, May (2005)] [pdf]. URL: <https://nickbostrom.com/ethics/values> (Data obrashhenija: 01.10.2024)
- Floridi L. The ethics of Information. Oxford, Oxford University Press, 2013. 375 p.
- Floridi L. The Fourth Revolution – How the infosphere is reshaping human reality. Oxford, Oxford University Press, 2014. 272 p.
- Floridi L. The philosophy of Information. Oxford : Oxford University Press, 2011. 405 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.01.2024

Received January 20, 2024

Поступила после рецензирования 20.03.2024

Revised March 20, 2024

Принята к публикации 30.11.2024

Accepted November 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Назарова Юлия Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия.

Yuliya V. Nazarova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 281.93

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-800-806

Информационная деятельность Русской Православной Церкви в светских СМИ (по материалам церковных документов)

¹Ткаченко С.А., ²Липич В.В.

¹Московская экономическая школа

Россия, 123376, г. Москва, ул. Заморенова, д. 29

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

magaz.ryadom@yandex.ru

Аннотация. Средства массовой информации играют все более возрастающую роль в формировании общественного сознания по отношению к происходящим событиям. Информационные потоки способны не только диктовать новостную повестку, но и формировать у аудитории «нужное» восприятие тех или иных событий. Русская Православная Церковь (РПЦ) как самостоятельный религиозный институт также обладает своими информационными ресурсами, направленными на решение поставленных задач. Несмотря на значительный информационный кластер, РПЦ продолжает активно взаимодействовать со светскими СМИ. В процессе анализа церковных документов и научных материалов было определено, что данное сотрудничество заключается не только в популяризации православных ценностей среди аудитории, но и в коренном изменении самого информационного пространства. Данные изменения призваны переориентировать общество от либеральной масс-культурной повестки в область традиционных идеалов и ценностей, без которых невозможно достичь единства в обществе. В результате исследования также была определена значимость взаимодействия РПЦ со светскими СМИ и сформулированы принципы, на которых осуществляется данное взаимодействие.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, информационная деятельность, средства массовой информации, взаимодействие, информационная политика

Для цитирования: Ткаченко С.А., Липич В.В. 2024. Информационная деятельность Русской Православной Церкви в светских СМИ (по материалам церковных документов). *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 800–806. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-800-806

Information Activities of the Russian Orthodox Church in Secular Media (Based on Church Documents)

¹Sergey A. Tkachenko, ²Vasily V. Lipich

¹Moscow School of Economics

29 Zamorenova St, Moscow 123376, Russian Federation

²Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

magaz.ryadom@yandex.ru

Abstract. The mass media play an ever-increasing role in shaping public consciousness in relation to current events. Information flows are able not only to dictate the news agenda, but also to shape the audience's 'necessary' perception of certain events. The Russian Orthodox Church as an independent religious institution also possesses its own information resources aimed at solving the set tasks. Despite

the significant information cluster, the Russian Orthodox Church keeps active interaction with secular media. Analysing church documents and scientific materials on the subject, it was determined that this cooperation consists not only in the promotion of Orthodox values among the audience, but also in radical changes in the information space itself. These changes are designed to reorient society away from the liberal mass-cult agenda and towards traditional ideals and values, without which it is impossible to achieve unity in society. The study also determined the significance of the Russian Orthodox Church interaction with secular media and formulated the principles on which this interaction is based.

Keywords: Russian Orthodox Church, information activity, mass media, interaction, information policy

For citation: Tkachenko S.A., Lipich V.V. 2024. Information Activities of the Russian Orthodox Church in Secular Media (Based on Church Documents). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 800–806 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-800-806

Введение

На сегодняшний день РПЦ обладает значительными информационными ресурсами. Сюда входят и многочисленные печатные материалы (богослужебная и просветительская литература, учебники и учебные пособия для духовных учебных заведений, епархиальные газеты и иное). На радио вещают православные радиостанции: Радио Вера (Москва), Радио Радонеж (Москва), Град Петров (Санкт-Петербург), Благовестие (Воронеж) и иные. В информационной сетке региональных радиостанций выходят православные передачи, посвященные основам православной веры, православным традициям и праздникам. В сетке телевизионного вещания достаточно известны православные телеканалы Спас и Радонеж. Невозможно обойти стороной и интернет-пространство, в котором РПЦ ведет активную миссионерскую и просветительскую деятельность. Православные ресурсы интернета представлены как официальными интернет-порталами и сайтами, так и интернет-страницами отдельных приходов или личными сайтами священнослужителей. Множество интернет-ресурсов размещено и в социальных сетях, где зачастую общение и обмен информацией являются более быстрыми и удобными.

Несмотря на активную информационную деятельность на собственных информационных православных ресурсах, телеканалах, радиостанциях и интернет-страницах, РПЦ продолжает активно сотрудничать и со светскими СМИ. Это объясняется несколькими факторами: с одной стороны, это продолжение многолетнего сотрудничества с различными светскими изданиями, а с другой – это работа для аудитории, которая незнакома или малознакома с православными информационными ресурсами. Таким образом происходит большой охват населения, особенно если мы говорим об отдаленных территориях, где зачастую присутствует лишь один информационный ресурс (теле- или радио).

Сотрудничество церкви со светскими СМИ

Значимость сотрудничества РПЦ с нецерковными СМИ обуславливается стремлением к изменению самого информационного дискурса светских изданий. Посредством наполнения информационных программ православными передачами/контентом происходит замещение информационных потоков либерального и духовно-чуждого содержания. Такие трансформации в информационном пространстве способствуют содержательному наполнению подлинно национальной и духовно здоровой информационной среды, положительно влияющей на осознание обществом себя как единого народа с общими культурными и духовными традициями. Акцентируя внимание на сохранении национальных духовных традиций, А.В. Щипков указывает: «Критически важно преодоление информационной блокады в самой России. Лишь кардинально

изменив информационную повестку в СМИ, а также содержание школьного и вузовского образования, можно защитить национальное достоинство и сохранить общество» [Щипков, 2021, с. 57].

Как отмечается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, «просветительная, учительная и общественно-миротворческая миссия Церкви побуждает ее к сотрудничеству со светскими средствами массовой информации, способными нести ее послание в самые различные слои общества» [Основы социальной концепции РПЦ]. Широкий охват аудитории светскими информационными каналами позволяет РПЦ донести до широкой аудитории основополагающие аспекты православного вероучения, наряду с вопросами духовного измерения человека в современном мире.

Спектр информационной повестки РПЦ достаточно широк и многогранен, следовательно, выявление основных направлений в информационной деятельности РПЦ представляется весьма уместным. Как отмечает Е.С. Устинович, «важнейшими направлениями информационной деятельности РПЦ являются издательская деятельность, просветительская деятельность и миссионерская деятельность, а также современная информационная деятельность, связанная с использованием информационных и цифровых технологий» [Устинович, 2021, с. 24]. Для координации всех направлений информационной деятельности и «...в силу стремительно меняющейся виртуальной среды в 2015 г. был образован Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации» [Устинович, 2022, с. 132]. Среди основных задач Отдела обозначено формирование единой информационной политики РПЦ, взаимодействие с православными и светскими СМИ [Синодальный отдел по взаимоотношениям...].

Однако, говоря об информационной деятельности РПЦ и ее основных целях и задачах, необходимо учитывать специфику самих информационных ресурсов, или, говоря иными словами, – в каких взаимоотношениях состоят те или иные СМИ с самой РПЦ. В частности, В.В. Петрунин указывает, что на сегодня «СМИ по отношению к РПЦ можно разделить на три сегмента: 1) массмедиа, принадлежащие РПЦ, 2) СМИ других религиозных организаций и 3) светские массмедиа» [Петрунин, 2011, с. 294]. Исходя из подобного деления можно сделать определенные выводы о той информационной повестке, которая преобладает для каждого из указанных сегментов.

Информационные ресурсы, созданные РПЦ, включают в себя самый широкий спектр информационных программ, от обзора новостных событий, образовательных и просветительских проектов до размещения официальных документов РПЦ и публикации протоколов совещаний церковных учреждений и комиссий различного уровня.

Информационную повестку в СМИ других религиозных организаций преимущественно составляют просветительские и историко-культурологические материалы, направленные на ознакомление с православной культурой и традициями, обрядами и праздниками православной церкви. Не умалчивая об имеющихся разногласиях (вероучительных или обрядовых) между христианскими конфессиями, здесь в первую очередь акцентируется внимание на общих, объединяющих элементах/доктринах учений христианских конфессий и деноминаций. Как отмечает В.В. Петрунин, «взаимодействие РПЦ с данными структурами должно опираться на ясные богословские положения об отношении к инославному и иноверным конфессиям» [Петрунин, 2011, с. 295].

В этой связи необходимо сказать и о самих принципах отношения к инославию со стороны РПЦ, поскольку от них зависит порядок и уровень возможного сотрудничества. В документе «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию» говорится: «На протяжении христианской истории от единства с Православной Церковью отделялись не только индивидуальные христиане, но и целые христианские сообщества... Православная Церковь устами святых отцов утверждает, что спасение может быть обретено лишь в Церкви Христовой. Но в то же время общины,

отпавшие от единства с Православием, никогда не рассматривались как полностью лишенные благодати Божией» [Основные принципы отношения РПЦ к инославиям...]. Процентированный абзац указывает на наличие разделений внутри церкви, но при этом не рассматривает отпавшие сообщества в качестве лишенных Божественной благодати (если таковые полностью или частично не исказили/упразднили основы христианского вероучения). Исходя из данного принципа РПЦ считает для себя возможным осуществлять сотрудничество с неправославными христианскими конфессиями, в том числе и в информационной сфере.

Церковные документы о взаимоотношениях со СМИ

Сотрудничество со светскими массмедиа включает в себя предоставление информационного контента, состоящего из новостных обзоров и просветительских материалов, направленных на ознакомление аудитории с различными аспектами жизни и служения РПЦ. С учетом того, что определенная часть аудитории светских СМИ недостаточно хорошо знакома с различными элементами вероучения и спецификой православного учения в различных областях, информационные материалы предоставляются таким образом и в таком формате, который наиболее удобен для восприятия невоцерковленной аудиторией.

Из документа «О взаимоотношениях Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время», принятом на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 1994 года, было положительно отмечено сотрудничество церковных структур со светскими СМИ: «...с целью предоставления их сотрудникам необходимой информации, самостоятельного участия в деятельности СМИ, побуждения журналистов к объективному, правдивому, полному и благожелательному освещению в средствах информации учения, духовно-исторического наследия и жизни Православной Церкви» [Собрание документов Русской Православной Церкви...]. Подобное сотрудничество церковных структур со светскими изданиями позволяли церкви преодолевать информационную изоляцию в 90-х годах XX столетия, получая доступ к более широкой аудитории.

Информационное воздействие на светскую аудиторию не только способствовало популяризации церковно-религиозной тематики посредством светских СМИ, но и являлось информационным сопровождением традиционных ценностей, которые активно дискредитировались внедряемыми западными образцами массовой культуры. В приведенном выше документе уже отмечались обеспокоенность церковного сообщества в связи с распространением «...через печатную, кино- и видеопродукцию, а также в особенности через электронные средства массовой информации культура насилия, вражды и ненависти, пропаганды нечестного и преступного образа жизни, откровенной безнравственности» [Собрание документов Русской Православной Церкви...].

Популяризация среди общества, особенно среди молодежи, посредством СМИ насилия, безнравственности, культуры денег и материального благополучия как ключевого показателя успешности человека привели нашу страну к трагическим последствиям в материальной и духовной сфере, которые ощущаются обществом и по сей день. По большому счету, именно информационная повестка РПЦ в светских изданиях противопоставляла себя насаждению либеральных антитрадиционных ценностей.

Отмечая важность взаимодействия церковных структур со светскими СМИ, участники Архиерейского Юбилейного собора 2000 года констатировали: «Взаимодействуя со светскими средствами массовой информации, священнослужители и миряне призываются более активно вести миссионерскую деятельность, разъяснять церковный взгляд на различные явления и события, способствовать формированию нравственного влияния СМИ на жизнь общества» [Собрание документов Русской Православной Церкви...]. Активизация в области религиозного просвещения

предполагает не только усиление миссионерской деятельности, но и донесение до общества официальной позиции РПЦ по различным вопросам. Особенно это касается сферы морали и нравственности, поскольку именно церковь активно выступает за сохранение и культивирование традиционных устоев и ценностей в современном российском социуме. Здесь важно обратить внимание и на тот факт, что к активной информационной деятельности призываются и миряне. Во многом именно стараниями мирян информационная деятельность РПЦ не просто активизировалась, но и обрела соответствующие информационной эпохе способы подачи материала в различных форматах.

Говоря о положительных сторонах указанного взаимодействия, участники Юбилейного собора 2000 года также отметили, что «вместе с тем по-прежнему беспокоит обилие конфликтов между Церковью и светскими СМИ, часто вызванных непониманием целей и содержания церковной жизни, а иногда и клеветническим и даже богоборческим содержанием публикаций, нацеленных на отрыв людей от Бога и на подрыв авторитета Церкви» [Собрание документов Русской Православной Церкви...]. Различные информационные материалы, которые направлены на искажение фактов или прямую дискредитацию деятельности РПЦ, преследуют, на наш взгляд, две основные цели. Во-первых, привлечение внимания большей аудитории для повышения своего рейтинга за счет так называемого черного пиара ради сиюминутной выгоды. Во-вторых, откровенная антицерковная риторика призвана не только очернить деятельность церковных институтов и ее членов, но и тем самым сформировать в общественном сознании неприятие тех ценностных установок, которые транслируются церковью.

Особое внимание взаимоотношению между РПЦ и светскими изданиями уделено в церковном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Указывая на возрастающую важность информирования общества о событиях, которые происходят в нашей стране и за ее пределами, в Основах социальной концепции отмечается, что «...информирование зрителя, слушателя и читателя должно основываться не только на твердой приверженности правде, но и на заботе о нравственном состоянии личности и общества» [Основы социальной концепции...]. С акцентом на необходимость достоверного изложения информации в Социальной концепции указывается и на нравственный критерий излагаемых материалов. Достоверное предоставление информации, содержащей в себе демонстрацию насилия, ксенофобии или натурализацию различных преступлений или пороков общества, несмотря на то, что они действительно имеют место, является недопустимым.

В приведенном документе также указывается на необходимость пресечения пропаганды «... насилия, вражды и ненависти, национальной, социальной и религиозной розни, а также греховной эксплуатации человеческих инстинктов, в том числе в коммерческих целях» [Основы социальной концепции...]. Обосновывается это тем, что представители СМИ несут ответственность не только за достоверность, но и за нравственное содержание распространяемых материалов. Даже самая правдивая информация, наполненная сценами насилия, разврата, преступности и безнравственности, не способствует утверждению в человеке идеалов добра и порядочности, а, наоборот, приводит к ожесточению и убеждению в обреченности мира.

Важно отметить, что, анализируя различные конфликтные ситуации во взаимоотношениях между церковью и светскими СМИ, священноначалие РПЦ указывает на встречающееся в подобных случаях ненадлежащее отношение со стороны представителей церкви. В уже приводимых Основах социальной концепции отмечается: «Взаимоотношения Церкви и светских СМИ подчас также омрачаются по вине самих священнослужителей и мирян, например, в случаях неоправданного отказа журналистам в доступе к информации, болезненной реакции на правильную и корректную критику. Подобные вопросы должны разрешаться в духе мирного диалога с целью устранения

недоумений и продолжения сотрудничества» [Основы социальной концепции...]. Недопонимание или непреднамеренное возникновение конфликтной ситуации может быть разрешено путем диалога и взаимного уважения. Отсутствие мирного, бесконфликтного решения проблемы зачастую указывает на преднамеренное, сознательное создание конфликта одной из сторон.

Одной из причин возникновения конфликтных ситуаций в информационной сфере является опубликование и распространение так называемых фейков. Как отметил в своем выступлении Председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойда: «...Сегодня непроверенную информацию порой публикуют даже известные информационные агентства. В связи с этим проверкой информации вынуждены заниматься ее потребители» [Состоялась встреча...]. Непроверенная и недостоверная информация может внести смущение в общественное сознание и вызвать этим неоднозначную реакцию. Уже общеизвестно, что ложная, непроверенная информация оказывает большее влияние на человека, чем впоследствии данное опровержение. Для недопущения распространения фейковой информации и необходимо взаимодействие СМИ именно с официальными источниками или теми, кто уполномочен осуществлять данную деятельность.

Заключение

Активное сотрудничество РПЦ со светскими СМИ продолжается и сегодня. Несмотря на значительные информационные ресурсы, созданные под эгидой самой Русской Православной Церкви, сотрудничество с нецерковными массмедиа остается одной из приоритетных задач в информационной, просветительской и миссионерской деятельности церкви. Подтверждением тому являются как многочисленные материалы, размещаемые на информационных площадках светских изданий, так и церковные документы, которые регламентируют данный вид деятельности.

Основными принципами, на которых базируется взаимоотношение церкви и нецерковных СМИ, являются добросовестность в предоставлении информации, верифицируемость, достоверность и взаимное уважение. Совместно формируя информационные повестку, РПЦ и СМИ обязаны не только нести ответственность за подлинность предоставляемых материалов, но и помнить, что информация должна оказывать положительное влияние на аудиторию с целью формирования единого общества, в котором содержание превалирует над формой, где культивируются идеалы добра и традиционные ценности вместо одиозных, «кричащих» новостей, направленных на расчеловечивание и атомизацию общественного сознания.

Информационное взаимодействие РПЦ со светскими СМИ позволяет донести информацию православного содержания до людей, проживающих в самых отдаленных уголках нашей страны. Не будем забывать о том, что беспрепятственный доступ к разным источникам информации (радио, телевидению, интернету) есть не в каждом удаленном от регионального центра поселке или деревне. Если же в удалённой местности есть хотя бы один источник информации (и зачастую это светские СМИ), то именно посредством него человек может соприкоснуться с информационными материалами православного содержания.

Список источников

- Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovnye-printsipy-otnosheniya-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-k-inoslaviju/> (дата обращения: 23.08.2024).
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#source> (дата обращения: 23.08.2024).

- Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации. URL: <https://sinfo-mp.ru/obshhaya-informaciya> (дата обращения: 04.09.2024).
- Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. 2014. М., Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 656 с.
- Состоялась встреча В.Р. Легойды с руководителями уральских СМИ. URL: <https://sinfo-mp.ru/sostoyalas-vstrecha-v-r-legojdy-s-rukovoditelyami-uralskih-smi.html> (дата обращения: 04.09.2024).

Список литературы

- Ермакова М. В. 2022. Особенности информационной политики Русской православной церкви. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, № 3 (72): 131-134.
- Петрунин В.В. 2011. Церковь и средства массовой информации: проблема взаимоотношений. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*: 294-297.
- Устинович Е.С. 2021. Русская Православная Церковь: информационная деятельность в цифровую эпоху. Восемнадцатые Дамиановские чтения: Русская Православная Церковь и общество в истории России и Курского края. Курск: 24-28.
- Щипков А.В. 2021. Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. М., Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 464 с.

References

- Ermakova M. V. 2022. Features of the information policy of the Russian Orthodox Church. *Caspian region: politics, economics, culture*, No. 3 (72): 131-134. (In Russian).
- Petrinin V.V. 2011. Church and Mass Media: The Problem of Relationships. *Scientific Notes of the Oryol State University. Series: Humanitarian and Social Sciences*: 294-297. (In Russian).
- Ustinovich E.S. 2021. Russian Orthodox Church: information activities in the digital age. *The Eighteenth Damian Readings: Russian Orthodox Church and Society in the History of Russia and the Kursk Region*. Kursk: 24-28. (In Russian).
- Shchipkov A.V. 2021. Discourse of Orthodoxy. Description of the ideological space of modern Russian Orthodoxy. М., Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 464 p. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.07.2024

Поступила после рецензирования 17.10.2024

Принята к публикации 30.11.2024

Received July 17, 2024

Revised October 17, 2024

Accepted November 30, 2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ткаченко Сергей Андреевич, учитель истории и обществознания, Московская экономическая школа, Москва, Россия.

Sergey A. Tkachenko, teacher of history and social studies, Moscow School of Economics, Moscow, Russia.

Липич Василий Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Vasily V. Lipich, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 101.1:316

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-807-815

Культурно-исторический контекст феномена отчуждения: от философских интерпретаций к эмпирическим исследованиям

Цибулина А.О.

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, д. 40
aotsibulina1986@mail.ru

Аннотация. К настоящему моменту накоплен значительный массив знаний о таком социальном процессе, как отчуждение, но современные вызовы, направленные на инвестирование в человеческий капитал, а также противоречивость подходов к воспитательному и рабочему процессу приводят к усилению негативных форм отчуждения человека и поиску путей выявления и коррекции сопутствующих проблем. Целью работы является осмысление двух граней отчуждения: как философского направления и потенциально полезного инструмента для исследований в социальной сфере и в сфере образования. Первая часть статьи включает в себя краткий исторический дискурс философского развития феномена отчуждения, в котором проанализированы разные трактовки в пространстве мировой философии. Вторая часть описывает переход от абстрактных категорий к разработкам методик измерения отчуждения в различных сферах жизнедеятельности, таких как работа, учеба, общество, межличностные отношения, семья, собственная личность. Применение грамотно разработанных методик исследования отчуждения как практической составляющей позволит вовремя распознать и предотвратить негативное влияние отчуждения.

Ключевые слова: отчуждение, социальное отчуждение, социальная сфера, образование

Для цитирования: Цибулина А.О. 2024. Культурно-исторический контекст феномена отчуждения: от философских интерпретаций к эмпирическим исследованиям. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(4): 807–815. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-807–815

The Cultural and Historical Context of the Alienation Phenomenon: from Philosophical Interpretations to Empirical Studies

Anastasia O. Tsibulina

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
40 Lenin Av., Tomsk 634050, Russian Federation
aotsibulina1986@mail.ru

Abstract. To date, a significant body of knowledge has been accumulated about such a social process as alienation, but modern challenges aimed at investing in human capital, as well as contradictory approaches to the educational and work process, lead to an increase in negative forms of human alienation and the search for ways to identify and correct related problems. The aim of the work is to comprehend the two facets of alienation: as a philosophical direction and a potentially useful tool for research in the social and educational fields. The first part of the article includes a brief historical discourse on the philosophical development of the phenomenon of alienation, which analyzes different interpretations in the space of world philosophy. The second part describes the transition from abstract categories to the development of methods for measuring alienation in various spheres of life, such as work, study, society, interpersonal relationships, family, self. The use of well-developed methods of studying alienation as a

practical component will make it possible to timely recognize and prevent the negative impact of alienation on people of different categories.

Keywords: alienation, social alienation, social sphere, education

For citation: Tsibulina A.O. 2024. The Cultural and Historical Context of the Alienation Phenomenon: from Philosophical Interpretations to Empirical Studies. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 807–815 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-807-815

Введение

Феномен отчуждения является предметом для дискуссий мыслителей и исследователей многие века. В философии, социологии, психологии, педагогике, экономике и других областях термин «отчуждение» имеет различные определения. Отчуждение в экономике – устойчивое обособление от человека условий и результатов его экономической деятельности, а также самой этой деятельности [Яценко, 1999]. В психологии отчуждение воспринимается как «проявление таких жизненных отношений субъекта с миром, при которых продукты его деятельности, он сам, а также другие индивиды и социальные группы, являясь носителями определенных норм, установок и ценностей, осознаются как противоположные ему самому (от несходства до неприятия и враждебности)» [Альмуханова и др., 2007]. В философии отчуждение трактуется как объективация «...качеств, результатов деятельности и отношений человека, которая противостоит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект ее воздействия» [Степин и др., 2010]. Несмотря на многочисленность интерпретаций, в целом отчуждение следует трактовать как утрату связи с кем-либо или с чем-либо.

Следует отметить, что интерес к феномену отчуждения нарастает с каждым днем. Философы, психологи, социологи и педагоги особенно заинтересованы этим процессом и даже разрабатывают различные методики для экспериментального выявления уровня отчужденности. Значимость тематики к негативным сторонам проявления отчуждения обусловлен во многом тем, что в современной социальной реальности человеческий капитал должен быть инвестирован, а чтобы добиться успеха в жизни, нужно быть максимально конкурентноспособным [Степанова, 2018]. Несоответствие современного воспитательного процесса, которое выражается в одновременном желании формировать в человеке коллективизм и «вращивать» конкурентноспособного гражданина, а также противоречивость подходов к воспитательному, рабочему процессам и к межличностным взаимодействиям приводят к формированию различных форм отчуждения.

Цель статьи – осмыслить две грани отчуждения: как философского направления и потенциально полезного инструмента для исследований в социальной сфере и сфере образования.

Краткий исторический дискурс философского развития феномена отчуждения

Понятие «отчуждение» имеет латинское происхождение и впервые упоминается в работах по теологии, в которых человек воспринимался как сочетание двух противоположностей: божественного и природного начал [Корякин, 2016]. При этом человек рассматривался как существо, отчужденное от Бога [Прокофьева, 2015], а единственный путь преодоления отчуждения – это искупление. Одним из самых ярких литературных примеров является падение Адама, заключающееся в утрате непосредственной близости с Богом [Вахтер, 1982].

В философии XVII–XVIII веков проблема отчуждения рассматривалась как явление, сподвигающее человека отдать свою свободу, права и индивидуальность для пользы цивилизованного общества [Бурков, 2015]. Например, Ж.-Ж. Руссо подвергал критике мир

культуры і гаворыў аб п'яўленьні «іскусствённых» (отчуждённых) патрэбнасьцяў. Ён лічыў агульныя інстытуцы разв'рацаючымі чалавека, устанавліваючымі няравенства патрэбнасьцяў і пісаў наступнае: «До тых пар, пака людзі довалявалісь сваімі убогімі хіжынамі, пака яны аграічывалісь тым, што шылі себэ адэжды з зьверіных шкур с п'омощю дрэвёсных шыпов <...> пака яны былі заняты лішь такім тудом, который пад сілу адному чалавеку, і толькі такімі промысламі, котрыя не тудавалі учасьця многіх рук, яны жылі, свабодныя, здорвыя, добрыя і шчасьлівыя» [Руссо, 1969, с. 78]. Такжэ в раб'це «Об Общественном договоре, или Принципы политического права» мыслітэль пішэ аб отчуждённай свабодэ, «отчуждать – это значіт отдавать или продавать» [Руссо, 1969, с. 155].

Эты вэгляды значітэльно повлліялі на Г. Гегеля. Ён в сваіх тудых «Феноменология духа», «Наука о логике» впершыя прыдал отчуждённю адрэделёнае значэньне. Г. Гегель в «Феноменологии духа» іспользаваў гэты тэрмін разлічымі сп'осабамі: а іменна, отчуждэньне (*entfremdung*) как «раздэленьне» і отчуждэньне (*entäußerung*) как атрэшэньне, овнэшнэньне: «...дэяваньне і станавлэньне, благодаря которым субстанцыя становітс'я дэяв'тэльнай, ёсьць отчуждэньне лічн'ості, ібо сам'ость, імаюч'я неп'осрдэствэно, т. е. бэз отчуждэньня, значэньне в себэ і д'яя себ'я, лішэна субстанцыі і ёсьць ігра стыхій; ёе субстанцыя, слэдоватэльно, ёсьць само ёе атрэшэньне, а атрэшэньне ёсьць субстанцыя ілі дудовныя сілы, упорядочываючыс'я в некоторый м'ір і благодаря гэтому сохр'аняючыс'я» [Гегель, 2021, с. 457]. На наш вэгляд, Г. Гегеля б'ольшэ в'сего інтэресовалі атоношэньня м'яду людзьмі і дудовным м'іром, котрыя стр'оятс'я пры в'заімадэяв'іі с соцыальнымі, культурнымі і політычэскімі інстытуц'ямі. Сост'аніэ індывіда – гэто сост'аніэ нэізьбэжнаго нап'ряжэньня м'яду універсальнасьцю і індывідуальнасьцю, п'оскольку універсальнасьць нэобходіма д'яя в'сего дудовного, гэты пр'осэс прыводіт к астрому сост'анію самоотчуждэньня от св'ой в'нутрэнняй прыроды – гэто отчуждэньне, как «раздэленьне». Хоця такая нэзавісым'ость от соцыальнай субстанцыі явл'ятс'я нэобходімой ч'аст'ю разв'іт'я чалавека, она создаэ чуждую, недудовную рэальнасьць. П'ослэ осознан'я гэтого чалавек п'ережываэ вт'орой пр'осэс отчуждэньня, когда гэта асобэньнасьць уступаэ м'есто універсальнай соцыальнай субстанцыі. Данное чувств'о універсальнасьці явл'ятс'я зр'элым, і п'ережыван'іэ явл'ятс'я оп'ытом самоактуалізацыі.

Слэдуэть атомет'іть, что отчуждэньне как «раздэленьне» в тудых Гегеля явл'ятс'я сл'ожным і мучітэльным пр'осэсам, но нэобходім'ым д'яя зр'элого разв'іт'я, а отчуждэньне как атрэшэньне явл'ятс'я п'олож'ітэльным явл'еніэм. Нэсм'отря на то, что отчуждэньне пр'едставл'ят с'обой дв'а пр'осэса, котрыя дост'аточн'о нэсхож'і м'яду с'обой, гэто нэ помешало Г. Гегелю явл'ятс'я адным із самых значімых мыслітэлей і оказываэ влліяньне на туды д'ругіх філасоф'ов.

К. Маркс кр'ітыковал ідэі гегелёвского отчуждэньня і пісаў наступнае: «...Вся істор'я самоотчуждэньня і в'се устр'анэньне самоотчуждэньня ёсьць нэ что іное, как істор'я пр'оізв'одства абстрактного, то ёсьць абсолютного, логічэского, спекулятывного мышлэньня. Вслэдуств'іэ гэтого отчуждэньне, образуюч'ее с'обствэнный інтэрес гэтого самоотчуждэньня, пр'едставл'ят с'обой у Гегеля пр'отивоположн'ость м'яду *в-себе* і *д'яя-себ'я*, м'яду *сознаніэм* і *самосознаніэм*, м'яду *об'ектом* і *суб'ектом*, то ёсьць пр'отивоположн'ость м'яду абстрактным мышлэньн'ем і чувствэнной дэяв'тэльнасьцю, ілі дэяв'тэльнай чувствэннасьцю, в пр'еделах самой мысл'і» [Маркс, 1956, с. 625] ілі «феноменология ёсьць скр'ытая, ёщэ нэясная д'яя самой себ'я і імаюч'я м'істычэск'і в'ід кр'ітыка; но п'оскольку она фіксуэ отчуждэньне чалавека, – хоця чалавек в'ступаэ в н'ей тольк'о в в'іде дудуха, – п'оскольку в н'ей заложэны в скр'ытом в'іде в'се элемэнт'ы кр'ітык'і, подгот'овлэнные і разраб'отанные ч'асто ужэ в ф'орме, в'ысоко поднімаюч'ейс'я над гегелёвской точк'ой зр'ен'я» [Маркс, 1956, с. 626].

Однако К. Маркс стал ш'іроко іспользаваэ тэрмін «отчуждэньне» в сваіх раб'отах. В эк'он'омічэско-філасоф'скіх рукоп'іс'ях 1844 года ён в'ідіт отчуждэньне в пр'оісход'яч'ых

эканамічных і грамадзянскіх працэсах. Ён указвае на тое, што ў ўмовах вытворчасці з'яўляецца «чалавек-тавар» [Маркс, 1956, с. 574], а сама сістэма грамадства з'яўляецца адчуждаючай грошовай сістэмай, абнажаючай «бесчалавечнасць сучаснай жыццёвай практыкі» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 122]. Па меру мысліцеля, феномен адчуждэння звязаны з бесчалавечнасцю як працэсам змянення грамадства, людзі перажываюць «бесчалавечную рэальнасць» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 35]. Чалавек вымушаны пасіўна падпарадкавацца капіталістычнай машыне, «возмутлівае, бессэрдачнае адносіны прамысловай буржуазіі да рабочых, паказвае ўсю падлую сістэму прамысловай эксплуатацыі ў ўсёй яе бесчалавечнасці» [Маркс і др., 1955, с. 399].

Такім чынам, К. Маркс вядзе паняцце «адчуждэнне працы» і ўпершыню спрабуе прымяніць феномен адчуждэння да сацыяльна-палітычнай сярэды, што стала адправнай кропкай для фарміравання неомарксісцкай філасофіі.

Як ужо было сказана, адчуждэнне з'яўляецца важным паняццем і нельга абысці з боку вывучэння гэтага феномена праз прызму псіханалізу і экзістэнцыялізму. Э. Фромм разглядаў яго як негатыўнае з'яўленне, і апісваў адчуждэнне як чалавечае разачараванне і нешчаслівае становішча, якое ўплывае на асобнасць дэструктыўна [Фромм, 1995, с. 387]. Калі гаворыць аб экзістэнцыяльнай філасофіі, то ў першую чаргу трэба паказаць на нямецка-амерыканскага філосафа і тэолага П. Тіліха, які гаворыў аб адчуждэнні як аб неадпаведнасці паміж «сущнасцю» і «существаваннем». Па яго меру, чалавек адчуждзены «ад асновы свайго быцця, ад іншых існасцей і ад самога сябе» [Тіліх, 2000, с. 326].

Ж.-П. Сартр у працах «Быццё і нішто» і «Крытыка дыялектнага розуму» дае адчуждэнню розныя трактовкі [Сартр, 2000]. Адчуждэнне ў «Крытыцы» мае некаторую схожасць з апісаннямі гэтага паняцця ў К. Маркса. Так, па меру Сартра, індывід успрымае сябе як чуждога і ворага ў працэсе самоаб'ектывацыі [Sartre, 2004, р. 227]. Асноўнымі адрозненнямі ад трактовкі Маркса з'яўляецца тое, што ў інтэрпрэтацыі Ж.-П. Сартра, адчуждэнню ад працы не выдзелена цэнтральнае месца. У «Быцці» Ж.-П. Сартра адчуждэнне прымае іншы характар і не разглядаецца як негатыўнае з'яўленне. У працы паказана, што ў выніку ўзаемадзеяння з іншымі людзьмі, чалавек у першы раз адчувае перажыванне сябе як аб'екта для свайго суб'ектыўнага «Я», так і для іншых [Сартр, 2000 с. 369]. Ж.-П. Сартр апісаў гэтае адкрыццё як факт, які ўключае прызнанне «Чужога Я», а імя гэтай часткі чалавечага існавання і цела, якая знаходзіцца за межамі суб'ектыўнага вопыту. Асноўныя ідэі мысліцеля заключаліся ў тым, чалавек можа з пачатку не испытываць станоўчых эмоцый па прычыне аб'ектывацыі сябе і іншых, але ў канчатковым лічэнні адбудзецца раскрыццё фундаментальнай ісціны, а ў выніку гэтага негатыўная інтэрпрэтацыя неуместна.

Развіваючы мыслі аб адчуждэнні чалавека, трэба паказаць на філосафа і сацыялога Г. Маркузе, працы якога злучалі ў сабе псіханалітычнае і марксісцкае бачэнне і мелі найбольшае ўплывае на грамадства. У «Адноразмерным чалавеку» Г. Маркузе паказаў на тое, што багатства і шырокі асортымент спажывацкіх тавараў вядзе чалавека да заблуждэння і ён пачынае пераімаць каштоўнасці гэтага класа, які яго угнетае [Маркузе, 1994, с. 15]. Акрамя гэтага, сапраўдная свабода прыгнечана, чалавек пачынае прымаць тэ каштоўнасці, якія адмаўляюць яго вызваленне, што вядзе да адчуждэнню грамадства ад самога сябе і яно становіцца сапраўды «адноразмерным». Прызнанне гэтага адчуждэння адбудзецца толькі за межамі вытворчасці, напрыклад, у мастакоў, пісьматвораў, доўга безработных, студэнтаў, этнічных меншасцей і г. д. Самым Г. Маркузе хацела паказаць, што адчуждзены чалавек, адказаўшы на свае рэальныя патрэбы, прыстасавана да існуючай сярэды, а яго сапраўдныя патрэбы заблакаваны прыцягальнымі спажывацкімі таварамі [Маркузе, 2003].

В то время как неомарксисты, психоаналитики и экзистенциалисты занимаются изучением феномена отчуждения в рамках философии, в современной педагогике исследователи также озадачены проблемами социального отчуждения. Следует обратить внимание на труды Б.Н. Алмазова. В работе «Социальное отчуждение: психолого-педагогический аспект» он связывает отчуждение с небрежным и развращающим воспитанием человека, «ненадлежащее воспитание может само по себе так исковеркать процесс формирования личности, что социальное отчуждение станет логичным и естественным его завершением» [Алмазов, 2010, с. 96]. Часто на отчуждение человека влияет социальное окружение, где ложные представления о мире становятся причиной неконструктивного выбора смыслов поведения. Как отмечает Алмазов, «примитивно мыслящие люди становятся заложниками «наведенной» или «индуцированной» невротичности их родителей [Алмазов, 2010, с. 113]. Органики дожидаются времени, когда можно вырваться на волю и «растоптать» навязанные привычки. Астенизированные люди упаковывают мир во внешне податливую, но непроницаемую оболочку» [Алмазов, 2010, с. 113], а истинные «изгои дрейфуют под давлением среды, когда система бросает на произвол судьбы» [Алмазов, 2010, с. 113]. Для каждого из представленных типов отчуждение является способом примирения с самими собой, так как войти в реальное общество значительно труднее, чем оставаться на обочине. В работах Б.Н. Алмазова прослеживается позитивный характер социально-педагогического исправления вышеуказанных типов и указывается, что в современных реалиях для отчужденных лиц остается пространство для жизни и шаг за шагом решаются вопросы их перевоспитания и исправления.

Таким образом, несмотря на множество различных философских концепций и подходов, отчуждение в мировой философии имеет ключевое значение, многие мыслители сходятся во мнении, что без отчуждения развитие человека было бы невозможно, поскольку оно является неотъемлемым свойством социального и духовного бытия человека.

Феномен отчуждения как инструмент для исследований в социальной сфере и сфере образования

До середины XX века большая часть разговоров о феномене отчуждении велась на уровне абстрактных категорий, но практические исследователи начали обращать пристальное внимание на то, как можно экспериментально выявлять феномен отчуждения, и родоначальником подобных исследований принято считать Р. Блаунера [Blauener, 1970]. Он воспринимал отчуждение как противоположность свободы и создал методику измерения отчужденности в сфере труда, выделив 4 типа:

- бессилие (отчуждение происходит, когда человек является не субъектом, а объектом, которым управляют другие люди);
- бессмысленность (отчуждение происходит, когда человек выполняет деятельность, не приводящую к решению жизненно важных целей, и не приносит заметного вклада в общество);
- изоляция (отчуждение, возникающее вследствие разрыва личных связей);
- самоотчуждение (отчуждение, возникающее из-за того, что трудовая деятельность не раскрывает индивидуальность и изобретательность человека) [Blauener, 1970].

Р. Блаунер, используя разработанную методику, выявлял на производстве самые высокие степени отчуждения, возникающие из-за рутинности выполнения действий, и доказал, что снижение подобных явлений возможно тогда, когда рабочие больше будут контролировать процесс и нести ответственность за собственную работу.

Следующим ученым, разработавшим методику измерения общего уровня отчуждения, является Дж. Рэй. Исследование по его методике [Ray, 1972; 1982] проводится путем анализа 168 утверждений и измеряется по 6 шкалам: отсутствие норм,

бессилие, утрата смысла, социальная изоляция, неудовлетворённость, цинизм. Поскольку понятие «общее отчуждение» сложно поддавалось интерпретации, то разработанная методика не получила широкого одобрения и практически не используется.

Одним из успешных в разработке и дальнейшем применении оказался тест, созданный командой ученых (С. Мадди, С. Кобэйс и М. Хувер) [Maddi et al., 1979]. Тест основан на теории С. Мадди, который считал, что отчуждение – экзистенциальный невроз, связанный со смыслоутратой, вследствие которого формируется конформизм, навязанный социальными ролями и направленный на удовлетворение примитивных потребностей [Maddi, 1967]. Исследователь выделил такие факторы, как вегетативность, бессилие, нигилизм, и авантюризм [Maddi, 1967, с. 133]. Для описания вегетативности автор использует произведение А. Камю «Посторонний», где описан герой, испытывающий больше телесные, чем психологические переживания [Maddi S.R. 1967, с. 314]. Под вегетативностью предполагается недостаточная способность поверить в истину, в важность и ценность реально или воображаемо осуществляемой деятельности. Это самая тяжелая форма отчуждения. Под менее серьезной формой отчуждения подразумевается бессилие как утрата веры человека на способность влиять на собственную жизнь [Maddi S.R. 1967; Maddi, S. R. 2004]. Нигилизм подразумевает деструктивную позицию, антисмысл, так называемое убеждение в отсутствии смысла. Под авантюризмом подразумевается поиск смысла в опасных и экстремальных видах деятельности, поиск острых ощущений, вследствие бессмысленности существования. [Maddi et al., 1979, с. 74-75] Тест направлен на выявление различных форм отчуждения и предполагает измерение отчужденности в различных сферах жизнедеятельности, таких как работа, общество, межличностные отношения, семья, собственная личность.

Следует отметить, что теория С. Мадди переосмыслена в работах наших соотечественников: В.Н. Косырева, Г. Б. Кошарной и Л.Н. Мордишевой, Е.Н. Осина и др. [Кошарная и др., 2012; Косырев, 2011]. Например, Г.Б. Кошарная и Л.Н. Мордишева [Кошарная и др., 2012] при использовании теста С. Мадди, С. Кобэйса и М. Хувера рассматривают наиболее распространенные проявления отчуждения труда работников на предприятии, а В.Н. Косырев [2011] произвел переработку теста С. Мадди путем изменения измеряемых переменных с учетом культурологических особенностей и успешно применил данный тест в исследовании отчуждения в сфере учебного труда студента. Под подобным отчуждением он описывает «такое отношение студента к учению, при котором продукты его деятельности, он сам, а также преподаватели, администрация, другие студенты и социальные группы как носители норм, установок и ценностей учебной деятельности представлены в его сознании различной степенью противоположности ему самому (от несходства до враждебности), что выражается в соответствующих переживаниях субъекта (чувстве обособленности, одиночества, отвержения) и проявляется в поведении, противоположном понятиям близости, тождественности, гуманности и т.д.» [Косырев, 2011, с. 223]. Разработанный тест получил название «Субъективное отчуждение учебного труда студента», и отчужденность рассматривается через категорию отношения с выделением когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов. Опросник включает в себя 48 пунктов по 12 на каждую сферу деятельности. Каждый вопрос относится одновременно к двум шкалам: к сфере жизни, в которой проявляется отчуждение (учебная деятельность, университетская жизнь, межличностные отношения и отношение к самому себе); а также к форме отчуждения (вегетативность, бессилие, нигилизм, авантюризм).

Формы отчуждения, использованные в данной методике, соответствуют интерпретациям теста С. Мадди, например, вегетативность подразумевает под собой неспособность поверить в истину; бессилие указывает на отсутствие веры в способность влиять на собственную жизнь; нигилизм подразумевают деструктивные позиции; авантюризм – компульсивный поиск жизненности [Maddi, 1967; 2004]. Результаты,

полученные после проведения тестирования и обработки данных можно использовать для своевременной диагностики различных форм отчуждения и коррекции тех сфер бытия, в которых имеются негативные проявления в виде неудовлетворенности выбором профессии, невозможности сохранить свою индивидуальность, ощущений неуспеха, аномии, обеднению межличностных взаимодействий и т. д.

Заклучение

С момента появления понятия отчуждения в работах по теологии и оформлению отчуждения как категории, разработка данной проблематики и поиск причин отчужденности в духовной культуре, во внутреннем Я, внешних условиях бытия и даже в экономических обстоятельствах интересуют мыслителей и исследователей вплоть до сегодняшнего дня. Исторически меняясь, феномен отчуждения так и не приобрел единства в его понимании. Например, сторонники теории общественного договора (Ж-Ж. Руссо, Т. Гоббс, Дж. Локк) отчуждение считалось позитивным и даже необходимым явлением, предполагающим отказ от прав и свобод в пользу цивилизованного общества. Г. Гегель описывал отчуждение как «разделение» и как отрешение. «Разделение» является острым состоянием самоотчуждения и необходимо для зрелого развития, а отрешение, как второй процесс отчуждения, является опытом самоактуализации. К. Маркс писал о том, что капиталистическое производство ведет к состоянию отстранения от результатов своей работы и производства своего продукта, вследствие этого человек лишен своего собственного творчества и истинной природы.

В психоанализе и экзистенциализме феномен отчуждения воспринимался в разных интерпретациях: как негативное явление, описываемое как человеческое разочарование, влияющее на личность деструктивно (Э. Фромм); отчуждение как несоответствие между «сущностью» и «существованием» (П. Тиллих); отчуждение как противоречие между реальными потребностями и навязанными извне ценностями (Г. Маркузе). Нельзя также обойти стороной современные интерпретации социального отчуждения (Б.Н. Алмазов), которые связывают этот феномен с небрежным и развращающим воспитанием человека.

В исследовании также отмечено, что с середины XX века происходит переход от абстрактных категорий отчуждения к разработкам методик измерения отчужденности в различных сферах жизнедеятельности, таких как работа, учеба, общество, межличностные отношения, семья, собственная личность (Р. Блаунер, Дж. Рэй, С. Мадди, С. Кобэйс и М. Хувер, В.Н. Косырев, Г. Б. Кошарная и Л. Н. Мордишева, Е.Н. Осин и др.), это стало ценным способом предотвращения вреда отчуждения, наносимого людям разных категорий, а также способом урегулирования процессов между человеком и учреждением.

Таким образом, отчуждение принимает множество различных форм, что указывает на необходимость построения единой теории отчуждения в современной реальности, которая позволит прийти к целостному пониманию данного феномена.

Список литературы

- Алмазов Б.Н. 2010. Социальное отчуждение. Психолого-педагогический аспект. М., Дата Сквер, 168 с.
- Альмуханова А.Б., Гладкова Е.С. Есина Е.В. Имашева Е.Г. 2007. Большая психологическая энциклопедия. Самое полное современное издание. М., Эксмо, 544 с.
- Бурков Р.Б. 2015. Проблема отчуждения в философии XVII-XVIII веков. *Горизонты гуманитарного знания*, 5: 45-57.
- Гегель Г.В. Ф. 2021. Феноменология духа. М., АСТ, 768 с.
- Степин В.С. Семигин Г.Ю. 2010. Новая философская энциклопедия. М., Мысль, 736 с.
- Корякин С.С. 2016. Становление традиционной протестантской идеологии искупления. *Вестник РХГА*, 17: 262-277.

- Косырев В.Н. 2011. Тест-опросник «Субъективное отчуждение учебного труда». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 11(103): 222-228.
- Кошарная Г.Б., Мордишева Л.Н. 2012. Проблема отчуждения труда работников в современных организациях. *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*, 1(21): 78-86.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Святое семейство, или Критика критической критики. Сочинения. М., Политиздат. Т. 2. 668 с.
- Маркс К. 1956. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. 700 с.
- Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. М., «REFL-book», 368 с.
- Прокофьева Д. В. 2015. Отчуждение и проблема его преодоления в религиозной (христианской) философской мысли. *Вестник Башкирского университета*, 3: 1087-1091.
- Руссо Ж.Ж. 1969. Трактаты. М., Наука. 710 с.
- Сартр Ж. П. 2000. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., Республика, 639 с.
- Степанова И. Н. 2018. Отчуждение в образовании. *Вестник Курганского государственного университета*, 1(48): 85-87.
- Фромм Э. Здоровое общество. Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., Юрист, 623 с.
- Яценко Н. Е. 1999. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., Лань, 524 с.
- Baxter B. 1982. Alienation and authenticity: some consequences for organized work. New-York, 212 p.
- Blauner R. 1970. Alienation and freedom: the factory worker and his industry. Chicago; London: University of Chicago press: 217-222.
- Maddi S.R. 1967. The Existential Neurosis. *Journal of Abnormal Psychology*, Vol. 72. No. 4. 311-325 pp. DOI: [10.1037/h0020103](https://doi.org/10.1037/h0020103)
- Maddi S. R. 2004. Hardiness: An Operationalization of Existential Courage. *Journal of Humanistic Psychology*, 44(3), 279-298. DOI: [10.1177/0022167804266101](https://doi.org/10.1177/0022167804266101)
- Maddi S. R., Kobasa S. C., Hoover M. 1979. An alienation test. *Journal of Humanistic Psychology*, V. 1: 173-185. DOI: [10.1177/002216787901900407](https://doi.org/10.1177/002216787901900407)
- Ray J. J., Sutton A. J. 1972. Alienation in an Australian University. *The Journal of Social Psychology*, № 86. 319-320. DOI: [10.1080/00224545.1972.9918637](https://doi.org/10.1080/00224545.1972.9918637)
- Ray J. J. 1982. Toward a definitive alienation scale. *The Journal of Psychology*, № 111. 67-70. DOI: [10.1080/00223980.1982.9923536](https://doi.org/10.1080/00223980.1982.9923536)
- Sartre J.-P. 2004. Critique of Dialectical Reason. V.1. Theory of Practical Ensembles. London, 836 p.

References

- Almazov B.N. 2010. Social'noe otchuzhdenie. Psihologo-pedagogicheskij aspekt [Social alienation. Psychological and pedagogical aspect]. Moscow, Publ. Data Skver, 168 p.
- Al'muhanova A.B., Gladkova E.S. Esina E.V. Imasheva E.G. 2007. Bol'shaya psichologicheskaya enciklopediya. Samoe polnoe sovremennoe izdanie [Big psychological encyclopedia. The most complete modern edition]. Moscow, Publ. Eksmo, 544 p.
- Burkov R.B. 2015. Problema otchuzhdenija v filosofii XVII-XVIII vekov [The Problem of Alienation in the Philosophy of the XVII-XVIII Centuries]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 5: 45-57.
- Gegel' G. V. F. 2021. Fenomenologija duha [Phenomenology of the spirit]. Moscow, AST, 768 p.
- Stepin V.S. Semigin G.Ju. 2010. Novaja filosofskaja jenciklopedija [New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, Publ. Mysl', 736 p.
- Korjakin S. S. 2016. Stanovlenie tradicionnoj protestantskoj ideologii iskuplenija [The emergence of the traditional Protestant ideology of atonement]. *Vestnik RHGA*, 17: 262-277.
- Kosyrev V.N. 2011. Тест-опросник «Sub"ektivnoe otchuzhdenie uchebnogo truda» [Test questionnaire "Subjective alienation of educational work"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 11(103): 222-228.
- Kosharnaja G.B., Mordisheva L.N. 2012. Problema otchuzhdenija truda rabotnikov v sovremennyh organizacijah [The problem of alienation of workers' labor in modern organizations]. *Izvestija VUZov. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*, 1(21): 78-86.
- Marks K. 1955. Svjatoe semejstvo, ili Kritika kriticheskoj kritiki [The Holy Family, or Critique of Critical Criticism]. K. Marks, F. Jengel's. Sochinenija. Moscow, Publ. Politizdat. V. 2. 668 p.
- Marks K. 1956. Jekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Marks K., Jengel's F. Iz rannih proizvedenij. Moscow, 700 p.

- Markuze G. 1994. *Odnomernyj chelovek* [One-dimensional man]. Moscow, Publ. REFL-book, 368 p.
- Prokof'eva D.V. 2015. Otchuzhdenie i problema ego preodolenija v religioznoj (hristianskoj) filosofskoj mysli [Alienation and the problem of overcoming it in religious (Christian) philosophical thought]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 3: 1087-1091.
- Russo Zh.-Zh. 1969. *Traktaty* [Treatises]. Moscow, Publ. Nauka. 710 p.
- Satr Zh.P. 2000. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow, Publ. Respublika, 639 p.
- Stepanova I.N. 2018. Otchuzhdenie v obrazovanii [Alienation in Education]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(48): 85-87.
- Jacenko N.E. 1999. *Tolkovyj slovar' obshhestvovedcheskih terminov* [Explanatory Dictionary of Social Science Terms]. Saint Petersburg, Publ. Lan', 524 p.
- Baxter B. 1982. Alienation and authenticity: some consequences for organized work. New-York, 212 p.
- Blauner R. 1970. Alienation and freedom: the factory worker and his industry. Chicago; London, Publ. University of Chicago press: 217-222.
- Maddi S.R. 1967. The Existential Neurosis. *Journal of Abnormal Psychology*, 72(4): 311-325. DOI: [10.1037/h0020103](https://doi.org/10.1037/h0020103)
- Maddi S.R. 2004. Hardiness: An Operationalization of Existential Courage. *Journal of Humanistic Psychology*, 44(3): 279-298. DOI: [10.1177/0022167804266101](https://doi.org/10.1177/0022167804266101)
- Maddi S. R., Kobasa S. C., Hoover M. 1979. An alientation test. *Journal of Humanistic Psychology*, 1: 173-185. DOI: [10.1177/002216787901900407](https://doi.org/10.1177/002216787901900407)
- Ray J.J., Sutton A. J. 1972. Alienation in an Australian University. *The Journal of Social Psychology*, 86: 319-320. DOI: [10.1080/00224545.1972.9918637](https://doi.org/10.1080/00224545.1972.9918637)
- Ray J.J. 1982. Toward a definitive alienation scale. *The Journal of Psychology*, 111: 67-70. DOI: 10.1080/00223980.1982.9923536
- Sartre J.-P. 2004. *Critique of Dialectical Reason. V.1. Theory of Practical Ensembles*. London, 836 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 31.03.2024

Поступила после рецензирования 30.06.2024

Принята к публикации 30.11.2024

Received March 31, 2024

Revised June 30, 2024

Accepted November 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цибулина Анастасия Олеговна, аспирант кафедры философии и социологии, старший преподаватель кафедры истории и социальной работы, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia O. Tsibulina, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Sociology, Senior Lecturer of the Department of History and Social Work, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-816-821

Новые координаты

в поле взаимодействия культуры и цивилизации.

Рецензия на книгу: Исаев В.Д. Структура социума: взаимосвязи и взаимодействия его элементов по отношению к человеку (дайджест монографии). Луганск : Ноулидж, 2022. 40 с.

¹ Кривуля Р.Е., ² Игнатов М.А.

¹ Луганский государственный педагогический университет
Россия, 291011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2,

² Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Королева, д. 7,
ya.suitepc@yandex.ru; ignatovmikle@gmail.com

Аннотация. В рецензии на монографию В.Д. Исаева, посвященную проблеме структуры социума, осуществлен мета-анализ авторской концепции взаимодействия цивилизации и культуры в современном обществе. В монографии автором определяется роль современного человека во взаимодействии данных сфер. Отталкиваясь от авторского тезиса о разделении цивилизации и культуры, мы можем более детально сопоставить предложенные результаты исследования, что способствует определению новых координат в поле взаимодействия культуры и цивилизации. Структура монографии дает возможность проанализировать актуальное пространство взаимодействия человека и социума с позиции цивилизации и позиции культуры, что позволяет не только определить лакуны и несовпадения, но также сделать выводы о взаимопересечении и наложении двух сфер и режимов существования человека в мире.

Ключевые слова: цивилизация, культура, человек, общество, квазикальтура, пространство, смыслы, символы

Для цитирования: Кривуля Р.Е., Игнатов М.А. 2024. Новые координаты в поле взаимодействия культуры и цивилизации. Рецензия на книгу: Исаев В.Д. Структура социума: взаимосвязи и взаимодействия его элементов по отношению к человеку (дайджест монографии). Луганск : Ноулидж, 2022. 40 с. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(4): 816–821. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-816-821

New Coordinates in the Field

of Interaction Between Culture and Civilization

Book review: Isaev V.D. The Structure of Society: Interrelations and Interactions of Its Elements in Relation to a Person (Digest of the Monograph).

Lugansk : Knowledge, 2022. 40 p.

¹ Roman E. Krivulya, ² Mikhail A. Ignatov

¹ Lugansk state pedagogical university
2 Oboronnaya St, Lugansk 291011, Russian Federation

² Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva St, Belgorod 308015, Russian Federation
ya.suitepc@yandex.ru; ignatovmikle@gmail.com

Abstract. In the review of the monograph by V.D. Isaev, devoted to the problem of the structure of society, a meta-analysis of the author's concept of the interaction of civilization and culture in modern society is carried out. In the monograph, the author defines the role of modern man in the interaction of

these spheres. Based on the author's thesis on the separation of civilization and culture, we can compare the proposed research results in more detail, which helps to determine new coordinates in the field of interaction of culture and civilization. The structure of the monograph makes it possible to analyze the actual space of interaction between man and society from the perspective of civilization and culture, which allows not only to identify gaps and discrepancies, but also to draw conclusions about the intersection and overlap of two spheres and modes of human existence in the world.

Keywords: Civilization, culture, man, society, quasiculture, space, meanings, symbols

For citation: Krivulya R.E., Ignatov M.A. 2024. New Coordinates in the Field of Interaction Between Culture and Civilization. Book review: Isaev V.D. The Structure of Society: Interrelations and Interactions of Its Elements in Relation to a Person (Digest of the Monograph). Lugansk : Knowledge, 2022. 40 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 816–821 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-816-821

Введение

Современное общество подошло к границе дозволенного развития с перекосом в материализм. Связано данное обстоятельство с тем, что смысл культуры как духовно-нравственной части личности человека предавался забвению долгий период времени. Пространство цивилизации в этом ключе оказалось плодотворной почвой для развития потребительского мышления человека во благо самого себя в обществе. Данный перекос привел к крайне деструктивному регрессу самого смысла кто есть человек и, соответственно, падению самого главного постулата общества – нравственности.

В новых реалиях рассматриваемая монография несет в себе сакральный смысл для будущих поколений, который определяет, что «цивилизация и культура – две стороны одной медали, единство противоположностей и, замыкая и одновременно размыкая это единство, человек старается нормально прожить его во всех проявлениях своей личности и общественной жизни» (с. 6). То есть именно в дополнении культурной сферы цивилизационной, и наоборот, заключается золотое сечение одухотворенно-нравственной жизнедеятельности человека в обществе. И именно в этом мы видим новые координаты в поле взаимодействия культуры и цивилизации.

Взаимодополнение цивилизационной и культурной сфер: отражения реальности

В части первой «Основные понятия» автор определяет проблематику разрозненности цивилизационной и культурной сфер. Основная проблематика данного обстоятельства в России заключается, на наш взгляд, в слишком быстрой смене ментальных ценностей в обществе. «В России одно поколение привыкло смотреть в сторону Советской Родины, и России, и православия. Другое – в сторону Запада. Смена поколений качественно разных, по-разному думающих, о разном мечтающих, с разными представлениями о ценностях – важнейшее обстоятельство в этом движении социума» (с. 5). В данном изречении кроется сакральный смысл, который позволяет обществу понять главную мысль: никто не виноват в своем видении реальности, просто бесконтрольное нравственное развитие поколений привело к тому, что их взгляды устремились к тому, что проще в достижении, что блестит, то есть к материализму. Западная модель развития общества, построенная на капитализме, как раз и создает культ материального блага для каждого отдельного субъекта общества. Не душу, а тело спасают эти новые западники, не бессмертие души в горизонте всеобщего прогресса, а бренность земного эгоистического индивидуализма, кредо которого – «после нас хоть потоп» [Панарин, 2014].

В такой ситуации, когда общество находится на грани, как раз и появляется острая необходимость в дополнении цивилизационной сферы культурной. Но соприкосновение данных сфер невозможно без взаимного влияния. И как утверждает автор, «но и в этом

случае благие намерения использовать культурное пространство оборачиваются неожиданным «социальным трением» (с. 4). В данном смысле мы видим, что сопротивление «материалистов» будет столь велико, что без «притирки» они в обществе не смогут сосуществовать с его другими представителями. И как утверждает автор, именно труд человека, осознанный, нравственный, духовный, – позволит ему пройти процесс «социального трения» в безболезненном режиме и ощутить на себе процесс взаимодополнения культурной и цивилизационной сфер. Ведь сам труд происходит из сферы цивилизации, а его смысл (духовный, нравственный, личностный) – из сферы культуры.

Описывая в данной монографии цивилизационную и культурную сферы как отдельные категории, автор утверждает, что цивилизация определяет хозяйственные отношения внутри социума – общества. Цивилизация – это физическое отражение человека, его действий, поступков. Ведь в рамках данной сферы человек осуществляет свой труд, создает символы, государства, идеологии. Да, все эти понятия имеют под собой и эфемерную основу, которую невозможно определить физически, но так называемое хозяйственное ведение всех этих абстрактных взаимодействий между людьми наполняется материальными предметами: нормативными документами, флагами, строениями, производствами и так далее. Также автор обращает внимание на то, что «цивилизация представляет собой социум, в котором помимо указанных выше процессов, постоянно происходит смена поколений. Поэтому важнейшим условием нормы человеческого бытия является непрерывная передача положительного опыта от одного поколения к другому. Это происходит с помощью образования и науки» (с. 13). Отсюда мы делаем вывод, что цивилизация же – именно тот исторический процесс, который, при всех его противоречиях и издержках, делает важным и тоже реальным понятие человечества как исторической целостности [Мотрошилова, 2007].

Рассматривая сферу культуры в данной монографии, автор выделяет главным тот факт, что «если бы человек жил только в одном пространстве – пространстве цивилизации, то история человечества уже давным-давно бы окончилась, и абсолютно цивилизационное человечество уже давно бы взорвало и уничтожило бы себя в войнах. Но, к нашему счастью, благодаря Богу, каждый человек живет или, по крайней мере, может жить в двух пространствах: и цивилизации, и культуре одновременно» (с. 15).

Анализируя представленный автором материал в монографии, мы бы хотели отметить тот факт, что из всех выделенных изречений автора формулируется следующий вывод: что человек, находясь в двух сферах одновременно, выступает так называемым «мостом» между цивилизацией и культурой. Ведь именно через человека происходит взаимодействие данных сфер. Если убрать человека из данной цепочки, то и взаимодействие между цивилизацией и культурой прекратится, ведь не будет точек соприкосновения. Да, будут существовать цивилизационные атрибуты в виде зданий, флагов, государств, но они будут пусты по своей сути, ведь не будут наполнены культурной составляющей. Именно вот это культурное наполнение (духовно-нравственное) дает физическому миру человек, именно через его взаимодействие с атрибутами цивилизации все предметы наполняются смыслом и целью – для чего они созданы. Как пример рассмотрим созданные человеком нормативные документы, которые призваны максимально эффективно организовать жизнедеятельность общества. Исключаем человека из реальности и получаем огромную стопу бумаги, которая просто лежит в определенном месте мироздания, являясь его частью, но как обычный физический элемент наполнения Вселенной. Ведь в космосе нет смыслов, поэтому все объекты несут в себе сущность заполнения. То есть мы определяем, согласно мысли автора, что без человека не существует цивилизации и не существует культуры, именно человек наполняет данные сферы смыслом и целеполаганием для существования в мироздании.

Определяя сферу культуры как пространство смыслов, в данной монографии автор выделяет такие категории, как семья, нравственность, искусство, Дух, философия, воспитание и образование. Все выделенные категории призваны сформировать высокоразвитого человека, сильную личность для того, чтобы система взаимодействия внутри общества была максимально оптимальной для его развития и эволюции. И именно образование, которое сопровождает человека на протяжении всей его жизни, играет в данном процессе главную роль. Именно в процессе обучения, человек обретает себя, свою культуру, свою нравственность, свою духовность. Ведь нам нужны не легко гипнотизируемые обыватели, но образованные, самостоятельные сильные люди внизу – только такие люди смогут стать основой долговечной, развивающейся, преодолевающей вызовы, смотрящей вперед цивилизации. Об этом более ста лет назад писал Д.И. Менделеев: «Нам особенно нужны образованные люди, близко знающие всю русскую действительность, для того чтобы мы смогли сделать настоящие, самостоятельные, а не подражательные шаги в деле развития своей страны» [Русская доктрина, 2016].

В данной монографии, определяя новые координаты в поле взаимодействия культуры и цивилизации, автор обращает наше внимание на то, что в этом процессе важно не забывать об обманчивости реальности, в которой происходит жизнедеятельность общества. В контексте данной монографии мы говорим о создании метаформ культуры для более комфортного существования человека в сфере цивилизации. «Легко входя в цивилизацию и не имея возможности также свободно выйти из нее, человек пытается построить такое пространство, которое хотя бы внешне напоминало культуру, выполняло бы, пусть неполно, пусть лишь внешне, функции культуры, – то есть смягчало бы жесткие отношения человека к человеку, присущие цивилизации. Так человек создает пространство, которое мы называем пространством квазикультуры (с. 20). В современном обществе, с присущей ему капиталистической формой существования, подмена понятий и смыслов (культурных, духовных, нравственных) представляет довольно простой способ управления обществом. Деструктивные результаты данного процесса сегодня мы видим в Западных обществах, насколько их квазикультура стала высшим смыслом и в большей степени посягает даже на устои истории всего человечества. «В итоге: квазикультура представляет собой пространство пошлости и всегда востребованной в социальном пространстве цивилизации-квазикультуры подлости» (с. 23).

Во второй части монографии «Личность человека в пространстве логоса и теоса» автор выделяет наиболее значимые для современной реальности смыслы. Автор определяет, что человек может попасть в ловушку обмана квазицивилизации и квазикультуры, соответственно, жить в неправильных, навязанных извне смыслах и тем самым отдаляться от Бога. Мы видим, что автор выделяет преобладание тела над разумом в данном ракурсе жизненных обстоятельств. Когда тело диктует человеку как жить, он превращается в потребителя материального блага и становится ведомым чужими деструктивными смыслами. Так происходит подмена понятий. С точки зрения автора, в этих реалиях человек видит благо в удовлетворении своего эго и в данном контексте начинает эксплуатировать других вокруг себя. Чем больше таких индивидуумов формируется в обществе, тем большее количество конфликтов возникает внутри такого общества. По мнению автора, выход в данной ситуации только один – «сопряжение духовного с телесным» (с. 33). Иными словами, мы говорим о формировании осознанного существования человека в двух сферах жизнедеятельности: цивилизации и культуры. Осознанный подход даст возможность обществу замечать квазисмыслы и формировать ментальную защиту, опираясь на так здравый смысл, который заставляет задуматься человека: правда это или ложь. Данные расхождения сегодня мы видим в квазитолерантной культуре западных обществ и здоровой культуре российского общества.

Заключение

При размышлении о глубинном смысле, заложенном в данной монографии, становится понятно, что человек как материальная форма воплощения духовного начала как раз и является тем самым искомым в представленном материале золотым сечением соприкосновения цивилизации и культуры.

В данной монографии автор много внимания уделил деструктивным факторам воздействия на человека цивилизационной сферы, когда она преобладает в его разуме. Главный вопрос, который прослеживается в данной монографии, звучит так: «Как давно человек перестал стремиться к высшему благу?». Действительно, за последние два столетия капитализм подменил всю суть понятия «благо». Теперь «благом» считаются продукты цивилизационного труда, которые можно потреблять. Мы, конечно, согласны с автором в том аспекте, что без цивилизации не было бы развития человечества, как и не было развития культурного и духовного начал в самом человеке. Также мы видим, что автор показывает нам важность цивилизации в сохранении и развитии жизни внутри человека. Но тем не менее большая часть цивилизационных продуктов производится не для развития, а для потребления ради своего физического удовольствия без наполненного смыслом результата. И, на наш взгляд, суть проблемы кроется как раз в том факте, что человек легко и с большим рвением желает то сладострастное, что легко доступно, не требует прикладывания усилий и ведет к быстрому удовлетворению. Выбор пути духовности, как мы видим сегодня, крайне сложен, так как связан с большим количеством преград, в первую очередь с неприятием данного выбора большей частью общества. В данном векторе, как определяет автор, разделение общества на индивидуальные ячейки связано как раз с тем фактором, что большинство людей внутри себя готовы выбрать путь сложный, наполненный духовными и культурными смыслами, но страх неприятия обществом преобладает над истинным желанием, что приводит их к такому сложному жизненному пути.

В этой связи считаем данную монографию своевременной и необходимой обществу для осознания той квазиреальности, в которой находится его большая часть. И совершая уже осознанный выбор своих действий, человек будет строить здоровое общество, то общество, которое способно длительно существовать в оптимальных условиях культурно-цивилизационного взаимодействия, выдерживать временные перегрузки и сопротивляться негативным внешним воздействиям.

Список литературы

- Мотрошилова Н.В. 2007. Цивилизация и варварство в современную эпоху. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., ИФ РАН, 268 с.
- Панарин А.С. 2014. Православная цивилизация. Сост. предисл. В.Н. Расторгуев. Отв. ред. О.А. Платонов. М., Институт русской цивилизации, 1248 с.
- Русская доктрина. 2016. Под общей редакцией А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. Отв. ред. О.А. Платонов. М., Институт русской цивилизации, 1056 с.

References

- Motroshylova N.V. 2007. Civilization and Barbarism in the Modern Age. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow, Publ. IP RAS, 268 p. (in Russian).
- Panarin A.S. 2014. Orthodox civilization. Preface writer V.N. Rastorguev. Editor-in-Chief O.A. Platonov. Moscow, Publ. Institute of Russian Civilization, 1248 p. (in Russian).
- Russian Doctrine. 2016. Under the general editorship of A.B. Kobyakova and V.V. Aver'yanova. Editor O.A. Platonov. Moscow, Publ. Institute of Russian Civilization, 1056 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 31.03.2024
Принята к публикации 30.11.2024

Received March 31, 2024
Accepted November 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кривуля Роман Евгеньевич, старший преподаватель кафедры дополнительного образования детей и взрослых, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия.

Roman E. Krivulya, Senior Lecturer of the Department of Additional Education for Children and Adults, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia.

Игнатов Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия.

Mikhail A. Ignatov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

УДК 316.3

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-822–826

Социология образования: обретение нового качества?

Рецензия на книгу: Социология образования : учебник для вузов /
А.М. Осипов [и др.] ; под ред. А.М. Осипова. 3-е изд. перераб. и доп.
Москва : Юрайт, 2024. 393 с.

Серкина Я.И. , Тарабаева В.Б. , Кисель А.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

serkina_ya@bsuedu.ru

Аннотация. Рецензируемая книга отражает современные вызовы и изменения в сфере образования, предоставляя читателю обновлённый взгляд на ключевые концепции и проблемы в этой отрасли науки. По мнению рецензентов, авторам удалось пересмотреть и дополнить материал таким образом, чтобы учебник действительно обрел новое качество, отражая динамику развития социологии образования и изменения в самой системе образования. В рецензии отмечается, что авторы учебника рассматривают широкий круг проблем научного характера и дают трактовку многих дискуссионных вопросов: пороговых проблем, функций социологии образования, интерпретации феномена бюрократии и имитации в образовательной среде.

Ключевые слова: социология, образование, вуз, институционализация, наука

Для цитирования: Серкина Я.И., Тарабаева В.Б., Кисель А.А. 2024. Социология образования: обретение нового качества? Рецензия на книгу: Социология образования : учебник для вузов / А.М. Осипов [и др.] ; под ред. А.М. Осипова. 3-е изд. перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. 393 с. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(4): 822–826. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-822-826

Sociology of Education: Finding a New Quality?

Book Review: Sociology of Education: textbook for universities / A.M. Osipov [et al.];
edited by A.M. Osipov. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Yurayt, 2024. 393 p.

Yana I. Serkina , Victoria B. Tarabayeva , Anastasia A. Kisel

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

serkina_ya@bsuedu.ru

Abstract. The reviewed book reflects modern challenges and changes in the field of education, providing the reader with an updated look at key concepts and problems in this branch of science. According to the reviewers, the authors managed to revise and supplement the material in such a way that the textbook really acquired a new quality, reflecting the dynamics of the development of educational sociology and changes in the education system itself. The review notes that the authors of the textbook consider a wide range of scientific problems and provide an interpretation of many controversial issues: threshold problems, educational sociology functions, interpretation of the phenomenon of bureaucracy and imitation in the educational environment.

Keywords: sociology, education, university, institutionalization, science

For citation: Serkina Y.I., Tarabayeva V.B., Kisel A.A. 2024. Sociology of Education: Finding a New Quality? Book Review: Sociology of Education: textbook for universities / A.M. Osipov [et al.]; edited by A.M. Osipov. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Yurayt, 2024. 393 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 822–826 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-822-826

Социология образования относится к числу наиболее разработанных отраслей социологической науки. Разработкой проблем, возникающих в ее предметном поле, занимались практически все социологи, чьи труды принято относить к классическим (Ю.Р. Вишневский, И.М. Ильинский, Д.Л. Константиновский, Ж.Т. Тощенко, В.И. Чупров, Ядов и др.). В последние годы исследования данной сферы дополнительно стимулировались в связи с переоценкой результатов реформирования системы образования, критикой стратегии присоединения к Болонскому процессу и все более ясным пониманием того, что она будет способна решать задачи трансляции культурной традиции, социализации детей и молодежи и воспроизводства трудового потенциала страны лишь при условии учета опыта развития российской школы и педагогической мысли.

Однако, несмотря на причастность к социологическим исследованиям этих признанных авторов, связанных с образованием по роду своей деятельности, по-прежнему остаются дискуссионными проблемы, имеющие принципиальное значение. Достаточно указать на то, что всего лишь несколько лет назад Г.Е. Зборовский и его соавторы [2017] ставили вопрос: «Существует ли система высшего образования в нашей стране?»

Вполне возможно, что неясность важных аспектов развития образования в социологии и объясняется включенностью исследователей «в объект» своего анализа. Такое погружение с неизбежностью включает фактор личных и групповых интересов при формулировке выводов, часть из которых отражает не объективное состояние образования, но идеологические установки авторов. А они весьма разнообразны. Не с этим ли связано то, что при наличии большого количества монографий и статей, характеризующихся различной степенью научности, довольно мало учебников и учебных пособий, которые можно было бы использовать в ходе преподавания социологии образования в высшей школе? Учебник предполагает определенную стандартизацию позиций, но она вряд ли возможна при отсутствии единства во взглядах хотя бы в отношении ключевых проблем. К тому же большинство из них (учебники и учебные пособия Ф.Р. Филиппова, В.В. Гаврилюк, В.Я. Нечаева) изданы довольно давно и требуют дополнения с учетом постоянных изменений образовательного пространства.

В силу данных обстоятельств несомненный интерес специалистов и всех, кто интересуется предметом, вызовет новое (третье) издание учебника «Социология образования», редактором и основным автором которого является профессор А.М. Осипов. Ему удалось собрать для подготовки обновленного учебника коллектив высоко профессиональных единомышленников, что обеспечило концептуальный характер книги и, несмотря на принадлежность ее к классу учебной литературы, глубоко научный характер.

Учебник охватывает предельно широкий круг проблем социологии образования, которые, на наш взгляд (возможно, кому-то покажется уместнее иное деление) условно можно разбить на четыре взаимосвязанных блока.

Первый блок, «историко-социологический», в рамках которого анализируется становление и развитие научной отрасли, подробно рассматриваются используемые социологами концептуальные подходы. При этом история науки интерпретируется как процесс ее институционализации и, что характерно для всего учебника, обращение к ней мотивируется не только (и не столько) академическим интересом, но и практическими задачами. Авторы подчеркивают (с. 24–25): «Смысл изучения институционализации науки состоит не в датировке ее возникновения, не в признании ее незавершенного или завершенного характера, а в критической оценке состояния отдельных видов ее потенциала, барьеров и противоречий институциональной функциональности социологии образования. Без такой оценки значимость вопроса о датировке возникновения науки отпадает». Такая «прагматизация» исторического анализа, возможно, кому-то покажется чрезмерной. Но она позволяет преодолеть недостаток многих наших лекционных курсов, в которых прошлое науки рассматривается без тесной связи с настоящим, что не способствует

формированию у студентов интереса к изучению истории развития социально-гуманитарной мысли.

Второй блок проблем – теоретико-методологические основания науки, обращение к которым особенно важно в контексте продолжающихся дискуссий о ее предмете и объекте и предназначении. Авторы учебника занимают здесь принципиальную позицию, отвергая распространенные среди представителей некоторых социологических школ попытки представить науку как свободную от общественных функций деятельность и свести ее только к проведению эмпирических исследований. А.М. Осиповым и его коллегами предмет социологии образования рассматривается предельно широко. Они подчеркивают (с. 88), что «решение проблемы предмета отрасли состоит в сочетании внимания к двум главным социологическим аспектам образования – его социально-системным и институциональным характеристикам. Образование является, во-первых, относительно самостоятельной подсистемой общества со сложной совокупностью внутренних структур, насыщенных социальными отношениями. Во-вторых, оно рассматривается и как социальный институт с рядом функций в отношении общества, всех его подсистем и уровней социальной организации». На наш взгляд, именно выделение второго аспекта позволяет утверждать: социология образования – не просто свободное дело свободного исследователя, не несущего особой ответственности перед социальной практикой, но отраслевая теория и практика, служащая интересам общества. Правда, в этом случае возникает проблема границ, за пределами которых общественное служение превращается в обслуживание идеологических конструкций, а объективность подменяется предвзятостью. Такая подмена нередко имела место в советском социально-гуманитарном знании, но масштабы ее в то время, вопреки часто имеющим место оценкам, не идут ни в какое сравнение с уровнем идеологизации современной псевдолиберальной общественной мысли, опирающейся в своих конструкциях на набор так называемых общечеловеческих ценностей и отрицающей прямо или косвенно наличие объективной истины. Стремясь показать обучающимся значение теоретико-методологических аспектов науки, А.М. Осипов и его команда формулируют идею «пороговых проблем», к числу которых относят проблемы, определяющие дальнейшее развитие науки. В учебнике утверждается (с. 22): «Одной из таких проблем является определение институциональных функций образования. Решение пороговых проблем создает в науке платформу для развития и реализации ее социально-практического потенциала и доказательства ее общественной нужности, а также для ее теоретической интеграции и поддержания целостности. Опора на такие решения способствует лучшей совместимости исследований и конструктивности научного знания».

В качестве третьего блока проблем (самого большого по объему) в учебнике мы выделяем анализ состояния социальной системы образования и образовательной политики. Казалось бы, в этом отношении вряд ли можно сказать что-то новое, что было бы не известно студентам, и авторам учебника суждено повторять банальные истины. Однако и здесь авторы выявляют ряд неочевидных аспектов, побуждающих к дискуссии, заставляющих читателя мыслить и мыслить неординарно. Наиболее существенным из них является анализ бюрократической организации управления образовательными учреждениями и всей системой образования. Эта тема, за исключением нескольких работ [Осипов, 2020; Бабинцев и др., 2022; Осипов, 2023] до последнего времени практически специально не рассматривалась в отечественной научной литературе. И это, несмотря на то, что, как подчеркивают В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова и Ж.А. Шаповал [2022, с. 896], остается множество нерешенных исследователями вопросов, имеющих принципиальное значение. К их числу они, в частности, относят следующие: «Как могло случиться, что в меритократической и изначально гуманитарной среде вуза, организованной в соответствии с представлением об образовании как о процессе воспроизводства культуры и социализации личности, а потому ориентированной на поиск истинных смыслов

человеческой деятельности, в массовом порядке утвердились практики, замкнутые на формальную рациональность, суть которой сводится к жесткой калькуляции результатов действий с ориентацией на нормативные акты и служебные инструкции (на рациональность ради самой себя)?» [2022, с. 896]. Или же: «Чем объяснить, что, даже очевидная противоречивость многих бюрократических практик не ведет к дискредитации бюрократической системы; напротив, способствует их расширенному воспроизводству?» [2022, с. 896]. В учебнике «Социология образования» проблема бюрократии в образовании раскрыта в контексте образовательной политики, что, возможно, является несколько односторонним подходом, так как бюрократические отношения не ограничиваются сферой управления, но продуцируются и воспроизводятся (хотя, разумеется, в гораздо меньших масштабах) конкретными социально-профессиональными сообществами, в нашем конкретном случае – педагогическим сообществом в широком значении данного понятия. Не случайно же бюрократизация системы образования не встретила сколь-либо серьезного сопротивления в образовательных учреждениях всех типов.

Рассматривая бюрократический процесс в образовании, авторы делают акцент на его негативных следствиях. И, даже если считать это односторонней позицией (у нас обычно принято делать реверансы в сторону бюрократической системы управления, дополняя их ссылками М. Вебера, который довольно высоко оценивал роль рациональной бюрократии), она имеет свои основания, ибо современная бюрократия приобрела явные антисистемные атрибуты. О них и говорится в учебнике (с. 169): «Бюрократия стала инструментом формализованного управления нижестоящими уровнями общественной системы. Бюрократы, следуя своим групповым интересам, игнорируют интересы других групп и достигают всевластия (тирании). Они навязывают обязательное документальное сопровождение всех процессов и поощряют *имитацию* деятельности как форму профессиональных взаимодействий». А.М. Осипов при поддержке своих единомышленников отстаивает сформулированную им идею о том, что в системе образования бюрократические практики приобрели паталогический характер, стали источником социальных деструкций, влиянию которых подвержены даже специалисты-исследователи, социологи.

В этой связи интересен четвертый блок проблем, относящихся к организации социологических исследований в образовании. В рамках его рассмотрены научно-методические и организационно-практические аспекты. Казалось бы, и здесь вряд ли можно написать что-то новое, ибо методика социологических исследований также давно и подробно описана. Но авторы и в этом случае находят свои особые ракурсы анализа, которые, несомненно, заинтересуют студентов. Интересна, например, практически не разработанная тема ловушек для социолога. Она не только актуальна, но и не вполне обычна по своему решению, которое, скорее всего, вызовет споры.

Но и в этом, и во всех других случаях дискуссии можно только приветствовать, поскольку они будят творческую мысль и стимулируют к действию. И в этом, на наш взгляд наиболее существенное достоинство издания, выгодно отличающее его от многих других подобных публикаций.

Список литературы

- Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. 2019. Вузовская бюрократия в России – terra incognita социологии образования. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 4: 895–908.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Шуклина Е.А. 2017. Существует ли система высшего образования в России? *Социологические исследования*, 11: 76–86.
- Осипов А.М. 2023 Концепция бюропатологий: к пониманию менеджизма как тупика управления и развития. *Caucasian Science Bridge*, 4 (22): 16–23.
- Осипов А.М. 2020. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 4: 953–966.

References

- Babincev V.P., Gajdukova G.N., Shapoval Zh.A. 2019. Vuzovskaya byurokратиya v Rossii – terra incognita sociologii obrazovaniya [University bureaucracy in Russia – terra incognita of the sociology of education]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 4: 895–908.
- Zborovskij G.E., Ambarova P.A., Shuklina E.A. 2017. Sushchestvuet li sistema vysshego obrazovaniya v Rossii? [Is there a higher education system in Russia?] *Sociologicheskie issledovaniya*, 11: 76–86.
- Osipov A.M. 2023. Konceptsiya byuropatologij: k ponimaniyu menedzherizma kak tupika upravleniya i razvitiya [The concept of bureaucratic pathology: towards understanding managerism as a dead end of management and development]. *Caucasian Science Bridge*, 4 (22): 16–23.
- Osipov A.M. 2020. Byuropatologiya i bumazhnyj pressing v rossijskom obrazovanii [Bureau of Pathology and paper pressure in Russian education]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya*, 4: 953–966.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.11.2024

Received November 5, 2024

Принята к публикации 02.12.2024

Accepted December 02, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Серкина Яна Игоревна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-5106-7104](https://orcid.org/0000-0002-5106-7104)

Yana I. Serkina, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-5106-7104](https://orcid.org/0000-0002-5106-7104)

Тарабаева Виктория Борисовна, доктор социологических наук, профессор, директор педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-8628-5566](https://orcid.org/0000-0002-8628-5566)

Victoria B. Tarabayeva, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-8628-5566](https://orcid.org/0000-0002-8628-5566)

Кисель Анастасия Александровна, аспирант, кафедра социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Anastasia A. Kisel, Postgraduate Student, Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.